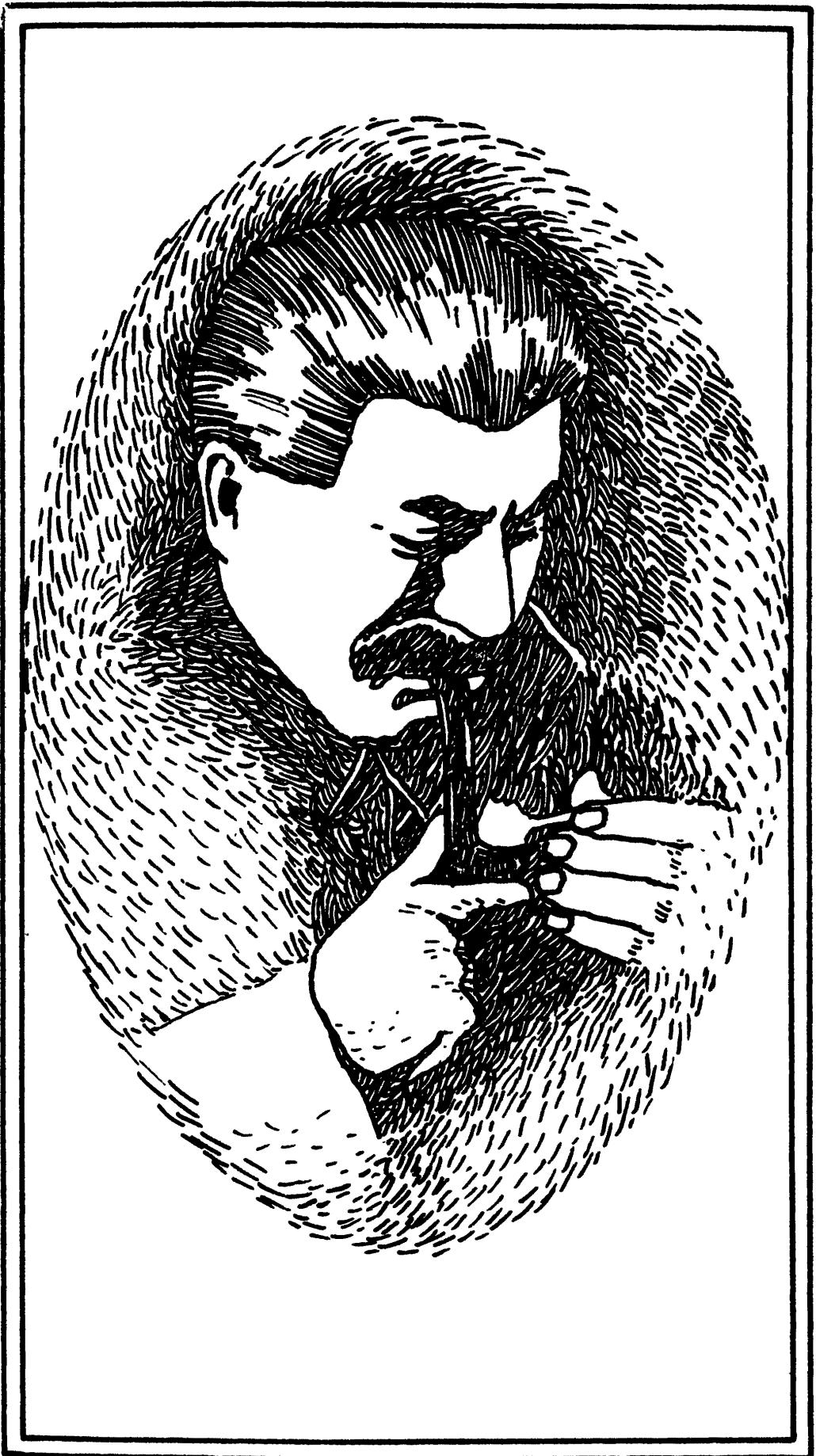
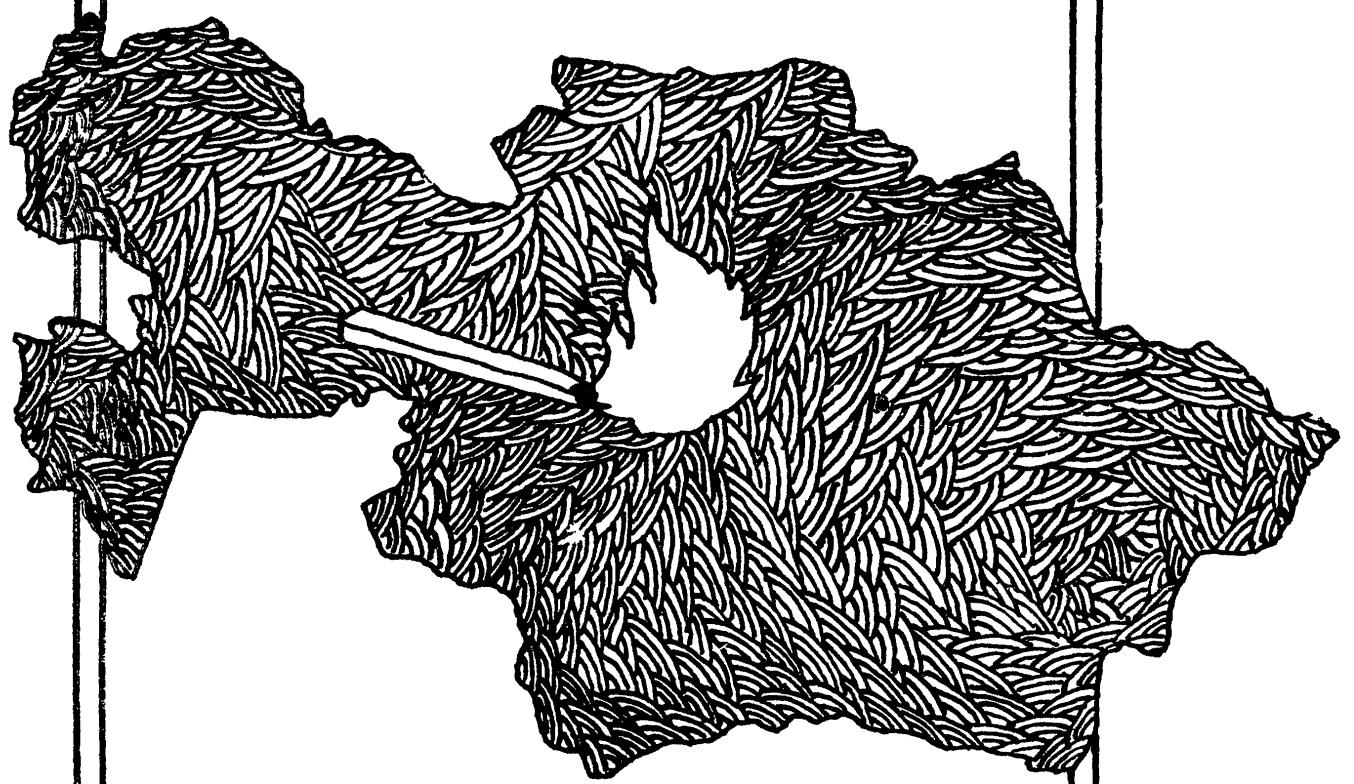

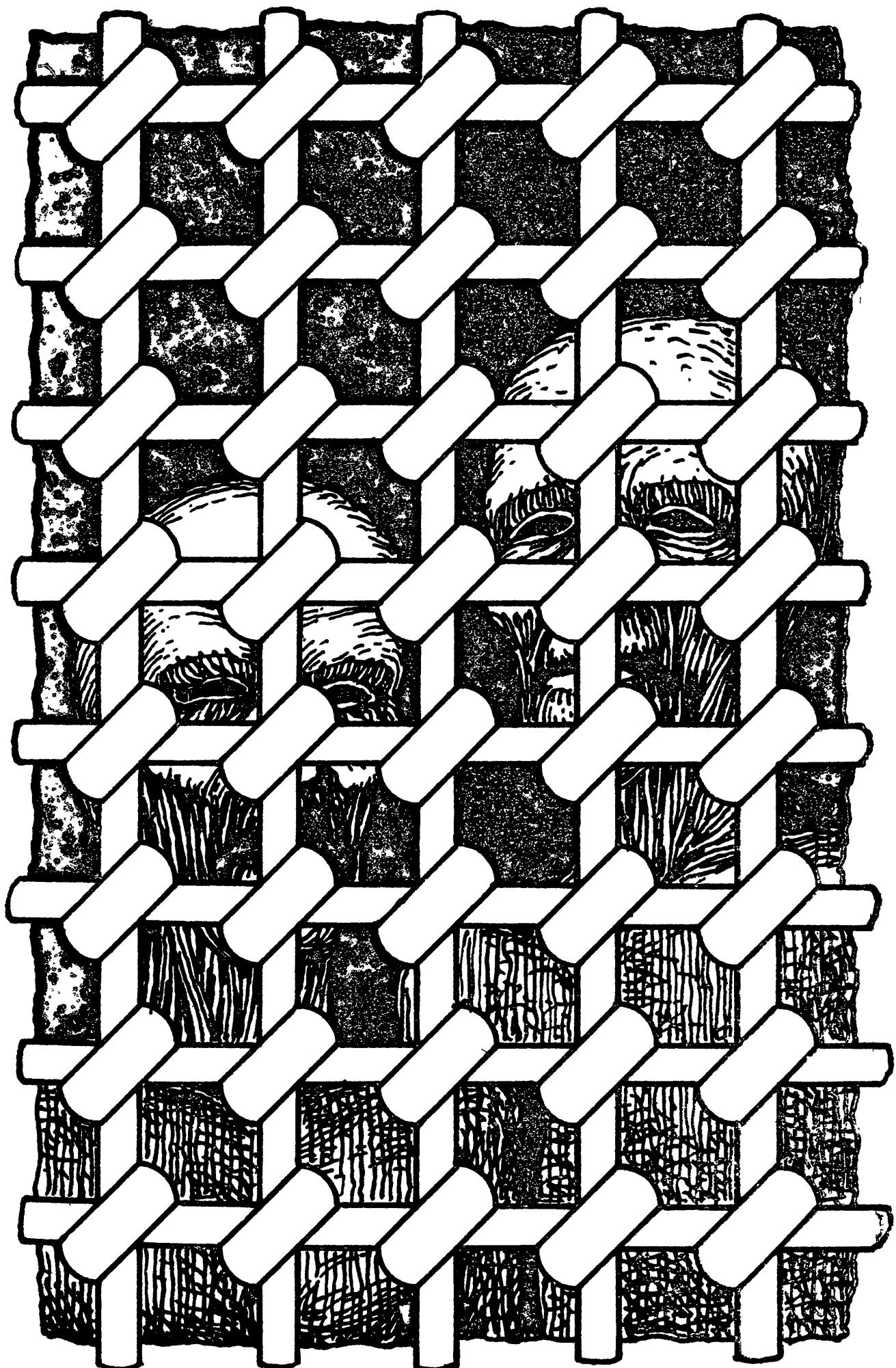
Валерий
Михайлов

ХРОНИКА
ВЕЛИКОГО
ДЖУТА

**АЛМАТЫ
ЖАЛЫН
1996**

*Валерий
Михайлов*

ХРОНИКА ВЕЛИКОГО ДЖУТА

Документальная повесть
Издание 2-е, переработанное и дополненное

АЛМАТЫ
ЖАЛЫН
1996

ББК 84 Р7—44
М69

ББК 84 Р7—44

© Михайлов В., 1996
Тленшиев А. Худо-
жественное оформле-
ние, 1996

Народное казахское поверье говорит, что внутри смерча летит дьявол. И поэтому, завидев черный вихрь, люди прогоняют его заклинанием: «Прочь от нас к дому плешишего!»

■

— Первое мое воспоминание — луна. Осень, холодно, мы куда-то кочуем. Меня, завернутого, покачивает в телеге. Резкая остановка — и я вижу в черном небе огромную луну. Она полная, круглая и ярко светит. Я лежу на спине и долго смотрю на нее не отрываясь. Поворачиваюсь и ясно вижу на земле какие-то коряги с вытянутыми, скрюченными ветками-руками, их много по обеим сторонам дороги: это люди. Они застыли и молча лежат на земле. Я догадался: ни о чем спрашивать не надо. Взрослые не ответят, им не до меня. И какая-то страшная тайна окружает этих застывших людей... Когда вырос, спросил, и тогда мне все рассказали. Это были трупы. Бабушка удивлялась: как ты мог запомнить, ведь было-то тебе всего два года. В самом деле, как? Но запомнил. Луна... кочуем... трупы... Было это в тридцать первом году, и перебирались мы тогда из опустевшего аула в Тургай...

Поэт Гафу Каирбеков рассказывает своим обычным глуховатым голосом, мягко, как бы удивленно:

— Второе мое воспоминание связано с Тургаем. Этот городок, районный центр, стоит на возвышенном месте. Под ним речка, все улицы круто спускаются к ней. Мы, ребятишки, бежим босиком к реке. А на улицах люди, много взрослых людей. Они идти не могут, ползут на четвереньках. Еле-еле, из последних сил. Отдохнут в изнеможении и снова царапают землю ногтями. А некоторые уже недвижны, лежат на дороге как бревна. Мы через них переступаем. Пока спустишься к реке, через несколько трупов надо перешагнуть. Там, у воды, забива-

ют скот. К этой бойне и ползут голодные. Кто доберется — пьет кровь животных...

Во-о-от. А теперь третье воспоминание. Жили мы во дворе райпотребсоюза, где работал нагаши — дядя, старший брат матери. Двор широкий, огороженный, с тяжелыми воротами, всегда запертыми. Тут и скот, совсем небольшое стадо, но его надо беречь. Иначе все пропадут, кто кормится в столовой. Там дают какую-то похлебку, из чего она, не разобрать. Мой братишко — он был старше меня на десять лет, потом погиб на войне — таскает варево большими ведрами. Поешь — в животе вроде не пусто... А со двора нас, малых, уже не выпускают. Строго-настрого запретили выходить. Глядим в щели ворот, что там на улице. Любопытно! Напротив старый глиняный дувал, у него люди. Кто прислонился спиной, кто вповалку лежит. Ждут... Скот во дворе истощенный, едва не падает с ног. У коров рождаются мертвые телята, у овец — мертвые ягнята. Их туши, как и павший скот, вытаскивают за ворота. И люди накидываются на это. Тут же поедают, разрывая руками...

Помню, выбежал я однажды погулять — не уследили... И тут же меня схватили чьи-то руки. Слабые, чую, но держат как-то цепко. Я — вырываться. А сколько мне было... ну, года четыре или чуть больше. Хорошо, бабушка на помощь подоспела, крик подняла. После несколько раз на день наказывала: не ходи за ворота — съедят...

Он сидит, слегка потупив голову, тянется за сигаретами. Молчит, глядит в окно.

— Вот такие самые первые воспоминания детства... Выжили только потому, что отец — он грамотный был — и дядя работали в потребсоюзе... А потом я немного подрос. Тридцать четвертый год помню довольно отчетливо. Мы по-прежнему жили в Тургае. Людям полегче стало; тем, кто уцелел, помогали продовольствием. Привозили откуда-то... Но вообще трудно еще жилось. Появились у нас в Тургае ссыльные (казахи выговаривали это слово — сельные). Убийцы Кирова. Человек тридцать, разных национальностей. Голодные, страшные, работы им никакой, бродят кучей по улицам. Детишки, конечно, сбегались на них смотреть. Однажды и я пошел, забыл про наказ бабушки. Тут они за мной и погнались — двое или трое огромных мужиков. Напугали до смерти, не

знаю, как и ноги унес. У самых ворот догнали, но дядя и бабушка отбили. Спасли...

Перед войной, когда мне было уже лет десять, как-то поехали мы на арбе за топливом. Кустарники, камыши, сухая трава — все в топку шло. Едва выехали за город, деревянные колеса стали скрипеть, переваливаться через что-то. Почва вроде ровная, песок — а тяжело едет-ся. И этот скрип — странный, нехороший, слух режет. Я соскочил с телеги, а в песке кругом кости. Кто их тут разбросал? Рвем траву, собираем сухие ветки — и всюду кости, кости. Или на поверхности валяются, или чуть-чуть песком занесло. Потом черепа стали попадаться, человеческие. Да это же люди, думаю, сколько же их здесь полегло? Дома рассказал. Старшие пояснили: это голодные в город шли и умирали по дороге. Хоронить их было некому, так и лежали кругом мертвцы...

А мы все время за городом: то траву косишь, то дрова собираешь, то играешь где-нибудь на сопках — мальчишки ведь не успокаются, пока все вокруг жилья не разведают. Так, веришь или нет, весь Тургай был в кольце человеческих костей. Должно быть, обессиленные люди сходились, сползались к районному центру, надеясь хоть там раздобыть съестное и уберечься от голодной смерти...

А мы так и не вернулись в свой аул. Некуда было возвращаться...

Мы курим. Лицо моего собеседника как и прежде бесстрастно, будто говорил он мне обычные вещи. Лишь взгляд отрешен...

— ...Бывает, задумаешься о том времени, и вспоминается Габит Мусрепов. Мы познакомились году в 58-м, когда нынешнего классика казахской литературы почти не печатали. Обвиняли его тогда в различных идеологических прегрешениях и даже из партии исключали на довольно долгое время. А я был в ту пору молодым редактором в издательстве. Однажды Габеке подзывает меня к себе. «Ты откуда, джигит?» — «Из Тургая». — «Тем лучше... Пойдем-ка со мной, узнаешь кое-что про свой Тургай».

Был он в хорошем настроении, шутил, несмотря на все передряги. Сейчас думаю: потому и смеялся, что силен был духом, не хотел поддаваться своим критикам. И, наверное, под настроение рассказал он мне тогда смешной случай.

«Летом 34-го было дело...— В глазах веселые искры, улыбается, и вдруг помрачнел, сделался угрюмым.— Голодно кругом, народ истощен, продпомохи не хватает, хозяйство в упадке. Крайком направил меня в Актюбинск. Приезжаю, а в обкоме все страшно перепуганы. В чем дело? Оказывается, Киров к ним едет.

— Ну, и чего боитесь?

— А что мы ему покажем?! — вытарашили они глаза.— Увидит, что здесь творится, задаст нам!

— Помохи просите, люди же бедствуют...

— Э, какая там помощь! В глаза ему взглянуть боязно...

И уговорили они меня,— усмехнулся Габен,— пойти и встретить Кирова. А сами попрятались кто куда...

Ну, встретил я гостя, познакомились, и вскоре поехали мы, по его настоянию, в твой Тургай. По дороге я рассказывал ему о казахской истории, обычаях. Подъезжаем к самой границе твоего Тургая...— тут Мусрепов принял весело хохотать,— ...подъезжаем, а там, впереди, виднеется какое-то черное пятно. Что такое? Жара, миражи дрожат над землей... не разобрать. Вроде бы четырехугольный камень и крупная птица на нем сидит. Странная, знаешь ли, птица! Побольше орла и дрофы! То исчезнет куда-то, то вновь на черный камень усядется. Подъехали поближе, а птица и вовсе куда-то пропала. Как испарилась в горячем воздухе.

Подкатили мы еще ближе и наконец разглядели, в чем дело. Да это же машина в степи стоит! Земляки твои нас встречают, тургайское районное начальство. Спешили, спешили навстречу, да не доехали: вода у них в радиаторе выкипела. Джигиты в нашей машине догадались, смеются: «Изобретательный народ эти тургайцы! Чуть что, на капот по очереди забираются. А мы-то думали — птица!»

Киров поначалу ничего не понимал.

— Эй, братцы,— спрашивает,— зачем же вы на машину все время взбирались?

Тургайские руководители покраснели, опустили глаза. Он в недоумении замолчал... и вдруг как примется хохотать. За живот схватился, чуть по земле не катается...

— Вог они, твои тургайцы!..— закончил Мусрепов почему-то печальным тихим голосом. И надолго замолчал. Потом пристально посмотрел на меня, с угрюмой горе-

чью в глазах, и говорит: — Как-нибудь тебе еще одну историю расскажу. Тоже про твой Тургай...»

С той поры началось наше близкое знакомство, и продолжалось оно почти три десятилетия. Не помню в точности когда, но позже Габеке исполнил обещанное. Сколько лет прошло, а, кажется, слово в слово помню его рассказ...

Голос Гафу Каирбекова стал еще тише и задумчивей.

— ...В 32-м Казахстан был охвачен ужасным голодом. Мусрепов с четырьмя товарищами написал письмо в крайком. О перегибах в колLECTивизации. Ну, и обвинили их всех в национализме. «Мы думали,— сказал Габеке,— конец нам пришел. Что для него наши жизни, для этого палача с окровавленным мечом в руке...»

Зима в том году была ранняя, Алма-Ату еще в октябре занесло снегом. И вот вызывают Мусрепова в крайком.

«Что ж, поезжай в Тургай, если ты так переживаешь за свой народ,— с усмешкой обращается к нему Голощекин.— Своими глазами убедишься, что никакого голода там нет».

Мусрепов поехал. Дали ему в попутчики, непонятно зачем, одного крайкомовского чиновника. Кое-как, с большими трудностями, добрались до Кустаная. Там стояла лютая зима. Пришли в исполком. Его председателем был человек, не по своей воле оказавшийся в Казахстане. «Э-э,— говорит,— да вы такие же ссыльные, как я. Куда же вас понесло? Дорога безлюдная, бураны метут, а до Батпаккары полтыщи верст. Замерзнете. Или съедят вас». Спокойно так это все произносит и, видно, не шутит. «Да и к тому же,— добавляет,— ехать не на чем. Все съел джут. В исполкоме две лошади, на которых меня возят. Ладно, так и быть, коли настаиваете, уступлю их вам. Но без вооруженного охранника не отпущу. Жизнь рискуете...»

Дальше они поехали на санях в сопровождении двух вооруженных людей (у кучера тоже была винтовка).

За аулом Аулие-Коль в степи начался буран. Тучи снежной пыли застилают солнце, переметают дорогу. Сбились они с пути, лошади встали. И вдруг Мусрепов замечает: в стороне что-то торчит из сугробов, словно корявые сучья саксаула. Он соскочил с саней и подошел. Под снегом лежали трупы людей. Вперемешку, вповалку. За шагал дальше и увидел трупы, собранные в кучу и

уложенные штабелями. «Они были, как вышки на пикетах...— сказал Габен.— Благодаря им и отыскали дорогу, трупы высились по обеим ее сторонам. Ничего страшнее я не видел...»

Тут Мусрепов тяжело передохнул и продолжил: «Слава Аллаху, нам не попались навстречу люди, иначе ни от лошадей, ни от нас самих ничего бы не осталось. Мы это поняли. И про себя еще раз поблагодарили председателя исполкома за то, что едой обеспечил, дал для коней овса. Пропали бы... Я всегда поминаю добрым словом его дух, что давным-давно покончился в лучшем мире...»

Выбрались они из сугробов и поехали по этой дороге мертвых. Впереди лежали совершенно пустые аульы. Проводник из местных называл номера этих селений — номерами только и отличались: нигде не осталось ни души. Подъехали к необычному для глаз казаха городку из юрт. С началом коллективизации множество таких возникло по степи. Юрты составлены зачем-то в ряды, и на каждой номер повешен, словно бы это городской дом на городской улице. Кибитки просторные, новые, из белой кошмы — кучер пояснил, что совсем недавно их у местных баев отобрали. Еще два-три месяца назад, добавил он, здесь было многолюдно. Теперь же стояла мертвая тишина. Ни звука, только поземка шуршит. Мертвый город из белых юрт на белом снегу.

Заходят в одну юрту, в другую: все вещи на месте, а людей нет. Жизнь как будто бы в одно мгновение остановилась, и народ куда-то исчез.

Мусрепова особенно поразила одна богатая шестикрылая кибитка. Она была убрана яркими шелковыми одеялами и атласными подушками, ворсистыми коврами с тонким узором. Вещи, собранные посередине, лежали выюком, будто хозяева секунду назад вышли из дома и вот-вот снова войдут. Но это лишь на первый взгляд. Кошмы и ковры на полу все промерзли, и снег сыплет через открытый тундик — отверстие в куполе.

Присмотрелись они — а этот огромный выюк одежды напоминает шалашик. Небольшая дырочка посередине... словно бы это темное окошко в некий странный мир. И вдруг все четверо мужчин, двое из которых вооружены, разом чего-то испугались. Вздрогнули, поежились и стали отступать к двери. Не выдержали, вышли на улицу. Габит Мусрепов покинул жилище последним. Помедлил

на пороге, будто почувствовал: там, внутри небольшого шалаша из наваленной одежды, кто-то есть.

Больше никуда не заходили, словно бы чего-то боялись. Ушли на край безмолвного городка, заваленного снегами, постояли, опустив головы. Пора было возвращаться. Когда зашагали обратно, у Мусрепова закрались сомнение: неужели здесь действительно никого нет? А где же, наконец, тела умерших? Он высказал все это инструктору из крайкома, который сопровождал его неотлучно. Тот хмуро ответил, что в Тургае много таких городков из юрт и с началом осени люди из них разбрелись кто куда. В Кустанай ушли, в Челкар, на Урал, в сторону Алатау и на Сырдарью. И почти все погибли по дороге. Это их трупы лежат, сложенные в штабеля. Оба кустанайских охранника закивали в подтверждение головами. «Откуда ты знаешь?» — спросил Габит у крайкомовца. Тот лишь грустно улыбнулся в ответ.

Тяжело вытаскивая ноги из сугробов, они шагали к саням. Внезапно Мусрепов, не в силах противиться неведомому предчувствию, свернул к той богатой юрте из белой кошмы, куда они заходили. Его спутники последовали за ним.

«Ойбай, да здесь чьи-то следы!» — воскликнул кто-то.

Они сгрудились возле странных отпечатков на снегу. Следы были совсем свежие.

«Кто это? Корсак? Лиса?»

«Нет, не похоже! Вроде бы... но ведь не может такого быть!..»

Мужчины пошли по следу, который вел прямо к юрте. Распахнули дверь.

Неожиданно внутри пустого жилища раздался тонкий пронзительный звук, от которого все похолодели. То ли собачий визг, то ли яростный вопль кошки — и все это сопровождалось урчанием.

Из крошечного отверстия шалашика выскочило какое-то маленькое живое существо и бросилось на людей. Оно было все в крови. Длинные волосы смерзлись в кровавые сосульки и торчали в стороны, ноги худые, черные, словно лапки вороны. Глаза безумные, лицо в спекшейся крови и обмазано капающей свежей кровью. Зубы оскалены, изо рта — красная пена.

Все четверо отпрянули и бросились бежать, не помня себя от страха. Когда оглянулись, этого существа уже не было.

«Что это было?» — прохрипел Габит, глядя на спутников. Они молчали, дрожа крупной дрожью. Никто так и не вымолвил ни слова. Лишь потом, в Кустанае, один из попутчиков сказал ему:

«Вы, наверное, думаете, что это был джинн? Нет, не джинн. Я разглядел, ясно разглядел. Это был человек. Ребенок. Казахская девочка лет семи-восьми...»

«Нет! Нет! — закричал Мусрепов, в котором вспыхнул невыразимый, великий и одновременно бессильный гнев.— То был голод! То были глаза голода! Само проклятие голода...»

Гафу Каирбеков закончил рассказ. Кто-то постучал в дверь, запертую, чтобы не помешали разговору.

— ...Там, внизу, наверное были ее родители, отец с матерью,— сказал он.

И пошел отпирать дверь.

II

В конце октября 1932 года, приблизительно в то же самое время, когда Габит Мусрепов с попутчиками пробирался сквозь буран в заснеженной тургайской степи, проезжал обезлюдевшие аулы и с ужасом смотрел на безумную одичавшую девочку, единственную обитательницу пустого «города» из белых юрт, в Алма-Ате с помпой праздновалось двенадцатилетие Казахстана.

Накануне годовщины, как полагается, провели торжественное собрание городского совета с участием партийных, советских и общественных организаций. Зачитали телеграммы президиума в адрес товарища Сталина и товарища Голощекина. На следующий день, 22 октября, «Казахстанская правда» напечатала текст посланий, чтобы все, кому не довелось поприсутствовать в зале, были приобщены к большому празднику.

«Дорогой тов. Stalin! — начиналась первая телеграмма.— Исполнилось двенадцатилетие Казахстана. Приближаемся к пятнадцатой годовщине великого Октября...» После этого сообщения шел рапорт о том, что решение ЦК ВКП(б) от 17 сентября 1932 года, в котором говорилось о животноводстве Казахстана, «наносит сокрушительный удар по классовым врагам, по оппортунистам, шовинистам и националистам...» В конце следовали приветствия, здравицы, кои к этому времени уже набрали должную высоту:

«Партактив... шлет тебе боевой большевистский привет! (Вроде бы мирное время, но привет — боевой, ибо классовые бои день ото дня усиливаются.— В. М.)

«Да здравствует ленинский ЦК!

Да здравствует вождь нашей партии и мирового пролетариата т. Сталин!»

Если вождя партии и мирового пролетариата называли не иначе, как «т. Сталин» или «товарищ Сталин», то к деятелю, возглавляющему республиканскую партийную организацию, обращались несколько по-свойски — по имени-отчеству. Такое обращение, несомненно, выделяло товарища Сталина: на недосягаемой вершине, с которой он руководил, обычного человеческого имени-отчества как бы уже и не существовало. Зато послание к местному вождю, спускаясь с горных высот официальности, было куда как более пространным и теплым, да-бы он ни в коей мере не чувствовал обделенности.

«Дорогой Филипп Исаевич!

Торжественное заседание алма-атинского горсовета... в день двенадцатой годовщины Казахстана шлет пламенный привет тебе, испытанному ленинцу, под чьим руководством Казахстан пришел к своей двенадцатой годовщине с величайшими победами.

В борьбе на два фронта с оппортунизмом, в борьбе на два фронта в национальном вопросе, на основе ленинской национальной политики, преодолевая трудности, ты ведешь казахстанскую партийную организацию от победы к победе.

Под твоим руководством выросли новые большевистские кадры казахов и востнацмен...

Под твоим руководством Казахстан встал в передовые ряды великого Союза... превратившись из архиотсталого в аграрно-индустриальный край.

Да здравствует победоносное строительство социализма!

Да здравствует испытанный ленинец тов. Голощекин!

Президиум торжественного заседания».

Тот, к кому столь проникновенно обращался президиум, в этом же президиуме и сидел.

Это был грузноватый человек пятидесяти шести лет, в наглухо застегнутом френче, с волнистыми темными волосами, начинаящими седеть, аккуратно подстриженными усами и бородкой. Взгляд его карих, навыкате

глаз был величествен и строг. Он умел подавлять своих подчиненных солидным, исполненным значительности видом, непререкаемым авторитетом старого большевика, резкостью суждений в многочасовых докладах и выступлениях, грубыми насмешливыми репликами, когда все решает высокомерный напор, наконец, беспощадной яростью и жестокостью, которую он обрушивал на своих противников. И местные соратники, в большинстве, подстраивались под эту довлеющую силу: пылко прославляли заслуги, на высоких тонах выкрикивали здравицы, устраивали овации...

Через две недели праздновалась 15-летия годовщина Октября. Второй секретарь крайкома И. Курамысов так писал о своем непосредственном начальнике в юбилейном номере газеты:

«Нельзя не отметить в истории развития Советского Казахстана роли одного из лучших большевиков, одного из видных соратников Ленина, отдавшего борьбе за социализм в Казахстане семь с лишним лет своей жизни, работы, роли испытанного руководителя казахстанской парторганизации Филиппа Голощекина, которого справедливо уважают, которого справедливо любят, которому справедливо доверяют все трудящиеся массы Казахстана. Нет в Казахстане более проверенного, надежного теоретика и практика, чем Филипп Исаевич Голощекин. В работе, в словах, докладах, статьях тов. Голощекина мы находим образцы большевистского сочетания революционной теории с революционной практикой... Вот пример большевистской борьбы за организацию, за построение социализма»¹.

Через два с половиной месяца этого несравненного, если верить Курамысову, теоретика и практика отстранили от занимаемой должности и отзвали в Москву. Все, что нужно было совершить для большевиков в Казахстане, он уже совершил...

Однако в искренности и правдивости людей подчиненных, что ни говори, приходится сомневаться. Тем более что сам Голощекин, прощаясь со своими друзьями и товарищами по партийной организации, заявил им в лицо, что в Казахстане нет ни одного честного коммуниста. Верный привычке систематизировать наблюдения и умозаключения, он подразделил казахстанских большевиков на три категории: первые не поддаются воспитанию, вторые — хамелеоны, постоянно меняющие окраску, и,

наконец, трети — те, что сваливают всю вину за различного рода просчеты и недостатки на него, Голощекина.

Но обратимся к свидетельствам, так сказать, объективным, характеризующим деятельность и личность Ф. И. Голощекина, семь с лишним лет отдавшего «борьбе за социализм в Казахстане».

Советский энциклопедический словарь предельно краток:

«Голощекин Фил. Исаевич (1876—1941), сов. гос. парт. деятель. Чл. КПСС с 1903. В 1912 избран чл. ЦК РСДРП. В дни Окт. рев-ции чл. Петрогр. ВРК, участник борьбы за Сов. власть на Урале, в Сибири. С 1925 секр. Казах.райкома ВКП(б). С 1933 гл. гос. арбитр при СНК СССР. Чл. ЦК ВКП(б) в 1927—34 (канд. с 1924). Чл. ВЦИК, ЦИК СССР»².

Другая энциклопедия, о гражданской войне, сообщает некоторые подробности:

«Из семьи подрядчика. Окончил зубоврачебную школу (1903)... С дек. 1917 чл. Екатеринбургского к-та РСДРП(б), комиссар по воен. делам Совета. С февр. 1918 уральский обл. военком, чл. обкома партии и обл. совета, с мая окружной военком, одновремен. в сент. 1918—янв. 1919 гл. политкомиссар 3-й А. (армии) (рук. парт.-политич. работой в воинских частях и среди гражд. населения в р-не 3-й А.). С дек. 1918 чл. Сиббюро ЦК РКП(б) и окрвоенком Уральского ВО. Делегат 7-го и 8-го съездов РКП(б) (на 8-м прымкал к «военной оппозиции»). В апр.—июне 1919 чл. РВС Турkest. А. Вост. фр. С авг. пред. Челябинского губревкома. В окт. 1919—мае 1920 чл. Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. С 1921 на хоз., сов. и парт. работе...»³.

В Большой Советской Энциклопедии находим новые подробности. Прежде всего, точные даты рождения и смерти: «26.2 (9.3) 1876, Невель — 18.10.1941». И далее: «...По профессии зубной врач... В 1906 чл. Петерб. к-та РСДРП и его Исполнит. Комиссии. Участник Совещания расширенной редакции «Пролетария» (Париж, 1909); затем работал в МК РСДРП. Вел работу в Москве, Петрограде и на Урале. Подвергался репрессиям... Во время Октябрьского вооруженного восстания 1917 чл. Петрогр. ВРК (руководил отделом внешней и внутр. связи ВРК). После Окт. революции секретарь Пермского, Екатеринбургского губкомов и Уральского обкома партии... В 1921 пред. Главруды в Москве. В 1922—25 пред. губис-

полкомов Советов и член губкомов РКП(б) в Костроме, Самаре, затем секретарь крайкома КП(б) Казахстана. С 1933 Главный гос. арбитр при СНК СССР. Делегат 11—17-го съездов партии...»⁴.

Некоторые основные моменты дореволюционной деятельности Голощекина уточняет Историческая энциклопедия:

«...Вел парт. работу в Петербурге, Кронштадте, Сестрорецке, Москве и др. городах... После роспуска 1-й Гос. Думы был арестован и приговорен к 2 годам крепости; через год освобожден, но 1 мая 1907 вновь арестован... После ареста в 1909 был сослан в Нарымский край, откуда в 1910 совершил побег... После Праж. конф. ...вновь вел работу в Москве, но вскоре был снова арестован и выслан в Тобольскую губернию. Бежав из ссылки, раб. в Петрограде (1913), затем на Урале. Здесь был арест. и выслан в Туруханский край, где пробыл до Февр. рев.»⁵.

Здесь же содержится деталь, какой нет в других справочных изданиях:

«Незаконно репрессирован в период культа личности Сталина. Реабилитирован посмертно».

Однако самое подробное жизнеописание Голощекина содержится в малодоступной для читателей старой газете. Биография, помещенная 18 сентября 1925 года в республиканской партийной газете «Советская степь» (предшественнице «Казахстанской правды»), интересна прежде всего тем, что записана со слов самого Филиппа Исаевича. В тексте ощущима живая речь, иногда попадаются излюбленные словесные обороты Голощекина. По всей видимости, это его единственная прижизненная биография, и потому она представляет особую ценность.

«ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ **Новый секретарь Казкрайкома РКП(б)** **ФИЛИПП ИСАЕВИЧ ГОЛОЩЕКИН**

(К его приезду в Казахстан)

Филипп Исаевич Голощекин родился в 1876 году в маленьком городке Невель Витебской губ. Родители принадлежали к мелкой буржуазии, занимались мелкими подрядами.

Обучался Филипп Исаевич сначала в городской четырехклассной школе, а затем, путем домашней подготов-

ки, держал экзамены в технической школе и гимназии, экзамены выдержал, но принят не был вследствие ограничения приема евреев. В общем, по образованию Филипп Исаевич имеет шестиклассный курс гимназий, а с 1901 по 1903 год обучался в зубоврачебной школе, которую и окончил; с 1896 по 1900 год служил приказчиком в нисчебумажном магазине.

С детства Филипп Исаевич читал очень много, но беспорядочно и разбросанно по всем вопросам. Сначала увлекался философией, а затем общественными науками. Нелегальную литературу, в очень ограниченном размере, начал читать в 1900 году.

В 1903 году в Петербурге, где держал экзамены в Медицинской академии на зубного врача, сошелся с товарищами, входящими в организации партии, которые ввели его в кружок, но вскоре из Петербурга Ф. И. был выслан и до 1905 года жил в Вятке, где имел зубоврачебный кабинет и выполнял работу по занятиям с кружком из учащихся средних учебных заведений.

К началу осени 1905 года Филипп Исаевич продаёт кабинет и переселяется в Петербург, где в плотную занялся партийной работой. Вначале вошел в военную организацию большевиков и занимался с кружком солдат Петропавловской крепости.

Летом 1905 года был направлен в Петербургскую окружную организацию, где вначале выполнял пропагандистскую работу на Ижорском заводе и в Сестрорецке. Затем стал организатором в этом же районе и был избран от этого района в Петербургский комитет партии. Был участником ряда конференций Петербургской организации.

Был три раза арестован на массовых собраниях рабочих Ижорского завода, два раза был освобожден тут же, после переписи, в третий раз был задержан на несколько недель при полиции. Было заведено дело в Царско-Сельском жандармском управлении по 129 ст.

Летом 1906 года был арестован со всем составом Петербургского комитета и судился по процессу 19-и, где по совокупности получил 3 1/2 года крепости. Дело было кассировано, и Филипп Исаевич был освобожден под залог. По выходе из тюрьмы был направлен Петербургским комитетом в Невский район, где заменил т. Зиновьева перед Лондонским съездом. От Невского района

Ф. И. был избран в Петербургский комитет и также вошел в исполнительный комитет.

Накануне 1 мая 1908 года он был снова арестован и просидел в Крестах до июня 1909 года. По освобождении был направлен Петербургским комитетом в Париж на большевистскую конференцию, где был решен вопрос о разрыве с отзовистами. Из Парижа Ф. И. переехал в Лейпциг, где был нагружен литературой, которую доставил в Вильно, а затем направлен в Петербург, где принял участие в борьбе против отзовистов и ликвидаторов, и вскоре по указанию ЦК направился в Москву для замены тов. Томского, который был назначен агентом ЦК.

В Москве Филипп Исаевич работал до зимы 1910 года, когда совместно с Московским комитетом и Я. М. Свердловым был арестован на квартире инженера Тимкова и после, кажется, 5-месячного сидения в тюрьме был отправлен в нарымскую ссылку. После нескольких месяцев нарымской ссылки Ф. И. был в рядах других товарищей (Козырев, Куйбышев и др.) арестован за организацию марксистского кружка и просидел в Томской тюрьме несколько месяцев. Дело было прекращено, и он снова был препровожден в нарымскую ссылку. Из нарымской ссылки летом 1911 года бежал в Петербург, там вплотную вошел в работу, получил указание ЦК отправиться в Москву, где организация вместе с т. Бреславом провалилась, для восстановления организации и организаций выборов на Пражскую конференцию.

От Московской организации на конференцию были избраны тт. Зиновьев, Малиновский и Филипп Исаевич.

На этой конференции Ф. И. был избран в члены ЦК.

После Пражской конференции по прибытии в Москву он был арестован и после некоторой сидки в Таганке сослан в тобольскую ссылку. Из тобольской ссылки вскоре опять бежал и прибыл в Петербург. Во время деятельности 3-й Думы работал в Петербургском комитете как представитель ЦК. После ареста Я. М. Свердлова на квартире т. Петровского Филипп Исаевич был окружжен на квартире Малиновского, откуда удачно скрылся и направился по директиве ЦК на Урал. На Урале проработал несколько недель и по дороге из Мотовилихинского завода в Екатеринбург, где была квартира Филиппа Исаевича, он был арестован. Как потом оказалось, по указанию Малиновского. Приезд его на Урал был известен охранному отделению, но в течение нескольких

недель они не могли его поймать. После сидки в Екатеринбургской тюрьме Филипп Исаевич был сослан в Туруханский край, где пробыл до Февральской революции.

После Февральской революции в первых числах марта Филипп Исаевич прибыл в Петербург и до апрельской конференции работал там. После был направлен на Урал. Был секретарем Пермского губкома, затем секретарем Уральского областного комитета и Екатеринбургского губкома.

В промежуток до сдачи Перми (декабрь 18 года) работал на различных партийных и ответственных советских работах (член областного Уральского совета, окружной военком, главполиткомиссар 3-й армии и т. п.). После 3-го съезда был членом Сибирского бюро ЦК до занятия Кургана. С августа 19 года до июня 20 года был членом Туркестанского ЦК и ВЦИК. С июля 20 года по июль 21 года был председателем Главруды, затем был ЦК командирован в Башкирию для проведения съездов. С марта 21 года по январь 23 года был председателем Костромского губисполкома и членом губкома. С мая 22 года по июль 23 года был секретарем Уральского бюро ЦК и с сентября 22 года исполняет должность председателя Самарского губкома и члена Реввоенсовета Приволжского военного округа.

За время подпольной революционной деятельности Филипп Исаевич имел несколько кличек: Филипп, Борис Иванович, Жорж и в секретной переписке Н. К. Крупской Фран. В настоящее время Ф. И. Голощекин является кандидатом в члены ЦК и секретарем Казахского крайкома РКП(б).

В гор. Кзыл-Орду прибыл 12 сентября».

Итак, в двадцать лет — приказчик в писчебумажном магазине, где служит четыре года, в двадцать семь лет — член партии и зубной техник, в двадцать девять лет — профессиональный революционер. Таким образом, к большевикам Голощекин примкнул в довольно зрелом возрасте. Если принять во внимание его «кипучую» натурę, жаждущую деятельности, вполне можно предположить, что выбор был не случаен и продуман, и наверняка до вступления в РСДРП этот энергичный человек, читавший «бессистемно и разбросанно по всем вопросам» и увлекавшийся «философией, а затем общественными науками», перебрал не одно направление политической и социальной мысли.

Став большевиком, 27-летний Голощекин развили бурную деятельность. Даже одно перечисление мест, где он вел пропагандистскую работу, не говоря уже о послереволюционном мелькании то здесь, то там, свидетельствует о том, что по характеру это был порученец, исполнитель, функционер, человек, как ныне говорится, быстрого реагирования. Теоретические изыскания, глубокая работа ума были ему чужды, его стихией была непосредственная деятельность, будь то подпольная работа до Октября или заготовка продовольствия в Костромской области в голодном 21-м году.

Воспоминания современников, касающиеся дооктябрьского периода его жизни, несмотря на малочисленность и случайный характер, все же в какой-то мере передают его внутренний облик.

Н. К. Крупская пишет о событиях 1912 года, связанных с Пражской конференцией:

«Владимир Ильич уже уехал в Прагу. Приехал Филипп (Голощекин) вместе с Брендинским, чтобы ехать на партийную конференцию. Брендинского я знала лишь по имени, он работал по транспорту. Жил он в Двинске. Его главная функция была переправлять полученную литературу в организации, главным образом в Москву. У Филиппа явились сомнения относительно Брендинского. У него в Двинске жили отец и сестра. Перед поездкой за границу Филипп заезжал к отцу. Брендинский занимал комнату у сестры Филиппа. И вот старик предупреждал Филиппа: не доверяй этому человеку, он как-то странно ведет себя, живет не по средствам, швыряет деньгами. За две недели до конференции Брендинский был арестован, его выпустили через несколько дней. Но пока он сидел, к нему приезжали несколько человек, которые были арестованы; кто именно был арестован — не выяснено. Вызвала у Филиппа подозрение и совместная переправа через границу. Филипп пришел к нам на квартиру вместе с Брендинским, я им обрадовалась, но Филипп многозначительно пожал мне руку, выразительно посмотрел на меня, и я поняла, что он мне что-то хочет сказать о Брендинском. Потом в коридоре он сказал мне о своих сомнениях. Мы условились, что он уйдет и мы повидаемся с ним позже, а пока я поговорю с Брендинским, позондирую почву, а потом решим, как быть.

Разговор с Брендинским у нас вышел очень стран-

ный. Мы получали от Пятницы извещения, что литература благополучно переправлена, что литература доставлена в Москву, а москвики жаловались, что они ни черта не получают. Я стала спрашивать Брендинского, по какому адресу, кому он передает литературу, а он смутился, сказал, что передает... своим рабочим. Я стала спрашивать фамилии. Он стал называть явно наобум — адресов-то не помнит. Было видно — врет человек... Я ему чего-то наплела, что конференция будет в Бретани, что Ильич и Зиновьев туда уже уехали, а потом сговорилась с Филиппом, что они с Григорием уедут ночью в Прагу и он оставит записку Брендинскому, что уезжает в Бретань. Так и сделали...

Я очень гордилась тем, что уберегла конференцию от провокатора»⁶.

Надежда Константиновна не впервые видела Голощекина: летом 1909 года он приезжал в Париж и несколько раз встречался с Лениным. 25 июля 1909 года он писал из Парижа, что после «ознакомления с литературой и бесед с Ильичем... пришел к убеждению, что вся политическая линия «Пролетария» есть в теории позиция революционной социал-демократии... и, только идя этим путем, в практике мы в состоянии упрочить партию и организовать массы вокруг нее...»⁷.

Н. К. Крупская вела секретную партийную переписку, и Голощекин был одним из ее постоянных корреспондентов. Насколько продвинулась организационная и пропагандистская работа, можно судить по двум небольшим отрывкам из писем Крупской. «Ох, какая неурядица в России! — горячо замечает она в начале века.— Главная беда в том, что у людей слишком много своего местного патриотизма. Читаешь письма, и грусть берет»⁸. Что и говорить, патриотизм всегда был бедой для «перманентных революционеров»: чтобы раздуть мировой пожар, надо было сначала порубить на дрова свое, «местное»... А в 1913 году она сообщала: «С Урала мы недавно получили письмо, что за лето там шла работа великолепно. В Екатеринбурге около 200 организованных, в Мотовилихе 100, в Перми 50. Везде на заводах свои социал-демократические организации. Все это партийцы-правдовцы»⁹. «Великолепную работу» уральцам помог наладить член ЦК Голощекин, который приехал в Екатеринбург в феврале и несколько недель до ареста создавал на заводах новые ячейки.

3 марта 1913 года энергичный организатор возвращался из Перми. На Екатеринбургском вокзале он был опознан «шпицами» и арестован. При аресте Филипп Исаевич назвался сотрудником газеты и предъявил паспорт на имя Самуила Котиссе. Он считал, что охранку уведомил его товарищ по партии Р. В. Малиновский, с которым они вместе ездили на Пражскую конференцию и были избраны в ЦК.

Голощекина сослали в Туруханский край, в деревню Селиваниху. Там жил на поселении «гласноподнадзорный» Я. М. Свердлов, с которым они были хорошо знакомы еще по Москве и по нарымской ссылке; неподалеку, в Курейке, жил И. В. Сталин. 3 сентября 1913 года Свердлов пишет к В. С. Мицкевичу-Капсукасу: «После нас приехали еще две партии, ждем и третью. Каждая по 3 человека. Пришел и мой старый приятель, с которым по одному делу я несколько лет тому назад уже путешествовал в Сибирь. Само собой разумеется, я был ему рад. Живет со мной»¹⁰. Речь идет о Ф. И. Голощекине. 7 сентября 1913 года надзиратель в очередном доносе сообщал: «...административно-политические ссыльные Яков Свердлов, Николай Орлов, Шая Голощекин, крадучись лесом, уволились в Монастырь»¹¹. (Монастырь — село Монастырское, центр Туруханского края; Шая — настоящее имя Голощекина, которого от рождения звали — Шая Ицкович.)

Свердлова вскоре перевели в Курейку, где жил Сталин. Позже он писал друзьям в Петербург: «Нас двое. Со мною грузин Джугашвили, старый знакомый, с которым мы уже встречались в ссылке другой. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни». Поскольку оба подозревались, и не без основания, в желании устроить побег, их разлучили — Свердлова вернули обратно. К. Лисовский в своей книге о Свердлове приводит донесение турханского отдельного пристава енисейскому губернатору: «Вверенный под гласный надзор полиции административно-ссыльный Яков Мовшев Свердлов прибыл 22 июня сего года (1913) в Монастырское и водворен на станок Селивановский, Туруханского края»¹². Имя Голощекина в этой книге не упоминается, как, впрочем, и в других книгах, изданных до его реабилитации.

В Селиванихе Свердлов и Голощекин прожили вместе в общей сложности около года. Яков Михайлович вел

в это время активную личную переписку и часто упоминал о своем «приятеле Жорже», как он звал Голощекина. Мимоходом он набросал довольно зримый портрет Филиппа Исаевича.

В письме от 3 марта 1914 года, отправленном в Париж своему давнишнему товарищу по нарымской ссылке В. А. Дилевской (как видно, поднадзорных не слишком ограничивали в переписке), Свердлов сообщал:

«Жажды нового, перемен так сильна, что сказать трудно. ...Приятель мой постоянно меняет расписание своих занятий... Нас двое было с конца лета. Двое и теперь... Не надоели друг другу, нет, нессоримся, не (не разобрано) друг друга. Но оба скучаем по людям. Просто хочется (побыть) в толпе... Я не писал тебе ни разу, что мы с приятелем во многом разнимся. Это, конечно, неплохо. По крайней мере, иногда возникают споры... Споры у нас возникают по разным поводам. В вопросах политики мы почти не спорим, тут много единомыслия... Оба жаждем полноты бытия»¹³.

Жизнь двух ссыльных друзей в Селиванихе, судя по всему, была весьма свободной и отнюдь не обделена человеческими радостями — рыбалкой, охотой. 22 марта 1914 года Свердлов пишет к К. А. Эгон-Бессер:

«...Попал я на промысловое место. Добывается здесь песец, лисица, росомаха. Для промысла особых познаний не требуется. Вот мы с приятелем бросили «пометы» на зверей. Через день приходится ходить на гoliцах за 9—10 верст. Погода чудесная, природа восхитительная, воздух — прелесть.

Кругом остыки, тунгусы, юраки. Есть очень занятные фигуры»¹⁴.

Письма к жене, К. Т. Новгородцевой, более откровенны. 27—29 июня 1914 года Яков Михайлович пишет из Курейки о своем друге Жорже особенно пространно (обычно ему посвящалось несколько строк). Он обеспокоен, и всерьез:

«Несколько дней пробыл с Ж. С ним дело плохо. Он стал форменным неврастеником и становится мизантропом. При хорошем отношении к людям вообще, к абстрактным людям, он безобразно придирчив к конкретному человеку, с которым ему приходится соприкасаться. В результате — контры со всеми. Конечно, кроме меня, ибо я-то хорошо знаю, какой это хороший парень, какая хорошая душа у него. Пришел к тому выводу, что

ему положительно невозможно жить долго вдали от кипучей жизни. Он портится, создает сам себе невыносимые условия существования.

Скверно, что у него почти нет личных связей, даже меньше, чем у меня. Его угнетает забвение друзей, хотя он и не говорит об этом. Ведь до сих пор ему почти ничего никто не посыпает. Пока была его сестра в Питере, было все же лучше. Надо бы перетащить его в лучшее место. Но как это сделать? Пусть это будет тоже дыра, но такая, где ему пришлось бы прилагать усилия просто в «борьбе за существование». Был бы хотя какой-нибудь исход для его энергии... Пока же я просил бы тебя переписываться с ним. Он переносит хорошее отношение ко мне на тебя и ребяток. Просто дружеское письмо в здешних условиях значит очень много. Если можно будет, пошли ему одну-две беллетристические книжки. Хорошо стихотворения. Кроме меня, ему не с кем и просто поговорить, не то что по душам! В то же время у него масса бодрости, оптимизма в вопросах общественных! При мне он получил твоё письмо и был зело обрадован. Но довольно о нем.

Часто пишет мне лишь Берта»¹⁵.

Обратим внимание на это последнее имя. Речь идет о Берте Иосифовне Перельман. Будучи членом Московского совета большевиков в 1903 году, она вместе с Голощекиным и Свердловым была арестована и сослана в Нарымский край. После революции работала в Самаре и Свердловске. Это была жена Голощекина, которую он оставил в 1911 году с малолетним сыном на руках. Свердлов нередко упоминал ее имя в письмах к жене. 19 января 1914 года он сообщал о том, что Берта Иосифовна «поступила в школу кройки и шитья, через 2—3 месяца сможет зарабатывать. Она ведь когда-то была модисткой, но около 10 лет не работала и все перезабыла».

В сентябре 1914 года Свердлова вновь перевели в Селиваниху. Он поселился с Голощекиным в избе рыбака и охотника Самойлова. 2 октября он пишет жене:

«Месяца два, по всей видимости, проживу вместе с Ж., затем возможен и отъезд обратно в Курейку... Пока же говорим, немного и спорим... Часто будем ходить в Монастырское за телеграммами, а часто нам сообщают о выдающихся известиях через попутчиков»¹⁶.

На Западе шла кровопролитная война, русские сол-

даты гибли на фронте... В Селиванихе жизнь не изменилась, но и тут свои проблемы.

27 октября — жене:

«Живу пока с Ж. ...Не реже раза в неделю я или Ж. бываем в Монастырском... В Ж. много будирующего материала. С этой стороны он как бы моложе, менее устал, чем я.

...Езда на собаках все же немного утомляет. А у нас свои две возовые собаки... На таких двух псинах можно ездить и за продуктами, и за водой, и за дровами. В этом году дров не покупаем. Сами режем в лесу и привозим. Поставил я удочку на реке и поймал пока только одну рыбину «тайменя», весом в пуд с лишним... Ходил несколько раз собирать красную смородину. Она теперь замерзла, вкусом вроде клюквы нашей стала, только нежнее, лучше. Так и до вечера доходит, сядешь за книжку, посидишь, да и спать. И никакой такой товарищеской или даже просто интеллигентной среды вне нас двоих нет. Особенно не завидуй, родная...»¹⁷.

16 ноября 1914 года — ей же:

«...Я дошел до полной мозговой спячки... В первый месяц жизни с Ж. я лишь изредка замечал у себя пробуждение мысли...

Немало содействовала жизнь с Ж. пробуждению. Он человек довольно живой. У него возникает куча вопросов, которые он пытается разрешить беседами... Теоретически я, несомненно, старше, и много вопросов, на которые он только что натолкнулся, уже не привлекают моего внимания. Все же не думай, что так уже хорошо вдвоем, что у нас тут живая товарищеская атмосфера...

Наши разговоры вертятся главным образом вокруг войны... Огромная европейская война... должна провести определенную линию между временем до войны и после нее»¹⁸.

12 января 1915 года — ей же:

«...Второй день я на отдельной квартире. Не думай, что после ссоры с Ж. Ничего похожего. Мы по-прежнему нераздельны. Но отдельные квартиры все же лучше. У нас была общая квартира из двух крошечных комнаток. Заниматься приходилось в одной, ибо вторая, кухня, очень неуютная. Привычки у нас неодинаковые. Он ложится всегда регулярно в 12 часов. Я же и раньше, но обычно часа на два позже. Он не может спать. Я уходил на кухню... Но и это мешало... Частенько заговаривались

по несколько часов... По-прежнему обедаем и ужинаем вместе, и все хозяйство общее, как и раньше»¹⁹.

Вскоре переписка не понадобилась. Клавдия Петровна приехала к мужу, и они поселились в Монастырском, зажили семьей. «Здоровье его в Селиванихе постепенно улучшилось,— вспоминала она,— хотя и здесь жизнь была несладка. Продукты стоили невероятно дорого, мизерного пособия едва хватало на полуголодную жизнь... Хлеба, круп, овощей ссыльные почти не имели, не было иного мяса, кроме оленины, не было яиц, муки. Редкостью считалось масло, картошка, молоко. Трудно было достать сахар, соль, спички, табак»²⁰.

С молоком и маслом чуть позже наладилось: Свердловы обзавелись коровой.

«Неизменно бывали у нас Яков Ефимович Боград, Борис Иванов, Жорж Голощекин, который вслед за Яковом Михайловичем перебрался из Селиванихи в Монастырское... и др. ссыльные. Часто после серьезных бесед и лекций мы шли всей гурьбой в тайгу... В морозной тиши лились широкие, вольные русские песни или гремели боевые гимны революционного пролетариата той поры, из которых мы особенно любили «Варшавянку», «Красное знамя»²¹

Ссыльных набралось в Монастырском пятнадцать—двадцать человек, и дом Свердловых стал центром их политической учебы. Б. И. Иванову запомнилась встреча нового года:

«Мы — я, Долбешкин, Булатов, Голощекин, Боград, Яков и Клавдия Свердловы, Валентина Сергушева, Иван Петухов и другие — сегодня встречаем 1916 год. Сегодня Яков Михайлович у нас за главного повара. Сотни три пельменей из оленьего мяса стоят готовые к варке в сенях его дома. Два стола в его комнате накрыты газетной бумагой, и на них аппетитно блестят мороженые омули, оленина. Два чайника с кирпичным чаем готовы...

...Новогоднюю встречу открыл Яков Ефимович Боград. Он не только старше всех... он доктор философии и математических наук.

— Товарищи! — звучит его бас.— Царь Николай и свора его палачей желали бы заморозить нас в этих турханских снегах, но мы живы и встречаем этот кровавый военный год полные бодрости и надежды на светлое будущее...»

Краснсловен был Яков Ефимович! И для пышного

словесного образа, несмотря на свой почтенный возраст и философское звание, маленько привирал. Не мог же он в самом деле думать, что монарх всерьез озабочен тем, чтобы заморозить в туруханских снегах полтора десятка ссыльных, о существовании которых он наверняка и не подозревал. Да и «свора палачей» на поверку явно не оправдывала злодейского качества, ибо мягкотело дозволяла своим «жертвам» спокойно пировать за праздничным столом. Как показало время, никого из них так и не уморили сибирским холодом. И, трезво рассуждая, с чего было-то терять бодрость в этот «кровавый военный год»? Другим приходилось в эти же самые часы мерзнуть в окопах под пулями врага, а тут сидели себе в теплой избе и попивали чаек под весьма плотную закуску.

Обстоятельства сложились таким образом, что не император Николай II решал вопрос об их жизни и смерти, а наоборот. Через три с половиной года двое из сидевших за праздничным столом определили участь бывшего российского государя и его семьи.

Еще через четырнадцать лет, когда давно наступило «светлое будущее», о коем мечтал Яков Ефимович Боград и его сотрапезники,— тоже зимой, накануне нового, 1933 года, в одном из многочисленных колхозов, носящих имя Я. М. Свердлова, находящемся в семи километрах от г. Аулие-Ата, на земле Казахстана, где полноценно царствовал Ф. И. Голощекин, не осталось в живых почти ни одного человека. Умерли от голода и холода. А, казалось бы, южные края — не туруханская земля. В соседнем ауле доходил последний его житель — казахский парень, питавшийся в последние дни человечиной. В голодном безумии он зарезал женщину и перед смертью сознался в этом откуда-то наехавшей комиссии. Мор косил десятки тысяч людей на казахской земле, во многих областях России, на Украине, в Средней Азии и в Сибири. А, между прочим, жертвы голода не были преступниками. Ни уголовными, ни тем более политическими. И жили не изгнаниниками за тысячи верст от родного дома, не в приполярной тайге, а на своей собственной земле...

Вспоминал ли он, Голощекин, получая отовсюду сведения про голод и каннибализм, о том, как лепил пельмени тогда, накануне нового 1916 года, в далеком сибирском селе Монастырском?..

III

«В конце сентября 1919 года,— в приподнятом тоне начинают В. Н. Александров и Ю. Н. Амиантов юбилейную статью, написанную к 90-летию со дня рождения Ф. И. Голощекина,— в доме № 7 по Моховой улице в Москве, где размещался секретариат ЦК РКП(б), состоялась радостная встреча: старый коммунист Ф. И. Голощекин увиделся со своим сыном-подростком. С начала 1918 года, находясь на ответственной работе на Урале, Ф. И. Голощекин потерял связь с семьей, которая обратилась в ЦК партии с просьбой найти мужа и отца. Сотрудники секретариата ЦК отыскали Голощекина и устроили ему свидание с сыном. Немного времени смог уделить Филипп Исаевич сыну, а затем — новое ответственное задание партии и снова разлука. Жизнь Ф. И. Голощекина не принадлежала ни ему самому, ни семье — она была целиком отдана партии большевиков»¹.

Странное дело: почему Берта Иосифовна Перельман не обратилась ранее к своему старому товарищу по революционному подполью и ссылке в Нарыме Якову Михайловичу Свердлову, которому не однажды писала в Туруханский край? Председатель ВЦИКа хорошо знал, где находился с начала 1918 года его близкий друг Жорж, потому как поддерживал с ним регулярную телеграфную связь и принимал у себя дома в Москве... Впрочем, что гадать, должно быть, на то, как разыскивать «мужа и отца», имелись свои причины. (Спустя некоторое время Б. И. Перельман покончила жизнь самоубийством, и Голощекин писал в уральской газете, что у нее хватило сил «красиво уйти из жизни».)

Но вот кратковременность свидания в доме на Моховой отнюдь не вызывает особого удивления. О чем Филиппу Исаевичу было говорить с сыном, которого он почти не видел и не знал? Не рассказывать же подростку о том, как совсем недавно, год с небольшим назад, он вез из Екатеринбурга в одном из трех тяжелых ящиков заспиртованную голову примерно такого же по возрасту мальчика, среди других заспиртованных голов?..

«О жизни Филиппа Исаевича Голощекина — видного деятеля Коммунистической партии, крупного военного и политического работника, стойкого ленинца — известно пока немного», — сокрушались свердловские исследователи О. А. Васьковский и Е. И. Моисеева². Между тем

именно с этим уральским городом связана у Голощекина одна из самых значительных страниц его жизни. Казалось бы, материал под рукой, однако уральские историки обходят полным молчанием эту страницу. Как и Александров с Амиантовым. Как и все другие отечественные исследователи — вплоть до последнего времени.

Но прежде чем перейти к этой странице, вернемся в дореволюционную пору.

В упомянутой ранее книге К. Т. Свердловой-Новгородцевой под одной из фотографий написано: «Свердлов в группе товарищей, возвращающихся из ссылки». Представительные, тепло одетые, в меховых шапках и шубах, упитанные мужчины выжидавшие смотрят в объектив. Позы несколько картиные — фотографы тех лет называли себя художниками и, естественно, работали над композицией. Причудливей всех одет Голощекин — он в круглой шапке из пушного зверька и в остьяцком меховом тулупчике. Страсть ли к экзотике заставила его выбрать такое одеяние или сибирские морозы? Быть может, и то и другое вместе: накануне фотографирования им с другом пришлось совершить довольно долгий путь.

«В первых числах марта 1917 года,— пишет Клавдия Тимофеевна Свердлова,— до Монастырского дошла радостная весть: царское самодержавие пало...

С отъездом необходимо было спешить. До Красноярска предстояло проехать более тысячи верст на лошадях. Единственной дорогой был Енисей, а он со дня на день мог тронуться в верховодье.

Яков Михайлович не медлил ни минуты. Вместе с Жоржем Голощекиным они моментально собрались и выехали сразу же после получения телеграммы...

...Мела свирепая туруханская метель, однако чуть ли не все население Монастырского высыпало на берег Енисея. Все жали Свердлову и уезжающему с ним Голощекину руки, желали им счастливого пути.

...Ехали они... не вылезая из саней, не желая тратить ни минуты. Останавливались на отдельных станках и в селениях лишь затем, чтобы сменить лошадей, просмотреть... свежие... газеты. И проскочили. Хотя и пришлось в конце пути обезжать многочисленные полыни, ежесекундно рискуя провалиться под лед, но до Енисейска добрались благополучно. Путь в Красноярск, в Россию был открыт!»³.

15 марта путешественники доехали до Анциферова,

где с ними вышел небольшой казус: кончились деньги. Пришли к волостному комиссару Корфу и предъявили ему удостоверение Енисейского общественного управления, которое в первых словах возвещало: «Ко всем властям и населению свободной России...» Корф выдал им десять рублей, и Свердлов с Голощекиным смогли продолжить дорогу.

20—21 марта они уже участвовали в заседании Красноярского Совета, а на следующий день выехали в Петроград.

«Приехали они 29 марта,— продолжает К. Т. Свердлова,— и прямо с вокзала отправились к сестре Якова Михайловича — Сарочке. Она потом рассказывала мне, как неожиданно нагрянул Яков Михайлович...

Не ответив и на десятую долю вопросов, Сарочка вспомнила, что брата надо хоть чем-нибудь накормить с дороги... как вдруг Яков Михайлович схватился за голову.

— Жорж, ой, Жорж! — простонал он.

— Почему Жорж? Какой Жорж?

— Да Голощекин. Я его у дверей оставил, на улице... А ведь прошло уже с полчаса. Сходи лучше ты за ним, а то он меня убьет, непременно убьет. Узнать его очень легко: такой длинный, тощий, с бородкой, усами, в черной шляпе. Словом — Дон-Кихот.

Сарочка быстро вышла на улицу и сразу узнала Голощекина, уныло переминавшегося на тротуаре. Вместе с ним вернулась к себе, напоила Свердлова и Голощекина чаем и повела в Таврический дворец.

Как раз в эти дни... проходило первое совещание представителей Советов наиболее крупных городов России...»⁴.

Вскоре после Октября Свердлов стал председателем ВЦИКа, Голощекина послали в Пермь, где он возглавил губком. Вряд ли это назначение обошлось без участия Свердлова, взвалившего на себя, как писал Ленин, массу организаторской работы: ему наверняка был нужен на Урале абсолютно надежный и проверенный человек. Дело в том, что с августа 1917 года в Тобольске под охраной находился бывший царь Николай II с семьей.

* * *

Императора сослал в Тобольск Керенский. Почему именно в Тобольск? Сам Керенский объяснял это, и тогда и впоследствии, крайне невразумительно: дескать, в Сибири безопаснее и губернаторский дом удобен и хорош (а дом даже и не подготовили к приему узников). Ближе всех к разгадке подошел проницательный Н. А. Соколов, который проводил следствие по убийству царской семьи:

«Был только один мотив перевоза царской семьи в Тобольск. Это тот именно, который остался в одиночестве от всех других, указанных князем Львовым и Керенским: далекая, холодная Сибирь, тот край, куда некогда ссылались другие»⁵.

Обратим внимание на последнее слово. Кто — «другие»? Конечно же, декабристы и другие революционеры. Их ссылали в Сибирь предки Николая II. Известно, что среди этих ссыльных имелось немало масонов. Керенский же, масон высокой степени посвящения, и его правительство, состоявшее сплошь из «вольных каменщиков», видно, помнили старые счеты. Король Людовик XVI, арестованный французскими революционерами-масонами, был заключен перед казнью в замок Тампль — где когда-то томился накануне сожжения королем Филиппом Красивым Великий Магистр Яков Молэ, основатель четырех мировых масонских лож. Такова масонская месть. И продолжая мысль: не большевики, так Временное правительство, удержись оно у власти, казнило бы российского императора...

Еще декабристы задумывались о том, как после переворота поступить с царской семьей. Мнения разделились: одни предлагали убить монарха и его близких, другие — выслать его за рубеж. Ленинцы, придя к власти, не сомневались. Иное дело, они вынуждены были считаться с «массами», то есть не могли открыто и нагло расправиться с ненавистным царем. А вдруг этот темный верующий народ всколыхнется, вздумает заступаться или мстить за своего помазанника Божьего? Из тактических соображений надо было лгать, создавать видимость законности и справедливости. И потому последовали заявления: устроим-де народный суд над коронованным палачом и тому подобное, даже главного обвинителя назначили — Троцкого. Сын миллионщика должен был об-

винять царя от имени народа. Спрашивается, какого?.. Однако для проведения суда никто ничего не сделал. Одно из двух: или большевики не собирались устраивать судилище, или не решились пойти на это, боясь навредить себе. Возможно, причина «нерешительности» таилась глубже: я в н о содеять задуманное было нельзя.

До весны 1918 года Романовы довольно свободно жили в губернаторском доме. Между тем, если верить жизнеописателям Свердлова Е. Городецкому и Ю. Шарапову, в Тобольск стягивались монархисты, «городок был наводнен черносотенной литературой, возваниями Пуришкевича, епископа Гермогена, монархическими листовками»⁶. Хотя и задним числом, но с подлинно революционной бдительностью авторы пишут об угрозе бегства царской семьи. Непонятно лишь, почему «контрреволюционное офицерство» медлило, коли уж стянуло силы в Тобольск, желая освободить царя...

Т. Мельник-Боткина, дочь государева врача, вспоминала в 1921 году, что солдаты одного из взводов охраны говорили, что в свое дежурство они дадут их величествам безопасно уехать. Но то солдаты, да и, как видно, в состоянии душевной размягченности...

Наставник наследника цесаревича Алексея П. Жильяр в своей книге «Николай II и его семья» приводит дневниковую запись от 17 марта 1918 года:

«Их Величества, несмотря на жгучую тревогу, растущую со дня на день, сохраняют надежду, что среди верных им людей найдется несколько человек, которые попытаются их освободить. Никогда еще обстоятельства не были более благоприятны для побега, так как в Тобольске еще нет представителя правительства большевиков. Было бы легко, при соучастии полковника Кобылинского *, заранее склоненного в нашу пользу, обмануть наглый и в то же время небрежный надзор наших стражей. Было бы достаточно нескольких энергичных людей, которые действовали бы снаружи по определенному плану и решительно»⁷.

Решительных людей, однако, не нашлось.

«Мы неоднократно настаивали перед Государем,— продолжает Жильяр,— чтобы держаться наготове на случай всяких возможностей. Он ставит два условия, которые сильно осложняют дело; он не допускает ни того,

* Комендант охраны в Царском Селе и в Тобольске.

чтобы семья была разлучена, ни того, чтобы мы покинули территорию Российской Империи».

Таков русский царь. Понимая невыполнимость и гибельность своих условий, он и не мыслит покинуть родную землю. То же и царица, сказавшая Жильяру: «Я ни за что на свете не хочу покидать России...» И совсем другое дело захватчики-большевики: когда Деникин подступал к Москве, Ленин и компания уже готовились драпать за рубеж, сидя на чемоданах с награбленным золотом и бриллиантами — «партийной кассой»...

Но вернемся к биографам Свердлова.

«Еще в период Смольного Свердлов получал из Тобольска... тревожные сообщения...

Во второй половине марта в Москву приехал представитель Уральского областного Совета военный комиссар Ф. И. Голощекин,— пишут Городецкий и Шарапов.— Он информировал Свердлова о положении в Тобольске и рассказал о решении Уральского Совета просить правительство перевести Николая Романова в Екатеринбург. Это разрушит планы контрреволюции и поставит Романовых под надежную охрану рабочих Урала.

Свердлов согласился с предложением Уральского Совета. Президиум ВЦИКа санкционировал перевод Николая Романова в Екатеринбург при условии, что областной Совет и лично Голощекин берут на себя всю ответственность за выполнение плана, за охрану Николая Романова вплоть до организации суда над ним»⁹.

Даже по этому небольшому отрывку ясно видно, что авторы явно противоречат себе и ставят вопрос с ног на голову. Яков Михайлович, конечно же, сам внимательно следил за царем и направлял действия областного военного комиссара Голощекина, а не наоборот. Скорее всего, он и вызвал Филиппа Исаевича, своего «Жоржа», в Москву для того, чтобы получить полный отчет и дать дальнейшие указания. Доказательства этого имеются. В начале мая 1918 года ВЦИК решил переправить семью Романовых в Екатеринбург и поручил это В. В. Яковлеву (К. А. Мячину). В Екатеринбурге заподозрили Яковлева в измене — и Свердлов телеграфирует Белобородову и Голощекину:

«Все, что делается Яковлевым, является прямым выполнением данного мною приказа. Сообщу подробности специальным курьером. Никаких распоряжений относительно Яковлева не делайте, он действует согласно по-

лученным от меня сегодня в 4 часа утра указаниям. Ничего абсолютно не предпринимайте без нашего согласия, Яковлеву полное доверие. Еще раз никакого вмешательства. Свердлов»¹⁰.

Местные власти не знали всех тонкостей перевода царской семьи в Екатеринбург, что лишний раз свидетельствует, кто был дирижером, а кто исполнителем. А троекратное повторение приказа, данного в 4 часа утра (!), ясно говорит о раздражении местной самодеятельностью.

Николай II записывал в дневнике:

«17 апреля. Прибыли в Екатеринбург. 4 часа простояли у одной станции. Происходило сильное брожение между здешними и нашими комиссарами. В конце концов одолели первые. Поезд пошел до другой товарной станции. Яковлев передал нас здешнему областному комиссару, с которым мы втроем сели в мотор и поехали по пустынным улицам в подготовленный для нас дом Ипатьева...»¹¹.

Следователь Николай Алексеевич Соколов писал в книге «Убийство царской семьи»:

«Весной 1918 года был в Екатеринбурге особый железнодорожный отряд, занимавшийся расстрелами в пределах железной дороги.

Во главе его был кр-н Парфений Титов Самохвалов, служивший также шофером в советском гараже.

Ему и было доверено перевезти в автомобиле Государя, Государыню и Марию Николаевну с вокзала в дом Ипатьева.

Самохвалов показал на следствии: «Я не помню, какого числа это было, но помню, что в апреле месяце меня вызвал в здание Екатеринбургского Окружного Суда комиссар Голощекин и приказал мне следить, чтобы все благополучно было в гараже с машинами».

Через несколько дней ему было приказано подать автомобиль к дому Ипатьева. Самохвалов не знал тогда этого дома. Он говорит описательно: «...Из дома вышли комиссар Голощекин, комиссар Авдеев и еще какие-то лица (кроме Голощекина и Авдеева вышло еще человека два), сели в автомобили, и мы все поехали на станцию Екатеринбург-I... Когда мы прибыли на станцию Екатеринбург-I, здесь от народа я услышал, что в Екатеринбург привезли Царя. Голощекин сбежал на станцию и велел нам ехать на Екатеринбург-II. Там мы

подъехали на машинах к одному месту, где стоял вагон I класса, окруженный солдатами. Оттуда вышли Государь Император, Государыня Императрица и одна из дочерей их... Их посадили в мой автомобиль... Опять мы поехали к тому самому дому, обнесенному забором, про который я уже говорил. Командовал здесь всем делом Голощекин. Когда мы подъехали к дому, Голощекин сказал Государю: «Гражданин Романов, Вы можете войти». Государь прошел в дом. Таким же порядком Голощекин пропустил в дом Государыню и Княжну и сколько-то человек прислуги... Когда Государь был привезен к дому, около дома стал собираться народ. Я помню, Голощекин кричал тогда: «Чрезвычайка, чего вы смотрите!» Народ был разогнан»¹².

Соколов заключает: «Голощекин, Юровский и Заславский * были теми людьми, которые проявляли власть над царской семьей с первого момента прибытия ее в Екатеринбург»¹³.

В запасниках Свердловского краеведческого музея есть картина «Передача Романовых Уральскому Совету». Ее автор, художник В. Н. Пчелин, которому в Свердловске к десятилетию Октября было заказано это полотно, расспросил участников «передачи», как было дело, и для памяти набросал в блокнот:

«Природа... Вдали лесок. Два барака на песочной площадке с травкой... И уходящий поезд — паровоз с дымком...

Присутствовали: передавали Романовых, окруженных 40 красноармейцами,— комиссар Яковлев и его помощник...

Принимали — (члены Уралсовета) тов. Белобородов, тов. Голощекин, тов. Дидковский...»¹⁵.

Пчелин выполнил поручение со всем соцреалистическим усердием. Он изобразил две кучки людей, на виду солдатской цепи и окутанного дымом железнодорожного состава, напряженно взглядывающих друг в друга. В лицах Николая II, царицы и великой княжны Марии смятение и тревога, зато напротив них прямо-таки стоят герои. Глаза выступившего на полшага вперед Яковleva

* Еще 13 апреля 1918 года Заславский во главе отряда красноармейцев прибыл в Тобольск из Екатеринбурга, чтобы взять под свою охрану царскую семью, отбив это право у «ненадежного» омского красноармейского отряда. Это Заславскому не удалось¹⁴.

горят, правая ладонь развернута к встречающим: дескать, доставил, принимайте. По другую сторону Белобородов в черной кожаной куртке, Голощекин в папахе и шинели, Дидковский с красноармейцем — все уверенные, холодно сдержанные. Филипп Исаевич запечатлен для истории в полупрофиль, с острой мефистофельской бородкой, в его осанке особенно много достоинства. Он на переднем плане, но как бы и в стороне. Наблюдает...

Белобородов телеграфировал в Москву: «ВЦИК Свердлову пред. Совнаркома Ленину Тридцатого апреля 11 часов я принял от комиссара Яковлева бывшего царя Николая Романова бывшую царицу Александру и дочь их Марию точка Все они помещены в особняк запятая охраняемый караулом точка».

Если раньше все сообщения в Москву шли на имя Свердлова, то теперь выявился и другой адресат — Ленин.

Отныне особняк инженера Ипатьева стал именоваться большевиками Домом особого назначения. В самом названии — предумышленное злодейство...

«Прибытие в Екатеринбург Императора вскрыло,— как писал Соколов,— фигуру распорядителя Голощекина». Не только! Открытое выявление «распорядителя» обнажило и смысл того, зачем сразу же после Октябрьского переворота Свердлов направил своего старого товарища «Жоржа» фактическим наместником Урала. С приходом к власти большевиков российскому императору был немедленно подписан смертный приговор. И были определены его исполнители. Вот почему отвезти свою будущую жертву в уготовленную ловушку «Дон-Кихот» не доверил никому.

Кроме жены, Александры Федоровны, в заключении вместе с царем оказалась вся его семья: дочери — Ольга, двадцати двух лет, Татьяна, двадцати лет, Мария, восемнадцати лет, Анастасия, шестнадцати лет, и неизлечимо больной сын Алексей, четырнадцати лет.

Николай II, не изменяя многолетней привычке, вел дневник (он хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции):

«...Дом хороший, чистый... Чтобы идти в ванную, нужно проходить мимо часового у дверей караульного помещения. Вокруг дома построен высокий дощатый забор в двух саженях от окон. Там стоят пять часовых, в садике тоже...

2 мая. Приближение тюремного режима продолжалось. И выразилось тем, что утром старый маляр закрашивал все стекла во всех комнатах известью. Очень похоже на туман, который смотрит в окна. Все время кто-нибудь из комиссаров находился в саду и следил за ним, за нами и за часовыми...»¹⁶.

На условия заключения никто не жаловался, а между тем нарастал моральный террор.

Охранник Якимов показал на следствии: «Они иногда пели. Мне приходилось слышать духовные песнопения. Пели они Херувимскую песнь...» А стража пьянистовала, шумела. Привлеченные большими деньгами и непыльной работой догляда, охранники всячески старались подгадить царским узникам: сопровождали княжен в уборную, подпирали ее дверцу спинами во время пользования, писали на стенах «разные нехорошие слова», рисовали похабщину, горланили революционные песни: «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Отречемся от старого мира», «Дружно, товарищи, в ногу».

Николай II заносил в дневник:

«6 мая. Дожил до 50 лет, даже самому странно...»

Царь с дочерьми ежедневно выходил в сад, Алексея выносили на руках — у него болела нога. 16 июля, ничего не подозревая, они прогуливались по саду в последний раз.

Впрочем, так ли уж — ничего не подозревая?..

14 июля священник Сторожев в последний раз отслужил обедницу в доме Ипатьева. Богослужение шло под присмотром коменданта Юровского. Сторожев вспоминал: «По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитву «Со святыми упокой». Почему-то на этот раз диакон вместо прочтения запел эту молитву, стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава, но едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади меня члены семьи Романовых опустились на колени»¹⁷.

В ночь на 17 июля Николая II и его семью расстреляли.

Ф. И. Голощекин, как областной военный комиссар, был непосредственным организатором и руководителем убийства без суда и следствия (судить, как известно, собирались одного Николая II).

Об этом событии писали у нас крайне мало и, как правило, неохотно, не упоминая никаких деталей рас-

стрела и почему-то затемняя роль организаторов этого акта.

Е. Городецкий и Ю. Шарапов в книге о Свердлове так описывают происшедшее:

«Фронт рядом, Екатеринбург мог продержаться несколько дней.

В ночь на 17 июля собрался Уральский областной исполнительный комитет. Выступил старейший большевик, опытный революционер, комиссар финансов Урала Ф. Сыромолотов и указал, что в сложной ситуации есть один выход — немедленно казнить царя (о жене и детях ничего не сказано.— В. М.) и сообщить об этом советскому правительству.

Предложение Федора Сыромолотова, поддержанное Войковым, Андреевым, Быковым и другими членами Уральского областного Совета, было единодушно принято»¹⁸.

О расстреле царской семьи в этой книге нет ни слова, однако авторы прозрачно намекают на некое особое свое знание, начиная главу «Последний заговор Романовых» следующим пассажем:

«...Яков Михайлович любил повторять строки пушкинской «Вольности»:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу.
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу»¹⁹.

Ни в воспоминаниях жены Свердлова, ни в томе его писем не найдешь ни слова о том, чтобы именно эти стихи любил Яков Михайлович, однако, быть может, у авторов есть какие-то свои, не известные публике сведения... Как бы то ни было, о роли Голощекина, Белобородова, Юровского, главных действующих лиц расстрела, они странным образом умолчали, даже имен их не привели.

Другой свердловский автор, Яков Лазаревич Резник, в книге «Чекист» — о жизни Я. М. Юровского (Свердловск, 1968) еще более краток:

«В ночь с 16 на 17 июля Яков Юровский, Григорий Никулин, Павел Медведев, Петр Ермаков привели приговор в исполнение».

Между тем для чекиста Юровского, героя повествования, это был «звездный час» жизни, операция № 1.

После он и в гору по службе пошел... О Голощекине вновь ни слова.

М. К. Касвинов в объемистой книге «Двадцать три ступени вниз» (М., 1978) посвящает расстрелу одну строку:

«В ночь на 17 июля все было кончено...»

Г. З. Иоффе в монографии «Великий Октябрь и эпилог царизма» (М., 1987) о моменте казни царя и его семьи не пишет вообще.

О чем умалчивали десятки лет, повинуясь негласным указаниям «сверху», штатные советские историки партии и революции?

Кровавая бойня совершилась в одной из комнат нижнего, подвального этажа. Это был тупик, за которым шла глухая кладовая. Единственное окно, обращенное на Вознесенский переулок, снаружи было забрано в железную решетку, сильно углубленную в землю. «Один выбор этой комнаты говорит сам за себя: убийство было строго обдумано,— делал вывод Соколов.— Эта комната — в полной мере застенок. Наш старый закон называл такие убийства «подлыми»²⁰.

После взятия белыми Екатеринбурга следвию удалось допросить участников событий.

Охранник Прокуряков показал: «Вечером Юровский сказал Медведеву, что царская семья ночью будет расстреляна, и приказал предупредить об этом рабочих и отобрать у постовых револьверы. Пашка Медведев приказание Юровского в точности исполнил. В 12 часов ночи Юровский стал будить царскую семью, потребовав, чтобы они все оделись и сошли в нижние комнаты. По словам Медведева, Юровский будто бы такие объяснения привел царской семье: ночь будет «опасная»... может быть, стрельбы на улицах... Встали они все в два ряда. Сам Юровский стал читать им какую-то бумагу. Государь не дослушал и спросил Юровского: «Что?» А он, по словам Пашки, поднял руку с револьвером и ответил Государю, показывая ему револьвер: «Вот что!» Когда их всех расстреляли, Андрей Стрекотин, как он мне это сам говорил, снял с них все драгоценности. Их тут же отобрал Юровский и унес наверх»²¹.

Стражник Якимов тоже выгораживал себя — показывал с чужих слов: «Впереди шли Юровский и Никулин. За ними шли Государь, Государыня и дочери: Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, а также Боткин, Демидова,

Труpp и повар Харитонов. Наследника нес на руках сам Государь. Сзади за ними шли Медведев и латыши, то есть те десять человек, которые жили в нижних комнатах и которые были выписаны Юровским из чрезвычайки... Юровский так сказал Царю: «Николай Александрович, Ваши родственники старались Вас спасти, но этого им не пришлось. И мы принуждены Вас сами расстрелять». Тут же... раздалось несколько выстрелов. Стреляли исключительно из револьверов. Вслед за первыми же выстрелами раздался «женский визг». Расстреливаемые стали падать один за другим. Первым упал Царь, за ним Наследник. Демидова же, вероятно, металась, закрываясь подушкой. Она была приколота штыками... Когда все они лежали, их стали осматривать и некоторых из них достреливали и докалывали. Но из лиц царской семьи, я помню, они называли только одну Анастасию, как приколотую штыками... Кто-то принес, надо думать, из верхних комнат несколько простынь. Убитых стали завертывать в эти простыни...»²².

Большевик Павел Медведев был доверенным лицом Юровского в охране. 16 июля в 7 часов вечера он уже знал, что ночью будут убивать Романовых. Уральские коммунисты еще не обсудили «вопроса» и не приняли единодушного решения казнить царя, а Юровский уже сказал начальнику охраны: «Сегодня, Медведев, мы будем расстреливать семейство, всё». И велел: предупреди около 10 часов команду, чтобы не тревожилась, если услышит выстрелы.

Медведев сказал на допросе: «Часов в 12 ночи командант Юровский начал будить царскую семью. Сам Николай II и все семейство его, а также доктор и прислуга встали, оделись, умылись, и приблизительно через час времени все одиннадцать человек вышли из своих комнат... Спустившись вниз, они вошли в комнату, находящуюся в конце корпуса дома... Собралось всего 22 человека: 11 подлежащих расстрелу и 11 человек с оружием, которых он всех назвал... Все уже были расстреляны и лежали на полу, в разных положениях, около них была масса крови, причем кровь была густая, «печенками»: все, за исключением сына царя Алексея, были, по-видимому, уже мертвы. Алексей еще стонал. Юровский еще два раза выстрелил в Алексея из нагана, и тогда он стонать перестал. При мне никто из членов царской семьи

никаких вопросов не задавал, не причитал, не было ни слез, ни рыданий»²³.

Охранник Стрекотин вспоминал в своей записке: «Арестованные уже все лежали на полу, истекая кровью, а наследник все еще сидел на стуле. Он почему-то долго не упадал со стула и оставался еще живым. Впритруть начали ему стрелять в голову и грудь, наконец и он свалился со стула. С ними вместе была расстреляна и та собачка, которую принесла с собой одна из дочерей... Трупы выносили на грузовой автомобиль, находящийся во дворе. Второй на носилки стали ложить одну из дочерей царя, но она оказалась живой, закричала и закрыла лицо рукой. Кроме того, живыми оказались еще одна из дочерей и та особа, дама, которая находилась при царской семье. Стрелять в них было уже нельзя, так как двери все внутри здания были раскрыты, тогда тов. Ермаков, видя, что я держу в руках винтовку со штыком, предложил мне доколоть оставшихся в живых. Я отказался, тогда он взял у меня из рук винтовку и начал их докалывать. Это был самый ужасный момент их смерти. Они долго не умирали, кричали, стонали, передергивались. В особенности тяжело умерла та особа — дама. Ермаков ей всю грудь искалол. Удары штыком он делал так сильно, что штык каждый раз глубоко втыкался в пол...»²⁴.

Челябинский литератор Игорь Непеин первым «пролистал» страницы недоступных советскому читателю книг. Основываясь на книгах Н. Соколова, П. Жильяра, Р. Вильтона и других, он в ноябре 1988 года рассказал в газете «Уральская новь» о страшном преступлении, совершенном в Екатеринбурге в июле 1918 года. Однако выводы Непеина довольно незамысловаты:

«В доме Ипатьева творились произвол и беззаконие: бесконтрольное и безответственное распоряжение жизнью и смертью заключенных, в том числе их детей. Их казнили без места, цели и состава преступления еще на заре советской власти. Не явилось ли это одним из проявлений, что привели потом к массовым казням и репрессиям в 30-е, 40-е, 50-е годы при Сталине?»²⁵.

Однако такое важное решение, как расстрел царя и его семьи, не могло быть принято «бесконтрольно». Центр, как видно из предыдущего, внимательнейшим образом следил за перемещением и судьбой Романовых, строго-настрого пресекал «местную самодеятельность»,

и уж, конечно, такой исполнительный и дисциплинированный работник, как Голощекин, не мог пороть никакой отсебятины. По крайней мере, он непременно бы «согласовал вопрос», а не ставил бы правительство перед фактом. Тем более что телеграфная связь все эти дни работала исправно...

В «Воспоминаниях о Ленине» Н. К. Крупская беспристрастно и деловито пишет об этом событии: «Чехословаки стали подходить к Екатеринбургу, где сидел в заключении Николай II. 16 июля он и его семья были наами расстреляны, чехословакам не удалось спасти его, они взяли Екатеринбург лишь 23 июля». Стало быть, не деля еще была в запасе (о чем, разумеется, тогда не знали). Не хотели рисковать? Однако охота пуще невольи: если бы уж так хотели судить Николая II, то, конечно, вывезли бы его в оставшиеся дни — сам-то военный комиссар Голощекин и другие вполне благополучно ретировались. Но и попытки эвакуировать царскую семью не было сделано.

Впрочем, никто и не собирался снова перемещать Романовых: не для этого их привезли в Екатеринбург...

...Еще 4 июля Голощекин отбыл в Москву к Свердлову для получения специинструкций, касающихся Николая II и его семьи. Он остановился на квартире у Свердлова и тут же был извещен по телеграфу Белобородовым о событиях в Екатеринбурге. Там новым комендантом Дома особого назначения стал чекист Юровский, а охрану из местных жителей заменили интернационалистами из чрезвычайки, которых все называли латышами. Голощекин вернулся из Москвы в Екатеринбург 14 июля, в канун казни. Его возвращение совпало по времени с рядом мер, предпринятых Юровским для подготовки убийства.

Заседание Екатеринбургского Совета в ночь на 17 июля 1918 года, якобы решившего участь Романовых, было не более чем обычной партийной инсценировкой, пред назначенной для обмана «трудящихся масс». Юровский вспоминал:

«16. 7 была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Р-ых (Романовых)...

16-го в шесть часов вечера Филипп Г-н (Голощекин) предписал привести приказ в исполнение. В 12 часов должна была приехать машина для отвоза трупов...»²⁶.

Через сутки, глубокой ночью, в Алапаевске по приказу Белобородова казнили трех сыновей великого князя Константина Романова, а также двух других Романовых — великого князя Сергея Михайловича и великую княгиню Елизавету Федоровну. Членов императорского дома сбросили в шахту заброшенного рудника.

Родная сестра царицы, Елизавета Федоровна, известная подвижница милосердия, по свидетельству очевидца, «только крестилась и громко молилась: «Господи, прости им, не ведают, что творят». Когда через три месяца их тела были извлечены, то на выступе шахты рядом с Елизаветой Федоровной обнаружили тело одной из жертв с перевязанной рукой. Вся переломанная, с сильнейшими ушибами головы, она и здесь старалась облегчить страдания ближнего»²⁷.

Немногим раньше, в ночь на 13 июля, в Перми погиб родной брат Николая II Михаил — «самовольный акт» «пролетарской мести» совершил председатель Мотовилихинского Совета Гавриил Мясников с подручными чекистами и милиционерами. Мстители предъявили великому князю подложные документы, вывезли его и секретаря Джонсона за город и расстреляли в лесу.

Случайно ли, что все Романовы, из тех, кто не покинул к тому времени Россию, оказались в одном месте — на Урале? Случайно ли, что они вместе с близкими людьми и слугами были поголовно и разом истреблены? Разумеется, нет. Случайно ли, что династия Романовых, которая венчалась на царство в 1613 году в Ипатьевском монастыре, прервалась — в доме Ипатьева, в Ипатьевском застенке? По всему видно: расправа была задумана и предписана Центром.

Что же за люди решали участь Николая II и членов императорского дома?

Начнем с главного, с «пахана», очень не любившего показываться перед «массами» в своем подлинном облике. Надежда Константиновна припоминает подробность из жизни молодого Владимира Ильича, а подробность, говоривал Шерлок Холмс, может быть столь же красноречива, как муха в стакане молока. В Шушенском на охоте попал Ильич на затопленный со всех сторон участок суши, полный перепуганных зайцев, и проявил себя отнюдь не дедом Мазаем. Бойко орудуя веслом, наколотил столько «братьев наших меньших», что лодочное дно от тяжести прогнулось. Довольной супруге пожаловался

весело, что можно было бы еще добыть, да складывать некуда... Кто-то подумает, что бедные ссыльные марксисты Ленин и Крупская нуждались в Шушенском и жили охотой? Нет, не нужна им была эта зайчатина: каждую неделю молодым марксистам кололи овцу, а, утомившись от баранины, они подкупали у крестьян телятину.

Теперь небольшая подробность из жизни другого революционера. Сидячи в екатеринбургской тюрьме, молодой Яков Михайлович Свердлов с друзьями социал-демократами забавлялся тем, что вешал крыс или топил их в параше.

Как видим, наклонности у будущих вождей пролетариата тогда уже были вполне определенные, достойные внимания профессора Ломброзо, знатока преступных типов. Теперь о других.

Большевик П. Ермаков в 1907 году убил полицейского агента и отрезал ему голову.

Большевик Г. Мясников долго пытал, а потом, еще живым, закопал в землю пермского архиепископа Андроника, за что удостоился беседы с Дзержинским.

Другой палач Михаила Романова, большевик Марков, еще до революции был осужден за убийство, после Великого Октября руки по локоть в крови. Персональный пенсионер союзного значения, он однажды припомнил самое заветное: «Будучи в командировке в Москве в 1918 году, я по делу пришел к товарищу Свердлову Я. М., он меня привел к В. И. Ленину, который спрашивал меня о ликвидации Михаила Романова, я рассказал ему, что сделано было чисто, он сказал: «Ну, вот и хорошо, правильно сделали». Марков украл серебряные часы у секретаря Михаила — Джонсона

Голощекин... Историк революции В. Л. Бурцев сказал о нем следователю Соколову: «Я знаю Голощекина и узнаю его по предъявленной мне Вами карточке. Это типичный ленинец. В прошлом он организатор многих большевистских кружков и участник всевозможных экспроприаций. Это человек, которого кровь не остановит. Эта черта особенно заметна в его натуре: палач, жестокий, с некоторыми чертами дегенерации». Врач Деревенько добавил: «Местный большевик Юровский бледнеет перед Голощекиным».

Яков Михайлович (Янкель Хаимович) Юровский — сын сосланного в Сибирь уголовного преступника. От-

крыл собственный часовой магазин, а затем фотографию, где снимал самых богатых людей Екатеринбурга. Позже возглавляемая им ЧК грабила людей именно по его фотографической картотеке. Вкрадчивый, скрытный и жестокий, он был под стать Голощекину. Брат Лейба говорил, что Янкель «любит угнетать людей», а жена Лейбы Эле Лея считала его «деспотом и эксплуататором». С 1919 года Юровский, начальник ЧК, проживал в Екатеринбурге в роскошном особняке с женой, главой партийной организации города, и дочерью, вожаком местного комсомола. Дружная семейство. Еще три отзыва о нем, словно бы из синонимического ряда: «самый отпетый преступник» (С. Мельгунов), «хладнокровный палач» (С. Гибс), «надежнейший коммунист» (В. И. Ленин).

Александр Григорьевич Белобородов (Янкель Исидорович Вайсбарт), большевик с шестнадцати лет. В январе 1918 года стал председателем исполкома Уральского областного Совета. На этой должности пойман за руку на крупной краже, что, как видно, и помогло вскоре дослужиться до поста министра внутренних дел РСФСР. Уничтожен соратниками в 1938 году.

Под руководством коменданта Юровского действовали семь добровольцев-интернационалистов из 1-го Камышловского полка: Андреас Вергази, Ласло Горват (убил врача Боткина), Виктор Гринфельд, прославившийся позднее Имре Надь, Эмил Фекете, Анзельм Фишер, Исидор Эдельштейн и трое охранников из местных жителей: Ваганов, Медведев и Никулин.

«О моральном облике этих «рыцарей революции», — пишет историк С. Наумов, — можно судить по многочисленным фактам пьянства, воровства царских вещей, а также мародерства. Так, в качестве «гонорара» за участие в убийстве Романовых Медведев получил «носки мужские, одну пару, и женскую рубашку». Кроме того, он украл 60 рублей, 3 серебряных кольца и несколько носовых платков»²⁸.

После расстрела поутру начался грабеж. Комната Юровского была завалена драгоценностями. Хохотали, похабничали, развлекались. Нарядившись в царские мундиры, весело маршировали. Тащили себе, что плохо лежит... Позже в Москву, кроме золота и бриллиантов, ушло три вагона вещей. Все было распределено партапарату, жены наркомов насмерть бились за царские камешки. И местным кое-что перепало — так, бойцы ка-

раула прихватили сотни вещей. Чекист Сахаров получил на память золотое кольцо с бирюзой, принадлежавшее великой княжне Анастасии. Дидковский подарил близкой знакомой сапожки. Голощекин, направляясь в Москву, преподнес в поезде большевичке Голубевой, казнечьше исполкома, женские ботинки и подушку. Голубева очень гордилась подарком и называла подушку «исторической».

В Москву была отправлена телеграмма:

«Председателю Совнаркома тов. Ленину, председателю ВЦИК тов. Свердлову.

Из Екатеринбурга, у аппарата президиум обл. Совета рабоче-крестьянского правительства.

Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбургу и раскрытия ЧК большого белогвардейского заговора имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи точка документы в наших руках точка постановлению президиума областного Совета в ночь на 16 июля расстрелян Николай Романов точка семья его эвакуирована в надежное место По этому поводу нами выпускается следующее извещение ввиду приближения контрреволюционных банд красной столице Урала и возможности того запятая что коронованный палач избежит народного суда скобки раскрыт заговор белогвардейцев пытавшихся похитить его самого и его семью и найдены компрометирующие документы будут опубликованы скобки президиум областного совета исполняя волю революции постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова запятая виновного в бесчисленных кровавых насилиях против русского народа в ночь на 16 июля 1918 года приговор этот приведен в исполнение семья Романовых содержавшаяся вместе с ним под стражей интересах охраны общественной безопасности эвакуированы из города Екатеринбурга точка президиум облсовета точка просим ваших санкций редакции данного документа документы заговора высыпаются срочно курьером Совнаркому и ЦИК извещение ожидаем у аппарата просим ответ экстренно ждем у аппарата...»²⁹.

Случайно или нет, но в тексте содержится ошибка в дате. Однако насчет «эвакуированной семьи» казненного царя члены Уральского областного Совета лгали, сознательно обманывая население «красной столицы Урала».

Теперь о «большом белогвардейском заговоре», яко-

бы раскрытом ЧК. Как выяснилось впоследствии, он был состряпан самими чекистами с помощью члена исполнительного Уралсовета П. Войкова, который и сочинял поддельные письма Николаю II от «белогвардейцев».

18 июля заседал Президиум ВЦИКА. В протоколе № 1 запись: «Слушали — сообщение о расстреле Николая Романова (телеграмма из Екатеринбурга). Постановили: По обсуждении принимается следующая резолюция: ВЦИК в лице своего президиума признает решение областного совета правильным...»³⁰.

В тот же день, как пишут Е. Городецкий и Ю. Шарапов, во время заседания Совнаркома в комнату быстро вошел Свердлов. «Он занял свое обычное место позади Ленина... Когда Н. А. Семашко кончил изложение проекта о здравоохранении, Свердлов наклонился к Ильичу и что-то сказал ему. «Товарищи,— обратился Ленин к собравшимся,— Свердлов просит слова для внеочередного сообщения».

«Я должен сказать,— начал Свердлов,— что только что получено сообщение из Екатеринбурга. Мятежники чехословаки и белогвардейцы подступили к городу. В связи с опасностью для города, по постановлению областного Совета, расстрелян бывший царь Николай Романов. Президиум ВЦИКА,— закончил Свердлов,— постановил действия Екатеринбургского Совета одобрить».

На минуту, только на одну минуту люди, сидевшие в небольшом зале Совнаркома, сосредоточили свое внимание на информации Я. М. Свердлова.

«Перейдем теперь к постатейному чтению Положения о Наркомздраве»,— предложил Ленин после сообщения Свердлова»³¹.

21 июля бюро печати ВЦИКА отправило из Москвы Екатеринбургскому областному Совету телеграмму, датированную 19 июля:

«19 июля. Состоявшемся 18 июля первом заседании президиума ЦИК Советов председатель Свердлов сообщает полученное прямому проводу сообщение от областного Уральского Совета расстреле бывшего царя Николая Романова точка Последние дни столице красного Урала Екатеринбургу серьезно угрожала опасность приближения чехословакских банд точка То же время был раскрыт новый заговор контрреволюционеров имеющий целью вырвать рук совласти коронованного палача точка Ввиду всех этих обстоятельств президиум Уральского

областного Совета постановил расстрелять Николая Романова что было приведено в исполнение 16 июля точка Жена сын Николая отправлены надежное место точка Документы раскрытым заговоре посланы Москву специальным курьером точка Сделав это сообщение Свердлов напоминает историю перевода Романова из Тобольска Екатеринбург когда была раскрыта такая же организация белогвардейцев в целях устрйства побега Романова точка Последнее время предполагалось предать бывшего царя суду все его преступления против народа только развернувшись сейчас события помешали осуществлению этого суда точка Президиум обсудив все обстоятельства заставившие Уральский областной Совет принять решение расстреле Романова постановил ЦИК лице своего президиума признать решение Уральского областного Совета правильным точка Затем председатель сообщает что распоряжении ЦИК находится сейчас важный материал документы Николая Романова его собственноручные дневники которые он вел последнего времени дневники его жены детей переписка Романова точка Имеются между прочим письма Григория Распутина Романову его семье точка Все эти материалы будут разобраны опубликованы ближайшее время точка Продолжение следует»³².

По утверждению Соколова, телеграмма была найдена в здании Уральского областного Совета. Вряд ли он ее сам сочинил, так как она, по сути, повторяет, вплоть до ошибки в дате о расстреле, первую депешу, отправленную из Екатеринбурга в Москву 17 июля.

«Уже 17 июля, после 9 часов,— писал Н. А. Соколов,— Свердлов имел у себя телеграмму иного содержания. Была изъята из Екатеринбургской телеграфной конторы.

«Москва. Кремль. Секретарю Совнаркома Горбунову с обратной проверкой.

Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу, официально семья погибнет при эвакуации. Белобородов».

Г. З. Иоффе в своей монографии и сомневается в подлинности этой телеграммы, и в то же время допускает, что она может быть подлинной.

«Если допустить подлинность данной телеграммы, то ложь получается сознательной,— пишет И. Непеин (будто бы сознательность лжи не доказывается уже текстом

первой депеши, отосланной в Москву).— Для чего это было сделано? Можно предположительно высказать одну мысль. В те времена, времена утверждения социалистической законности, расстрел детей без суда и следствия был невыгоден центральной власти. Ибо не было большего греха в сознании людей, чем убийство невинных детей».

Резонное предположение, хотя его формулировка расплывчата и противоречива. Во-первых, непонятно, за что было судить детей? Во-вторых, известно, чем обернулось сразу же после революции «утверждение социалистической законности» — к концу 1918 года без всякого суда и следствия уже были казнены десятки тысяч людей. В-третьих, не расстрел царской семьи был невыгоден центральной власти, а — правда о расстреле.

20 июля в Екатеринбурге Голощекин первым объявил на заседании президиума областного Совета о расстреле царя; 21 июля в городе появились листовки об этом.

Соколов заключает:

«Основная идея и Москвы, и Екатеринбурга была одна и та же: Царь «казнен по воле народа», жизнь семьи сохранена.

И Свердлов и Голощекин лгали одинаково».

«Тот, кого надо было обмануть, кто не должен был знать,— был русский народ,— пишет П. Жильяр.— ...Однако убийцы беспокоились. Агенты, которых они оставили в Екатеринбурге, чтобы замести следы, ставили их в известность о ходе следствия. Они шаг за шагом наблюдали за его успехами. И когда, наконец, они поняли, что правда обнаружится и что весь мир вскоре узнает, что произошло, они испугались и попытались перевалить на других ответственность за свое злодеяние. Они стали тогда обвинять социалистов-революционеров в том, что они виновники преступления и что они хотели таким путем скомпрометировать партию большевиков. В сентябре 1919 года двадцать восемь человек были арестованы ими в Перми и судимы по ложному обвинению в участии в убийстве царской семьи. Пять из них были присуждены к смерти и казнены.

Эта постыдная комедия свидетельствует еще раз о цинизме этих людей, не усомнившихся предать смерти невинных, чтобы не нести ответственности за одно из величайших в истории преступлений»³³.

И в последующие годы большевики умалчивали о екатеринбургском злодеянии или же стремились выгородить Центр. Лишь однажды престарелый уже, перед юными пионерами похваляющийся своим палаческим подвигом Петр Ермаков проговорился, что основанием для расстрела было личное распоряжение Ленина³⁴.

Есть и другие авторитетные свидетельства, говорящие о прямой причастности Ленина и Свердлова к этой расправе. Троцкий вспоминал в своем «Дневнике»:

«Я прибыл в Москву с фронта после падения Екатеринбурга. Разговаривая со Свердловым, я спросил: «Где теперь царь?»—«С ним все покончено».—«А где семья?»—«Семью постигло то же».—«Всех их?»—спросил я удивленно. «Всех»,—ответил Свердлов. «Кто принял решение?»—«Мы решили это здесь. ...Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в наших трудных условиях»³⁵.

Лев Давидович не стал сокрушаться, что не пришлось побыть главным обвинителем на предполагаемом процессе:

«По существу, решение было не только целесообразным, но и необходимым... Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтобы напугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что впереди полная победа или полная гибель. В интеллигентских кругах партии, вероятно, были сомнения и покачивания головами. Но массы рабочих и крестьян не сомневались ни минуты: никакого другого решения они не поняли и не приняли бы. Это Ленин хорошо чувствовал: способность думать и чувствовать за массу и с массой была ему в высшей мере свойственна, особенно на великих политических поворотах»³⁶.

Вот так. Массы рабочих и крестьян не сомневались бы ни минуты — убивать или нет царскую чету, пятерых детей, среди них четырнадцатилетнего мальчика. Чего ж тогда скрывали от этих масс убийство, врали на весь мир об эвакуированном семействе! «Ленинизм есть подлинная свобода от формальных предрассудков, от морализирующего доктринерства, от всех вообще видов духовного консерватизма, пытающегося связать волю к революционному действию», — писал Троцкий в 1920 году³⁷.

Бежавший за рубеж бывший секретарь Сталина Бажанов позднее делился своими сведениями:

«Может быть, потому Екатеринбург продолжает носить имя Свердлова, что в этом городе была перебита царская семья в июле 1918 года и что доля ответственности за это убийство легла на Якова Свердлова, официального главу советской власти, который, по поручению Ленина, хитро устранившись от формальной ответственности, известил местные уральские большевистские власти, что передает вопрос об участи царской семьи на их решение»³⁸.

По-разному относились современники к этой правде о расстреле.

Патриарх Московский и всея Руси Тихон во время проповеди сказал:

«А вот мы, к скорби и к стыду нашему, дожили до того времени, когда явное нарушение заповедей Божиих уже не только не признается грехом, но и оправдывается как законное. Так, на днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович... Мы должны, повинуясь учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его... Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреливают. Мы готовы все это претерпеть в упованиях, что и к нам будут отнесены слова Спасителя нашего: «Блаженны слышащие Слово Божие и хранящие его»³⁹.

Н. И. Бухарин с издевкой писал в «Злых заметках» о казненных детях царя, «...которые в свое время были немного перестреляны, отжили за ненадобностью свой век»⁴⁰.

В. В. Маяковский, осмотрев подвал в Ипатьевском доме, написал такие стихи (до 1956 года их не печатали):

Спросите: руку твою протяни —
Казнить или нет человечьи дни?
Не встать мне на повороте:
Я сразу вскину две пятерни:
Я голосую против!..
Мы повернули истории бег.
Старье навсегда провожайте.
Коммунист и человек
Не может быть кровожаден.

Уж на что «талантливейший поэт нашей эпохи» (по известному определению знатока словесности И. В. Сталина) все время шагал левой, но и он что-то смутно понял в Ипатьевском застенке — и потому сбился с ноги и шагнул правой...

Казалось бы, все благополучно обернулось для Филиппа Исаевича Голощекина и его подручных. Ах нет!

«19 июля, утром, в саду Коммунистического клуба компания Ермакова вела между собой беседу самого откровенного характера. Скрываться было не перед кем и стесняться некого. Перечисляли, кто был убит, отмечали, что в поясах костюмов были зашиты драгоценности, высказывали мнение, что у мертвых «красоты» не видать. Кто-то поинтересовался: «Как были одеты убитые?» Паргин ответил: «Они были все в штанах». «Второй день приходится возиться,— сокрушался Костоуров,— вчера хоронили, сегодня перезахоранивали»,— писал М. К. Дитерихс в книге «Убийство царской семьи и членов дома Романовых» (Владивосток, 1922) ⁴¹.

Оказывается, еще пришлось похлопотать. Приведем выдержку из статьи И. Непеина:

«Петр Захарович Ермаков, верхнеисетский военный комиссар, был привлечен не для расстрела, а для уничтожения трупов. Это мог сделать только человек, хорошо знающий чащобы в окрестностях города, Юровский их не знал, а вот Ермаков знал и указал такое место: недалеко от деревни Коптяки, в глухом урочище Четырех братьев, к западу от дороги был старый заброшенный рудник с одной-единственной открытой шахтой. С 17 по 19 июля движение по коптяковской дороге было прекращено.

17 июля в аптекарский магазин «Русское общество» в Екатеринбурге явился служащий комиссариата снабжения и от имени областного комиссара Войкова потребовал от управляющего «без задержек и отговорок» выдать пять пудов серной кислоты. В эти же дни к оцепленному руднику привезли 10—11 пудов бензина» ⁴².

Обратим внимание еще на одну фигуру. Петр Лазаревич Войков (Пинхус Лазаревич Вайнер) был одним из тех, кто вместе с Лениным проехал в 1917 году в «запломбированном» вагоне из Швейцарии в Россию через территорию кайзеровской Германии. Впоследствии в течение трех лет советский полпред в Варшаве. Убит в 1927 году молодым русским эмигрантом Борисом Ко-

вердой. Войков был немаловажным участником екатеринбургской бойни — организовал уничтожение трупов серной кислотой. Любопытные подробности о нем сообщил член Уральского исполкома, бывший австрийский военнопленный И. П. Мейер: «...Когда мы вошли (в подвал), Войков был занят обследованием расстрелянных, не остался ли кто-нибудь еще жив. Он поворачивал каждого на спину. У царицы он взял золотые браслеты, которые она носила до конца...» Мародер? Или сложил драгоценности в общую кучу «бриллиантов», которых набралось с «полпуда» и которые в 1919 году Юровский, как он пишет, отвез в Москву? Кто знает... В 1927 году в Варшаве у Войкова на пальце переливался красным рубиновым перстень, снятый, по его признанию, с одной из жертв. Между тем следствие обнаружило на дне шахты, куда былиброшены останки убитых, среди другого, чей-то обрезанный палец. Не с этого ли пальца был снят перстень?.. Кстати, и чекист Юровский, сын екатеринбургского ювелира, как говорили, «выбился» в коменданты Ипатьевского дома, привлеченный царскими драгоценностями...

«Сейчас, спустя 70 лет,— продолжает Непеин,— события представляются в следующем порядке. Под покровом ночной темноты 17 июля тела расстрелянных в Ипатьевском доме доставили к урочищу Четырех братьев ибросили в открытую шахту. Тем и ограничились на первый случай.

Когда 17 утром об этом узнал Голощекин, он пришел в страшную ярость: задача оказалась не выполненной. Трупы были только захоронены, а не уничтожены, и легко могли стать добычей белогвардейцев, которые уже подходили к городу. Тогда и началась беготня за бензином, серной кислотой и спиртом.

Все это пригодилось 18 июля, когда Голощекин приказал произвести уничтожение тел под своим личным контролем и наблюдением. По мнению следователя Соколова, генерала Дитерихса, английского журналиста Вильтона, дело выглядело так. Тела расстрелянных вытащили из шурфа и положили на глиняную площадку перед шахтой. Сюда же доставили бензин, кислоту и спирт. Голощекин приказал отделить головы членов царской семьи. Найденные следствием кусочки шейных шнурков и цепочек носят следы порезов, что легко могло произойти при отделении голов от туловища режущим

или рубящим орудием. Наконец, зубы горят хуже всего, но при всей тщательности розысков, нигде — ни в костюмах, ни в почве, ни в засыпке шахты — ни одного зуба не найдено. По мнению следственной комиссии, головы царя и его семьи были заспиртованы, упакованы в деревянные ящики и отвезены Голощекиным в Москву в качестве безусловного доказательства содеянного.

Затем приступили к главной цели — уничтожению трупов. Их стали рубить топорами. (Следствием были найдены обожженные кости и драгоценности со следами порубки и раздробленные драгоценные камни.) Оставшееся обливали бензином, кислотой и сжигали.

После этого Ф. И. Голощекин выехал из Екатеринбурга в отдельном салон-вагоне поздно вечером 19 июля и направился прямо в Москву. Он вез с тобою три очень тяжелых ящика...»⁴³.

Ящики были сколочены из досок и перевязаны веревками. Любопытствующим спутникам Голощекин сказал, что в них образцы снарядов для Путиловского завода. Но в Москве он отвез эти ящики в Кремль — на квартиру к Свердлову.

* * *

Отечественные исследования, вслед за историками зарубежья, обращают внимание на характер убийства Николая II.

«...Речь шла не об устранении претендентом на престол своего предшественника — вроде убийства Петра III или Павла I. Николай II был расстрелян именно как царь, этим ритуальным актом подводилась черта под многовековой эпохой русской истории, так что сравнивать это можно лишь с казнью Карла I в Англии или Людовика XVI во Франции», — пишет И. Р. Шафаревич⁴⁴.

Подобные взгляды углубляет мистическим видением лицо, облеченнное саном. В августе 1981 года на съезде русской православной молодежи в Сан-Франциско епископ Нектарий Сеатлийский говорил:

«Государь — Помазанник Божий, священное лицо, носитель особой Благодати Духа Святого. Эта Божественная сила, действующая через Помазанника Божия, удерживала распространение зла, тайны беззакония. Апостол Павел во втором послании к фессалоникийцам пишет: «Тайна беззакония уже в действии, только не со-

вершится до тех пор, пока не будет взят от среды Удер- живающий теперь». Диавол уже как бы давно рвется и сilitся явить миру антихриста, но не может, потому что еще в наше время Божественная Благодать, сугубо дей- ствующая через Помазанника Божия, удерживала и не дала этой возможности. Тайне беззакония необходимо было, чтобы получить свободу действия, взять от среды Удерживающего, что и произошло по попущению Божию за грехи всего русского народа. Итак, Удерживающий взят от среды, и с этого момента все мы являемся свиде- телями безудержного разгула и распространения зла во всем мире. Совершилось страшное злодеяние — царе- убийство. Убит Государь, Помазанник Божий, Покрови- тель Православной Церкви, Глава Православного госу- дарства, убит Удерживающий. Из сказанного абсолютно ясно, что это злодеяние было ритуальным, а не полити- ческим убийством...»

* * *

Лишь в середине двадцатых годов большевики при- знали, что вместе с Николаем II казнена вся его семья.

Нет свидетельств тому, чтобы совесть донимала па- лачей. Куда там! Хвастались, гордились своим «револю- ционным подвигом». В 1927 году Юровский со своим помощником Никулиным норовили организовать юби- лей — «десятилетие казни Романовых». Убийцы сдали в Музей революции «драгоценные реликвии — орудия каз- ни бывшего царя Николая II, его семьи и остатков вер- ной ему до пробы челяди». Они же предложили издать сборник документов и воспоминаний участников рас- стрела. Однако «через члена коллегии ОГПУ Ф. И. Го- лощекина был передан устный ответ И. В. Сталина: «Ничего не печатать. И вообще помалкивать»⁴⁵.

Как видим, советским историкам партии указание мудрого Кобы на 60 с лишним лет замкнуло правдивые уста.

Советская власть сделала все, чтобы стереть в рус- ской памяти образ последнего царя — святого мученика за народ и веру, пока сама не сгинула, как нечистый дух.

На кого же большевики чуть ли не сто лет лили грязь, кого оплевывали?

Камердинер Волков поведал следователю Соколову: «Я не умею рассказать про характеры царской семьи, потому что я человек неученый, но я скажу, как могу.

Я скажу про них просто: это была самая святая и чистая семья».

В книгах Великой Княжны Ольги Николаевны, брошенных в разоренном Ипатьевском доме, нашли три листа бумаги. На одном было стихотворение Сюлли Прюдома, на двух других стихи на русском, написанные ее рукою. Вот они:

ПЕРЕД ИКОНОЙ БОГОМАТЕРИ

Царица неба и земли,
Скорбящих утешенье,
Молитве грешников внемли —
В Тебе — надежда и спасенье.

Погрязли мы во зле страстей.
Блуждаем в тьме порока.
Но... наша Родина. О, к ней
Склони всевидящее око.

Святая Русь, твой светлый дом
Почти что погибает.
К Тебе, заступница, зовем,—
Иной никто из нас не знает.

О, не оставь своих детей,
Скорбящих упованье.
Не отврати Своих очей
От нашей скорби и страданья.

И второе:

МОЛИТВА

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твою кротостью встречать.

И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги.

Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас

И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

И еще одна надпись, сделанная в те же дни, в канун казни, рукою Великой Княжны Ольги Николаевны:

«Отец просит передать всем тем, кто ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за него, так как он всех простили и за всех молится, и чтобы не мстили за себя; и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь».

* * *

...В июне 1930 года, будучи в Алма-Ате, Голощекин выступал с отчетным докладом крайкома Седьмой Все-казахстанской конференции. К тому времени первая волна колLECTивизации вызвала по всему Казахстану народные восстания, и первый секретарь осуждал «анти-советские выступления массового характера»:

«Характерно... что во главе их стояли исключительно полуфеодалы, ишаны и духовенство. Провокация, которой они брали аул, состояла в том, что они говорили: советская власть свергнута англичанами, поляками и китайцами; что уже во главе стоит сын Николая II с двумя помощниками: Керенским и Троцким...»

Согласно стенограмме, в зале раздался смех.

Уж кто-то, а докладчик знал, какая судьба постигла царского сына.

А вот делегаты конференции — знали ли они, что Голощекин был одним из основных организаторов убийства царя и его семьи?

Недавно я спросил об этом казахского писателя Галимова Хакимовича Ахмедова, который находился тогда в зале.

— Как же не знать, знали... С того самого времени, как он появился у нас в Казахстане, знали...

Историки не слишком внятно сообщают о том, каким образом Голощекин оказался в Казахстане — и сразу в первой роли. Так, «Очерки истории Коммунистической партии Казахстана» (1963 г.) обходятся одной фразой: «Центральный Комитет направил в Казахстан группу руководящих партийных и советских работников во главе со старым большевиком, известным партийным деятелем Ф. И. Голощекиным, который был избран первым секретарем крайкома партии». Противоречивая формулировка: где, когда и кто избирал направленного в Казахстан Филиппа Исаевича первым секретарем — понять невозможно. Сборник «Под знаменем ленинских идей» также немногословен: «В отчетном докладе краевого комитета РКП(б), с которым выступил направленный ЦК РКП(б) на партийную работу в Казахстан старый большевик Ф. И. Голощекин, обращалось внимание...»

Проще говоря, Филиппа Исаевича в первые секретари никто не избирал, тем более казахстанские коммунисты. Он был назначен на эту должность. Обычное дело для тех и других времен. Орграспред при секретariate ЦК РКП(б) еще в 1923 году «направил на работу на периферию более 10 тысяч человек, в том числе около половины ответственных работников. Партийные лидеры, таким образом, стали расти не на местах, не в гуще событий, а в аппарате»¹. Во главе орграспреда Сталин поставил Лазаря Моисеевича Кагановича, того самого, который несколькими годами позже будет координировать руководство коллективизацией сельского хозяйства. И новая «кузница кадров», которые, как известно, «решают все», заработала. Ее основополагающим принципом стала сформулированная Сталиным на XII съезде РКП(б) следующая задача: «...необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь». За два года орграспред произвел 8761 назначение, из них 1222 — в партийные органы. «К 1927 году Сталин уже имеет собственную, верную номенклатуру,— пишет В. Костиков.— Директивы теперь могли идти, не встречая никаких препятствий. На всем пути были послушные исполнители»².

Вот такой исполнитель и появился в Казахстане осенью 1925 года.

Партийная демократия восторжествовала несколько позже — в декабре, когда на Пятой Все казахстанской конференции РКП(б) назначенного сверху лидера местные коммунисты послушно избрали своим руководителем.

Ступал ли прежде Голощекин на казахскую землю, народом которого его направили руководить? Сведений об этом нет. Власть предержащие большевики, производя назначения на окраины, отнюдь не ставили «во главу угла» знание местных условий, языка и т. д. Куда как важнее был партстаж, революционная закалка — а уж Филиппу Исаевичу этого было не занимать. Где только не закалялся этот революционный Фигаро, куда его только не заносили после революции ответственные задания ЦК! Урал, Башкирия, Поволжье... И в Туркестане побывал.

«Октябрьская революция освободила трудящихся Туркестана от национального и социального гнета, открыла перед ними великий путь социалистического строительства. Но с ликвидацией системы национально-колониального гнета не сразу были устраниены тяжелые последствия многолетней колониальной политики царизма и российской империалистической буржуазии в Туркестане», — писала историк В. П. Николаева³.

«Великий путь» начался по костям жертв гражданской войны, разрухи и голода. Туркестан оказался отрезанным от России фронтами: Уральским, Актюбинским, Закаспийским, Ферганским, Семиреченским. Между тем в предвоенное десятилетие (1905—1914 годы) здесь резко выросли хлопковые плантации за счет сокращения посевов хлеба. Сама себя Туркеспублика прокормить уже не могла. В 1917 году, по восточному календарю — году змеи, приносящему бедствия, — землю поразила засуха. Трава сгорела, хлеб не уродился. Зима была суровой и долгой. «Следствием этого является царь-голод и его неизменный спутник — болезнь. (Гибнут целыми семьями.) По данным с мест, убыль людей от голода и болезней доходит в разных районах от 25 до 50 процентов. Скот же сохранился не более как в 1/10 части», — говорил на заседании ТурЦИКа в ноябре 1918 года Турагар Рыскулов, назначенный главой комиссии по борьбе с голодом⁴.

В Туркестан входил весь юг нынешнего Казахстана — Семиреченская и Сыр-Дарынская области. Кочевники, населявшие эти места, и пострадали особенно сильно. В городе Аулие-Ата и близлежащих кишлаках валялись неубранные трупы людей, истощенные бедняки разбредались по степи в поисках пропитания. Их отправляли этапом в свою волость, обязывая состоятельных родственников брать голодящих на прокормление под строгим наблюдением аульных и волостных комиссаров. Устраивали питательные пункты, но там кормилась лишь малая часть тех, кто нуждался в помощи.

Комиссар здравоохранения Туркеспублики С. Ходжаев докладывал в октябре 1918 года:

«Из имеющихся в моем распоряжении сведений видно, что голодает почти поголовно киргизское население, имеется сравнительно небольшое число голодящих и в среде оседлого населения...

Киргизы, в особенности дальних от городов волостей, летом текущего года не могли засеять землю, не имея для этого зерновых семян, а те киргизы, которые занимались исключительно скотоводством, проели свой скот... В степных волостях редкая киргизская семья может обойтись без продовольственной помощи до лета будущего года»⁵.

Бедствие разрасталось. В конце 1918 года голодало уже около миллиона человек. Нужны были деньги для преодоления катастрофы — «хотя бы 40 миллионов», как говорил Рыскулов на заседании ЦИК Туркеспублики 13 декабря 1918 года.

30 декабря 1918 года ТурЦИК отдал приказ всем совдепам о проведении мероприятий по борьбе с голodom. Мор, вызванный преимущественно общественными катаклизмами, почему-то назван в нем «стихийным бедствием». ТурЦИК призывал напрячь все силы республики, чтобы справиться с голodom...

В благодатных краях такого еще не бывало, и «общественность» не представляла себе размеров беды. В этом смысле показательна полемика Т. Рыскулова с неким Г. Агаревским в ташкентской «Нашей газете», происходившая в конце 1918 года. Этот спор ярче других документов рисует тогдашние времена и нравы.

В статье, опубликованной в № 265 и названной «К киргизской интеллигенции», Г. Агаревский писал:

«Из истории экономической науки известно, что все так называемые пастушеские, кочевые народы были бедны и беспечны, да иначе и не могло быть: при частых передвижениях многое не увезешь, а если правильна пословица «два переезда — один пожар», — то таких переездов с места на место, при которых так много портится, ломается, бросается, в жизни кочевника бесчисленное множество, — поэтому нет возможности кочевнику накопить материальные блага; — а известно, что у народа, не имеющего экономической мощи, нет и духовных ценностей, нет возможности создать науки и искусства. Кочевник никогда не выдержит конкуренции с оседлым, и почти с уверенностью можно сказать — будет у него в экономической зависимости, экономическом рабстве: а ведь вам известно, что экономическая зависимость ведет к политической. Недавно в газетах было отмечено, что киргиз в Сыр-Дарынской области больше, чем всех других народностей вместе взятых: — а у кого почти все богатства? — несомненно у оседлых.

Кочевники обладают особыми взглядами, которые никак не может разделить оседлый; жизнь человеческая здесь дешево ценится, — и если родственники убийцы уплатят убытки семье убитого, — дело этим кончается. Похищение скота, умыкание девушек считается молодечеством. Конечно, что приобретено таким путем, мало ценится и легко расходуется, разоряя потерпевшего, не обогащает приобретателя. Конечно, все будет идти у кочевника при его простых требованиях сносно, пока нет экономических и политических потрясений, когда земли, пастбищ много, везде простор, много свету, солнца, тепла, мало зим, эпидемий и проч. Прошлый год и нынешний показывают, во что может обойтись кочевнику его любовь к бродяжничеству и его беспечность: люди мрут от голода и болезней, скот — единственное богатство кочевника, подыхает от бескорьи.

Я и задаю вопрос: чем занималась до сих пор киргизская интеллигенция? Писанием прошений, входящих и исходящих? Почему не звала народ свой к оседлой жизни и, по крайней мере, рациональному скотоводству? Ссылаясь на царский режим вы не можете, ибо закон прямо поощрял кочевников к оседлой жизни; ведь достаточно было хоть что-нибудь посадить, засеять или соорудить в любом участке земли, никем не занятом, и этот участок по закону и желанию кочевника закреплялся за

ним. Когда среди кочевников происходили споры, оседать или кочевать, когда требовалось разумное слово, где было большинство из вас? По канцеляриям? В качестве ходатаев? Наконец, где вы были в прошлом году, когда с очевидностью выяснились последствия кочевки и беспечности? Гремели ли вы хоть в газетах? Написали ли вы хоть один призыв к обществу, правительству о помощи? И только теперь вы беретесь за дело, и то, по видимому, в самых узких пределах непосредственной помощи голодающим путем открытия столовых, закупки хлеба и проч. ... Вам, конечно, лучше известна жизнь кочевника, чем мне, но позвольте вас спросить, почему же ТурЦИК предоставил вам средства и утвердил организацию, вы сидите и ничего не делаете? Если вы задумали поставить дело широко, то почему же вы не созываете специалистов по сельскому хозяйству, экономистов, практиков и теоретиков и не вырабатываете вместе с ними плана работ по земледелию?

Пора, товарищи, энергично взяться за дело.

Ваш простой патриархальный народ заслуживает большего внимания, чем уделялось ему до сих пор.

Из отчета в газетах я узнал, что Рыскулов, помимо помощи от казны, предполагает обратиться непосредственно к обществу за поддержкой. От всего сердца, идя навстречу такому призыву, я от скучных средств своих жертвую на великое дело непосредственной помощи измученному народу 500 рублей и думаю, что общество откликнется на Ваш, т. Рыскулов, призыв и даст Вам эту помощь, кто деньгами, кто силами»⁶.

Через несколько дней, в № 276 той же газеты, Тураг Рыскулов отвечал Г. Агаревскому:

«К ВОПРОСУ О ГОЛОДЕ»

...Много не распространяясь, в ответах по существу прежде всего скажу, что гр. Агаревский опоздал с этим письмом. Обращение это надо было сделать два года тому назад, когда только-только намечались отдаленные признаки голода в степи, а не тогда, когда это стихийное бедствие приняло самые широкие размеры.

Если автор письма считает себя вправе обвинять киргизскую интеллигенцию и указывает на прошлые её ошибки, на то, что она своевременно «не гремела» в газетах и не призывала общество и правительство к помо-

щи, то, прежде чем дать ответ, я бы спросил: а где были Вы, гр. Агаревский, и вся ваша «высшая интеллигенция»? Почему вы тогда не премели в газетах и не упомянули, по крайней мере хоть раз, о надвигающемся бедствии? Вы были свидетелями ужасов голода в прошлом году, но вы брезгливо отстранялись от голодных, боясь заразиться.

Правда, были отдельные случаи проявления сочувствия, но эта кажущаяся «филантропия» вместо спасения голодных скорее свела их в могилу...

Обвинять киргизскую интеллигенцию нет основания потому лишь, что она была слишком ничтожна количеством, чтобы повлиять на многомиллионную массу, где этих интеллигентов называли «полумусульманами» и вовсе не доверяли. Правда, отношение это в корне изменилось, но в то же время можно было дать толчок туземцам не словами, а чем-то другим. Нет основания обвинять киргизскую интеллигенцию также в том, что она, забыв народные нужды, «занималась по канцеляриям в виде ходатаев». Разве вы (русская интеллигенция) в Туркестане не занимались тем же? Почему вы не постарались за полстолетие поднять умственный уровень туземцев? Ваша была святая обязанность обратить внимание на ту нищету и угнетение, которые царствовали среди мусульманского мира, а не распевать «поэзию Востока», где ее не было.

В письме гр. Агаревского иногда высказывается полнейшее непонимание некоторых явлений в быте кочевников; например, он, оправдывая старое правительство и удивляясь, почему киргизы не перешли в оседлость, пишет: «ссылаясь на царский режим вы не можете, ибо закон прямо поощрял к оседлости жизни». Разве гр. Агаревскому не известно, как этот закон давал полную возможность разным волостным старшинам и баям угнетать киргизскую бедноту и поощрял баев, которым вовсе нежелательно было «сесть на землю», бросить свой кумыс и горный «джайляу». А если бы тот же старый режим защитил бы бедноту от баев, наделил бы ее хорошей землей, отняв у богатых, забравших всю землю, и снабдил бы орудиями, то давно бы мы видели киргиз оседлыми.

Другое характерное место в письме, где автор спрашивает: «Почему же, когда ТурЦИК предоставил сред-

ства и утвердил организацию, вы сидите и ничего не делаете?»

Так говорят сейчас все те, которые мало думали о голоде и которые благодаря непониманию всей трудности этого дела думают: создали органы помощи голодающим — и уже голоду нет. А я бы сказал: не забывайтесь, не брезгуйте голодающими, не смотрите на них как на последние человеческие отбросы, тогда, может быть, справимся с голодом. Молить теперь имущих не приходится, они сами должны и обязаны пойти навстречу.

Не предаваясь дальнейшей критике, как лицо, стоящее во главе дела борьбы с голодом, в заключение все же не могу не приветствовать гр. Агаревского за высказанное им сочувствие делу помощи голодающим и пожертвование 500 рублей, и обращение к туземной интеллигенции, хотя и запоздалое, но «лучше поздно, чем никогда», и надеюсь, все, в ком есть чувство человечности, последуют его примеру. В особенности это должна сделать имущая часть населения Туркестана, отказавшись, наконец, от преступного безразличного отношения к гибнущей бедноте»⁷.

Ну, общественность во все времена была самонадеяна и слепа. А что же партийно-советские руководители Туркестанской Республики?

Как свидетельствует Рыскулов, виднейшие из «европейских» работников тогда продолжали еще недооценивать роль и значение коренного населения в революции. «Например, тов. Тоболин... на одном из заседаний ТурЦИКа заявил прямо, что, например, киргизы, как экономически слабые с точки зрения марксистов, все равно должны будут вымереть; поэтому, говорил он, для революции важнее средства тратить не на борьбу с голодом (что все равно не достигнет цели), а на поддержку лучше фронтов»⁸. Как видим, местные марксисты, «заслуженные руководители Октябрьского переворота в Туркестане», не слишком пеклись о беднейших массах, ради которых они якобы совершили переворот и которых всего лишь год назад как наставили «на великий путь социалистического строительства». В том же 1918 году в Ашхабаде восстали железнодорожники, чьими лозунгами были: «За советскую власть, но против отдельных негодных комиссаров», «За советскую власть, но против большевиков», — и тот же Тоболин, председательствующий на I съезде совдепов Туркестана, кричал: «Не деле-

гацию, а побольше артиллерию нужно послать, чтобы от контролеволюционеров ни одной щепки не осталось»⁹.

12 февраля 1919 года «Наша газета» в заметке «О голодающих» привела слова Рыскулова: положение создается критическое, голодающих зарегистрированных один миллион, а не зарегистрированных еще больше. «...т. Рыскулов отмечает несочувственное отношение к делу борьбы с голодом... со стороны местных исполнков...» Он предложил декретом обложить имущие классы независимо от национальностей, но «т. Казаков категорически высказался против обложения... дабы не нажить лишнего врага. Верховный революционный совет и ЦИК согласились с Казаковым»¹⁰.

В марте 1919 года Т. Рыскулов выступил на 7-м Чрезвычайном съезде Советов с докладом Центральной комиссии по борьбе с голодом в Туркестане. Он сказал, что среди 970 000 ученых голодающих три четверти составляют киргизы-кочевники и одну четверть — оседлые жители, а всего страдают от истощения около двух миллионов людей. Перерезав скот до последней головы, «несчастные кочевники бросились в населенные пункты, надеясь здесь подаянием или случайной возможной работой как-нибудь влачить существование, а другая часть продолжала бродить по кочевьям, питаясь всяческими суррогатами, как, например, зелеными листьями кустарниковых растений, черепахами, зеленою травой, клевером, горькими кореньями растения, так называемого «алгы», и другими, безусловно неудобоваримыми и вредными для человеческого организма (хлопковые жмыхи).

Трагизм в состоянии этих бедняков достиг, наконец, крайности после того, как были удостоверены случаи буквального поедания человеческого мяса, причем голодные, потерявшие человеческий облик люди рвали друг у друга мешки, наполненные мертвечиной, и утоляли ею звериный голод. Случаи же продажи голодными родителями своих малых детей в полную собственность, то есть в рабство баям, стали обычным ужасным злом, получившим уже широкое распространение»¹¹.

«Власть пролетарская» предоставила обездоленным кредит в 5 миллионов рублей — вспомним, что еще в конце 1918 года Рыскулов просил «хотя бы 40 миллионов».

Помощи не хватило. Вымерла, по данным комиссии, треть голодающего населения.

Рыскулов обвинил краевую Продовольственную Директорию в том, что она была больше озабочена снабжением армии и тех учреждений, которые «со сжатыми кулаками» требовали свое.

«Если бы голодающий пролетариат мог явиться в тот же ЦИК или в ту же Продовольственную Директорию и потребовать свои права тоже со сжатыми кулаками, то получилась бы совершенно другая картина. Но голодающий пролетариат, особенно туземный, вымирал и своих прав не мог требовать. ... Количество умерших исчисляется в огромных размерах. Можно сказать, что эти погибшие люди спасли положение и даже спасли советскую власть, так как если бы они, эти миллионы голодающих, также пришли со сжатыми кулаками и потребовали своей доли, то они не оставили бы камня на камне и перевернули бы все; но эти элементы были бессознательны, так как они не были организованы. Поэтому нам приходится сознаться, что хотя мы их и не накормили, но они спасли общее положение.

Краевая Продовольственная Директория заявляет: мы вам дать ничего не можем... Но строить здесь советскую власть на костях туземного пролетариата нельзя, как хотят допустить некоторые»¹².

Тем временем на жителей обрушивались то хлебная монополия, то продовольственная диктатура с запретом базаров, то продразверстка с грабежом последней горсти зерна.

Весной 1919 года ТурЦИК направил в Ферганскую область двух особоуполномоченных «исключительно по делам киргиз». В Андижане они застали следующую картину: партийные и советские чиновники разъезжали в парных экипажах, а дехкане впрягались вместо лошадей и пахали поля. Из Джалаал-Абада телеграфировали, что киргизы встретили их радостно и благодарят советскую власть за оказанное внимание. «Они жалуются, что последняя трехлетняя история пролетарской революции разорила их экономически и духовно...»¹³.

В ту же Ферганскую область съездил председатель Совнаркома Туркестана Сорокин. Он самолично подтвердил безобразия:

«...От мусульман отбирают все, и не только отбирают, но и убивают их. Наши солдаты вместо защиты несут грабежи и убийства... В кишлаках население терро-

ризировано и бежит. Растут шайки разбойников. Но, может быть, возразит кто-нибудь, что это не партия, а Красная Армия чинит насилия. Но партия стоит во главе... Мусульманский пролетариат просит помощи у русских, но те отвечают, что не доверяют им. Мусульман травят, мусульман даже убивают... Мусульманская беднота терпит от наших отрядов, уничтожавших без разбору (их) имущество, женщин и детей... Мусульмане-националисты... каким образом они могут относиться к нам дружески, когда видят только оскорблений? Мы сами делаем их националистами...»¹⁴.

В июне 1919 года в Ташкенте проходил 3-й краевой съезд Компартии Туркестана. Один из делегатов, «бедняк-мусульманин», сказал на заседании 5 июня:

— Мы, бедные мусульмане, как находились при Николае Кровавом скотиною, так находимся и теперь при нынешнем пролетарском правительстве. И даже хуже, хотя не сопротивлялись советской власти...¹⁵.

Дехканину вторил писатель Жусупбек Аймаутов в своей книге «Психология выбора профессии», вышедшей на казахском языке в московской типографии Совета Национальностей:

«Война, революция, грабежи, голод, национальная свобода, автономия... все это вещи, не снившиеся казахско-киргизскому народу даже во сне, бросили (казахско-киргизский народ) в объятия нищеты и бесконечных нужд...»¹⁶.

Сколько жертв унес этот небывалый, по словам Рыскулова, голод? Точных данных нет. Количество умерших исчисляется в огромных размерах, говорил он в марте 1919 года. Но ведь с бедою не могли справиться до конца 1919 года... В предисловии к книге «Революция и коренное население Туркестана», написанном несколькими годами позже, Рыскулов отмечает, что организация чрезвычайных комиссий по борьбе с голодом, диктаторскими полномочиями «спасла сотни и тысячи пролетариев и бедноты (спасено, по статистическим данным, почти ровно 1 000 000 человек)...»¹⁷. Миллион жизней избавили от смерти, но голодало-то не менее двух миллионов человек. Значит, и жертв — миллион. Примерно такую же цифру дает и Мустафа Чокаев в книге «Туркестан под властью Советов» (Париж, 1935). Он пишет, что, согласно советским источникам, погибло 1 114 000 человек, однако не называет этих источников.

Рыскулов считал, что голод послужил одной из главных причин возникновения басмачества в Туркестане. Но ведь и голод был следствием не только стихии, но, главным образом, причин политического и экономического порядка. Как бы то ни было, однако до времен революционной смуты никакого басмаческого движения в этих краях не существовало. Карательные действия новой власти, ее грубый и беспощадный атеизм, экономический грабеж — все это и другое не могло не вызвать противодействия. Уже 9 июля 1918 года «ввиду непрекращающихся грабежей и разбоев» Ферганская область была объявлена на военном положении. По мнению председателя (в 1922 году) Совнаркома Туркестана К. Атабаева, в 1919—1920 годах в Ферганской долине существовало не просто басмачество (в переводе бандитизм), а «определенное народное восстание». 18 июля 1922 года, делая доклад на 5-м заседании 4-го пленума ТурЦИКа, проходившего в Ташкенте, Атабаев так объяснил зарождение басмачества:

«Советскую власть в Фергану привезли железнодорожные рабочие, которые долгое время не находили пути к увязке с местным населением. Одновременно с возникновением советской власти в Фергане группа мусульманской интеллигенции, совместно с улемами, созвала съезд мусульманских воинов и дехкан. На этом съезде было избрано правительство автономного Туркестана. Оно объявило амнистию всем грабителям и ворам, призывая их вступать в ряды национальной армии, которая организовалась в Фергане. Между прочим, туда был приглашен Иргаш, бывший вор и грабитель, сосланный на каторгу царским правительством и вернувшийся после революции. Он был назначен «курбаши». В переводе — начальник охраны города Коканда.

Для ликвидации этой банды советской властью был отправлен в Коканд отряд во главе с т. Перфильевым, который и приступил к осаде города. Автономное правительство выпустило воззвание, приглашая всех мусульман вступить в ряды национальной армии для защиты религии Ислама, национальной свободы и автономного правительства. И действительно, близкие кишлаки отозвались и прибыли в Коканд с кетменями, топорами, охотничими ружьями и т. д. Бой продолжался три дня. За это время автономное правительство исчезло, ушел и Иргаш. К моменту взятия Коканда в городе остались

те кишлачники, которые пришли к ним на помощь. Они-то больше всего и пострадали.

Наш отряд состоял исключительно из дашнаков *, которые быстро учили создавшуюся обстановку и решили нажить деньги. Расправа шла большей частью по торговой линии. Все местные торговцы были расстреляны, имущество их было свезено на склады и в вагоны, а что осталось, было сожжено. Население подверглось насилиям, грабежу, а город — разрушению.

Население Ферганы, видя такую жестокую расправу, поверило автономистам, что большевики действительно грабители и бандиты, что они ничего не признают и идут против религии, против Бога.

...Мобилизация местного населения на тыловые работы в 1916 году вызвала целый ряд восстаний в Самаркандской и Семиреченской областях. В Фергане... население откупилось от мобилизации очень осторожно: оно обложило само себя особыми налогами и на собранные деньги наняло всякий сброд — картежников, карманников, весь бездельный люд, которым кишила Фергана. После годового пребывания на фронтах они возвратились домой и как «истинные рабочие» были привлечены в местные Советы...

В каком же порядке протекала там наша политическая работа? Наш лозунг «Долой старый мир, долой буржуазию!» проводился в жизнь приблизительно в следующем виде. За старый мир мы принимали все мечети, медресе, которые были нами закрыты; казии, улемы были арестованы; борьба с религиозными предрассудками выражалась в том, что священный для мусульман Коран в Маргелане был сожжен представителями советской власти; соборная мечеть в Андижане была превращена в казармы мусульманских отрядов...

Наши отряды нападали на мечети и бросали бомбы в молящихся ишанов, улемов. В результате весь класс улемов и ишанов ушел к басмачам.

Местное байство мы расценили как европейскую буржуазию, арестовывали и сажали в тюрьму, выпуская по выплате определенной контрибуции. Здесь я отмечу, что покушение на товарища Ленина также отразилось в Фергане репрессиями по отношению к баям, которых

* Члены армянской националистической партии «Дашнакцутюн».

арестовывали, говоря: «Вы, сволочи, покушались на Ленина!» Так протекала там классовая борьба...

Мы проводили... и хлебную монополию и продовольственную разверстку, и земледельческое крестьянство и труженики-кустари, поголовно все население восстало против советского режима, советского порядка и ушло к басмачам, дав этому движению, вначале чисто бандитского характера, политическое содержание...

...И мы в течение 4 лет не сумели ликвидировать это движение ни с какой его стороны.

Когда советское правительство очутилось перед лицом восстания, которое все усиливалось, оно укрепилось в крупных городах и повело с ним борьбу.

В первое время наши красноармейские части не были объединены под единым командованием и каждый город выступал самостоятельно против басмачей. Красноармейские отряды состояли главным образом из дашнаков, ничем не связанных с местным населением и по своему происхождению враждебных ему по той причине, что армяне как торговцы по роду своих занятий конкурируют с местным населением в своей обыденной жизни...

...Мы думали одно время ликвидировать басмачество огнем и мечом. В этих целях более или менее крупные кишлаки, «пораженные басмачеством», уничтожались беспощадно, вследствие чего население уходило от советской власти все дальше и дальше. Не помогла нам и общая оккупация всей Ферганы...

Такое положение очень тяжело отражалось на настроениях наших красноармейцев, и в злобе отчаяния они нередко истребляли совершенно мирное население.

В результате всего этого сложилось у командования и у красноармейцев определенное мнение, что все население является басмачами.

Под этим углом зрения проводилась и карательная политика. Довольно долгое время практиковалась система заложников. Последних было взято столько, что во всей Фергане не находилось места для их изоляции...»¹⁸.

Вот в такое время Голощекин и прибыл в Туркестан. Он вошел в комиссию ВЦИКа, СНК РСФСР и ЦК РКП(б) по делам Туркестана вместе с Элиавой (председатель), Фрунзе, Куйбышевым, Бокилем, Рудзутаком. Приезд стал возможен после снятия Оренбургского фронта, произшедшего в сентябре 1919 года. На комис-

сию возлагался высший партийный контроль и руководство от имени ЦК РКП(б); она должна была исправить ошибки в проведении национальной политики, допущенные местным руководством.

Как уверяет историк В. П. Николаева, ЦК РКП(б) и советское правительство «очень внимательно подходили к вопросу о персональном составе Турккомиссии», включив в нее «людей проверенных на ответственной и советской работах, закаленных большевиков, имевших достаточный организационно-политический опыт и знавших Туркестан»¹⁹. Последнее утверждение весьма и весьма сомнительно. Достаточно заглянуть в энциклопедические словари, чтобы убедиться в том, что ни председатель комиссии Элиава, ни ее члены Рудзутак, Куйбышев, Бокий, Голощекин прежде в Туркестане не бывали и знать его не могли; разве что Фрунзе знал — да и то в юности, когда обучался в Верном и пешком хаживал к матери в Пишпек (Бишкек).

Турккомиссия прибыла в Ташкент 4 ноября 1919 года. По пути следования всюду устраивались митинги. Так, 2 ноября в Казалинске один из мусульманских делегатов Всероссийского совещания коммунистических организаций народов Востока приветствовал посланцев Москвы и в их лице «центральную власть, которая не забыла туркестанский пролетариат и идет навстречу его нуждам»²⁰.

Еще бы забыть центральной власти про туркестанский пролетариат, когда тот был одной из больших ставок в крупнейшей авантюрной игре под названием «мировая революция».

Разгромив кокандское правительство и разрушив план автономизации Туркестана, принятый в сентябре 1917 года на 2-м мусульманском съезде, создав такое жизненно важное учреждение, как ЧК, и отделив церковь от государства и школу от церкви, СНК РСФСР в подписанным Лениным обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» призывал: «Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Видно, по разумению большевиков, трудящиеся мусульмане могут свободно и беспрепятственно устраивать свою националь-

ную жизнь лишь под дулами винтовок дашнаков, по случаю ставших красноармейцами, да под хищным оком «Чеки», — и осознавать свои вновьобретенные права не иначе как в поругании собственного религиозного чувства.

Обращение СНК РСФСР, как писал недавно современный автор Ю. Папоров *, «передавалось из уст в уста. Оно особенно вдохновляло местную интеллигенцию, принявшую всем сердцем освободительную политику Октябрьской революции». И откуда такие сведения у автора? А быть может, из уст в уста передавалось о том, как представители советской власти сжигают Коран или швыряют бомбы в молящихся священников? И до каких же пор можно представлять читателям интеллигенцию как восторженных слабоумных дурачков, способных в смуте, убийствах, грабежах, голодае, разрухе вдохновляться обещаниями! Что-то не видно никакого вдохновения в приводившемся выше высказывании писателя Ж. Аймаутова, да и партийный деятель К. Атабаев куда как далек от восторгов в своем докладе. Если кто-либо и вдохновлялся тогда, по прочтении обращения Совнаркома, то это было заблуждение обманутого человека, обделенного совестью и умом, потому как сказано в Писании: «По делам их узнаете их». По делам, а не по словам.

Через несколько дней по прибытии комиссии в ташкентских газетах было напечатано привезенное ею письмо Ленина «Товарищам коммунистам Туркестана», к которым Владимир Ильич, испросивши позволения, обращался «не в качестве Председателя Совнаркома и Совета Обороны, а в качестве члена партии», — так сказать, сойдя с трибуны.

«Установление правильных отношений с народами Туркестана,— писал он,— имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч миллионов людей будет иметь практическое значение отношение советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам».

Ленин «очень просил» товарищей коммунистов Туркестана «установить товарищеские отношения к народам

* «Юность», 1990, № 1.

Туркестана — доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным» и «с величайшим доверием отнестись к нашей Туркестанской комиссии»²¹.

Значит, советский Туркестан должен был стать образцом для всего Востока в «мировой борьбе против империализма». Что это был за образец, мы уже видели: миллион жертв голода и болезней — в два-то года новой власти! — разрушенные и сожженные Коканд (население его в 1897 году было 120 000, а в 1926 — 69 300 человек) и многие кишлаки, «пораженные басмачеством»; бесчинства воинствующего атеизма, экономический произвол и т. д.

Выступая 22 ноября 1919 года с докладом на 2-м съезде коммунистических организаций народов Востока, В. И. Ленин говорил, что «...социальная революция зреет в Западной Европе не по дням, а по часам, что то же происходит и в Америке, и в Англии...»²². После того, как «русские большевики» пробили брешь в старом империализме, «представителям трудящихся масс Востока предстоит еще более великая и еще более новая задача»²³.

Что же это за великая задача? Ленин поясняет: «...вам предстоит в истории развития мировой революции, которая будет, судя по началу, продолжаться много лет и потребует много трудов,— вам предстоит в революционной борьбе, в революционном движении сыграть большую роль и слиться в этой борьбе с нашей борьбой против международного империализма»²⁴.

И далее куда уже определеннее:

«Здесь перед вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира: опираясь на общекоммунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков. Это трудная и своеобразная задача, но она особенно благодарна, потому что в борьбу втягивается та масса, которая еще не участвовала в борьбе, а с другой стороны, благодаря организации коммунистических ячеек на Востоке вы получаете возможность осуществить тесней-

шую связь с III Интернационалом. Вы должны найти своеобразные формы этого союза передовых пролетариев всего мира с живущими часто в средневековых условиях и эксплуатируемыми массами Востока. В маленьких размерах мы осуществили в нашей стране то, что в большом размере, в больших странах осуществите вы (выделено мной.— В. М.), и эту вторую задачу, я надеюсь, вы выполните с успехом. Благодаря коммунистическим организациям на Востоке, представителями которых вы здесь являетесь, у вас имеется связь с передовым революционным пролетариатом. Перед вами стоит задача, чтобы и дальше заботиться о том, чтобы внутри каждой страны на понятном для народа языке велась коммунистическая пропаганда»²⁵.

Ни слова о миллионе людей, погибших от голода в Туркестане, полное забвение о насущных нуждах страны, измученной гражданской войной, разрухой и голодом. И полная же одержимость бесом мировой революции.

Не потому ли и позднее, в сентябре 1921 года, Ленин инструктировал А. Иоффе, который направлялся заместителем председателя Турккомиссии в Ташкент, следующим образом: «Для всей нашей Weltpolitik дьявольски важно завоевать доверие туземцев; трижды и четырежды завоевать; доказать, что мы не империалисты, что мы уклона в эту сторону не потерпим. Тут надо быть архистрогоим. Это скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным»²⁶.

Обычно это указание толкуется весьма расплывчато или узко. Например, А. Азизханов считает, что Ленин таким образом подчеркивал внешнеполитическое значение «национальной политики советских республик»²⁷. Ю. Папоров упирает на то, что вождь призывал действовать «с глубоким знанием дела, с тактом, с учетом местных условий»²⁸. Но, спрашивается, какова главная мысль Ленина, какова его цель? Совершенно очевидно, в историческом контексте, что и доверие туземцев, и осторожность, и нетерпимость к имперскому уклону важны Ленину не сами по себе, а — как средство для соблазнения и завоевания Востока, для победы мировой революции.

По-видимому, Ленину были хорошо известны художества товарищей коммунистов Туркестана, если он

очень просил их установить товарищеские отношения (интересно, какими же они были прежде?) к проживающим там народам. Недаром посланная им комиссия начала с основательной чистки руководящих рядов. «Перед Турккомиссией,— пишет В. П. Николаева,— встал задача помочь трудящимся края очистить партийные и советские учреждения от шовинистов и националистов, идейно укрепить местные партийные органы. Наибольшую опасность в то время представлял уклон к великодержавному шовинизму, которому Турккомиссия объявила беспощадную войну. ...Отдельные работники за серьезные нарушения в проведении национальной политики были исключены из партии и высланы из Туркестана. Например, ...группе бывших руководящих работников — Казакову, Сорокину, Тимлянцеву — было предложено выехать из Туркестана.

...Были открыты судебные процессы над бывшими царскими чиновниками, пробравшимися в советские органы и злоупотреблявшими властью. Около тысячи из них советская власть выслала за пределы края»²⁹.

Но, вспомним, тот же самый Сорокин за полгода до своей высылки возмущался безобразиями, что творят красноармейцы над мусульманами, неужто он столь быстро переродился в шовиниста? И при тех же царских чиновниках, будто бы пробравшихся в советские органы, еще несколько лет назад не было ни голода, ни убийств, ни грабежей, ни кощунств над религией. Бывший председатель Турккомиссии Шалва Зурабович Элиава позднее, в 1928 году, говорил, что есть известное расстояние между идеями компартии, идеями советской власти и исполнением этих директив,— «все зависит от того человеческого материала, который работает в данной стране», и что, дескать, этот материал пока еще не совсем правильно применяет директивы в жизни, отчего возникают всякие ошибки и перегибы. Как обычно, оберегая в неприкосновенности идею и распорядителей, все грехи валили на исполнителей.

Голощекин, на которого с Куйбышевым возложили руководство партийной работой, 11 ноября 1919 года выехал вместе с новым ревкомом Ферганской области в Коканд. В эти дни там происходил областной съезд, обсуждавший экономическое положение и вопрос борьбы с басмачеством. Члены ревкома и Голощекин созвали экстренное ночное заседание съезда, который тут же

решил «снять и распустить себя», дабы на местах уже работать под руководством нового ревкома. 13 ноября Филипп Исаевич вместе с командующим войсками Бригадзе приехал в Скобелев и там «совершенно изменил» состав ревсовета Ферганского фронта. На следующий день он выступал на митинге в советском собрании перед битком набитым залом, а 16 ноября уже был на угольных копях Кызыл-Кия, где вновь выступал на митинге и провел партийное собрание. На очереди была поездка в Андижан, Джалаал-Абад и Ош... Результатом поездки стала тотальная чистка советских и партийных органов, изгнание из них «царских чиновников, торговцев, спекулянтов» и доклад о положении в Фергане, сделанный 28 ноября 1919 года в Ташкенте, после которого было решено устроить перерегистрацию всей Ферганской партийной организации.

Кавалерийский руководящий набег с полной перетусковкой местных кадров был совершен в считанные дни и человеком, всего лишь неделю как прибывшим в Туркестан. Много ли толку было в этом набеге? Не затем ли он был проведен, чтобы в очередной раз обмануть доверчивых «туземцев», подсунув им новых исполнителей, быть может, ничем не лучше прежних? Недаром через полгода, в июле 1920-го, да и еще не один раз впоследствии, вновь «перераспределяли партийные силы» в Туркестане, отправляя «в распоряжение ЦК тех туркестанских коммунистов, которые заражены колонизаторством и национализмом»³⁰, меняя снова и снова составы самой Турккомиссии,— и все обещали и обещали измученному народу «рай мировой коммуны» посреди насилия, разрухи и унижения человеческого духа.

Как видим, устраивать свою жизнь «свободно и беспрепятственно» национальной «буржуазии» не позволили. Естественно предположить, что уж туркестанским коммунистам из местных было неизмеримо вольнее. Однако это не совсем так.

Товарищей, прибывших из Центра, сразу же обеспокоило то обстоятельство, что в Туркестане довольно независимо действует три силы, три краевых комитета: РКП(б), иностранных коммунистов и мусульманских коммунистических организаций. Как писала историк Николаева, «используя раздельное существование партийных организаций, националисты во главе с Т. Рыскуловым постепенно превратили Мусбюро в центр, объ-

единяющий националистические элементы»³¹. Сообщив в Москву, что Мусбюро присвоило себе функции правительственные учреждений, Турккомиссия получила соответствующую команду и 15 января 1920 года объединила три коммунистические организации края.

Однако с установлением контроля несколько запоздали. «Группа партийных работников из местных национальностей, не прошедших необходимой партийно-политической закалки, слабо разбиравшихся в теоретическом наследии марксизма-ленинизма, не смогла удержаться на последовательно-марксистских позициях и объективно встала на путь национализма. Во главе этой группы стояли члены крайкома партии Рыскулов и Ходжаев. Они стремились классовые интересы трудящихся Туркестана подчинить «общенациональным интересам» и тем самым объективно подчинить массы мусульманского населения туземной буржуазии. Они утверждали, что коренное население в классовом отношении однородно, что процесс классового расслоения не затронул дехканские массы. Рыскулов в докладной записке в ЦК РКП(б) указывал, что в Туркестане якобы в основном две группы: «угнетенные эксплуатируемые колониальные туземцы и европейский капитал»³².

В чем же дело, если перевести этот отрывок с партийно-советского языка на человеческий? А суть в том, что товарищи коммунисты Туркестана из Мусульманского бюро поверили, что могут свободно и беспрепятственно устраивать свою национальную жизнь, как то обещали Совнарком и Ленин. И, поверив, решили создать собственную Тюркскую компартию, а впоследствии и Тюркскую республику. Об этом говорил Т. Рыскулов на V краевой конференции в январе 1920 года — и получил большинство голосов. Но, образуя автономию, туркестанские большевики уходили бы от всеохватывающего контроля их действий, от направляющей силы, цели которой были отнюдь не «общенациональные интересы» каких-то отдельных народов, а «последовательно марксистские позиции», или, в переводе,— мировая революция.

Затем-то и прислали из Центра комиссию «закаленных большевиков», чтобы доглядеть за «недостаточно закаленными», а то еще увлекутся нуждами своих народов, забыв о мировой коммуне, да и свернут в сторону. Кстати, поначалу недосмотрели — должно быть,

Центр не предполагал, что «туземцы» окажутся столь прытки, и не снабдил своих посланцев инструкциями, запрещающими автономию. «Сложность социально-политической обстановки в крае,— пишет В. П. Николаева,— сосредоточение деятельности Турккомиссии прежде всего на борьбе с великодержавным шовинизмом временно ослабили ее внимание к антипартийной пропаганде националистов. У членов комиссии первоначально не было единого мнения в оценке лозунга «Тюркской республики». Член Турккомиссии Ф. И. Голощекин занимал колеблющуюся позицию (верный признак, что не было руководящих указаний.— В. М.). Некоторое время сторону Элиавы поддерживал В. В. Куйбышев»³³.

Но через месяц никто уже не колебался — «с помощью ЦК РКП(б), как пишет А. Азизханов, ошибки стали исправляться. 23 февраля 1920 года Турккомиссия «решительно отвергла» идею Тюркской республики и Тюркской компартии, а через две недели ЦК РКП(б) отменил решение V краевой партконференции, «принятое под влиянием национал-уклонистов». В письме ЦК от 15 марта говорилось, что на территории Туркестана должна существовать единая коммунистическая партия и что она должна входить в РКП(б) на правах областной организации.

«Национал-уклонисты» не согласились с решением ЦК. В начале мая они направили в Москву делегацию во главе с Т. Рыскуловым, продолжая добиваться полной самостоятельности Туркестана в важнейших вопросах государственного строительства. Обширный доклад, который везла делегация в ЦК, был подписан Рыскуловым, Ходжаевым и Бек-Ивановым. В этом документе, как определяла В. П. Николаева, «за громкими фразами о великом значении революционирования Востока протаскивался тезис о необходимости терпеливо ожидать, когда народы Востока во главе с национальной буржуазией, пройдя этап национально-освободительной борьбы, созреют для советской власти. Вновь проводилась мысль о единстве интересов всего коренного населения. Делегация настаивала на передаче всей власти ТурЦИКу, на создании отдельной мусульманской армии и подчинении ее туркестанскому правительству на правах войск внутренней охраны, на ликвидации Турккомиссии»³⁴.

Полтора месяца эти вопросы обсуждались в ЦК, пока Ленин не вынес окончательного решения: «Необходимо, на мой взгляд, проект т. Рыскулова отклонить...»³⁵.

Вскоре Туркестанский крайком партии, состоявший в большинстве из сторонников Рыскулова и «тормозивший» исполнение решений ЦК, «по настоятельному требованию коммунистов республики» (что в переводе с партийного всегда означало — по указанию из Центра) был распущен.

Туркестанские уроки Ильича по немедленному пресечению самостоятельного политического мышления «туземцев» и подчинению «общенациональных» интересов задачам мировой революции не прошли для Голощекина даром — об этом свидетельствует весь его казахстанский период. Не потому ли и вождь «национал-уклонистов» Туар Рыскулов сделался с тех пор для Филиппа Исаевича если не политическим врагом (законченными противниками они все-таки быть не могли, поскольку состояли в одной партии и проповедовали одни идеи), то ярым оппонентом, с которым он на протяжении многих лет беспощадно «боролся».

Полугодовая командировка в Туркестан, во время которой Голощекин занимался отнюдь не изучением местных условий и жизни «туземцев», а поучением этих самых «туземцев» (Филипп Исаевич ставил в Ташкенте партийное просвещение и выступал с лекциями в школе партийно-советской работы), дала ему, наверное, в глазах соратников роль специалиста по Востоку. Не это ли послужило впоследствии для Сталина и Кагановича поводом назначить Голощекина на должность первого руководителя в Казахстане? Впрочем, вполне могли быть и другие веские причины, о коих мы можем пока только догадываться. Так или иначе, но в сентябре 1925 года Голощекин вновь вступил на бывшую туркестанскую землю, ставшую после разделения территорий казахской.

О том, что немного раньше, 21 января 1925 года, в годовщину смерти Ленина, освобожденное революцией туземное население старого города Ташкента по распоряжению властей было поставлено на несколько минут на колени³⁶, бывший член Турккомиссии мог и не знать. А узнал бы — наверняка одобрил.

* * *

К тому времени Казахстан чуть-чуть оправился от разрушительных последствий гражданской войны и голода 1921—1922 годов. Валовой сбор зерна в 1925 году составил 92 миллиона пудов и приблизился к довоенному уровню; восстанавливалось подорванное лихолетьем животноводство: общее поголовье скота было доведено до 26 миллионов — почти вдвое больше, чем в 1922 году, однако меньше того, что было до войны. В четыре с лишним раза, по сравнению с 1923 годом, возрос товарооборот, Казахстан активно торговал с заграницей. В сельском хозяйстве развивалось кооперативное движение, на 1 октября 1925 года действовало 2811 различных кооперативов, в которых состояло более 320 тысяч человек; в более чем тысяче казахских кооперативах работали 62546 человек. Короче, жизнь степняков, не мало потерпевших от гражданской войны (в 1918 году голодало 1,2 миллиона человек, в 1922 году — 2 миллиона, в результате чего свыше миллиона человек погибло от недоедания и болезней, а тысячи детей остались беспризорными), постепенно налаживалась. Крайком партии в 1925 году отмечал: «Наблюдается уменьшение в абсолютных цифрах и процентном отношении бедняцких хозяйств, увеличение середняцких».

1 декабря 1925 года в Деловом клубе Кзыл-Орды открылась Пятая Всеказахстанская конференция. Делегатов приветствовал прибывший из Москвы член ЦКК тов. Петерс. Он заявил, что «...наступает практически тот момент, о котором тов. Ленин говорил: «Каждая кухарка в нашей стране должна научиться управлять государством». Это не шутка...»³⁷. Потом выступил первый секретарь крайкома.

Это первое пространное выступление Голощекина в Казахстане, своеобразная его «tronная речь», где в общих чертах намечены основы дальнейшей политики, и потому оно заслуживает особого внимания.

Не прошло и двух с половиной месяцев пребывания Голощекина на казахской земле, как он установил, что «...в ауле действительно советской власти нет, есть господство бая, господство рода»³⁸. Самое любопытное, что кабинет свой Филипп Исаевич не покидал и ни один из аулов не посетил — он и в дальнейшем, как впоследствии свидетельствовал ближайший его сподвижник Ураз

Исаев, ни разу не побывал в обыкновенном казахском ауле.

Чтобы доказать вышеприведенное, бесспорное для него положение, Голощекин прибегнул к надежному приему. Он зачитал делегатам конференции письмо, с которым год назад ЦК партии обратился к большевикам Казахстана:

«Киргизская организация... находилась в особых условиях, затрудняющих работу. Обширность территории, слабая населенность, отсутствие удобных средств сообщения, отсталость крестьянских хозяйств... почти полная неграмотность населения и т. п., все это создавало большие трудности в деле социалистического строительства...

Теперь, с объединением киргизских территорий в единую республику, ...трудности... увеличиваются...

ЦК, учитывая, что в Кирреспублике Советы находятся в особо тяжелом положении и фактически в аулах Советов нет, считает необходимым принять все меры к действительному созданию советской власти в аулах и кишлаках...»³⁹.

— Год прошел, свежо ли это письмо? — обратился докладчик в зал.

— Свежо! — откликнулся чей-то голос.

Этого было достаточно: сила авторитетного мнения сработала. Восемь лет прошло после Октября, и тут вдруг выяснилось, что советской власти в ауле нет.

Таким образом Голощекин не только поставил крест на восьмилетней работе казахстанских коммунистов, но и подложил «теоретическую подкладку» под необходимость крайних мер.

Что же, надо заново делать революцию? — Надо, считает докладчик.

Сначала он в эпических тонах определяет работу крайкома — и, разумеется, в первую очередь свою работу — как «собирание земли казахской». Романтически вознеся свою личность поверх климатических и бытовых трудностей, он заговоривает ни много ни мало, как о революции:

«Когда я говорю: «столица — Кзыл-Орда», я чувствую, что у очень и очень многих, вероятно, появляется как будто улыбка. Если бы вы приехали не в это время, а приехали бы пару месяцев раньше, то не просто

улыбка была бы, а горькая улыбка — от песку, от пыли. Если вы приглядитесь, то тут недочетов, недостатков уйма; но, товарищи, кто когда делал **революцию** (выделено мной.— В. М.) в беленьких перчатках? Кто, какой класс может **создать революцию**, не идя на жертвы?..»

О какой революции идет речь на девятом году советской власти? На какие жертвы должен идти народ, едва-едва заживший мирной жизнью? Об этом пока прямо не говорится, однако намеки сделаны, направление задано.

«...Очень хорошо было бы, если бы нам предоставили очень большой культурный, благоустроенный город, это было бы великолепно, но в том-то и чудо и дерзость наша,— продолжает докладчик,— что мы решаемся и работаем над созданием столицы именно в Кзыл-Орде, в гуще казахской массы»⁴⁰.

Заклеймив «самые древние формы кочевья» и «самые отсталые формы товарообмена», Голощекин выдвинул лозунг «советизации аулов». В его понимании это «единая форма организации отсталой казахской нации». Так сказано в отчете крайкома. В докладе, напечатанном газетой «Советская степь», лозунг трактуется гораздо полнее:

«Сказать, что в Казахстане нет советской власти,— неверно. Есть советская власть здесь, но если поставить шире вопрос о советизации Казахстана как об организации масс, как вопрос формы, в которой происходит, если хотите, национальное самоопределение, формы, в которой можно провести культурно-политический рост, формы, создающей экономическое освобождение, формы, высвобождающей из-под эксплуатации, то мы должны сказать, что у нас есть огромные недостатки»⁴¹.

Голощекин не слишком старался обосновать свое утверждение о господстве бая, ему хватило мнения «одного ответработника-казаха, очевидно, знающего аульную действительность». Тот якобы заверял, что низовой соваппарат переродился в орган родового угнетения и эксплуатации и то же самое творится и в хозяйственных учреждениях.

На первый взгляд, парадокс: советская власть в Казахстане есть, но ее как бы одновременно и нет, и потому республику надо «советизировать». Однако Голощекин нисколько не чувствует противоречивости своих вы-

водов, для него очевидно, что раскинувшаяся на огромной территории республика, по сути, не затронута Октябрем. Он явно ощущает себя мессией, вождем, призванным устроить здесь, в Казахстане, революцию, этакий малый Октябрь.

Вскоре его идея, подхваченная местными исполнителями, пойдет гулять по степи словно вихрь, набирающий силу и скорость, черный, опустошительный вихрь.

Очень быстро разобрался Голощекин и с «уклонами»:

«Есть ли внутри нашей партии националистический уклон? Есть. Первый уклон, самый вредный, великорусский шовинизм. Я заключаю это по докладам некоторых губкомов... Другой уклон у казахов — тоже националистический, где влияет Алаш-Орда, также очень сильная... Казалось бы, обе стороны виноваты, объективный ответ говорит иначе: виноваты раньше всего европейские коммунисты, ибо к ним недоверие естественно историческое, их задача разрешить эту сторону, добиться доверия...»⁴².

Главарей самого вредного уклона докладчик не назвал, как и вождей «казахского националистического уклона». Зато о последних намекнул, тут же перечислив поименно тех, кто якобы всю деятельность свел к борьбе группировок. По странному совпадению, «грешниками» оказались все виднейшие казахские коммунисты: У. Джандосов, Н. Нурмаков, С. Садвокасов, С. Ходжанов, С. Мендешев, Т. Рыскулов, Н. Тюrekulov.

И опять-таки никаких доказательств ему не потребовалось, опять хватило одного безымянного свидетельства:

«Доходит до того, что когда я спросил одного товарища: — Скажите, пожалуйста, проводятся ли в вашей губернии резолюции ЦК и крайкома? — он задумался и говорит: — Знаете, вот резолюция ЦК, резолюция краевого комитета. Это общие директивы, а проводим то, что пишет какой-то товарищ.

...Для группировочной борьбы не стесняются пользоваться судом и милицией. Нужно вовремя арестовать — арестовывают. Нужно — пишут заявление за подписью десяти свидетелей, заведут дело. Вот до чего доходят»⁴³.

Пройдет совсем немного времени, и почти всех «вождей» группировок Филипп Исаевич обвинит в местном

национализме. Однако цель его была видна сразу: устраниТЬ опасных соперников. И для этого нет лучшего средства, чем навесить политический ярлык на влиятельного «национала». Других же соперников у него и не было — потому в дальнейшие годы так и не появилось в его речах ни одного имени, скажем, «вождя» великодержавного шовинизма.

Торопливость, с которой Голощекин обнаружил первых своих врагов, говорит о том, что он решил сразу же использовать преимущества своего назначения, могучей поддержки сверху. Он хотел ошеломить противника, то есть всякого, кто имеет собственное мнение и волю его отстаивать. Он немедленно собирался пресечь любое неповинование своему диктату. Не желал кого-то там слушать и считаться с чьим-то мнением. Ему нужны были исполнители. Послушные, угодливые исполнители.

По-видимому, тогда же Голощекин задумал расправиться и с духовными вождями народа — казахской интеллигенцией. Поначалу он был довольно осторожен в оценках, имен не называл и даже старался выказать беспристрастность и объективность в суждениях:

«...Тут... мы имеем два уклона. Один уклон — выступают вообще (непонятно кто.— В. М.) против этой интеллигенции за ее националистические уклоны... тут левое ребячество... Если мы без разбора будем говорить против казинтеллигенции и постоянно тыкать ее за прошлые и настоящие грехи, не привлекая ее к нашему строительству, не нивелируя ее, то, идя против казахской интеллигенции, мы тем самым идем за русской интеллигенцией, то есть выходя из одной двери, попадаем в другую и льем воду на великорусский шовинизм. Сплошное отрицание, сплошное охаивание казинтеллигенции — неверно, но неверен и другой уклон — полное слияние с этой интеллигенцией, когда грань между коммунистами и беспартийными стирается, когда интеллигенция Алаш-Орды влияет идеологически больше, чем коммунисты...»⁴⁴.

В этой неряшливой директивной казуистике, обляпанный ярлыками вульгарного политика, пожалуй, больше всего поражает бесцеремонное указание — нивелировать интеллигенцию, то есть свести ее к какому-то усредненному уровню, лишить индивидуальности, всяческих особенностей и различий. При всей нелепости желания сработать всех по одной колодке ясно,

что операция духовного гильотинирования срежет головы самым высоким. Разумеется, Голощекина это никак не смущает, напротив, это кажется ему вполне естественным и необходимым. Он повторяет:

«... нужно ее (казахскую интеллигенцию) привлечь к деловой работе, нужно ее нивелировать, но это не исключает (!) борьбы с буржуазно-националистической идеологией»⁴⁵.

Он предупреждает делегатов конференции, что там, где стоит вопрос об идеологическом влиянии и руководстве, за версту подальше следует держаться от казахских интеллигентов. Таким образом, они должны быть отстранены от любой мало-мальски значительной культурной и общественной деятельности, им отводится лишь техническая и хозяйственная работа. Пока Филипп Исаевич говорит общо, пока он не указывает пальцем на конкретных врагов. Это ему еще предстоит сделать.

И вот, обозначив ориентиры предстоящей борьбы, он заканчивает доклад призывом:

— Давайте объединимся вокруг ЦК и совершим величайшую задачу освобождения трудящихся масс, в частности трудящихся масс казахской нации.

Бурные аплодисменты...

V

«Освобождение» началось сразу и шло, неуклонно набирая силу, хотя «трудящиеся массы» вряд ли понимали, от кого и от чего их решили освободить и так ли уж они нуждаются в этой свободе.

...А местные газеты еще не совсем разучились шутить и рядом с требовательными заголовками вроде «Язва хулиганства должна быть выжжена» или «Больше суровости, меньше милосердия» позволяли себе такие коленца, разоблачая безымянное начальство:

«РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ

Письмо лошади

...Ни днем, ни ночью нет покоя —
Гони туда, гони сюда...
Да где же видано такое?
Без всяких кодексов труда.
...Меня гоняют, да и кучер
Как будто лошади сродни:

Ночными гонками замучен,
А сверхурочных ни-ни-ни.
Пишу поэтому в газету
И за себя и за него.
Не откажите. С конприветом
Иго-го-го.
С лошадиного на газетный перевел НИКОЛА»¹

В гостеатре Кзыл-Орды, вслед за новой пьесой А. В. Луначарского «Яд», с участием хора цыган, шла историческая пьеса Н. Лернера «Правительница Руси» в постановке В. Е. Черноблер.

На радость читателям рос отряд рабселькоров, и теперь вместе с парткором № 14 писали заметки Шплинт, Молот, Янус, Нетрэль, Красный, № 1093, Зуда, Паровоз, Днестровский, Трактор и Хмурый.

«Женщина-казашка еще раба» — возвещала шапка первой полосы, и все граждане призывались готовиться к проведению «Дня отмены калыма». Тем временем свободная от рабства товарка порабощенных женщин Востока, по фамилии Дубкова, сочиняла для газеты злободневные частушки:

«Бросила богов я в печку
Да взялась за книжку,
В школу светлу отошлю
Своего парнишку.
Клуб, что жук весной,
И горит огнями.
Не боюсь теперь попа,
Что пугал чертями.
Как пошла в избу-читальню
Почитать газетку,
Там про наше кулачье
Я нашла заметку.
Гей, крестьяне-бедняки,
Все берись за книжку.
Подойдут все кулаки
Под советску стрижку».

Судя по страницам «Советской степи» тех дней, город Кзыл-Орда, да и весь мир вокруг кипели событиями. Русско-азиатская столовая товарищества «Ташкент» завлекала посетителей «крепкими напитками»; саранчовая опасность угрожала Джетысу; в Муссолини разрядила револьвер пожилая женщина, пробив ему нос; ленинградское объединение «Гигиена» рекламировало презервативы пяти размеров «из донной лучшей резины»; невольниц шариата пробуждали лозунгом к 8 марта: «Пусть красная косынка комсомолки заменит чад-

ру!»; и один из жителей столицы Казахстана гневно, потолстовски восклицал: «Не могу молчать!», повествуя в своей заметке «Весенний вопль» о том, что «уличные собаки дохнут не в указанном месте. Трупы их валяются на улицах и не убираются». (Пройдет каких-то шесть-семь лет, и на тех же улицах Кзыл-Орды, как и на улицах других городов, включая новую столицу — Алма-Ату, будут валяться трупы людей, тоже, по несчастью, умерших «не в указанном месте», но не найдется уже в газете ни строчки об этом — впрочем, быть может, никто и не писал таких заметок, сделав для себя открытие отнюдь не толстовское: «Могу молчать».)

Между тем к аулу приближался легкий, едва различимый в воздухе клубок мельчайшей пыльной взвеси...

20 января 1926 года республиканская газета напечатала передовую «Помощь оседающим казахским хозяйствам». Заклеймив политику колонизации степи, которая лишила казахов почти всех приречных пойменных сенокосов, лучших зимовок и летовок, автор повторял вывод, к которому пришла недавняя партийная конференция: казахское скотоводческое хозяйство в катастрофическом упадке, кризис его непреодолим. Казалось, следовало бы вернуть кочевникам отобранные земли и тем самым поправить дела в скотоводстве (которое было подорвано куда как более — военным коммунизмом и гражданской войной, нежели столыпинской реформой, и теперь быстро восстанавливалось), однако, по мнению руководства, спасение в другом: «Процесс оседания конференция предлагает начать немедленно!»

Веками кочевавшим людям предлагалось одним махом переменить образ жизни и перейти на оседлость.

Чтобы привлечь казахов к земледелию, Совнарком РСФСР освобождал кочевые и полукочевые хозяйства от единого сельхозналога сроком на пять лет.

«Об этом законодательном акте завтра узнает вся степь — каждый кишлак, каждый кочующий аул», — восклицала газета.

«Кто установил и на каком основании, что казахский народ должен перейти и перейдет в оседлое состояние? — писал Турар Рыскулов 19 апреля в той же газете. — Тенденция развития в эту сторону будет, но завершится в далеком будущем, а пока естественные условия и возможности развития говорят об иных соотношениях. Говорить, обобщая, о переходе от скотоводства

(думая, что все казахи исключительно занимаются скотоводством) к земледелию — это выражать свое полное незнание современной казахской обстановки».

Формально Т. Рыскулов спорил с М. Брудным, который напечатал неделей раньше статью о казахском пролетариате, но по существу он отвечал, конечно, сторонникам теории «немедленного оседания», ясно понимая, что подобная кампанийщина, не подготовленная никакой предварительной работой, к добру не приведет.

М. Брудный писал о том, что экономическое развитие Казахстана, разлагая аул, несет огромным массам людей нищету и что, дескать, это неизбежные издержки, зато в результате распада рода образуется «фермент нации» — местный пролетариат. Без собственного пролетариата (который, кстати говоря, имелся) казахи вроде бы стать нацией не могли... Не отвечая на эту более чем странную теорию, по которой выходило, что развитие экономики несет разорение кочевникам, Рыскулов связывал рост казахской промышленности с успехами в скотоводстве и земледелии. Он видел будущее местной индустрии в расширении обрабатывающей и добывающей отраслей.

Филиппа Исаевича Голощекина такие воззрения не устраивали — они были отличны от его представлений. Вскоре он дал открытый бой «ослушникам». Поскольку Т. Рыскулов к тому времени работал уже в Москве, заместителем председателя Совнаркома РСФСР, а другой крупный противник, С. Ходжанов, еще ранее был «разгромлен» как «национал-уклонист», главный удар пришелся по человеку примерно таких же позиций, Смагулу Садвокасову *. На III пленуме Казкрайкома, состоявшемся в конце ноября 1926 года, Голощекин говорил:

«Мы расходимся с тов. Садвокасовым именно в вопросе Октября. В то же время, когда я утверждаю, что в нашем аule нужно пройтись с маленьким Октябрем, вы против всякого Октября. А разве земельная реформа, которую мы сейчас проводим, не есть Октябрь?»

«А я разве против земельной реформы?» — бросил реплику С. Садвокасов. Голощекин не обратил на нее внимания, он не привык отвечать по существу и не позволял, чтобы его сбивали с мысли.

* Фамилия С. Садвакасова здесь и далее дается в тогдашнем написании.

«Экономические условия в ауле надо изменить,— заключил он.— Мы стоим на той точке зрения, что уже существующие, назревающие, развивающиеся классовые взаимоотношения не нужно затушевывать, а нужно помочь бедноте в классовой борьбе против бая, и если это гражданская война, мы за нее».

Что-что, а гражданскую войну Голощекин любил, в этом можно не сомневаться. Там не надо было разводить словопрений, там решал «товарищ маузер». Филипп Исаевич остался в глазах советских историков как крупный военный работник. И действительно, заслуги у него есть: в Екатеринбурге он «сколачивал отряды рабочих» и направлял их в бой против белых отрядов атамана Дутова, позже руководил партизанским движением. Правда, самому Филиппу Исаевичу не довелось непосредственно участвовать в боях, слишком много было организационной работы. Словно чувствуя этот пробел, он писал в 1920 году в ЦК: «Я просил не давать мне ответственного поста, предоставить мне возможность идти на фронт в качестве рядового красноармейца»². Между тем гражданская война была на исходе, и 44-летнему организатору, увы, такой возможности не предоставили, а дали очередной ответственный пост. Так и не пришлось повоевать...

Итак, первый секретарь крайкома был не прочь превратить классовую борьбу против бая — при необходимости — в гражданскую войну. До предела обостряя полемику, он отвечал таким образом С. Садвокасову, который в мае 1926 года на II пленуме крайкома говорил о том, что в крестьянском вопросе «должен быть лозунг не гражданской войны, а гражданского мира», и предупреждал, что «без этого мы поведем наше хозяйство к развалу».

* * *

Еще на Пятой конференции Смагула Садвокасова, наркома просвещения, обвинили в национал-уклонизме. В дальнейшем именно на этом деятеле был сосредоточен главный удар партийной критики. Термин «садвокасовщина» не сходил с газетных страниц добрых пять лет, и даже потом, когда Садвокасов был вынужден покинуть пределы Казахстана и умер в Москве, его имя

еще склоняли. Что же это за такой опасный уклон — «садвокасовщина?»

Обратимся сначала к историкам партии.

Судя по «Очеркам истории Коммунистической партии Казахстана», борьба с национал-уклонизмом по-настоящему развернулась только с прибытием в республику Голощекина. О Пятой конференции, где он впервые делал доклад, говорится:

«Конференция решительно осудила группировочную борьбу, которую разжигали национал-уклонисты С. Ходжанов, С. Садвокасов и другие. Они нарушали устав партии и нормы партийной жизни, устраивали совещания «на дому», за спиной партийных органов, использовали для группировочной борьбы судебно-следственные органы, протаскивали в ряды партии чуждые элементы. Делегаты вскрыли факты, когда национал-уклонисты втягивали в группировочную борьбу комсомольцев и молодежь.

Коммунисты Казахстана нанесли сокрушительный удар по антимарксистской «теории» националистов о господстве в казахском ауле «родового начала», «родового демократизма», об отсутствии в ауле классовой борьбы

Решительно осудив антипартийную деятельность национал-уклонистов и указав на опасность, которую группировщина представляла для укрепления партийной организации, конференция поручила крайкому и контрольной комиссии пресекать любые попытки насаждения группировок, не останавливаясь перед применением исключительных мер воздействия к членам партии, ведущим группировочную борьбу, в особенности когда в нее втягиваются низовые организации и комсомол. Эти решения конференции сыграли важную роль в дальнейшем укреплении краевой партийной организации, в идейном и организационном разгроме национал-уклонизма»³.

Через год, 25—30 ноября 1926 года, состоялся Третий пленум крайкома. Он «вскрыл классовую сущность националистических группировок в казахской партийной организации, отражавших взгляды и интересы капиталистических элементов в городе и байства в ауле. Под личиной защиты интересов казахского народа националистические группировки выступали против социалистических преобразований, против ленинской нацио-

нальной политики Коммунистической партии. На протяжении длительного периода они вели то открытую, то скрытую борьбу против ленинской линии партии, используя при этом грязные средства — клевету, склоки, дискредитацию и подрыв авторитета органов советской власти, спекулировали на временных трудностях в жизни партии и страны, нарочито замалчивали достижения социалистического строительства в республике.

Одну из этих группировок возглавлял С. Садвокасов, занимавший в 20-х годах ряд ответственных постов в республике. Группировка С. Садвокасова, выдавая баев за мирных тружеников аула, выступала против их ограничения и вытеснения. Она противодействовала ломке остатков дореволюционных социально-экономических отношений в ауле, переустройству его на социалистических началах. Садвокасов, ратуя за «гражданский мир» в ауле, прямо заявлял, что «не надо экспроприировать бая», что можно перевести аул на рельсы социалистического строительства, не нарушая существующих дореволюционных социально-экономических отношений. Садвокасовцы мешали также проведению мероприятий по землеустройству, выступали против переселения в Казахстан русских и украинских крестьян из других районов страны. Во всем этом они смыкались с буржуазными националистами — алашординцами⁴.

Примерно то же самое и теми же словами написано и в сборнике «Под знаменем ленинских идей» (Алматы, 1973), изданном Институтом истории партии при ЦК КП Казахстана (что, в общем, неудивительно, поскольку автор соответствующих разделов один и тот же — академик С. Б. Баишев).

...Теперь, когда все полнее приоткрывается перед нами действительная, а не сфальсифицированная советскими учеными наша история, становится очевиднее и беды, что принесла многолетняя гражданская война с крестьянством, развязанная государством. Многочисленные данные свидетельствуют, что не столько военные действия в 1918—1921 годах, сколько практика военного коммунизма на селе развалила хозяйство и вызвала невиданный голод в стране. В июне 1918 года в России были созданы комитеты бедноты — комбеды, с помощью которых у богатых крестьян отобрали 50 миллионов гектаров земли, то есть примерно третья тогдаших сельскохозяйственных угодий. Фактически тогда же, во

времена первой, ленинской, коллективизации (а не на рубеже двадцатых—тридцатых годов) материальная база так называемого кулацкого хозяйства была разрушена и кулачество «ликвидировано». Регулярные воинские части сражались в полную силу, подавляя крестьянские восстания. О размахе повстанческого крестьянского движения говорит то, что в Тамбовской губернии почти треть взрослого населения ушла в армию Антоно娃 и составила 18 хорошо вооруженных полков. Войска Тухачевского в кровопролитных боях с большим трудом сломили их сопротивление.

«Россия 1922 года это Бангладеш 1972 года»,— писал в 1975 году французский историк Ж. Элленштейн. В зиму 1921—1922 годов от голода страдали 25 миллионов человек. Люди ели желуди, траву, кору деревьев, дохлятину, нередки были случаи каннибализма. Миллионы безумных голодных граждан страны Советов бродили по дорогам. По различным данным, в стране от голодной смерти погибло от 5 до 8 миллионов человек. Нищета и недоедание вызвали эпидемии тифа и холеры. С 1917 по 1922 год зарегистрировано 22 миллиона случаев тифа, 2 миллиона человек скончались. В Первую мировую войну число погибших россиян составило 2,5 миллиона человек, в годы гражданской войны погиб 1 миллион человек, от различных эпидемий умерло 3 миллиона. А всего, разумеется, по приблизительным данным, в 1918—1922 годах население нашей страны сократилось на 15 с лишним миллионов человек. Если вычесть из этой цифры 2 миллиона покинувших Россию после революции, то остальные 13 миллионов — жертвы голода, болезней и пуль, полученных от собрата (а впрочем, возможно, от кого-то из сотен тысяч «интернационалистов», или, попросту, всемирного сброва, с помощью которого большевики чинили расправу над покоренной страной).

Так ли уж удивительно, что «национал-уклонист» Смагул Садвокасов высказывался в 1925 году за гражданский мир в казахском ауле? Наверное, ему было хорошо известно, что принесла крестьянской России политика военного коммунизма вкупе с гражданской войной. По крайней мере о миллионе с лишним казахов, погибших в эти годы в Туркестане и на севере и западе республики, он хорошо помнил... Между тем Голощекин утверждал: кочевники, якобы не познавшие рево-

люции и не ощутившие благотворной деятельности комбедов, никак не вправе считать, что Октябрь коснулся аула.

Еще в 1923 году на Третьей партконференции Садвокасов говорил: «В настоящее время страна (читай: аул,— комментировал его оппонент Ураз Исаев) ждет вовсе не потрясений, а творческой и мирной работы, и ее спасет не новая экспроприация, а труд и наука». А в 1926 году на Втором пленуме крайкома, после громогласных заявлений Голощекина, он так выражал свое беспокойство: «Я физически сталкиваюсь с некоторыми людьми и с тревогой смотрю на наше положение, потому что среди нас начинают раздаваться голоса, что следовало бы проехать Октябрем по аулу (читай: по баям,— комментировал У. Исаев), считаю, что кроме демагогии ничего полезного это дать не может»⁵.

Даже по этим сопроводительным замечаниям Ураза Исаева видно, подо что подгонялись мысли товарища по партии, который только-то и всего, что остерегал своих соратников — не рубить сплеча: мысли Садвокасова явно передернуты. Смагул Садвокасов считал казахский аул в основном середняцким, то есть и тревожился главным образом за середняка, говоря шире — за весь казахский народ. (Он был прав: специальная комиссия Совнаркома РСФСР в 1925 году подсчитала, что на селе 64,7 процента середняков, 24 процента бедняков и 6,9 процента кулаков. Вряд ли данные по Казахстану сильно расходились с этими цифрами.)

Но что, если и вправду С. Садвокасов защищал от экспроприации бая? К этому вопросу мы обратимся позднее, а пока продолжим разговор о политических спорах того времени.

На Третьем пленуме крайкома, где разгорелась полемика Голощекина с Садвокасовым, докладчик — председатель Казсовнаркома Н. Нурмаков, считавший основным слоем аула батрацко-бедняцкий, высказывал примерно такие же, как и Садвокасов, соображения:

«Некоторые товарищи думают, что... положение в ауле безвыходное или же мы имеем один-единственный выход: ...нужно экспроприировать байское хозяйство. Я думаю, товарищи, что после десятилетнего существования советской власти в Казахстане, имея в руках proletарского государства все командные высоты, мы обладаем достаточной силой, чтобы иными методами воз-

действовать на аульного бая, не прибегая к такому методу, к которому наша партия прибегнула в период за-воевания власти в первые дни Октябрьской революции»⁶.

Нурмаков предлагал ослабить мощь бая при помощи налоговой политики, развития кооперации и других способов, однако поддержки не получил.

Делегат из Семипалатинска Мусин предлагал «разрушить байский строй». Каипназаров повторил мысль Голощекина годичной давности о том, что советской власти в ауле нет; Джандосов настаивал на немедленной экспроприации. Последнее требование, впрочем, вызвало многочисленные возражения. Говорили, что из этой скоропалительной меры может получиться «полный анархизм», что во многих губерниях «феодалов» не осталось.

«Неправильно и то мнение Джандосова,— сказал Тогжанов,— что аульная беднота отчаянно ненавидит бая. Это неверно. Если бы так обстояло дело, то нам не так трудно было бы организовать партийно-советские органы на местах.

Наконец, у нас есть довольно-таки распространенное мнение среди казахских товарищей, утверждающих, что Октябрь не задел аул, что аул остался дореволюционным. Это, по-моему, и теоретически, и практически неверно».

Голощекин занял среднюю позицию между спорящими и даже слегка пожурил Джандосова за левачество: дескать, мы не отказываемся выступать против бая, и, если нужно будет, то и под суд его отдадим, а понадобится — не побоимся и кровь пролить (разумеется, байскую). Джандосов-де предлагает «пройтись по аулу с революцией» (давно ли это предлагал сам Филипп Исакевич), но «революция от того, что ее произносят через несколько «р», не становится сильнее»⁷. Голощекин предложил не «перепрыгивать» через непройденные этапы, а создать сначала «тот субъективный орган», который изменит условия, то есть создать надежную аульную ячейку.

Он понимал: родовая спайка в ауле столь сильна, что тут с насоку не возьмешь, и надо воспитывать аульного коммуниста, на которого в дальнейшем придется опираться в проведении директив. Еще на Втором

plenume крайкома он поставил этот «кричащий вопрос» — об аульном коммунисте:

«Я занялся этим... и передо мной выявились довольно мрачная картина.

Чем руководился аульный коммунист, вступая в партию? В одной ячейке... товарищи заявили, что они слышали разговор, что всем записавшимся в члены партии государство будет помогать семссудой...

В Семипалатинской губернии приехала комиссия в аул, на вопрос, есть ли желающие записаться в партию, ей ответили, что, кажется, бай даст некоторых».

— Самые мотивы поступления довольно подозрительного характера,— говорил Филипп Исаевич,— взносов никто не платит, на 90 процентов коммунисты безграмотны.— Целый ряд документов указывает, что понимания классовой борьбы нет и интересы партии целиком подчинены интересам партийно-родовым,— сделал он вывод⁸.

Про большевиков на местах и делегаты Третьего пленума рассказывали нечто подобное. Спрашивают, мол, аульного коммуниста: что такое Коминтерн? Отвечает: большой комиссар. Что такое политика? — Хитрость. Что такое ЦИК, СНК, кто такие Калинин, Мунбаев? Не знает. (В общем-то, верно отвечали; а то, что всесоюзного и местного старосту не упомнили по именам, так разве все это удержишь в памяти!)

Голощекин внимательно слушал ораторов, которые горячились и спорили, не понимая главного: чтобы пронестись вихрем по казахскому аулу, надо для начала расслоить этот аул — экономически и духовно, вызвать в нем классовую борьбу, то есть сплотить бедноту и натравить ее на людей состоятельных.

Тут же, по ходу заседания, Голощекин взял слово:

«...Третье, на чем хочу остановиться, это вопрос, затронутый тов. Мусиным, о том, что мы не можем построить аульную ячейку, пока не изменятся основные социально-экономические и другие условия в ауле. Как будто бы логически это правильная мысль, но не верная... При диктатуре пролетариата мы строим сначала этот субъективный орган, который это изменяет... Мы строим совет трудящихся, мы строим коммунистическую партию, которая будет переводить в Казахстане аул на иные рельсы...»⁹.

Обратим внимание на это красноречивое свидетельство. Вновь Голощекин проговаривается и ясно дает понять, с какой целью и с какими задачами он приехал в Казахстан. Он приехал — делать революцию. По его убеждению, здесь, на этой огромной территории, не связанной с центром путями сообщения, которой так трудно руководить, Октябрем и не пахло. В стране существует уже девять лет диктатура пролетариата, а здесь, по Голощекину, ни пролетариата, ни диктатуры. Все надо начинать с нуля. Строить совет трудящихся, строить коммунистическую партию.

Советизация аула — это же, по сути, советизация Казахстана. Поэтому «продвинуться во всех отраслях нашей работы, без организации казахской бедноты мы не можем», — говорил Голощекин на Втором пленуме¹⁰.

* * *

Еще на Пятой конференции в 1925 году Филипп Исаевич четко дал понять, что казахи, по существу, не нюхали Октября. Он формулировал тогда свои мысли даже с какой-то теплотой к людям, ему никогда не присущей (должно быть, это и были те **абстрактные люди**, которых надлежало осчастливить, ибо по неразвитости своей, по недомыслию своему они так и будут по-прежнему влечь темную, беспросветную жизнь в своей бескрайней степи). Он явно любовался собой в момент начала выполнения той колossalной задачи, которая стояла перед ним,— советизировать эту отсталую республику с ее широченными просторами, неграмотными кочевниками, кучкой националистов, засевших в партаппарате и в учреждениях культуры, открытых или тайных алашординцах, для которых главное — чтобы не трогали их народ.

«...Мы берем линию на рабочих, на казахов, на массу казахской нации как таковую, на бедняка, на батрака; **к ним, товарищи, мы еще не прикасались** (выделено мной.— В. М.). Вот к этому источнику, источнику энергии и источнику народного разума, источнику здоровых инстинктов, **мы еще не приложились**. Ведь суть лозунга «Лицом к аулу и деревне» — приложитьсь к этому народному источнику, **начать пить из этого источника, а не ту водицу, которая стоит годами и немного попахивает**»¹¹.

Это было заключительное слово Голощекина на конференции. Ясно, что как опытный оратор он вряд ли составил заранее на бумаге текст выступления, а говорил от себя. Какое-то странное впечатление производит его речь. При всем косноязычии, тавтологии и множестве демагогических оборотов, свойственным его многочлесовым докладам, Филипп Исаевич крайне редко прибегал к образной системе выражений. И вот не раз и не два — многократно — он употребляет слово «источник», относя его непосредственно к людям: источник энергии, источник народного разума, источник здоровых инстинктов, наконец, называет все это — людей? — народным источником (!?) и договаривается до того, что надо **напить из этого источника**.

То, как он приложился к источнику по имени казахский народ, в последнее время стало известным,— разве что в числе жертв этого приложения исследователи никак не сойдутся: то ли миллион двести тысяч человек, погибших с голоду, то ли миллион семьсот тысяч...

Что же можно-то пить из «народного источника», то есть, буквально осмысливая образ, из народа, из людей?

Только одно — кровь.

...Помню, я осторожно листал серо-желтые истлевшие листы газеты, частенько полуоборванные по краям — подшивка была за 1927 год,— когда увидел вдруг перечеркнутый крест-накрест портрет. Голощекин был снят в профиль, против солнца: курчавые волосы и бородка отсвечивали сединой, взгляд нацелен и жесток, нижняя губа поджата, нос длинный, нависающий, но не мясистый, а хрящеватый и как бы энергичный, и — хищно вздутое крыло ноздри. Позировал ли он фотографу или тот схватил характерное выражение лица? Все-таки снимок был явно нерядовым, поскольку воспроизводили его в газете в дальнейшем часто. Зная нравы журналистов, вполне можно представить, что они были «в курсе» вкусов первого руководителя и прекрасно осведомлены о его неравнодушии к этой фотографии. Потому и старались почаще тиснуть портрет на полосе... Так вот, кто-то из читателей подшивки, а быть может, еще не подшитой газеты, размашисто перечеркнул профиль «ответственного секретаря крайкома тов. Голощекина», и, как видно, давным-давно: фиолетовые чернила выцвели

до предела. Пониже кудлатой мефистофельской бороды большими печатными буквами вкось тянулась сопроводительная надпись: «УБИЙЦА». Это был номер «Советской степи» от 30 мая 1927 года...

Еще один перечеркнутый, но уже другими чернилами, портрет Филиппа Исаевича встретился в номере газеты от 7 ноября 1932 года. Там попутное определение было — «ГНИДА!»

Портретов других товарищей не перечеркивали...

Знали, знали безымянные рецензенты личности и деятельности Голощекина, что за человек вершил судьбами казахстанцев.

И отнюдь не случайным показалось мне тогда, когда я читал его заключительную речь на конференции, это навязчивое смакование слова «источник», под которым подразумевался целый народ,— и сладострастие упыря почудилось в этом нелепом, страшном сочетании — **напить пить из народного источника.**

Человек, даже и изощренный политик, порой не волен в своих чувствах и ненароком проговаривается. Мания величия — совершить революцию, пусть малый, да Октябрь — не однажды прорезалась у Голощекина, равно как и другие сопутствующие манийки: собственной непогрешимости (для порядка маскирующейся под самокритичностью), непревзойденного красноречия (обращающегося многочасовой демагогией, когда доклады надо было выслушивать иногда в течение двух дней) и т. д.

Не проговорился ли Филипп Исаевич в тот раз на Пятой конференции в чем-то глубоко потайном?

Разумеется, этот вовсе не значит, что он в прямом смысле вурдалак и кровопийца. Но бывает, что имеется другой — умозрительный — ряд связанных с людской кровью ассоциаций, образов и символов, кроющийся в глубине человеческого существа, ведь не каждый так же легко, как Голощекин, может бросить прилюдно: если надо, то будем действовать «не боясь крови» (как он заявил на Третьем пленуме в 1926 году).

Впрочем, крови ли бояться тому, кто выбрал своей «профессией» — революцию?

Г. Бабеф писал о деятельности Каррье, одного из ближайших сотрудников Робеспьера: «Разве для спасения родины необходимо было произвести 23 массовых потопления в Нанте, в том числе и то, в котором погиб-

ли 600 детей? Разве нужны были «республиканские браки», когда юношей и девушек, раздетых донага, связывали попарно, оглушали сабельными ударами по голове и сбрасывали в Луару?.. Разве необходимо было... чтобы в тюрьмах Нанта погибли от истощения, заразных болезней и всяческих невзгод 10 тысяч граждан, а 30 тысяч были расстреляны или утоплены?.. Разве необходимо было... расстреливать пехотные и кавалерийские отряды армии мятежников, добровольно явившиеся, чтобы сдаться?.. Разве необходимо было... потопить или расстрелять еще 500 детей, из коих старшим не было 14 лет и которых Каррье назвал «гадюками, которых надо удушить»?.. Разве необходимо было... утопить от 30 до 40 женщин на 9-м месяце беременности и явить ужасающее зрелище еще трепещущих детских трупов, брошенных в чаны, наполненные экскрементами?.. Разве необходимо было... исторгать плод у женщин на сносях, нести его на штыках и затем бросать в воду?.. Разве необходимо было внушать солдатам роты имени Марата ужасное убеждение, что каждый должен быть способен выпить стакан крови?..»¹².

Страсти из времен Великой Французской революции (как не «Великая», так тебе и море крови!) имеют самое прямое отношение к страстям — мукам — из времен нашей новейшей истории: та же самая беспощадность и кровожадность сопутствовали исполнению «революционного долга», не говоря уже о совершенно одинаковых лозунгах — «свободы, равенства и братства» (впрочем, в потоках-то крови все жертвы равны, все братья по несчастью...). Каррье и Голоцекин были отнюдь не простыми исполнителями директив, поступавших сверху,— они оба считали себя вершителями народных судеб, каждый на своем «участке». И если один устраивал малую французскую революцию в Нанте, то второй совершал свой малый Октябрь в Казахстане и не дрогнул, когда потребовали устроить в Казахстане геноцид. Не побоялся крови. Как и предупреждал.

Что ж это за существо такое — революционер, профессиональный революционер? Из какого источника напитал он душу свою?..

«Верный ленинец», «испытанный революционер» — определяли Голощекина советские историки.

«Что для него наши жизни, для этого палача с окровавленным мечом в руках?» — сказал Габит Мусрепов.

Тех, кто видит в этих двух характеристиках противоречие, надо разочаровать: и то и другое глубоко тождественно. В энциклопедическом словаре о Филиппе Исаевиче для краткости вполне можно было бы написать: верный ленинец, цареубийца, палач казахского народа. Это не только справедливо, но и попросту нужнее читателям, нежели перечисление его должностей и всяких там участий в каких-то съездах.

Казахская земля, часть Российской империи, в полной мере разделила ее страшную в двадцатом веке судьбу.

Выдающийся русский философ Иван Александрович Ильин писал:

«После того, что произошло в России за последние 32 года (1917—1949), нужно быть совсем слепым или неправдивым, чтобы отрицать катастрофический характер происходящего. Революция есть катастрофа в истории России, величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение, по сравнению с которым Смута бледнеет и меркнет.

Смута была брожением; народ перебродил и опомнился. Революция использовала новую смуту и брожение и не дала народу ни опомниться, ни восстановить свое органическое развитие.

Смута была хаотическим бунтом и дезорганизованным разбоем. Революция оседлала бунт и государственно организовала всеобщее ограбление.

Смуту никто не замышлял: она была эксцессом отчаяния, всенародным грехопадением и социальным распадом. Революция готовилась планомерно, в течение десятилетий; в известных слоях интеллигенции она стала традицией, передававшейся из поколения в поколение; с 1917 года она стала систематически проводиться по заветам Шигалева и чудовищным образом закрепляться: она ломала русскому человеку и народу его нравственный и государственный «костяк» и нарочно неверно и уродливо срашивала переломы.

Смута длилась 9 лет... Революция тянется уже 32 года, и конца ей не видно. Подрастают новые поколения, живущие в России, но не знающие ни ее истории, ни ее священных традиций, ни ее международного положения.

Смута разразилась в сравнительно первобытной России, расшатанной и оскудевшей от террора Иоанна Грозного. Революция была подготовлена и проведена в России, которая культурно цвела, хозяйственно богатела и прогрессивно реформировалась. Россия начала XX века имела две опасности: войну и революцию. Войну ей сознательно навязала Германия, чтобы остановить ее рост; революцию в ней сознательно раздули революционные партии, чтобы захватить в ней власть.

После Смуты Россия была разорена... но она сохранила свой национальный лик. Революция разоряет и вымывает ее систематически и симулирует ее мнимое «богатение»; она исказила ее национальный лик, отменила даже ее имя и превратила ее в мировую язву, грозящую всем народам.

Поэтому русская революция есть величайшая катастрофа — не только в истории России, но и в истории всего человечества, которое теперь слишком поздно начинает понимать, что советский коммунизм имеет европейское происхождение и что он теперь ломится назад — на свою «родину». Ибо он готовился в Европе сто лет в качестве социальной реакции на мировой капитализм; он был задуман европейскими социалистами и атеистами и осуществлен международным сообществом людей, сознательно политизировавших уголовщину и криминализировавших государственное правление¹.

Ильин заключал:

«Болезнь, ныне изводящая Россию, а именно: воинствующее безбожие; антихристианство; материализм, отрицающий совесть и честь; террористический социализм; тоталитарный коммунизм; вселенское властолюбие, разрешающее себе все средства — весь этот единый и ужасный недуг имеет не русское, а западноевропейское происхождение. В течение девятнадцатого века русская интеллигенция соблазнялась им как «последним словом передовой культуры», мечтательно, сентиментально и безвольно заражаясь им. В двадцатом веке — многонационально-международная, полурусская полуинтеллигенция, зараженная им до мозга костей, тупая,

волевая и жестокая,— пошла в грозный час мировой войны на штурм, захватила власть в России и превратила нашу страну в опытный рассадник этой духовной чумы. Эта-то чума и принесла нам все наши национальные мучения и унижения, с тем чтобы впоследствии (ныне!) наградить ими и соседние народы Запада и Востока, считавшие себя «неугрожаемыми»...

...Полуинтеллигенция Востока уверовала в западного дьявола как в Бога и поработила многоплеменную российскую массу — сначала соблазном разнудзания, а потом страхом голода, унижения, муки и смерти...»².

С поразительной четкостью и точностью философ очерчивает безмерный в мерзости тип человеческой породы, что вылупился из «профессионального революционера» по завоевании власти:

«В мире встал аморальный властолюбец, сделавший науку и государственность орудием всеобщего ограбления и порабощения,— жестокий и безбожный, величайший лжец и пошляк мировой истории, научившийся у европейцев клясться именем «пролетариата» и оправдывать своими целями самые гнусные средства»³.

Именно к такому типу принадлежал, вместе с другими большевистскими вождями, Филипп Исаевич Голощекин.

Долгие десятилетия угодливая пропаганда нам расцвечивала этот тип всеми радужными красками, не позволяя заглянуть к нему в душу. Штатные парикмахеры и портные от истории нарумянивали все больше и больше его мумифицированный лик и подновляли парадный мундир. Они следовали заветам и желаниям самих вождей, которые при жизни немало пеклись о том, в каком наряде явиться перед «массами» и запечатлеть себя в вечности. Тем ценнее, среди этой героизированной мишурь, «показания» самого болтливого из правителей Совдепии.

В 1924 году русский писатель православно-почвеннического направления Илия Британ, высланный двумя годами раньше за границу, получил письмо из Кремля, предусмотрительно отпечатанное на машинке. Вместо подписи была изображена пятиконечная звезда, внутри которой, как в клетке, сидели попугай, и все это обрамлено словами: «Прилетайте и соединяйтесь!» Письмо было издано тогда же под именем Британа отдельной брошюрой. В 1928 году французский журнал «Ревю

универсаль» перепечатал письмо и однозначно назвал его автором Н. И. Бухарина — на что указывало множество «сравнительно легко проверяемых» фактов и подробностей. Оправдания из Москвы не последовало.

Это письмо показательно тем, что выявляет не столько индивидуальные черты характера автора, сколько его политическую суть. Суть большевика-вождя. При недостатке подобного рода автобиографического материала о Голощекине оно позволяет заглянуть и в его нутро, причем как раз-таки того времени, когда Филипп Исаевич явился хоряничать в Казахстане.

Вот самые яркие отрывки из «Неизвестного письма Н. Бухарина»:

«...для меня революция — все, и потребуй она от меня жизни любимой жены, я спокойненько утоплю ее в умывальном ведре — медленно и мучительно...»

«Помните ли, как вы однажды выгнали меня из своей комнаты, когда я — это было под утро — в жарком споре с вами открыл вам все наши карты, признав, что у нас нет никакой «советской власти», никакой «диктатуры пролетариата», никакого «рабоче-крестьянского правительства», никакого доверия к нашей дурацкой партии, а есть лишь очень небольшой орден вождей грядущей в мир социальной революции (наподобие тех «масонов», в которых вы, хоть и не по Нилусу, но все же верите!), в ответ на ваше надоевшее мне сравнение с «бесами» выпалил, потеряв остатки хладнокровия, что Достоевского, к сожалению, нельзя расстрелять?»

«Россия? Что такое Россия?

...для меня, для нас это — только географическое понятие, кстати сказать, нами, без малейшего вреда для революции, с успехом упраздненное, для меня это — тоже слово, но — старое, никому не нужное и сданное поэтому в архив мировой революции, где ему и место».

«...помните ли вы свое громовое послание к Ленину, написанное вами как «народным депутатом»? Мы все ужасно смеялись, читая ваши искренние благоглупости, которыми вы хотели поучить нас... Ах, тогда вы сами верили в Ленина и думали, что царь-батюшка не видит того, что видите вы, и что злые слуги-советчики скрывают от его ясных очей горе и муку любимой вами... России... Вы, в своей византийско-московской романтике, были так же, мягко выражаясь, наивны, как и все рус-

ские люди, питавшиеся подобной пищей на протяжении целого ряда веков их глупой, глупой истории.

Нет, мой птенчик, Ленин и все мы (мы, т. е. «орден»!) понимаем русскую действительность не хуже вас, а знаем все, потому что от нас вездесущий Феликс, поставивший за спиной каждого советского гражданина по паре чекистов, не скрывает и не смеет скрыть ничего-шеньки...»

«Как вы не понимаете, что то, что дорого вам как некая абсолютная самоцель («Россия», «Русь»), нас интересует лишь постольку, поскольку речь идет о материалье и о средствах для мировой революции? Нам нужны — прежде всего более или менее прочный кров, а затем — деньги, как можно больше денег.

Для того, чтобы получить денежки, мы не только дважды обобрали (и еще двадцать два раза оберем!) девяносто процентов России, но и распродадим ее оптом и в розницу, потому что, господин патриот, вся она к нам с лихвой вернется в желанный час мировой революции, во имя которой «все дозволено»...

«Да, ваша Россия, конечно, погибает: в ней теперь нет ни одного класса, коему когда-либо и где-либо жилось пакостней, чем в нашем совдеповском раю (кстати, если это — рай, то каков же совдеповский ад? Любопытно...); мы не оставили камня на камне от многовековой постройки «государства российского»; мы экспериментируем над живым, все еще, черт возьми, живым народным организмом, как первокурсник-медик «работает» над трупом бродяги, доставшимся ему в анатомическом театре... Но вчитайтесь хорошенъко в обе наши конституции: там откровенно указано, что нас интересует не Советский Союз и не его части, а борьба с мировым капитализмом, мировая революция, для которой мы жертвуем и страной, и собою (жертва, конечно, на зиновьевых не распространяется!) без малейшего сожаления и сострадания к тем, кто нужен в качестве удобрения коммунистической нивы для ее будущего урожая...»

«Страна, изможденная войнами, мором и голодом (средство, конечно, опасное, но зато — великолепное!), и пикнуть не смеет под угрозой чеки и так называемой армии, которые, поверьте, нами довольны, потому что приласкать преторианцев и гончих собак, насытить их по горло всякой всячиной — это наш революционный долг.

Да, забавная комбинация — эта самая ваша Русь! Мы и сами часто диву даемся, глядя на ее пресловутое «долготерпение»... Черт знает что делаем, а все благополучно сходит с рук, как будто бы так и надо!.. Но объясните мне: ведь, почитай, нет в России ни одного дома, у которого мы прямо или косвенно не убили мать, отца, брата, дочь, сына или вообще близкого человека, и... все-таки Феликс спокойненько, почти без всякой охраны пешочком разгуливает... по Москве...»

«Вот вы все бормотали мне своим исступленным шепотком о церкви и религии, а мы ободрали церковь как липку и на ее святые ценности ведем свою мировую пропаганду, не дав из них ни шиша голодающим; при Г.П.У. мы воздвигли свою «церковь» при помощи православных попов, и уж доподлинно врата ада не одолеют ее; мы заменили требуху филаретовского катехизиса любезной моему сердцу «Азбукой коммунизма», закон божий — политграмотой, посыпали с детей крестики да ладанки, вместо икон повесили «вождей» и постараемся для Пахома и «низов»... открыть моги Ильича под коммунистическим соусом... Все это вам известно, и... что же?

Дурацкая страна!»

«Народ безмолвствует»... И будет молчать, ибо он, голубчик, не «тело Христово», а стадо, состоящее из скотов и зверей. Сознаюсь вам теперь в том, что однажды рассказанная мною история — не анекдот, как я тогда уверял вас, а самый настоящий факт: клянусь... Не понимаете, о чем я говорю? Забыли? А вот о чем: Ленин действительно изрек, что он боится, как бы ему в шутку не подсунули на подпись декрет об обязании всех граждан обоего пола в определенный срок целовать его на Красной площади в срамное место; он, по рассеянности, подмахнет этот указик, и вся страна... станет в очередь, да еще, добавлю я, появятся и такие, которые (не только сменовеховцы, но и поприличнее!) найдут в этом акте величайшую государственную мудрость, причем, конечно, Демьян Бедный и Валерий Брюсов разразятся гимнами, а всякие профессора и академики из бывших людей, просто так, за бесплатно, от избытка собственной подлости, завопят о гениальности, о новом откровении «учителя!..

«Народ безмолвствует» и... несет налоги: что и требовалось доказать.

Заговорит? Восстанет? Разин? Пугачевщина? — Заставим умолкнуть, утихомирим... — перепорем, перестреляем хоть половину страны, не щадя ни детей, ни стариков!..

Ну-с, а если не удастся и мы все-таки загремим, то... скажите пожалуйста, что мы теряем? Те, кто нам действительно нужны для дела мировой революции, останутся целы, ибо исчезнут они вовремя; а сотни тысяч сырого материала «низов», ягнят российского коммунизма... подумаешь, какая важность: этого добра нам не жалко ни капельки, а чем страшнее и ужаснее будет реставрация и въезд на белом коне нового «царя», — тем скорее мы вернемся (такова диалектика истории!), вернемся, и тогда... не уставай, Феликс, работайте, Лацисы, и — «патронов не жалеть»!!

...Ах, впрочем, к чему эти мрачные мысли: «нам всегда везло и будет везти!» (слова Ленина).

А русская свинья-матушка, которая терпеливо пролежала три столетия на правом боку, с таким же успехом пролежит еще дольше — до прихода Мировой Социальной Революции и на левом боку: на то она и свинья...

Теперь вам ясно, что я хочу выпалить? Нет еще? Ну, какой же вы на самом деле — дурак! Не ясно? Ну, в таком случае — получайте: на Россию мне наплевать, слышите вы это — наплевать.

ИБО Я — БОЛЬШЕВИК!!»⁴.

Полезно, что и говорить, хоть и через шесть десятков лет, увидеть большевика изнутри. А то ведь еще хватает тех, кто верит, что это были хрустальной чистоты романтики добра и справедливости.

Но, быть может, кто-нибудь усомнится: он ли это, наш «любимец партии?» Он, он, его душок. С детства был резов и мил: постепенно, как писал в автобиографии, усваивал ироническое отношение к религии; после окончательно с ней разделался; поспорил с мальчишками, у которых оставалось почтение к святыням, и принес за языком из церкви «тело Христово», победно выложив оное на стол; воображал себя антихристом, и, узнав из Апокалипсиса, что мать антихриста должна быть блудницей, «допрашивал свою мать — женщину... на редкость честную, трудолюбивую, не чаявшую в детях души и в высшей степени добродетельную — не блудница ли она...»⁵.

По существу даже не важно, кто автор письма — Бухарин или Британ, сведший воедино наиболее характерные мысли своего московского собеседника: под этим посланием мог подписатьсь любой из большевистских вождей. Дорвавшийся до власти «жестокий и безбожный, величайший лжец и пошляк мировой истории» к тому времени многое уже чего натворил в России.

Варварское ограбление народа, несчитанное множество усмиренных деревень, повальные расстрелы в городах, искусственный голод, уничтожение интеллектуальной элиты, расправа с Церковью... Основатель социологии П. Сорокин подсчитал, что потери России по 1922 год — 21 миллион человек. Из них 5 миллионов — жертвы германской и гражданской войн, а 16 миллионов — погибли от вызванного большевиками голода, расстрелов в ЧК, карательных экспедиций. По докладу генерального прокурора Крыленко, за первые четыре года советской власти судами было вынесено 1 766 118 смертных приговоров. А скольких уничтожили без всякого суда!.. Даже в послевоенное время (1922—1924) по суду и бессудно истребили более двух миллионов человек — то есть больше, чем в 1937—1938 годах, о коих столько шуму⁶. Стало быть, война большевиков против российского народа не прекращалась вообще...

А что же вожди?

«...Архивные документы, воспоминания современников говорят, что во время страшного голода, начавшегося в России в 1921 году, у каждого из упомянутых большевиков (речь шла о Луначарском, Крыленко, Красине, Радеке, Зиновьеве, Каменеве), включая и Дзержинского, но исключая Ленина, лежало в швейцарских банках по несколько миллионов долларов. Они жили в роскошных особняках, обслуживающие многочисленную челядью и охраняемые китайцами или другими не знавшими русского языка головорезами, дарили любовницам баснословно дорогие колье, распродавали за границей художественные ценности из дворцов и храмов...»⁷.

Даже по дошедшим до нас обрывкам написанного прослеживается предельный цинизм вождей,— можно представить, что они говорили между собой.

Ленин: «т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим... Надо поставить дело так, чтобы

этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высыпать за границу. Прошу показать это секретно, не размножая, членам Политбюро...»⁸.

Это называется — валить с больной головы на здоровую. Бывший германский наёмник, в «запломбированном» вагоне проехавший через территорию воюющей с Россией Германии, да еще с большой суммой от кайзера, Ленин требует оформлять «военными шпионами» тех, кто не согласен с его политикой...

Он же: «По-моему, надо расширить применение расстрела... найти формулировки, ставящие эти деяния в связь с международной буржуазией...» Террор следует «узаконить... принципиально», «формулировать... как можно шире», ибо «террор — это средство убеждения»⁹.

Видно, по Ильичу, лучшее средство убеждения — пуля в затылок.

Троцкий (1919 год, когда от 2,5 миллиона жителей Петрограда осталось 900 тысяч): «Мы достигли такой власти, что если бы завтра декретом мы приказали всему мужскому населению Петрограда явиться на Марсово поле и получить по двадцать пять ударов розгами, то 75 процентов явились бы и стало в хвост, а остальные запаслись медицинскими справками, освобождающими от телесного наказания»¹⁰.

Луначарский (о лозунге «революционеру позволено всё»): «Может быть, мы, коммунисты, не согласны с этим лозунгом? Если немножечко его исправить и сказать: революционеру позволено всё, что действительно ведет к торжеству социализма, то мы ни на секунду от него не откажемся»¹¹.

И так далее, несть числа примерам.

Но вернемся к «любимцу партии». Любопытная подробность: в орден Ленина Бухарин пришел прямиком из другого ордена — масонского¹².

* * *

Александр Селянинов, автор изданной в 1911 году в Петербурге книги «Тайная сила масонства», сетовал, что в России очень мало сведений о «вольных каменщиках». Однако если до революции у нас все же издавались, и довольно основательные, исследования о масон-

стве, то после Великого Октября как бритвой срезало. И почему бы это? Быть может, кремлевские новоселы заботливо оберегали своих недострелянных и недоморенных подданных от ненужных знаний? А может, было что скрывать?

Полвека с лишним о масонах не возникало у нас ни слуху ни духу. Лишь могучая фигура Пьера Безухова, нелепо застрявшая в школьной программе, напоминала о каких-то полумифических чудаках, любителях тайн и зловещих обрядов. Возможно, чуткие редакторы давно бы подсократили и Пьера-то этого, чтобы не морочил людям голову, да вот беда, сочинитель романа, как назло, оказался «зеркалом русской революции».

Шли годы, и вот кое-кто из ученых и журналистов обратил взор в масонские дали. Выяснилось, что масонство отнюдь не исчезло, а, наоборот, с Пьеровых времен весьма и весьма процвело. Но стоило издательству «Молодая гвардия» выпустить в 1984 году тощенький сборник «За кулисами видимой власти», как сам академик И. И. Минц раздраженно прицыкнул на не в меру любознательных авторов. Они-де «не замечают, как мимоходом извратили наш стратегический лозунг: надо бороться с империализмом, разоблачать его правительства; но нет — заняты версией о масонах, поисками «за кулисами видимой власти» какой-то надклассовой организации»¹³.

Кому же другому и верить, как не почтенному Исааку Израилевичу! Можно без преувеличения сказать, один из создателей самой главной советской науки — истории КПСС. По значимости — как народный художник Вучетич в нашем монументальном искусстве. Тут еще бабушка надвое сказала, кто из них «более — истории-матери — ценен»: один столько Лениных кругом наваял (жалъ, Сталиных поносили!), что по количеству памятников любимому вождю на душу населения мы прочно стоим на первом месте в мире; другой проделал не менее титаническую работу в исторической науке, воспев в многочисленных томах «триумфальный марш» большевиков.

Но, видно, большим умам свойственны и большие парадоксы: в явном триумфальном шествии советской власти академик Минц не заметил десятки миллионов жертв, уложенных в полотно дороги к светлому будущему, а вот за тайное общество масонов он

вполне ручается. Только откуда же ему известно, что там, за кулисами власти, нет надклассовой организации? А как есть? И, быть может, не просто надклассовая, а — надгосударственная?

В общем, беда с этими масонами: так засекречены в нашей стране, что уже о тайнах родимого КГБ знаем куда больше, нежели о них. Оно, говорят, отчасти так и повсюду в мире, недаром Эрнст Генри заметил, что в тайны «вольных каменщиков» проникнуть труднее, чем раскрыть секреты разведок¹⁴. Казалось бы, с перестройкой гласностью прочтем хотя бы то, чем до революции торговали в любой книжной лавке... Действительно, что только не переиздается ныне! Блаватская, Троцкий, маги, астрологи — да все репринтом... Каждую неделю леса бумаги уходят на Агату Кристи, фантастику или какую-нибудь Анжелику. Ах нет, о масонах молчок. А ведь там, ходят слухи, такие сюжеты, которые бедной Агате и не снились. Так и лежат под спудом в спецхранилищах арестованные народными комиссарами книги.

Правда, «Политиздат» откликнулся на эту тему одной новинкой, но много ли из нее почерпнешь? Автор книги «Масоны и революция» А. Я. Аврих свел свое исследование к узкому историческому промежутку от начала XX века до Февральской революции и, раскрывав немногочисленные работы исключительно советских историков, пришел к выводу, что «масонский сюжет есть, но масонской проблемы нет»¹⁵. Это все равно что сказать: дымком-де попахивало, но огня ни-ни. «...В одном можно быть достаточно уверенным,— пророчески заключил Арон Яковлевич о масонах,— радикального переворота в оценке их роли не будет. Вывод о масонах как *quantité négligeable* (ничтожная величина) в предфевральских и постфевральских событиях 1917 г. остается неизменным. Чего не было — того не было»¹⁶.

Не все историки у нас думают подобно Минцу и Авриху. Перед Февральской революцией, считает Н. Н. Яковлев, в России резко активизировалась организация масонов, во главе которой стояли будущие руководители Временного правительства. Он пишет: «Верхушка всех без исключения российских буржуазных партий была объединена в рамках некой сверхорганизации — масонов»¹⁷. (Кстати сказать, в одну из лож Петрограда входил А. Н. Букейханов, будущий глава Алаш-Орды)¹⁸.

«Многопартийность не мешала ядру российского масонства координировать свои действия, скорее, помогала развивать их в разных областях и направлениях,— замечает журналист Л. Замойский.— „Мы никогда не позволяли разногласиям подорвать нашу солидарность“,— писал А. Керенский. Были, в частности, согласованы и списки министров будущего правительства, в котором около половины мест занимали масоны из „Верховного совета народов России“, а когда произошла Февральская революция и 2 марта 1917 года был оглашен список состава Временного правительства, то он почти полностью совпал с тем, что за два года до этого обсуждался на квартире Е. Кусковой, а затем уточнен в 1916 году. Марк Алданов, один из основателей русских лож во Франции, член народно-социалистической партии (трудовик), писал в 1919 году: „Правительство было составлено еще в 1916 году. Оно было составлено на заседаниях у кн. Львова, в номере гостиницы „Франция“ в Петербурге, и список будущих министров почти целиком совпадал с первым составом „Временного правительства“¹⁹.

Вот тебе и «ничтожная величина»!

Н. Берберова в книге «Люди и ложи» сообщает некоторые подробности: «В Москве масоны собирались в частных домах и квартирах у П. П. Рябушинского, у Кусковой и Прокоповича, у Коновалова (в его загородном доме), у Челнокова, Долгорукова, Гучкова и др., в Петербурге — в отдельных кабинетах в ресторане «Контан» и у Донона, а также у Орлова-Давыдова, у Федорова, у Половцева, у Меллер-Закомельского, Горького и др. В 1916 году на собраниях в квартире Горького возникает «морской план» дворцового переворота... Там же появляется подруга Ек. П. Пешковой — Ек. Дм. Кускова²⁰. В примечании к этому говорится, что наш «буровестник революции», его первая жена Е. П. Пешкова и крестник писателя Зиновий Пешков (родной брат Я. М. Свердлова) «интересовались в то время масонством»²¹.

Понятно, что «интересовались», иначе с чего бы собрания на квартире устраивать... (Впрочем, уже для советского читателя выяснилось — Е. П. Пешкова была масонкой)²².

«Интересоваться» — не изучать; последнее — весьма и весьма затруднительное дело. Историк Б. И. Никола-

евский долгие годы пытался составить академический труд о русском масонстве, и что же? Написал лишь небольшой и очень приблизительный по содержанию очерк да оставил записи нескольких бесед с бывшими членами организации²³. Ничего существенного! Или же так оно и было, или же умеют молчать «вольные каменщики»...

«Исключительное отсутствие материалов» Николаевский объяснил «абсолютной законспирированностью масонской организации в России»²⁴. Однако это не остановило исследователя в выводах. Действительную роль масонской организации Николаевский видит в «относительно скромной роли одной из многих политических групп, не отличавшейся ни особой активностью, ни исключительным влиянием...»²⁵.

Может быть, и в самом деле масонство совершенно безобидная штука, что-то вроде сообщества, которое «задается целью нравственно облагораживать людей и объединять их на началах братской любви, равенства, взаимопомощи и верности» (Брокгауз и Ефрон)? Однако в ту же книгу Николаевского «Русские масоны и революция» редактор-составитель Ю. Фельштинский счел нужным включить в качестве приложения «Послание о масонстве» председателя Архиерейского собора русской Православной Церкви за рубежом митрополита Антония от 15/28 августа 1932 года.

В отличие от Николаевского, собирателя разрозненных сведений, митрополит Антоний говорит только о существе этого тайного сообщества. Вот лишь некоторые выдержки из Послания святого отца:

«Одним из самых вредных и поистине сатанинских лжеучений в истории человечества является масонство. О нем мы намерены по архипастырскому долгу нашему поведать православному русскому миру.

Масонство есть тайная интернациональная мировая революционная организация борьбы с Богом, с христианством, с Церковью, с национальной государственностью и особенно государственностью христианскою.

...Иудаизм исторически связан с масонством самыми тесными узами в своей ожесточенной борьбе с христианством и в мессианских устремлениях к мировому владычеству.

Масонство — непримиримый враг христианства. Оно поставляет своею целью разрушение Церкви, войну со

всеми религиями, потрясение основ христианской государственности и организацию революций во всем мире... В 1881 г. бельгийский масон Флери писал: «Долой распятого! Ты, который вот уже 18 веков держишь мир под своим ярмом! твое царство кончено! не нужен бог!»

«Наша цель... в том, чтобы смести христианство с лица земли», — говорила в том же году учредительница Теософического общества Блаватская...

«Будем работать, будем прядь ловкими и осторожными руками тот саван, который покроет в один прекрасный день все религии...» — говорит член конвента Великой ложи Франции. Подобных выражений можно было бы привести сколько еще угодно...

Следует отметить, что масонство в своих ритуалах, посвящениях и символике носит ярко кощунственный характер... Некоторые масоны объявляют себя служителями сатаны: «Мы, масоны, — говорит альтмейстер Броклин-ложи Лессинг, — принадлежим к роду Люцифера. Треугольник вместо креста. Ложа вместо церкви»...

...Во всех революциях XVIII, XIX, а также нашего века масонство принимало самое живое участие и имело очень большое влияние. Масонские издания и по сей день поддерживают это и даже гордятся этим. Не раз они отмечали, что революционный девиз «Свобода, равенство, братство» искони является девизом масонства. Масон и каббалист Папюс утверждает, что «революции суть применение конституций масонских лож к обществу». Русскую революцию 1905 года один масонский журнал приветствовал словами: «Все республиканцы, и в особенности масоны, должны выразить самые горячие пожелания скорейшего триумфа русской революции». Но это в прошлом. А что же масоны говорят в настоящем?..

«Братья, — читаем мы в... номере... официального бюллетеня, — позвольте мне выразить еще надежду на то, что масонство, коему история обязана революциями национальными, сумеет сделать и более крупную революцию — интернациональную».

...Масоны сами подтверждают свою связь с коммунистами и с разрушителями нашей родины. Под знаком масонской звезды работают все темные силы, разрушающие национальные христианские государства. Масонская рука принимала участие и в разрушении

России. Все принципы, все методы, которые большевики применяют для разрушения России, очень близки масонским. 15-летнее наблюдение над разрушением нашей родины воочию показало всему миру, как ученики подражают своим учителям и как поработители русского народа верны программе масонских лож по борьбе с Богом, Церковью, с христианской нравственностью, с семьей, с христианским государством, с христианской культурой и со всем тем, что создало и возвеличило нашу Родину...»²⁶.

Священный собор осудил масонство и сродные с ним учения и организации: теософию, антропософию, «Христианское знание», запретил пастырям Церкви удостаивать членов масонских лож Св. Причастия, а если те не откажутся от масонства, постановил отлучать их от Церкви.

Обратим внимание, что послание митрополита Антония было напечатано за рубежом лишь через 21 год после написания, в 1953-м, а у нас в стране еще позже — в 1990-м.

Пуще всех помалкивала о масонстве почему-то советская наука, хотя официально у нас было покончено с «братьями» еще при Ленине. Лишь в последнее до-перестроечное время кое-кто из историков сумел выскажать ряд общих сведений, да и то, разумеется, под соусом активной борьбы коммунистической идеологии с «реакционным учением сионизма». Автор историографического обзора «О классовой сущности сионизма» А. З. Романенко посвятил связке сионизм — масонство целую главу. Он пишет:

«Одну из глубочайших тайн масонства, да и сионизма, приоткрыл В. В. Большаков в работе «Сионизм на службе антикоммунизма»... ...Особая по значению сионистско-масонская организация занимает руководящее положение во всей широко разветвленной и сложнопереплетенной организационной системе международного сионизма. «Бнай Брит» финансирует организационные службы международного сионизма...

...Организация действует более чем в 40 странах. Она насчитывает более 4000 лож...

Особого внимания заслуживает вывод В. В. Большакова о том, что члены «Бнай Брит» вступают в любые политические партии и всевозможные организации, как

и все члены всех масонских организаций... стремятся подчинить их своим целям»²⁷.

«Нет ничего удивительного в древнем происхождении идей господства какой-то группы над остальным человечеством,— пишут В. Кудрявцев и В. Артемов в их значительной по научной ценности работе «Масонство в системе современного империализма».— Эта идея, несомненно, могла возникнуть в самый ранний период формирования идеологии эксплуататорских классов. Религиозная окраска этой идеи говорит о том, что у ее истоков стояли жреческие корпорации древневосточных государств». Кудрявцев и Артемов указывают, что «основание организации масонская легенда связывает со строительством храма бога Яхве при древнеиудейском царе Соломоне. (Отсюда название членов организации — «вольные каменщики» — строители храма Соломона.)

На глубокую связь с иудаизмом указывает символика масонов: звезда Давида, звезда Соломона, семисвечник, свитки Торы и прочее, подчеркивают В. Кудрявцев и В. Артемов. Они констатируют существование в масонстве и других проявлений древнейшего влияния в нем иудаизма. В частности, идея господства масонов над миром совершенно аналогична как иудейской концепции всевластия евреев над неевреями, так и сионистской идеи создания «всемирного Сиона».

Таким образом, есть основания для серьезной и глубокой разработки научной гипотезы: организация, получившая позднее на французском языке название масонской, существует в течение около трех тысячелетий — со временем ее возникновения в царстве Соломона. Многими столетиями она вырабатывала свою единственную в своем роде организационную структуру, проверяла в острой борьбе за укрепление власти эксплуататоров свои тайные методы разрушения противостоящих масонству структур власти, вырастала в широко разветвленную в современном мире систему, поставившую на службу масонской тайной господствующей верхушке руководящие круги большинства современных капиталистических стран»²⁸.

В подтверждение последнему приводятся имена известных всему миру людей, про которых, возможно, не все знают, что это масоны: Даллес, Трумэн, Киссинджер, Картер, Линдон Джонсон, Джеральд

Форд, Никсон, Рейган, Рокфеллер, Ротшильд, Тэтчер, Вэнс, Мондэйл, Бжезинский, Помпиду, Франц-Йозеф Штраус, Брандт, Черчилль, Пиночет и т. д. А мы потом удивляемся, что это бывшие американские президенты и госсекретари, как и европейские экс-премьеры, то и дело колесят по миру с «частными» визитами! Видно, потому им и не сидится дома на печке, что масонская служба дольше государственной.

По данным нашей печати, масонами были Троцкий, Бухарин, Скворцов-Степанов и некоторые другие большевики. Все они дружно уверяли, что вступили в общество по молодости лет и пробыли там недолго. Но так ли на самом деле? В зарубежной литературе имеются и другие сведения.

К примеру, генерал-майор кн. Череп-Спиридович в книге «Тайное мировое правительство» (Нью-Йорк, 1926) пишет, что Троцкий имел 33-ю, высокую степень посвящения. Н. Свитков, автор книги «Масонство в русской эмиграции» (Сан-Паулу, 1964, 2 изд.), составленной на основании масонских документов, приводит такой список масонов: «Ульянов-Ленин, Бронштейн-Троцкий, Свердлов, Зиновьев-Апфельбаум, Каменев-Розенфельд, Собельсон-Радек, Литвинов-Финкильштейн, Пешков (Максим Горький)». В том же ряду: банкир Абрам Животовский, отец второй жены Троцкого Н. Седовой, связанный с американскими банкирами Шиффом и Варбургом, которые финансировали все три русские революции; Израиль Парвус-Гельфандт, главный казначей Ленина, через которого во время Первой мировой войны большевики финансировались немецким генеральным штабом. Там же масоны из состава Временного правительства: кн. Львов, первый его председатель, Керенский, Гучков, военный министр, Милюков, министр иностранных дел, министры: Чхеидзе, Чернов, Терещенко, Переверзев, послы: Маклаков (в Париже), Бахметьев (в Вашингтоне), а также: Симанович Аарон Самуилович, секретарь Распутина, Соловьев Борис Владимирович, зять Распутина, Скоропадский, гетман Украины, Вологодский, глава правительства у Колчака, Набоков, один из вождей кадетов, Рутенберг, убийца Гапона, Струве, профессор Рубинштейн, председатель «Лиги прав человека», и т. д.

* * *

Иван Ильин был прав: революция в России готовилась планомерно, в течение десятилетий. Может быть, даже многих десятилетий...

«В Россию,— пишет А. Селянинов,— масонство проникло, по преданию, при Петре Великом... но до 1731 года о нем нет никаких документальных сведений... В С.-Петербурге первая ложа была основана в 1750 году»²⁹.

В 1776 году в России была «обманным путем водворена» масонская система «строгого наблюдения» — иллюминатство, и русское масонство, куда входили «честные, но доверчивые» Елагин, Новиков, Трубецкой, Лопухин, Тургенев и другие, подпало под власть масонства Швеции, враждебной России.

Иллюминаты были орденом внутри ордена и ставили своей целью полное уничтожение Церкви и религии, семьи и нравственности, собственности и государства. Учение иллюминатов, по словам масона Лонгинова, автора книги «Новиков и московские мартинисты», состояло в следующем:

«Человек от природы получил права на равенство со всеми и на свободу. Равенство было нарушено торжеством собственности, а свобода утратилась с установлением обществ и правительств, которые поддерживаются гражданскими и церковными законами. Чтобы восстановить первобытные права человека на общее равенство и свободу, надо уничтожить эти законы, т. е. религию и собственность. Тогда исчезнут цари и отдельные нации и настанет господство естественных прав и золотой век безграничного космополитизма. Чтобы прийти к этой цели, надо просвещать людей через посредство тайного общества, распространяя всюду дух его учения через adeptов. Не должно производить потрясений, а следует, не разбирая средств, незаметно приобретать власть на умы и склонять осторожно общественное мнение к заявлению желаний таких перемен, которые клонятся к желанному перевороту. При этом надо ловким образом обессиливать противников тайного общества и всячески стараться губить тех, кого не удается победить или убедить. Необходимо взаимное шпионство членов друг за другом, и цель оправдывает средства»³⁰.

«Желанный переворот» попробовали, с помощью об-

мана доверчивых солдатиков, произвести в 1825 году: среди виднейших декабристов многие были масоны (Трубецкой, Пестель, братья Муравьевы-Апостолы и Муравьевы, Шаховской, Бестужев, Глинка, Лунин и другие).

Потом был заговор Петрашевского, причины которого «не были достаточно освещены». Тут следует припомнить бывшего петрашевца Достоевского, отрекшегося от революционных взглядов молодости,— уж он-то знал бесов изнутри.

И. Ильин говорил, что в России с 1917 года стали систематически проводиться заветы Шигалева...— что же предполагал шигалевский рай земной?

«...В виде конечного разрешения вопроса — разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать»³¹.

Скромный Шигалев, создатель теории, вылупившейся из коммунистических утопий, признавался, что запутался в небольшом противоречии: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом. Прибавлю, однако ж, что, кроме моего разрешения общественной формулы, не может быть никакого»³².

Бесом-теоретиком восхищался бес-практик Верховенский:

«Шигалев — гениальный человек!.. У него хорошо в тетради, у него шпионство. У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, и все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство (в рукописной редакции тут было: «все позволяет, ибо с высшей целью»), а главное — равенство. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда разворачивали более, чем приносили пользы; их изгоняют и казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается каменьями — вот шигалевщина! Рабы должны быть равны: без деспотизма не бывало еще ни свободы, ни равенства, но в стаде долж-

но быть равенство, и вот шигалевщина! ...Я за шигалевщину!»

Далее:

«...В мире одного только недостает: послушания. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание; мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Всё к одному знаменателю, полное равенство. «Мы научились ремеслу, и мы честные люди, нам не надо ничего другого» — вот недавний ответ английских рабочих. Необходимо лишь необходимое — вот девиз земного шара от селе. Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители. У рабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность, но раз в тридцать лет Шигалев пускает и судорогу, и все вокруг начинают поедать друг друга...».

Еще, для полноты картины:

«...Мы проникнем в самый народ. Знаете ли, что мы уж и теперь ужасно сильны?! Наши не только, которые режут и жгут... Я без дисциплины ничего не понимаю. Я ведь мошенник, а не социалист, ха-ха! Слушайте, я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают!.. Знаете ли, знаете ли, сколько мы одними готовыми идеяками возьмем? Русский бог уже спасовал перед «дешевкой». Народ пьян, матери пьяны, церкви пусты... Дайте взрасти поколению! Жаль только, что некогда ждать, а то пусть бы еще попьянее стали! Ах, как жаль, что нет пролетариев! Но будут, будут, к этому идет...»

И еще:

«...Одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подлецкого, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь,— вот чего надо! А тут еще «свеженькой кровушки», чтоб попривык. ...Мы провозгласим раз-

рушение... почему, почему, опять-таки, эта идея так обаятельна! Но надо, надо косточки поразмять... Ну-с, и начнется смута! Раскачка пойдет такая, какой еще мир не видал... Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам»³³.

И, наконец, последнее высказывание Петра Верховенского (из рукописных редакций к роману):

«Социализм выдуман для дураков. В чем же истина, чему служить? Чтобы все провалилось, и стать на их месте»³⁴.

Как видим, российские бесы вполне усвоили масонские уроки свободы, равенства и братства.

Как раз в то время, когда Достоевский, за границей, обдумывал роман «Бесы» и набрасывал черновые редакции, в Симбирске появился на свет тот, кому будет суждено осуществить бесовский земной рай в России, и кто вторым, вслед за Петром Великим, заслужит в русском народе прозвище антихриста.

Для Ленина центральный вопрос всегда был вопрос власти. Всё и провалилось, и он стал на их месте...

Но, по-видимому, это было не только заслугой вождя большевиков.

Создатели советской науки под названием «исторический материализм», увлекшись описанием роли масс и личности в истории, подзабыли расстолковать о роли тайных обществ, а между тем, по данным Александра Селянинова, «великая российская революция» была «решена и разработана» на заседании масонского конвента в 1904 году в Мальмезоне³⁸. Понятно, на такое дело надо было кому-то и раскошелиться. Полных сведений о том, кто и сколько дал, естественно, нет. Благо, «лондонская еврейская хроника» поведала, что «всеобщему еврейскому рабочему союзу» — Бунду — на русскую смуту пожертвовали более семи миллионов рублей. А именно: «германские евреи дали 115 000 фунтов стерлингов (1 150 000 руб.); английские — 149 341 ф. с. (1 493 000 р.); американские — 240 000 ф. с. (2 400 000 р.); французские и австрийские — 370 000 ф. с. (3 700 000 р.)»³⁹. Он пишет, что Великая Французская революция широко велась на такие же в точности пожертвования.

В 1871 году американец Альберт Пайк, «Великий Мастер Ордена и Суверенный Первосвященник Всемирного Масонства», которого в противовес папе римскому называли «кантипапой», писал своему заместителю, «Суверенному Исполнительному Директору» Джузеппе Мадзини, что для полного торжества масонства понадобятся три мировых войны. В третьей из них будет уничтожен мусульманский мир, а после «мы спровоцируем гигантское социальное потрясение, ужасы которого покажут всем гибельность безверия. Революционное меньшинство будет уничтожено, а разочарованное в христианстве большинство, стремясь к идеалу, но не зная, где он, получит от нас истинный свет учения Люцифера, которое сможет, наконец, открыто выйти на поверхность. Затем мы одновременно уничтожим и христианство и атеизм»¹.

Так, за тридцать лет до наступления века двадцатого, масоны закладывали основы своей стратегии.

Одним из главных финансистов «мирового пожара» был нью-йоркский миллиардер Яков Шифф.

Граф С. Ю. Витте в «Мемуарах» с показной небрежностью заметил о Шиффе: «Если не ошибаюсь, глава финансового мира в Америке»². Уж, конечно, не ошибался бывший российский премьер, с его отменной памятью, тем более что с Шиффом они встречались не раз. (Во время одного из визитов к нему Шифф угрожал, что если царь не даст своему народу свободу, революция воздвигнет республику)³. Кроме того, Шифф был одним из руководителей крупнейшей масонской ложи «Бнай Брит». По определению югославского журналиста Драгоша Калаича, этот миллиардер был «фанатичным приверженцем марксовой системы порабощения»⁴.

Английский историк Брайан Коннель писал о существовании «маленького интернационального братства», в которое входили богатейшие представители еврейского капитала: Эрнест Кассель — совладелец лондонской фирмы Бишовгейм и Гольдсмит, Макс Варбург — глава большого банкирского дома в Гамбурге, Эдуард Нетилин — президент Парижского и Нидерландского банка в Париже. Франц Филиппсон — брюссельский банкир, финансисты из Амстердама Верхейм и Гомперц, Яков

Шифф — глава фирмы Кун, Леб и К° — и другие дельцы. «Этих людей связывали воедино общность расы и интересов. Тонкая паутина их связей реагировала на малейшее прикосновение. Они поддерживали между собой невероятно точную сеть экономической, политической и финансовой разведки, на самом высшем уровне. Они могли прекратить поддержку в одном месте и предоставить фонды в другом; они могли с быстротой молнии и в полной тайне перебрасывать громадные суммы денег из одного конца своей финансовой империи в другой, влияя на политические решения в десятках различных стран»⁵.

В этой компании, которую английский историк Дуглас Рид называл «еврейским интернационалом», а Драгош Калаич — «ростовщикским интернационалом» и которая ворочала мировой историей, Яков Шифф играл ведущую роль. Он, разумеется, не просто жертвовал деньги на революцию,— он помещал капиталы в **самое обещающее дело**, то есть стремился нажиться на русской революции и, одновременно, обезопасить экономику Соединенных Штатов от соперника, быстро набирающего мощь. Но, быть может, главное было в том, что Шифф приходился России врагом идейным — по определению Д. Калаича, это был «фанат-русофоб и противник православного царства»⁶.

Перечислим хотя бы вкратце его заслуги перед русской революцией во всех трех ее обличьях — 1905 года, Февральской и «Великим Октябрем». Но вначале небольшое отступление, касающееся подготовительной деятельности «маленького интернационального братства»:

«Легкомысленно и беспечно приняв кредиты от Ротшильда на сумму свыше семи миллиардов золотых франков (в период с 1889 по 1901 год), — пишет Драгош Калаич, — царская Россия позволила набросить на себя точно рассчитанную петлю ростовщических условий. Кредиты были нацелены прежде всего на то, чтобы подготовить русскую экономику к войне и натравить Россию на Германию... Первое крупное сопротивление ростовщической мощи царская администрация продемонстрировала, отказавшись одобрить создание Центрального банка. По всему миру ростовщикский интернационал навязал государствам это учреждение... с его исключительно эффективной и четкой формулой приобретения

всех ценностей путем простой эмиссии бумажных псевдоценостей: «Банк получает прибыль от общего количества денег, которые он создает из ничего». В период, о котором идет речь, самой совершенной формой такого грабежа была так называемая Федерал Резерв Систем, созданная договором крупнейших банкиров в 1910 году и навязанная США до наших дней. Речь идет о «системе», которая за фасадом подобия государственного учреждения обеспечивает его реальным частным владельцам почти полный контроль над экономикой страны и легальное использование финансов. Всюду попытки ростовщиков навязать эту «систему», то есть открыть Центральный банк, имели успех, кроме... царской России, администрация которой обнаружила в этом обман. Отказ царской России покориться интернационал ростовщиков воспринял как повод для объявления войны»⁷.

Шанс вскоре представился — началась русско-японская война. Однако вряд ли этот конфликт был случайностью: войны сами по себе не возникают, кто-то же заваривает кашу и очень хорошо знает, зачем.

Еще до русско-японской войны Я. Шифф снабжал деньгами и натравливал на государство террористические организации в России. С началом войны возглавляемый им ростовский интернационал стал щедро предоставлять кредиты для военных целей Японии. Как видно, целям «маленького интернационального братства» вполне сочувствовали и коллеги Шиффа в самой России: торговый дом Гинцбургов под русским флагом доставлял уголь нашим врагам японцам, а «своим», то есть русским, продавал тот же уголь втрое дороже⁸.

Калаич продолжает:

«В японских лагерях для военнопленных агенты Шиффа вербовали, идеино готовили и обучали террору наивных русских мужиков, предлагая им деньги, алкоголь и прежде всего марксистскую идеологию. Затем этих «мутантов» забрасывали в Россию, главным образом через финскую границу, чтобы они разбойничали и сеяли смерть, страх, неуверенность и подрывали основы режима. Хроника этого времени свидетельствует о 1995 случаях покушений и 194 бомбовых нападениях. Ужасают и цифры погибших и раненых, среди которых 114 губернаторов, видных государственных деятелей и генералов, 286 офицеров полиции, 452 полицейских, 109 офицеров и 750 солдат. В вооруженных нападениях с примене-

нием бомбового оружия погибло 73331 гражданское лицо, ранен 9661 человек»⁹.

Миллиардеру-революционеру мешал П. А. Столыпин с его идеей богатой и сильной России,— на организацию покушения на русского премьера Шифф выделил полтора миллиона долларов¹⁰. В 1911 году Столыпин, с двенадцатой попытки, был убит пролезшим в охранку агентом сионистов Мордкой Богровым. Шифф признавался, что всего вложил в русскую революцию 20 миллионов долларов, из них 12 до Первой мировой войны¹¹.

Калаич пишет:

«Широкой общественности, в общем, известно, что Ленин с соратниками оказался в России с помощью немецкой армии, предоставившей революционерам бронепоезд и значительный капитал. С точки зрения немецкой военной стратегии, смысл этой акции заключался в деморализации боевого духа противника путем революционной агитации и тылового хаоса. Гораздо далее целил ростовщический интернационал, финансировавший революционеров: уничтожение православного царства и установление идеальной, тоталитарной и геноцидной системы, коммунистического порабощения. Правда, Яков Шифф и компания вначале помогали масонскому правительству Керенского. Заметив просчеты Керенского и признаки контрнаступления монархистов, они поняли, что могут идти еще дальше, и все виды кредитов направили особому слою «западников», называемых «большевиками»¹².

В 1931 году американская администрация напечатала в Вашингтоне документы о финансовой помощи большевикам от «маленького интернационального братства» банкиров. Калаич считает, что среди большевиков, принимавших участие в документированных трансакциях, самой заметной фигурой является Троцкий. Именно Шифф снабдил деньгами экспедицию Троцкого и трехсот «перманентных революционеров», которые на двух кораблях отправились из Америки в Россию после Февральской революции.

Три могучие силы, объединенные незримым масонским центром, стремились к уничтожению Российской державы: «нейтральная» Америка, военный противник Германия и «союзник» Англия.

Немецкий посол в Копенгагене масон Брокдорф-Ранцау через масона Парвуса заключил тайный финансово-

политический союз кайзера с большевиками, и уже в декабре 1915 года Германия отвалаила большевикам-союзникам первый миллион золотых рублей «на организацию революции в России». Финансируя Ильича с компанией банк Варбурга, того самого, кто представлял в Гамбурге «маленькое интернациональное братство». Затраты Германии на подготовку революции, а затем на поддержку партии большевиков вплоть до ноября 1918 года составили более 40 миллионов марок золотом, или 10 миллионов долларов¹³. Впрочем, немецкий социал-демократ Бернштейн заявил в 1921 году, что большевики получили от кайзера свыше 50 миллионов золотых марок, и опровержения не последовало...¹⁴.

Итак, немецкий кайзер дал большевикам 10 миллионов долларов, Яков Шифф выложил на русскую революцию 20 миллионов, из «союзной» Англии от уполномоченного лондонского банка Ротшильда лорда Мильнера (также крупного масона) на свержение царизма поступило более 10 миллионов долларов. Так была подготовлена величайшая в истории диверсия, обернувшаяся затем и величайшим кровопролитием.

Черчилль писал:

«Ни к одной нации судьба не была столь жестокой, как к России. Ее корабль пошел ко дну на виду у гавани. Фактически буря уже прошла, все жертвы были принесены, все усилия увенчались успехом. Долгие отступления кончились; снарядный голод был преодолен; вооружение широко вливалось в армию; более многочисленные, лучше вооруженные армии охраняли громадный фронт; казармы были переполнены крепкими людьми. Алексеев вел армию, Колчак командовал флотом. Не требовалось больше ничего трудного: стоять в боевой готовности; давить на растянутые германские линии; удерживать ослабевшие силы врага на своем фронте; другими словами, только выдержать — вот все, что стояло между Россией и плодами общей победы. Империя выставила для кампании 1917 года значительно большую и лучше вооруженную армию, чем та, с которой она начала войну. К марта 1917 года Царь был на троне; Россия и ее народ стояли крепко, фронт был надежен и победа обеспечена. Царь падает, сраженный ударом. Вмешивается темная рука, сначала в перчатке глупости. Без Царя, на виду у победы, Россия падает наземь, как древле ирод, заживо съеденная червями»¹⁵.

Посол США в Петрограде сообщал 19 марта 1917 года госсекретарю о том, что «предприняты все меры для устраниния претензий на престол, включая и князя Михаила»¹⁶.

«Кстати сказать,— пишет Драгош Калаич,— вторая телеграмма того же посла... от 9 февраля 1918 года содержит умилительный пример близорукости служащих Уолл-Стрита низшего звена. Речь идет о телеграмме, сопровождающей документы, свидетельствующие, что Ленин и Троцкий, а также остальные лидеры большевиков являются иностранными наемниками. Напоминая, что указанные документы принадлежат секретной службе правительства Керенского, посол спрашивает: «Если все это правда, возникает вопрос, почему К(еренский) не использовал эти документы против большевиков в минувшем июле?» Бедному послу было невдомек, что Керенский находится на той же службе, что и он сам, и как только решили разыграть большевицкую «карту», Керенский послушно удалился с исторической сцены»¹⁷.

Вот и весь секрет бескровного Октябрьского переворота: заокеанские шахматисты переменили цвет фигур в партии против русских монархистов. Вместо «временных» стали «красные».

«Пламенные финансисты» не прогадали. «Инвестиции Якова Шиффа и компаний в большевистскую революцию принесли банку Кун, Леб и К° и группе Варбургта, связанным деловыми, брачными и семейными узами, рекордные прибыли ростовщичества. По свидетельству внука Якова Шиффа, его дедушка вложил в большевистскую революцию всего двадцать миллионов долларов. В период с 1918 по 1922 год, по тому же свидетельству, Ленин вернул банку Кун, Леб и К° 600 миллионов золотых рублей по официальному курсу. Как известно, большая часть долга и процентов была возвращена по принципу бартерной торговли: на рубли агенты приобретали в России все, а точнее, грабили то, что легко превращалось в капитал на рынках Запада: от мехов, золота, серебра и бриллиантов до основных видов сырья.

«Чтобы покрыть долг, агенты уничтожали и грабили даже церкви, а золотые кресты и золото, содранное с иконостасов, переплавляли в слитки для облегчения экспорта. В результате такого экспорта у России было отнято огромное богатство, состоящее из шедевров искусства, из царской коллекции. Так, царская коллекция

шедевров европейского Ренессанса из Петрограда составляет сегодня ядро Национальной галереи в Вашингтоне, которой США гордятся без зазрения совести.

Редки были на Западе смелые голоса, выражавшие протест, подобно американскому профсоюзному лидеру Самуэлю Гомперсу, выступившему на страницах «Нью-Йорк таймс» 7 мая 1922 года.

Конечно, Самуэль Гомперс не мог открыто назвать имена банков, банкиров и компаний, о которых идет речь. Излишне подчеркивать особую и не поддающуюся оценке форму выплаты долгов или инвестиций иностранного капитала в большевицкую революцию: от уничтожения и изгнания элиты русского народа, массового геноцида русских до разрушения православных церквей и монастырей, расстрелов десятков тысяч монахов и священников¹⁸.

* * *

Самые прозорливые догадывались, что угрожает России.

«Ни война, ни революция не испугали меня и ни в чем не разочаровали: я их ожидал давно и в формах еще более жестоких», — признавался поэт Максимилиан Волошин в автобиографии, составленной в 1925 году.

Волошин знал, что говорил.

В 1988 году издательство «Наука» выпустило в серии «Литературные памятники» книгу его статей «Лики творчества», где впервые в советское время напечатана статья «Пророки и мстители». Она сопровождается подзаголовком «Предвестия Великой революции». Волошин развивает мысль о том, что «Великая Революция является психологически кризисом идеи справедливости, которая в этой форме неразрывно связана с понятием мести. Месть — это та форма переживания, которая с чудовищной силой связывает в тугую пружину воли целых поколений, и пружина, стягиваемая в течение столетий, вдруг развертывается одним чудовищным взмахом».

Статья написана в 1905 году — под впечатлением первой русской революции. Волошин весьма уверенно предрекает России кровавую катастрофу: перед ним пример Великой Французской революции. «К 9-му января 1905 года, — читаем в его автобиографии, — судьба привела меня в Петербург и дала почувствовать все гря-

дущие перспективы русской революции. Но я не остался в России, и первая русская революция прошла мимо меня. За ее событиями я прозревал смуту наших дней» («Ангел Мщенья»)¹⁹.

Именно к этому времени относятся его «блуждания духа», одним из этапов которых было «масонство». В марте 1905 года он познакомился с писателем А. В. Амфитеатровым, одним из тех, кто возрождал в начале двадцатого века масонство в России. Тесное общение дало свои плоды: в парижском журнале Амфитеатрова «Красное знамя», политическом и литературном издании «антисамодержавного направления», Волошин напечатал в апреле 1906 года запрещенное в России стихотворение «Ангел Мщенья». Статья «Пророки и мстители», по сути, своеобразное предисловие к этому стихотворению.

«Вполне принимая общепринятое изложение экономических, социальных и психологических причин, подготовивших Великую Революцию,— пишет он,— мы не можем не признать, что у террора, являющегося, по своему существу, выражением идеи справедливости и мести, есть иная генеалогия, чем та, которую нам обычно предлагают как генеалогию Французской революции. Существует целая литература, темная и мало известная, о мщении тамплиеров»²⁰.

Сделаем небольшое отступление. Рыцарский орден тамплиеров, или «храмовников», основанный в 1119 году крестоносцами, к началу XIV века был уже полностью разложен антихристианскими ересями. Вступающие в орден тайно отрекались от Христа, оскверняли распятие, в ордене процветали педерастия и сатанизм «в виде поклонения отвратительной голове полукозла, получеловека по имени Бафомет»²¹.

Продолжим выдержку из статьи М. Волошина:

«21 января 1793 года (в этот день король Людовик XVI был казнен) находится в неразрывной связи с 18 марта 1314 года — днем, когда был сожжен Великий Магистр ордена тамплиеров Яков Молэ.

За шесть лет до этого, в ночь с 12 на 13 ноября 1307 года, заговором всех государств Европы, составленным по инициативе французского короля Филиппа Красивого и папы Климента V, был совершен один из самых грандиозных переворотов, совершившихся в Европе.

Был арестован весь могущественный рыцарский ор-

ден тамплиеров, тайное общество, которое держало в своих руках все богатство и всю власть тогдашней Европы и подготовляло громадный религиозный и социальный переворот в европейском человечестве.

Шесть лет длился процесс, в котором тамплиеры обвинялись в черной магии, колдовстве и сатанизме, и 18 марта 1314 года Великий Магистр Яков Молэ был сожжен на медленном огне...

Он горел несколько часов и призвал папу и короля предстать с ним на суд Божий в этом же году.

Папа умер через 40 дней, и тело его сгорело от опрокинутого светильника в церкви, а король Филипп Красивый умер через год...

Перед казнью Яков Молэ основал четыре Великие Масонские ложи: в Неаполе — восточную, в Эдинбурге — западную, в Стокгольме — северную и в Париже — южную.

На другой день после его сожжения шевалье Омон и семь тамплиеров, переодетые в костюмы каменщиков, с благоговением подобрали пепел его костра.

Так родилось, по преданию, тайное общество франк-масонов, которое впоследствии передало французской революции свой девиз: Свобода, Равенство, Братство».

Прервемся на мгновение и подивимся столь торжественному и величавому тону, которым Волошин пишет о масонстве. Не иначе, как заглавными буквами, он обозначает все, касаемое «братства», а вот законный охранительный союз короля и папы римского называет «заговором»...

«Для того, чтобы допустить к причастию в их тайне Великой мести только людей, вполне достойных доверия, нео-тамплиеры создали обычные франк-масонские ложи... Эти ложи были доступны толпе, и из них выбирались истинные масоны, которые могли принять действительное участие в заговоре...

Их власть и распространение в последние годы XVIII века были громадны. Из масонских лож вышли все деятели Великой Революции.

Революция началась взятием Бастилии, потому что Бастилия была тюрьмой Якова Молэ.

...Когда национальное собрание... объявило короля лишенным престола и назначило ему местом Люксембургский дворец, то другое собрание, более тайное и более могущественное, решило иначе. Резиденцией по-

верженного короля должна была быть тюрьма, и тюрьма эта не могла быть иной, чем старый дворец тамплиеров, который стоял еще крепко со своими башнями и бойницами в ожидании царственного узника.

Якобинизм имел уже имя раньше того, чем главы заговора выбрали старую церковь монахов-якобитов местом для своих собраний. Их имя происходит от имени Якова — имени, рокового для всех революций...

...Тайные двигатели Революции клялись низвергнуть трон и алтарь на гробнице Якова Молэ.

В тех местах, где на стенах церквей и зданий тамплиеры вырубили свои тайные знаки и символы, страшные «знаки Рыб», во время революции разразились кровавые безумства с неудержимою силой.

Во время сентябрьских убийств какой-то таинственный старик громадного роста, с длинной бородой, появлялся везде, где убивали священников.

«Вот вам за альбиго́йцев! — восклицал он,— вот вам за тамплиеров!..»

Он рубил направо и налево и весь был покрыт кровью с головы до ног. Борода его слипалась от крови, и он громко клялся, что вымоет ее кровью.

Это был тот самый человек, который предложил мадемуазель де Сомбрейль выпить стакан крови «за народ».

После казни Людовика XVI этот самый вечный жид крови и мести поднялся на эшафот, погрузил обе руки в королевскую кровь и окропил народ, воскликнав: «Народ французский! я крещу тебя во имя Якова и свободы!»

В настоящую минуту Россия уже перешагнула круг безумия справедливости и отмщения,— заключает Волошин,— и Ангел Справедливости и Отмщения, Кровавый Ангел тамплиеров, Ангел, у которого в руках меч, у которого глаза всегда завязаны, а одна чаша весов всегда опущена, восстал и говорит

Народу Русскому: Я скорбный Ангел Мщенья,
Я в раны черные, в распахнутую новь
Кидаю семена. Прошли века терпенья...
И голос мой набат, хоругвь моя, как кровь.
На буйных очагах народного витийства,
Как призраки, взращу багряные цветы.
Я в сердце девушки вложу восторг убийства
И в душу детскую кровавые мечты.
И дух возлюбит смерть, возлюбит крови алость...
Я грезы счастия слезами затоплю.

Из сердца женщины святую выну жалость
И тусклой яростью ей очи ослеплю.
О, камни мостовых, которых лишь однажды
Коснулась кровь... Я ведаю ваш счет!
Я камни закляну заклятьем вечной жажды,
И кровь за кровь без меры потечет...
Скажи восставшему: Я злую едкость стали
Придам в твоих руках картонному мечу...
На стогнах городов, где женщин истязали,
Я «знаки Рыб» на стенах начерчу.
Я синим пламенем пройду в душе народа.
Я красным пламенем пройду по городам.
Устами каждого воскликну я: «Свобода!»
Но разный смысл для каждого придам.
Я напишу: «Завет мой Справедливость!»
И враг прочтет: «Пощады больше нет!»
Убийству я придам манящую красотность,
И в душу мстителя вольется страстный бред.
Меч Справедливости — провидящий и мстящий —
Отдам во власть толпе, и он в руках слепца
Сверкнет стремительный, как молния разящий...
Им сын заколет мать. Им дочь убьет отца.
Я каждому скажу: «Тебе ключи надежды.
Один ты видишь свет. Для прочих он потух».
И будет он рыдать, и в горе рвать одежды,
И звать других... Но каждый будет глух.
Но сеяль сберет колючий колос сева.
Принявший меч погибнет от меча,
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом иль жертвой палача»²².

* * *

Пророчество поэта сбылось: вскоре кровь в России действительно потекла без меры.

* * *

Еще А. Селянинов и его современники приметили неразрывную связь революционных процессов с нарождающимся сионизмом. Но прежде всех, кажется, об этой атаке с двух сторон на христианский мир предупредил английский священник Генри Эдвард Маннинг, о чем пишет Дуглас Рид в своей книге «Спор о Сионе».

«Девятнадцатый век христианской эры,— пишет Дуглас Рид,— отличается от предыдущих восемнадцати появлением двух мировых движений, ведущих, постепенно сближаясь, к одной общей цели, ставшей в конце этого столетия доминирующим фактором мировой политики.

Одно из них — сионизм — стремилось вновь собрать рассеянный по всей земле народ как единую нацию на территории, обещанной ему его «еврейским богом». Це-

лью второго движения, коммунизма, было уничтожение самого понятия нации как таковой среди всех неевреев.

На первый взгляд, цели этих двух движений противоположны: одно из них сделало национализм своей религией, даже своим богом; другое объявило национализму войну не на жизнь, а на смерть. В действительности же этот антагонизм был только кажущимся, и оба движения развивались на параллельных путях, а вовсе не шли навстречу друг другу, к столкновению в будущем. Ибо Бог, обещавший землю избранному народу, обещал ему также поставить его «превыше всех народов земли» и поразить другие народы «до их полного уничтожения».

Мировая революция, выполняя второе обещание европейского бога, одновременно подготавляет условия, нужные для первого. Будь то случайно или же в согласии с предварительным планом, но она служит воле Иеговы²³.

Французская революция, по мнению Д. Рида, была не просто революцией во Франции, а проявлением в действии мировой революции. Она — связующее звено между английской революцией 1640 года и русской 1917-го.

«Эти события в нашем столетии придали слову «революция» новое значение, вернее, его истинное значение: разрушение без конца... Русская революция показала, что теперь революция организовывалась как нечто постоянное, как непрерывная разрушающая сила, непрерывно организуемая постоянным главным штабом, с его персоналом и целями мирового масштаба.

Цели революции не имеют никакого отношения к местным условиям, революция не стремится исправить какие-либо местные несправедливости. Ей нужно разрушение само по себе, чтобы уничтожить в мире все законные правительства и поставить на их место новую власть и новых владык».

И еще:

«В октябре 1917 года международные заговорщики добились фантастической победы — одновременно восторжествовали и коммунизм, как разрушитель наций, и сионизм, как создатель господствующей нации»²⁴.

Это было написано английским журналистом в середине 50-х годов — каждый может сам судить, верны или ошибочны его выводы.

Итак...

Разрушение без конца... — вот смысл революции как таковой. Небывалый погром православного мира, а за одно и других народов и религий, сосуществовавших в границах приговоренной к уничтожению империи, носит название русской революции. Между тем трезвые наблюдатели, для которых истина дороже партийных или иных взглядов, давно заметили, что это название не соответствует существу. Так, бывший советский диссидент, впоследствии покинувший страну и уехавший в Израиль, историк М. Бернштам заключает: «Наверное, народ ни одной страны ни в одной революции в истории не дал так мало представителей на осуществление революции и так много на сопротивление ей. Понятие «русская революция», на наш взгляд, вообще должно быть исключено из научного обихода...»

Не раз уже святые отцы предсказывали появление антихриста. В России этим именем называли, вслед за Петром I, Ленина. Но Ильич, конечно, предтеча... Кстати, еще об этой предтече антихриста — любопытные сведения появляются вдруг... Оказывается, архитектор Щусев, построивший мавзолей Ленина, взял за основу проекта этого надгробного памятника Пергамский алтарь. «Знаю твои дела и что ты живешь там, где престол сатаны...» — обращался Христос к Пергамской Церкви (Откр., 2, 13). В книге поклонника идеи сионизма Г. Марченко «Карл Маркс?» читаем: «По-видимому, Пергам был центром сатанинского культа в те давние времена». Щусев в 1924 году получил необходимую информацию о Пергамском алтаре от Фредерика Поульсена, признанного авторитета в археологии. Этот алтарь сатаны был раскопан немецкими археологами и с 1944 года находился в одном из берлинских музеев. По сообщению шведской газеты «Свенска Дагбладет» (27 января 1946 года), после взятия Берлина алтарь был вывезен в Москву, но выставлен не был. Дальнейшая его судьба неизвестна...²⁵.

«...и что содершишь имя Мое и не отрекся от веры Моей, даже в те дни, в которые у вас, где живет сатана, умерщвлен верный свидетель Мой Антипа» (Откр., 2, 13).

До сих пор в сердце русской земли — на Красной площади — каменеет углами нарост, представляющий собой филиал сатанинского древнего алтаря, а кругом на башнях горят огромные рубиновые пятиконечные звезды...

VIII

Но вернемся к практике устроения светлого будущего на казахской земле.

Хотя казахские большевики и пошли послушно под начало присланного Центром руководителя — партийная дисциплина! — но, убедившись вскоре, что местных условий он не знает, да и не хочет знать, понемногу стали обнаруживать свое собственное мнение. Возражений Голощекин не любил и немедленно принялся бороться с непослушными всеми доступными способами.

Если до физической расправы с политическими противниками тогда же, в первые годы его властования в Казахстане, дело не дошло, то отнюдь не по вине этого «хорошего парня», как называл «Жоржа» Голощекина его приятель Яков Михайлович Свердлов. Даже другому «хорошему парню» — Кобе, или Иосифу Виссарионовичу Сталину, стоявшему во главе ЦК, не удавалось еще в то время применить к оппонентам самый доходчивый метод убеждения — дать слово любезному «товарищу маузеру». И вот вместо простых и верных ходов приходилось разводить с друзьями по партии гнилую интеллигентскую полемику...

В первых инспирированных процессах: Шахтинском (1928 год), так называемой Трудовой Крестьянской партии (проходившем при закрытых дверях в 1930 году), Промпартии (1930 год) среди обвиняемых — коммунистов не было.

Лишь в 1931 году Stalin впервые открыто потребовал расстрелять своего политического противника. Им был широко известный ныне Рютин. Однако Политбюро не позволило своему вождю развязать террор — Рютин был лишь исключен из партии...

Словом, подобные организационные неувязки сильно мешали и Филиппу Исаевичу Голощекину, и вместо радикального решения вопроса он вынужден был вести долгую «парламентскую» борьбу.

А хотелось, хотелось ему разом покончить со стропти-

выми «националами»! Недаром в одном из выступлений он косвенно проговорился о своих желаниях.

То было на собрании кзыл-ординского партактива, проходившем 16 октября 1928 года. Разгоряченный длинной речью, Голощекин заявил:

«...Вообще, когда я говорю о группировках, я имею в виду национализм... Когда я упоминаю садвокасовщину, я имею в виду и ходжановщину, и рыскуловщину, и мендешевщину, и всех тех, кто был с ними. Одним миром они помазаны.

Объективные условия для группировщиков у нас еще полностью не изжиты, **старые вожди живы, их носит еще земля** (выделено мной.— В. М.), правда, не казахстанская...»¹.

С каким сожалением, даже скорбью это выговарено!..

Начинал Филипп Исаевич помягче... На Втором пленуме Казкрайкома в разделе «Об идеологических уклонах» политического отчета, выпустив сначала ритуальный словесный залп по шовинизму, который «у русских имеется... в большей или меньшей степени», он отмечал, что «у казахов происходит рост национального самосознания», и «руководителем этого национального сознания» уверенно назвал бая.

«Что у нас сейчас опасного в ауле? — спрашивал Голощекин далее.— Перебеднячить или перебайствовать?.. От перебеднячивания большой опасности нет... Я, товарищи, повторяю, на этом можно было бы даже не останавливаться и тем паче делать из этого большой шум, но поскольку об этом нет-нет да и говорят, надо несколько обратить на это внимание... Тут, если мы начнем бить стекла на почве уклонов, холодно будет. Так нельзя. Нужно учесть особые условия казахского коммуниста.

...Терпение, терпеливость, воспитание, самообразование и величайшее доверие тем, которые уклоняются»².

Терпеливым и заботливым воспитателем представлял он себя публике вначале.

Потом началась беспощадная борьба. «III пленум Казкрайкома ВКП(б) единодушно осудил все эти группировки (С. Садвокасова, С. Ходжанова, Т. Рыскулова.— В. М.), дал решительный отпор их попыткам сбить партийную организацию Казахстана с ленинского пути. Пленум... призвал партийные организации, всех комму-

нистов «вести решительную борьбу с идеологическими и организационными извращениями партийной линии в казахской организации... усилить идеиную борьбу с идеологией Алаш-Орды, националистическим (правым) и «левым» уклонами среди казахских коммунистов»³.

Голощекин поставил задачу расслоить аул, вызвать в нем классовую борьбу, что не могло не встретить сопротивления.

Это была не первая попытка приезжих большевиков стравить людей в казахском ауле. Еще в январе 1923 года на 3-й казахстанской конференции в докладе председателя Казсовпрофа Вайнштейна зазвучал «боевой призыв оставаться непримиримым к угнетателям... усилить наступление на класс эксплуататоров — баев и беков»⁴.

Тогда еще, как вспоминал впоследствии писатель Сабит Муканов, Садвокасов и его единомышленники «выступили открыто. Они откровенно заявляли, что в казахских аулах никогда не было угнетателей и угнетенных, а значит, не могло быть и никакой классовой борьбы... Свою, на сей раз пространную, речь Садвокасов так и закончил:

— Прочтите наоборот слово «база». Получится «азаб». («Азап» по-казахски — беда, мука, мученье). Буква «л» звучит в разговоре почти как «б». Классовая борьба, кроме беды и мук, ничего не принесет казахскому аулу»⁵.

Но в 1923 году все осталось на уровне теоретических споров. С прибытием Голощекина дело изменилось: тот же С. Муканов, воссоздавая в своих мемуарах июль 1926 года, пишет:

«Не без удовлетворения я узнал, что владычеству «правых националистов», объединившихся в Оренбурге, приходит конец. Филипп Исаевич Голощекин, первый секретарь Казкрайкома, оказался не только необычайно работоспособным человеком, но и дальновидным — не без хитрости — политиком. Он, опираясь на краевую партийную организацию, разбил ходжановскую группировку и устранил Ходжанова от руководства. Крепко досталось и Садвокасову. Он стал робким, осторожным и перестал открыто высказывать свои националистические взгляды. Но скрытно он пытался по-прежнему проводить свою политику. Однако не так-то легко было привести Голощекина, старого коммуниста, прошедшего до

революции школу большевистского подполья. Садвокасов напоминал сейчас лодочку на море в бурю. Вот-вот набежит та волна, которая ее опрокинет»⁶.

Внедрение классовой борьбы в казахский аул широко началось в 1927 году. 14 февраля «Советская степь» напечатала статью Александрова «К вопросу об Октябре в ауле».

«...Деревня пережила свой Октябрь,— писал автор, явно имея в виду благотворную деятельность комбедов,— а в ауле же мы сейчас не разрешили вопроса Октября, а только поставили его в повестку дня... Мы имеем диктатуру пролетариата в центре и господство бая в ауле».

Крайком командировал журналиста Габбаса Тогжанова на три месяца в один из аулов Джетысу, и вскоре, 4 июля, в газете появилась первая его статья «Аул как он есть». Иллюстрация к теоретическим положениям пленума вышла красочная. Как выяснил автор, все шесть коммунистов селения ходят в мечеть и молятся Аллаху. Секретарь ячейки признался, что всеми делами заправляют бай, аткаминеры и муллы.

«В протоколах пишем, что перевыборная кампания прошла хорошо, но это все вранье...» Шестидесятилетний член партии простодушно и серьезно пояснил, почему он посещает мечеть: «Осталось жить немного. На старости лет как я могу забыть Бога. Если меня исключат за это, то ничего против не имею».

28 августа появилась вторая статья Тогжанова «Как не надо советизировать». Он пишет, что лозунг о советизации аула «ни в коей мере не проведен в жизнь». Один из аткаминеров, торговец, имеющий четырех жен, решает все споры между жителями. А во главе аула стоит настоящий «аксакал», крупный бай, у которого 800 баранов, более сотни лошадей, несколько верблюдов и коров и три жены (было пять).

«Мы имели «счастье» побеседовать с этим Шалтабаем-аксакалом лично... Он долго убеждал, что «хотя он и бай, но он настоящий советский человек». Он всегда помогал и помогает беднякам, он «за коммунистов», ибо «сам с николаевских времен коммунист»... Он хвастался и тем, что в его роде (сат) нет «непослушных», что все бедняки и середняки его слушаются».

Удар послушанию нанесли осенью на выборах в Советы, когда десятки опытных работников были посланы

на места. «Впервые партия провела классовую борозду в ауле,— писал Голощекин 1 ноября 1927 года в «Советской степи»,— и помогла казахскому степняку-бедняку и середняку овладеть Советом не в качестве подставного лица или представителя рода, а в качестве выразителя своих трудовых интересов».

Так начинала формироваться армия тех людей, которые впоследствии печально прославились под именем «лжебельсены» — «лжеактивистов». Комбеды на казахский манер нисколько не уступили в своем ретивом головотяпстве и разбое российским комбедам. Иначе и не могло быть: туда в первую очередь стремились крикливые бездельники, прельщенные поначальству и чего-нибудь урвать для себя. Разврат властью вошел в «гущу аульных масс»...

В ноябре 1927 года в Кзыл-Орде состоялась Шестая Всеказахстанская партконференция, где Голощекин дал решительный бой тем «национал-уклонистам», которые еще смели ему перечить.

В полемике с ними он впервые использовал тяжелую артиллерию.

«Для того, чтобы лучше ввести вас в курс всей линии крайкома,— начал он доклад,— я позволю себе маленьку нескромность». Филипп Исаевич напомнил, как после Третьего пленума жаловались на него в Центральный Комитет «обиженные». «У меня возникла мысль попросить ЦК, по крайней мере его секретарей, дать нам оценку». Из всех секретарей он выбрал — генерального. И зачитал свои «Пять вопросов т. Сталину».

«Мы поставили вопрос не об оживлении Советов», а об организации действительных Советов. На этой точке зрения стоит 9/10 нашей организации, и лишь крайнее меньшинство (с одной стороны — Садвокасов) кричит, что это, и в особенности постановка вопроса о классовой борьбе, об «Октябре» в ауле, есть «гражданская война», что это противоречит постановлениям XIV съезда, и (с другой — Джандосов) видит в этих мероприятиях паллиатив и предлагает идти на экспроприацию.

Вот об основной линии крайкома нам нужен ответ».

Далее шли вопросы, касающиеся партийного строительства, межнациональных отношений, коренизации аппарата и, наконец, о «всем направлении политики» в Казахстане.

«В самом деле,— недоумевал Голощекин,— Казах-

стан оформился как национальное казахское советское государство — а действительных Советов трудящихся в ауле нет...»

— На это я получил очень краткий ответ,— скромно заметил Филипп Исаевич и зачитал исторические слова:

«Тов. Голощекин! Я думаю, что политика, намеченная в настоящей записке, является в основном единственно правильной политикой.

И. Сталин»⁷.

Индульгенция была получена, руки развязаны. Теперь можно было не церемониться с «жалобщиками».

Однако Филипп Исаевич решил раз и навсегда утвердить непререкаемость своего авторитета. Чуть позже он дал второй залп, поведав делегатам, что «случайно обнаружил у себя мандат, который был выдан мне и другим товарищам Владимиром Ильичем, и он был написан рукой Владимира Ильича». Естественно, и этот документ — о создании Турккомиссии, относящийся к 1919 году и к повестке дня не имеющий никакого отношения, был полностью зачитан.

Голощекин хорошо знал магию, а в советских условиях — и реальную силу, авторитета. Наверное, поэтому он до поры до времени приберегал свои козырные карты. Отныне все должны были знать, кто направлял его в эти края, оказывая ему всяческое доверие, и кто сейчас поддерживает его политику, считая ее «единственно правильной».

Никогда до этой конференции он не говорил столь нагло и грубо со своими товарищами по партии, никогда так не уивался своей победой.

Взгляды «оппозиции», совершившей «вылазку» в национальном вопросе, первый секретарь крайкома представил как «осколки сплетен, сбор лозунгов из различных националистических платформ».

Небольшая выдержка из доклада, напечатанного «Советской степью» 22 ноября 1927 года, дает представление о характере критики.

«Голощекин: — Нетрудно собрать сплетни из Казахстана, им (оппозиционерам), вероятно, рассказал и Садвокасов, и Мунбаев, а написал Тойбо. Из Туркменистана писал Тумайллов.

Тойбо: — Я с ним ничего не имею.

Голощекин: — Это ваш приятель, возьмите его и

идите, куда хотите, к Гинденбургу, к Абрамовичу в партию, он вас зовет...

Теперь я хочу сказать относительно руководства здесь, в Казахстане. Вы знаете, как Зиновьев выразился: «Голощекину отдан в самоличное владение Казахстан» — это слова Мунбаева. (Смех.)

Когда, в какие годы, скажите, в казахстанской организации мы имели такой широкий размах и рост массовой казахской организации? Никогда не было так, как в эти годы... Пусть попробуют выступить «вожди» любых групп против крайкома, они все будут смяты в течение недельки. (Шумные аплодисменты.)

...Я раскрою хорошенко те скобочки, о которых я говорил в своем вступительном слове. Я сказал, что казахстанская организация за эти годы выросла и сбросила с себя пеленки, которые сковывали ее рост. Знаете, когда сбрасывают пеленки, они бывают не так уж чисты, вот эти-то, нечистые, пеленки она с себя и сбросила. (Смех, аплодисменты.)

Тойбо: — Не поняли!

Голощекин: — Понюхайте! (Смех, аплодисменты.)».

...Смеялись и хлопали в ладоши и в последующие годы — когда за дверями заседаний валялись опухшие с голода люди... Как же не смеяться — начальство шутит, оно в хорошем настроении. Лучше нет праздника для скверноподданного, чем въяве быть причастным к таким радостным мгновениям.

А Голощекин — на трибуне и в президиуме — царил. Бросал реплики, перебивал выступающих, красовался своим топорным остроумием...

Говорил Ураз Джандосов:

— ...Мы не слепые националисты, как сказал тов. Нурмаков, и совершенно сознательно...

Голощекин перебил:

— Не слепые, а зрячие!

В зале снова хохотали, шумно аплодировали...

Филипп Исаевич щедро делился опытом о «маленьком Октябре», устроенном в ауле,— так он назвал передел луговых и пахотных угодий.

«Это то, против чего кричал тов. Садвокасов на Втором пленуме, это есть именно маленький Октябрь. Мы реально, на деле, на почве земельных интересов столкнули бедняка с баевым и заставили его, помогали ему отнимать землю у баев... Это есть классовая борьба!»

Понятен его восторг: два года он только и делал, что пытался стравить людей друг с другом, расслоить аул. Древний принцип «Разделяй и властвуй!», как шило из дратвы, вылезал из классовой борьбы в понимании Филиппа Исаевича. Собственно, в разжигании классовой борьбы Голощекин не был первооткрывателем, а шел по стопам своих учителей. Так, один из них, председатель ВЦИКа Я. М. Свердлов, еще 20 мая 1918 года сформулировал главную большевистскую линию:

«Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиемых враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая не так давно шла в городах, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии,— только в этом случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне сделаем то, что смогли сделать для городов»⁸.

Вот что они хотели сделать для городов и для деревни — разжечь гражданскую войну. Потому что, лишь стравив людей и заставив их уничтожать друг друга, оккупанты могли держать власть...

Менее всего занимало Голощекина хозяйство степняков, материальный уровень их жизни, благосостояние. «Абстрактного человека», к которому он хорошо относился, то есть на самом деле человека усредненного, порабощенного, надлежало осчастливить абстрактной же идеей, на самом деле — конкретной идеей усреднения и порабощения. Счастье же состояло в классовой борьбе, то есть в уничтожении одних другими...

И вот классовой борьбы становилось все больше и больше, а баранов и лошадей все меньше и меньше. А когда борьба достигла высот, люди стали умирать с голодухи...

Тогда же Голощекин похвалялся и тем, как он отстаивал в Москве «самообложение»:

«Мы исходили из такого положения, что дело не в количестве денег (то есть не в хозяйственной выгоде.— В. М.), а в том, чтобы бедняк обложил бы бая, чтобы бедняк на этом мог организоваться. Вот это есть классовая работа.

...В Москве, в Наркомфине не все понимают в наших делах, подходят с буквой закона, а у нас это — общественное дело. Что предложил председатель наркомфиновской комиссии? Говорит, зачем вам так, если можно

еще взять, давайте увеличим налоги (смех). Это самое тов. Садвокасов в течение последней недели предлагал на бюро — откажитесь от самообложения, увеличьте сельхозналог. Вот видите, как можно извратить всякую хорошую вещь...»⁹.

Ему услужливо подпевали:

— В казахском ауле не было Октября, прошел только маленький Октябрек в лице передела пахотных и сенокосных угодий. Мы не дали бедноте орудий производства. Для этого нужно поосновательнее прощупать аульное байство... Нужно принять решение о том, чтобы экспроприировать экспроприаторов в казахском ауле... (Дж. Садвокасов, делегат из Сырдарьинской губернии).

Его славили:

— Советская власть существует десять лет, Казахская республика существует семь лет, но практические результаты работы организации... в ауле мы видим в течение двух последних лет с момента работы и руководства тов. Голощекина. Как выдвиженец из аула я подтверждаю крупные изменения в ауле (Е. Ерназаров, «Всеказахский аксакал» — местный аналог «Всесоюзного старосты»).

Вслед за ним дружно топтали Смагула Садвокасова:

— Достаточно играть с Садвокасовым. Садвокасовы не помогают, а только тормозят работу нашей партии (Токтабаев и другие).

Особо преуспел в этом топтании Измухан Курамысов, который в скором будущем сделался вторым секретарем крайкома,— демагог-насмешник, всегда на трибуне игравший немного под дурачка:

— ...У него (С. Садвокасова) получилось, что во главе колонны к социализму пойдут бай и кулак. (Смех.)

...Теперь он говорит: раз вы непременно хотите экспроприировать бая, это, конечно, мне будет больно,— будем экспроприировать и бая, и кулака. (Смех.)

Я уже говорил, что Садвокасов, кулак и бай — втройне пойдут к социализму. Я думаю, товарищи, что это насквозь гнилая, не наша, не партийная постановка вопроса...

По вопросу об индустриализации Садвокасов карт своих не раскрыл. Раньше он говорил так: раз у нас есть кожа, ее не надо вывозить в Москву, нужно построить в Казахстане завод и выделывать свою собственную ка-

захскую (смех) национальную кожу (смех)... А что московские и центральные заводы приостановятся, ему до этого дела нет...¹⁰.

Как только ни крыли тогда Смагула Садвокасова за предложение создать в Казахстане обрабатывающую промышленность... Стоило ему высказать в журнале «Большевик» суждение о том, что не легче ли сразу вывозить из Казахстана готовое сукно, чем два раза таскаться то в Москву с вымытой шерстью, то обратно с «московским» сукном из этой шерсти, как на него тут же накинулись в газетах с обвинениями в байской идеологии. Ураз Исаев даже написал огромную статью в республиканской партийной газете, где «побил» известного Дон-Кихота от национал-демократии авторитетным мнением председателя Совнаркома Рыкова, который на IV Всесоюзном съезде Советов заявлял: «С осуществлением индустриализации... взаимная зависимость отдельных частей Союза будет вырастать все более и более».

Куда нас завела эта тенденция развития экономики, теперь ясно. Что касается Казахстана, то через 61 год та же республиканская газета, что обвиняла Смагула Садвокасова во всех грехах национализма за эту его простую и здравую мысль, писала о последствиях запущавшей все в стране «взаимозависимости»:

«Не секрет, что наша республика давно и прочно укрепилась на позициях сырьевого придатка страны. Что это значит? А это значит то, что больше половины экономического потенциала Казахстана находится в союзном подчинении. Ежегодный же вклад таких предприятий в республиканский бюджет ограничивается... ничтожными долями процента от получаемой ими прибыли. Причем почти вся производимая продукция представляет из себя сырье, направляемое на переработку в другие республики. Можно ли в таких условиях насыщать местный рынок изделиями повседневного спроса? Конечно, нет. Поэтому и приходится до 70 процентов товаров народного потребления завозить из-за пределов Казахстана.

...Где выход? В отношениях центра и республик главенствующими должны быть экономические, а не командно-административные методы, а основой хозяйственного механизма обязан стать общесоюзный рынок. Он и только он может обеспечить подлинный хозрасчет,

эквивалентный обмен между регионами. Надо ли сомневаться, что перестройка в таких условиях наберет большее ускорение, а мнение о том, что Казахстан не в состоянии обеспечить себя всем необходимым, отпадет само по себе?»¹¹.

Тогда еще не перестраивали — лишь начинали строить... Впрочем, только ли строить? Ведь не все еще к тому времени разрушили. В глазах тогдашних вершителей прогресса «мелкобуржуазный собственник» так и лез, как тесто из квашни, из несознательного крестьянства, откровенно старающегося заботиться, — и по этому вредному инстинкту уже надо было ударить, и ударить крепко, по-большевистски!.. Дзержинский в день своей смерти, 20 июля 1926 года, говорил об этой тенденции на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б):

«...А где частник силен? В хлебозаготовках, в заготовках кожи, то есть в той области, которая находится в ведении т. Каменева. А он приходит сюда и плачет, что все у нас скверно, мужик богатеет, благосостояние у него увеличивается. А тов. Пятаков говорит, что деревня богатеет. Вот несчастье! Наши государственные деятели — представители промышленности и торговли — проливают слезы о благосостоянии мужика. А какое благосостояние? 400 миллионов. Мужики накопили по 4 рубля на брата. (Смех, голоса: «Еще меньше!»)¹².

Даже до этого палача дошло, до чего несуразны сетования его друзей. Однако «железный Феликс» явно подзабыл уроки Ильича, который всегда учил, что крестьянство главный враг «пролетариата», источник «мелкобуржуазности»...

Филиппа Исаевича точно так же, как Пятакова и Каменева, беспокоило, как бы в ауле излишне не разбогатели. «Бай растет», — повторял он снова и снова — и призывал ударить по байскому достатку.

На Шестой конференции Смагула Садвокасова, кажется в последний раз, допустили к высокой трибуне.

«Товарищи, т. Голощекин в своем 6,5-часовом докладе почти половину времени посвятил обвинениям против меня, — сказал он. — Ограничусь объяснениями по главнейшим вопросам...»

Садвокасов назвал неверной политику в казахском ауле. Середняк, по его мнению, центральная фигура, а его как раз и недооценивают, «игнорируют».

«Голощекин доказывал, что экспроприация нужна

потому, что у нас аул до сих пор является феодальным... Я считаю, что это неверно... Четыре года назад Вайнштейн говорил об экспроприации... Этот вопрос был поднят не столько для революционных действий, сколько для поднятия собственной революционности»¹³.

Садвокасов был последним, кто пытался предотвратить разруху, надвигающуюся на казахский аул.

К тому времени С. Ходжанов написал в крайком полупокаянное письмо — и оно было прочитано на конференции. Ходжанов пришел к выводу, что надо «решительно выкорчевывать родовых феодалов». Он считал, что Джандосов неправ, когда эту «ликвидацию распространяет на все байство», а Садвокасов неправ в том, что отрицает необходимость решительных мер «в отношении родовых феодалов». Другой оппонент Голощекина, Туар Рыскулов, работал в Москве, в Совнаркome, и был далек от казахстанских дел.

После хорошо подготовленной — в докладе и в прениях — атаки на Садвокасова Филиппу Исаевичу удалось навсегда покончить со своим постоянным политическим противником. В заключительном слове он еще раз поиздевался над Садвокасовым, как обычно, демагогически уходя от разговора по существу: «Понимаете, тов. Садвокасов говорит, что он больше интернационалист, чем я (смех), ... ведь не только вы смеетесь, куры будут смеяться над этим (смех)», а потом уж огласил окончательный приговор: «...Но есть национализм байский, алашординский, садвокасовский»¹⁴.

С «садвокасовщиной» боролись еще долго, смачно обсасывая на страницах печати и в различных заседаниях всякое мало-мальское возражение взглядам Голощекина; любое проявление самостоятельной политической или экономической оценки директив крайкома немедленно объявлялось «вылазкой националистов» и «отрыжкой садвокасовщины».

Особенно старались в этой борьбе ближайшие помощники Голощекина, доказывая руководителю свою преданность да заодно успевая и подольстить ему.

В выражениях, конечно, не стеснялись.

«Прямо воняет от Садвокасова, как от самого последнего либерала, когда он говорит о науке, труде, кооперации и т. д. — писал второй секретарь крайкома Ураз Исаев 26 февраля 1928 года в «Советской степи». — Был совершенно точен тов. Голощекин, если он

заявил, что Садвокасовы являются сторонниками не-прикосновенности социально-экономической структуры казахского аула...

Казахский «верблюд» пойдет, уже идет — к социализму. Он своими могучими лапами раздавит на своем пути Садвокасовых».

«Националистов», высказавших сомнение в целесообразности переселения в Казахстан украинских и русских «безземельных» крестьян, Ураз Исаев назвал «лягушками, караулящими море».

«Если Столыпин хотел устроить только «киргизскую степь», а Садвокасов хочет устроить только «киргиз»,—то мы устроим и «киргиз» и «киргизскую степь»,— заявил он.

...Тогда эти слова еще не воспринимались во всем их последующем зловещем значении: сплошная коллективизация еще не началась. Великое переселение состоялось несколько позже, когда под дулами винтовок голодные толпы выгнанных из своих домов «кулацких» семей (никто до сих пор не знает их числа) выбросили из скотских вагонов в голой степи и скучили в десятках спецпереселенческих поселков (точнее, их еще надо было построить), потеснив коренное население. А потом уж, при коллективизации, принялись устраивать и степняков-кочевников, насиливо прикрепляя к земле и отбирая скот, отчего люди побежали во все стороны, куда только глаза глядят...

А пока второй секретарь крайкома обвинял Садвокасова в том, что он хочет приписать Голощекину «колонизаторское насилие», а себя представить «великим мучеником за дело казахское».

«Огонь по садвокасовщине на окраинах!» — воскликнул Исаев.

Филипп Исаевич, разумеется, не оставался в стороне от борьбы,—он заботливо и регулярно подливал масло в огонь, обвиняя «садвокасовцев» в намерении столкнуть Казахстан на путь «замкнутого хозяйства» и объявляя это опасным и вредным.

23 мая 1928 года Голощекин докладывал кзыл-ординскому партактиву о том, как ЦК ВКП(б) оценил работу казахстанской организации. Политическая линия была признана правильной, деятельность крайкома — удовлетворительной.

«Тов. Сталин в своем слове на Политбюро начал с

того, что основное наше достижение... состоит именно в... росте марксистских кадров из казахов, правда, еще очень медленном и слабом»¹⁵.

Политбюро одобрило решение Шестой конференции о конфискации скота и выселении крупнейших баев.

«Если до сих пор была еще возможность в теории и даже на практике говорить «советский бай», — то в дальнейшем этого не будет, и бай выступят на борьбу с нами как классовые враги. И они потянут очень многих (алашординцы, так называемая интеллигенция, которая колеблется, и могут потянуть кое-кого из коммунистических рядов)... — заявил Голощекин и посетовал на местных членов партии, которые часто себя чувствуют **больше казахами, чем коммунистами**. — Мы будем встречать препятствия внутри тех масс, которые сами заинтересованы в этом».

Выходит, и трудящиеся массы не лучше баев! Прямо-таки логический парадокс: заинтересованы в конфискации — и сами же будут ей мешать.

«Мы сейчас переживаем обострение классовой борьбы... на почве правильной пролетарской политики. Мы входим в полосу величайшей очистки... — торжественно провозгласил Филипп Исаевич и перешел к самокритике, что изредка с ним бывало: — На комиссии Политбюро я предлагал формулировку, что мы изжили группировки. Но члены ЦК и Политбюро предложили записать: «значительно уменьшились». И прав был ЦК, тысячу раз прав, а я не прав».

Проникновенные слова! Товарищи из ЦК, находясь за тысячи верст от пыльной Кзыл-Орды, оказались дальновидными — разглядели в точности, что творится под носом у первого секретаря крайкома.

Разумеется, после этого начались новые разоблачения «группировочной возни», и хотя газеты никого по имени не называли, но ясно давали понять, что им все известно. «Группировщики, — писала «Советская степь» 4 июня, — договариваются, блокируются, доносят, обещают и выдвигают друг друга, лишь бы победить диктатора Голощекина и ему продавшихся казахских коммунистов»...

* * *

Ну, а что же «центральный вопрос» — об «Октябре в ауле»?

«Осенью 1928 года Казахстанская парторганизация

успешно провела еще одно важное социально-экономическое мероприятие — конфискацию скота и имущества 700 крупных баев-полуфеодалов, активных врагов советской власти,— сообщают партийные историки.— Все конфискованное имущество (150 тысяч голов скота, сельскохозяйственные орудия, транспортные средства и т. д.) было передано казахским трудящимся массам. Это позволило укрепить свыше 20 тысяч хозяйств бывших батраков и бедняков, около тысячи колхозов, создать 293 новые сельскохозяйственные артели и 5 совхозов.

Конфискация... в значительной мере подорвала как экономическое, так и политическое влияние байства в ауле. Тем самым были созданы более благоприятные условия для дальнейшего развития экономики аула и его социалистического переустройства»¹⁶.

Еще летом по степи поползли недобрые слухи, дескать, будут отбирать имущество и скот не только у баев, но и у середняков. Люди стали продавать скотину, готовиться к откочевкам. Дошло до того, что КазЦИК был вынужден обратиться с воззванием ко всем трудящимся Казахстана и разъяснить, что слухи распускаются провокационные, никакого раскулачивания не будет и конфискация коснется лишь крупнейших баев «из среды потомства бывших ханов и султанов».

Первоначально хотели подвести под конфискацию 1500 хозяйств, но ЦК, как говорил Голощекин, «ограничил нас». К полуфеодалам отнесли тех, кто имел от 100 до 400 голов скота (в переводе на крупный). На следующий день после опубликования указа Курамысов писал, что наступила пора «проветрить аул революционным ветерком», что пока будут существовать бай-полуфеодалы, «злейшие эксплуататоры аульных масс и худшие враги социалистического строительства», аульная беднота не выберется из тяжкой зависимости от них, нищеты, грязи и болезней»¹⁷.

Сколько же человек угнетал злойший эксплуататор? По свидетельству председателя КазЦИКа Ельтая Ена зарова, выступавшего позднее на сессии ВЦИКа, казахский бай имел несколько батраков. «Например, бай имеет вокруг себя около 10—15 так называемых консы, то есть бедноты, и вся эта беднота работает на него, заработную плату получает один, остальным объедки».

Значит, от эксплуатации освободили от 7 до 10 тысяч батраков. Немало, конечно, но выходит, что угнетае-

мых было в степи не так уж и много. Кстати, как ни притесняли трудящихся «эксплуататоры», как ни кормили «объедками», а с голоду у них никто не умирал. Через два-три года, когда угнетатели были давным-давно сосланы в чужие края и освобожденным степнякам навязали сплошную коллективизацию, мор стоял повальный...

Сообщения с мест о проведении конфискации были противоречивыми. Скажем, из Алма-Атинского округа телеграфировали, что день объявления декрета о выселении крупных баев превратился в праздник; семипалатинцы же принялись за конфискацию еще до разрешения крайкома и захватили «не только бая вообще, но и середняков, и в этом заключается их политическая ошибка». Бывало, аулсовет выдавал баю справку о том, что «он является хорошим человеком и населению никакого вреда не приносит», случалось и наоборот: люди требовали поймать сбежавших баев и немедленно объявить их бандитами и «уничтожить на месте» — боялись, что бывшие хозяева отомстят им.

На Шестой конференции, как мы помним, Дж. Садвокасов призывал хорошенъко прощупать баев и снабдить бедноту их сельскохозяйственным инвентарем. Сколько же изъяли у богачей орудий труда? Историки не сообщают никаких точных данных, обходясь одним словом: «много». Некоторые подробности содержит периодика. Так, «Советская степь» писала 13 ноября 1928 года:

«КОНФИСКАЦИЮ ЗАКАНЧИВАЮТ» (Актюбинский округ)

По предварительным данным с мест, у 60 баев-полуфеодалов конфисковано 14 839,5 голов скота (в переводе на крупный). Кроме того, изъяты сельхозинвентарь и разное имущество, как-то: юрт 16, землянок (!) 11, сенокосилок 6, конных грабель 4, лобогреек 7, бункеров 3, ковров 26, кошм 26 и т. д.».

Как видим, не у каждого злейшего полуфеодала-эксплуататора были в хозяйстве сенокосилка и лобогрейка, да и ковров-то с кошмами не густо было. Если чем и владели, то лишь скотом...

Вскоре Ф. И. Голощекин подводил итоги конфискации — сначала выступил в «Правде», а затем в «Совет-

ской степи». Свою статью от 3—4 декабря он назвал «Октябрь в казахском ауле». По-видимому, основательно уверившись в своих теоретических способностях, о чем ему без устали пели крайкомовские подхалимы, Филипп Исаевич вполне серьезно писал:

«Этот опыт интересен еще и тем, что **впервые в истории** (выделено мной.—В. М.) мы проводим конфискацию скота, что значительно труднее и сложнее, чем конфискация земли».

Надо же, впервые в истории! Вот уж историческое достижение... Сколько веков существовали кочевые народы, столько и угоняли друг у друга табуны лошадей и баранов, не подозревая, конечно, что это можно назвать не грабежом, а конфискацией. Трудности же и сложности этого грабежа заключались не более чем в пересчете скота да в вызнавании, в какую долину или горную расщелину отогнал бай от грабителей свое стадо...

«Вся кампания проводилась казахской частью нашей организации. Казахские коммунисты выдержали революционный экзамен, твердо стояли на революционном посту,— писал Филипп Исаевич.— Некоторые бай говорили: «Мы пользовались авторитетом, но советская власть оказалась хитрее нас. Она подкупила бедноту нашим же скотом и уничтожила наш авторитет». На самом деле— дело совсем не так. Бай подкупал скотом...»

Наверное, так оно сначала и было. Тогда, выходит, бедняков подкупали дважды— и второй раз успешнее, так как советской власти, конечно же, было не жалко вообще байского скота. Экспроприация была проведена руками бедняков— и в награду те получили байский скот, который или проели тут же, или отдали властям обратно через год-другой во время сплошной коллективизации. Испробованный еще при военном коммунизме метод разрушения устойчивого и налаженного товарного хозяйства пригодился и впоследствии, когда постановлением правительства под видом хлебной ссуды бедноте выдавалось 25 процентов конфискованного у «кулаков» зерна— из тех потайных запасов, на которые указывал бдительный бедняк, зорко досматривая— вместо того, чтобы работать— за своим трудолюбивым и запасливым соседом...

3 октября «Советская степь» напечатала заметку из Челкара «Бай ходатайствуют»:

«Подлежащие выселению бай частью проявляют пассивное противодействие, отвлекая внимание батраков от конференций бедноты. Часть баев-полуфеодалов как бы примирилась с конфискацией, но усиленно ходатайствует перед уполномоченными об оставлении в местах прежнего жительства. Ходатайства отклоняются».

Судя по газете, конфискация не вызвала никакого сопротивления и прошла почти бескровно, за исключением одного убийства и нескольких нападений на уполномоченных.

«Головокружительный скачок — и «последние» становятся первыми!» — восклицал Голощекин в статье к восьмой годовщине республики, опубликованной 4 октября 1928 года.

Через две недели он выступал на собрании столичного партактива и вновь простиранно теоретизировал о неумолимом нарастании классовой борьбы:

«Многие представляют себе дело таким образом: каждый-де новый шаг в социалистическом строительстве, в расширении базы его дает нам смягчение классовых противоречий.

Неверное представление, наоборот, каждый наш шаг... одновременно неизбежно (!) вызывает обострение классовых противоречий, классовой борьбы внутри Союза с нэпманом, с кулаком в особенности. Это, товарищи, нужно усвоить.

...Бай борются за свое положение всеми силами. Бай провоцируют бедняка: «Сначала, мол, меня оберут, а потом и тебя»... Конфискация породила жесточайшую классовую борьбу в ауле... Это и понятно: кампания по конфискации есть экзамен, я бы сказал, классовый огонь, которым закаливается казахская часть организации»¹⁸.

«Прекратилась ли классовая борьба после конфискации 700 полуфеодальных хозяйств? — спрашивал Голощекин на кзыл-ординском общегородском партсобрании в декабре и отвечал: — Нет, и даже больше того — следует ожидать обострения классовой борьбы, ибо... бай все-таки остался».

Он назвал разговоры о разорении казахского аула явным оппортунизмом.

«Ну, очень может быть,— продолжал Филипп Исаев-

вич,— что какой-нибудь батрак, который получил голов 15 этих баранов, за десятки лет недоедания и решится съесть 1—2 баранов (смех). Скажите, пожалуйста, на милость, какой здесь грех?.. Некоторые трудности будут, но мы их быстро преодолеем, если подойдем к этим бедняцким хозяйствам с кредитом, помощью, советом...»¹⁹.

К тому времени уже начались первые откочевки казахов — в астраханскую степь, в Сибирь, в Узбекистан и другие края. И, по всей видимости, бежали не только бай, спасавшиеся от конфискации, но и те так называемые зажиточные скотоводы, которых обещали не трогать. Пока обещали — а что там завтра будет, никто не знал. Крестьянина, скотовода зажимали со всех сторон: сдавай хлеб, плати налоги, подписывайся на крестьянский заем. Не сдаешь, недоплачиваешь, не подписываешься — стало быть, ты враг революции. Перегибы постепенно становились обыденным явлением. Разумеется, перегибщиков обличали, но как-то мягко и снисходительно, дескать, ну что особенного, погорячился, выходит, зато с классовым чутьем все в порядке.

Да и как не допустить перегиба какому-нибудь горячemu молодому уполномоченному, которому уже внушено, что «все в равной степени ответственны перед мировой революцией»²⁰ и который каждый день слышит у себя в ячейке или читает в газете примерно такое:

«Кулак и спекулянт самые злейшие и самые опасные враги. В борьбе с ними не может быть никаких церемоний... Мы не можем сейчас допустить, чтобы кучка отъявленных врагов советской власти набивала себе карманы, играя на срыве хлебозаготовок»²¹.

Или — о крестьянском займе:

«Лозунг» кампании уже брошен т. Калининым: не меньше облигации на каждое крестьянское хозяйство. Этот лозунг даже в казахстанских условиях вполне осуществим»²².

Печать без устали лепила облик врага. Заголовки кричали:

- Кулак вредит бедноте;
- Кулацкое гнездо (почему-то слово «гнездо», то есть, по сути, «дом, семья» внушало особую ненависть.— В. М.);
- Кулак скрывает хлеб;
- Кулацкая сверхэксплуатация;

- Шакалы Голодной степи (начался суд над байско-кулацким товариществом «Земля и труд»);
- Кулаков и баев выбросили вон;
- Продолжать борьбу с садвокасовщиной;
- Удары по вредителям заготовок...

(Сколько же врагов мировой революции обнаружилось здесь, дома, по ним надо было бить, их надлежало разоблачать, искоренять... а там, за кордоном, томились в капиталистических тюрьмах друзья и соратники, которые так нуждались в поддержке, и ЦК МОПР СССР выделил для Казахской краевой организации МОПР годшефные тюрьмы, а именно 36 тюрем, находящихся в Германии, Польше, Румынии, Эстонии, Болгарии, Италии, Югославии, Испании, Венгрии, Греции, Турции, Сирии, Палестине, Индии, Корее, Китае — всего в 16 странах.)

В собственной стране выжимали хлеб, всучивали насилию облигации займа, разрушали хозяйство и вели к голоду, а на «выручку» подкармливали коммунистов за рубежом...

«Перегибы и извращения являются большим злом, и характерно здесь то, что там, где наблюдалась недогибы (стало быть, гнутья являлось обязанностью, долгом.— В. М.), где организация плелась в хвосте у крестьянской стихии, где до января не занимались вопросами хлебозаготовок,— там больше всего отмечаются перегибы,— писал Голощекин в «Советской степи» 27 апреля 1928 года.—...Были случаи, когда задевали и бедняка, особенно в кампанию по реализации займа, когда кое-где всех не подписавшихся на заем — объявляли врагами революции».

Итак, перегибы зло и с ними надо было бороться — и, конечно, тут же брали «крепкую линию против перегибов», но выяснялось, что она не такая уже крепкая и почти не помогает. Борьба шла своим чередом, а перегибов становилось все больше и больше.

Но вот что показательно: перегибщиков отнюдь не величали классовыми врагами и, как бы они ни перегибали, никто и не думал их наказывать — скажем, выселять, наподобие баев, в «чужой округ».

* * *

В конце 1928 года с Голощекиным уже открыто не спорили: противники были разгромлены, а скорее, лишены прав голоса. Однако в Москве на сессии ВЦИКа Турар Рыскулов критически отзывался о конфискации, и Филипп Исаевич тут же бросился в бой.

На кзыл-ординском общегородском партсобрании он привел слова Рыскулова: «Если каждую меру мы будем считать Октябрем в ауле, то этим самым мы будем вводить себя в заблуждение. Из 35 миллионов голов скота передается около 250—300 тысяч бедноте... Это не много... Байский слой составляет, видимо, не менее 6—7 процентов всего населения, а охвачено будет всего 700—800 хозяйств».

— Итак, Рыскулов надел левую тогу...— определил Голощекин.— Хорошо сказано, но неразумно и неискренне.

Между тем Т. Рыскулов вполне резонно и точно рассуждал о последствиях кампаний, как политических («конфискация проводится в такой обстановке, когда мы всякие чрезвычайные меры ограничиваем»), так экономических и психологических: люди могли отшатнуться от занятия скотоводством, отчего бы уменьшилась и товарность хозяйств.

— Фактически Рыскулов высказываеться против конфискации,— заявил Филипп Исаевич и привел в доказательство совершенно противоположную мысль своего оппонента: «Я стою за всю эту меру (конфискацию) и никоим образом не имею мысли защищать этих кулаков (полуфеодалы у Рыскулова превратились в кулака! — замечает Голощекин), но эти 700—800 хозяйств на новых местах, наверное, почти не устроятся — об этом тоже нужно подумать».

Вот чего не мог Филипп Исаевич простить Рыскулову — как посмел тот вспомнить про людей, не «абстрактных», а — конкретных. Тем более о баях припомнил — о классовых врагах. Хотя сам Голощекин происходил из тесных рядов мелкой буржуазии и пролетарием ни дня не был, все же несомненно, что свое классовое чутье он считал пролетарским.

— Рыскулову известно, что им (баям) предоставлен трудовой надел и часть скота,— сказал Филипп Исаевич и заключил:— Вот вам Рыскулов в голеньком виде, вот

вам Рыскулов — старый вождь революции в новой обстановке!²³.

В последний раз, должно быть, партийный и государственный деятель замолвил хоть пол слова в защиту бая — высказал озабоченность об устройстве на новом месте «700—800 хозяйств».

С тех пор слово «бай» окончательно стало ярлыком, превратилось в ругательное, классово враждебное понятие: им отныне, для пущего опознавания, обозначали врага. Эта политическая наклейка заняла место среди ей подобных: «буржуй», «кулак», «поп», «мулла» и т. д.

За восемь лет до этого времени В. Г. Короленко писал А. В. Луначарскому (нарком просвещения сам просил об этом писателя, обещая ответить на каждое из его писем и обнародовать переписку, однако ничего из обещанного не выполнил, и письма Короленко были напечатаны у нас в стране лишь в 1988 году):

«Над Россией ход исторических судеб совершил почти волшебную и очень злую шутку. В миллионах русских голов в каких-нибудь два-три года повернулся внезапно какой-то логический винтик, и от слепого преклонения перед самодержавием, от полного равнодушия к политике наш народ сразу перешел... к коммунизму, по крайней мере, коммунистическому правительству.

...Основная сущность крестьянства как класса состояла не в пьянстве, а в труде, и притом труде, плохо вознаграждаемом и не дававшем надежды на прочное улучшение положения. Вся политика последних десятилетий царизма была основана на этой лжи. ...Теперь я ставлю вопрос: все ли правда и в вашем строе? Нет ли следов такой же лжи в том, что вы успели теперь вну什ить народу?

По моему глубокому убеждению, такая ложь есть, и даже странным образом она носит такой широкий, «классовый» характер. Вы внушили восставшему и возбужденному народу, что так называемая буржуазия («буржуй») представляет только класс тунеядцев, грабителей, стригущих купоны, и — ничего больше.

Правда ли это? Можете ли вы искренно говорить это?

В особенности можете ли это говорить вы — марксисты?

Вы, Анатолий Васильевич, конечно, отлично помните то недавнее время, когда вы — марксисты — вели

ожесточенную полемику с народниками. Вы доказывали, что России необходимо и благородно пройти через «стадию капитализма»...

...Капиталистический класс вам тогда представлялся классом, худо ли, хорошо ли, организующим производство.

Почему же теперь иностранное слово «буржуа»— целое огромное сложное понятие — с вашей легкой руки превратилось в глазах нашего темного народа, до тех пор еще не знавшего, в упрощенное представление о бурже, исключительно тунеядце, грабителе, ничем не занятом, кроме стрижки купонов?

...Тактическим соображениям вы пожертвовали долгом перед истиной. Тактически вам было выгодно раздуть народную ненависть к капитализму и натравливать народные массы на русский капитализм, как натравливают боевой отряд на крепость. И вы не остановились перед извращением истины... Крепость вами взята и отдана на поток и разграбление. Вы забыли только, что эта крепость — народное достояние, добытое «благодетельным процессом», что в этом аппарате, созданном русским капитализмом, есть многое, подлежащее усовершенствованию, дальнейшему развитию, а не уничтожению. Вы внущили народу, что все это — только плод грабежа, подлежащий разграблению в свою очередь...

Своим лозунгом «грабь награбленное» вы сделали то, что деревенская «грабижка», погубившая огромные количества сельскохозяйственного имущества без всякой пользы для вашего коммунизма, перекинулась и в город...»²⁴.

Известно, что казахская степь не добралась в экономическом развитии и до «благодетельной стадии» капитализма. Родовые отношения реально существовали в ауле. Уничтожая бая, уничтожали не только организатора товарного скотоводства, но и старшего по званию родственника. Разрыв между целями пролетарского (почему «пролетарского», если Россия была в основном крестьянской, не говоря уже о Казахстане) государства и «косной» трудящейся массой, пассивно сопротивляющейся, по своей «темноте», благу социального прогресса, в казахском ауле был еще больше, чем в русской деревне. Плохо ли, хорошо ли, но этот старший родственник не только «эксплуатировал» своих сородичей, но и заботился о них — разумеется, в меру своих понятий,

совестливости и сочувствия к ближнему, в меру своих взглядов на жизнь и возможностей. Во всяком случае, до времен общественных катаклизмов, связанных с революцией, повальных голодовок в степи не отмечалось, хотя, конечно, в годы неурожая и джуту бедноте приходилось тяжко. Не потому ли впоследствии правление Голощекина казахи сравнили не с чем-нибудь, а с весьма далеко отстоящим по времени джунгарским нашествием, когда народ вырезали аулами и толпами гнали в полон, когда вся степь пылала в огне и мучилась от страданий. Но, может быть, и это сравнение лишь частично передает то, что случилось в наши годы...

С нэпом было покончено, разверстка все больше вытесняла продналог. Народ схватили за шиворот и потащили к «светлому будущему» коллективного труда, не церемонясь и не спрашивая согласия ни у кого.

Трагедия была неминуема...

IX

Эта трагедия не миновала, наверное, ни одну казахскую семью.

У каждого своя боль, свое горе. И даже через шесть десятков лет говорить об этом тяжко, а бывает — невозможно...

* * *

Старейший казахский писатель Альжапар Абишев не захотел делиться воспоминаниями о тех годах. Выслушал мой вопрос, рассеянно улыбнулся, махнул рукой.

— Не могу, тяжело...

Прошло несколько минут в полном молчании, и он вдруг обронил:

— Моего отца звали Абиш, отца Абиша — Жуматай, отца Жуматая — Жолдыбай. От колена Жолдыбая нас, потомков, было в 1931 году девяносто четыре человека. Вот наша семья... После коллективизации в живых осталось семеро...

Прошло какое-то время, и Альжапар Абишев продолжил:

— Я заранее перебрался в Караганду: догадывался, что грозит беда. Взял с собой из Каркаралинска мать, жену, младших братьев. Мы, пятеро, и уцелели. А из нашего аула выжили только двое.

...Помню, рядом с нашим бараком в Караганде стоял шалаш. Жили там трое джигитов-работяг, из моей семьи. Однажды в сорокаградусный мороз они не вышли в ночную. Десятником был немец по фамилии Харон. Поутру возвращаемся мы с ним домой, решили завернуть к шалашу. Второй день мела выюга, дверь шалаша вся была завалена снегом. Кое-как разгребли ее сапогами, входим. Возле потухающих головешек лежит мертвая женщина, на груди младенец месяцев шести-семи. Пытается сосать, но молока уже нет. Заливается плачом... Харон сразу все понял. Закрыл глаза умершей, подхватил ребенка, закутал его в шубу и — помчался...

* * *

Мекемтас Мырзахметов, известный литературовед, поведал редкий по трагичности случай:

— В детстве, когда, бывало, я вовсю начинал шалить и проказничать, мать все время произносила в сердцах одни и те же загадочные слова: «Ох, уж лучше бы я тогда оставила — тебя...» И так странно она выговаривала это, что я невольно притихал. Ничего не мог понять: где она меня должна была оставить, почему именно меня? А спросить отчего-то не решался...

Потом, когда я подрос и мне исполнилось лет пятнадцать, я однажды все-таки спросил маму, почему она произносит всегда эту непонятную фразу. Мать задумчиво поглядела на меня, оттерла слезы и рассказала такую историю.

...Была ранняя весна 1933 года. Самая ужасная пора, когда голод выкосил почти весь наш аул (жили мы в Тюлькубасском районе Южного Казахстана). Спасаясь от верной смерти, мать решилась уйти в соседнее село к родственникам. Мою маленькую сестренку она несла на руках, а я — мне тогда было года два с половиной — шагал рядом, держась за подол.

Вышли мы под вечер. За оклицией аула начиналась колхозная бахча. Только мы ступили на тропу, как навстречу вышла стая волков. К тому времени домашней скотины давным-давно уже не осталось на сотню верст в округе, и голодные звери сбивались в стаи и повсюду нападали на людей, чего раньше и в помине не было.

Мама закричала, стала звать на помощь, но поблизости никого не было. Волки окружили нас. Стоят, воют и землю рвут когтями. Мать оказалась перед ужасным

выбором — либо нас всех растерзают, либо она оставит кого-нибудь из детей, а сама с другим ребенком попробует убежать.

Конечно, в казахском сознании исстари заложено: спасешь мальчика — и весь род сохранится. Мама решилась. Она положила на землю завернутую в пеленки девочку, а меня, от истощения еле-еле бредущего, подхватила на руки. И побежала вперед.

Потом, когда она вернулась с людьми,— кто ружьем вооружился, кто дубинкой,— там никого уже не было. Только тряпица валялась, вся в крови.

Ей, моей младшей сестре, я обязан жизнью.

...Я спросил тогда маму — многое еще не понимал! — почему же она не оставила меня. Она сказала: «Сын был нужнее...» Невыносимо представить, что она перечувствовала, что думала про себя всю жизнь...

От слез мать тогда совсем иссохла...

* * *

Много смертей и людского горя довелось видеть за свою долгую жизнь Галыму Хакимовичу Ахмедову. В 1921 году пятнадцатилетним юношей он учился в Оренбурге и запомнил заваленный мертвецами вокзал, повозки со штабелями трупов, с утра громыхающие по улицам. Но то, что увидел спустя десять лет, было куда страшнее.

— Ой, и много же людей тогда поумирало,— рассказывает Галым Хакимович.— На нашей улице в городе Аулие-Ата детдом находился — каждый день трупы детишек телегами отвозили. По утрам их забирали...

В 1932 году Ахмедову (он работал директором техникума) пришлось трижды участвовать в комиссиях, разбиравших случаи каннибализма.

— Из Алма-Аты гэпэушник приехал, по фамилии Петров. Очень похож на казаха. Я заговорил с ним по-казахски — мотает головой, дескать, не понимаю. Оказалось, якут. Четыре ромба в петлицах. По письму, что ли, приехал, в общем, проверять...

Отправились в один из аулов. У одной из женщин нашли под горкой золы человеческую голову, куски мяса. Убила она кого-то. Увезли ее охранники, уж не знаю куда...

В крайнем ауле неподалеку от города, там колхоз имени Свердлова был, остался в живых один парень.

Уцелел потому, что питался человечиной. Женщину зарезал. Стали мы допрашивать его — не признается. «Нет! Не трогал я никого!» Как же никого, когда все тут у него в доме и обнаружилось... «Побойся Аллаха, умирать же тебе скоро!» — сказал кто-то. А он, действительно, опухший уже лежит, не движется. Не выдержал, сознался. Плачет. Говорит: совсем с ума сошел от голода, вот и зарезал...

А третий случай был со стариком из соседнего аула, тот месяц жил на человечине...

Страшно вспоминать тогдашнее, но и молчать об этом больше нельзя. Разве забудешь, как в зиму 1932 года, в злющие холода, шли к нам в Аулие-Ату из Сарысуйского района люди? Какой там шли — еле-еле тащились. Женщины, дети, старики — грязные, полубезумные, в лохмотьях. Удалось ли им спастись? Ведь и город голодал...

А сильнее всего меня поразил один вроде бы незначительный эпизод. Пришел я как-то в самом начале голодовки на базар. Крик, шум, пятна крови на земле. Повернул обратно, а там, недалеко от пустых лавок, яма какая-то, довольно глубокая. И сидит на дне молодой паренек-казах. Прижался боком к земле, голову руками обхватил и дрожит. А голова вся в крови. Ужас, бессловесная мука застыли на лице... Оголодал, видно, он вконец и попытался лепешку утащить у торговки, да неудачно — поймали. и голову разбили...

* * *

...А что же документы официальные? Архивные работники говорят: о голоде времен колLECTIVизации почти ничего не сохранилось. Им вторят историки: данные приходится собирать по крупицам... Словно бы и не было в Казахстане голодного мора, унесшего неисчислимое множество жизней.

Несколько дней я пересматривал в Центральном государственном архиве республики папки с документами тридцатых годов — материалами различных казахстанских наркоматов. Действительно пусто! Такое впечатление, будто кто-то нарочно вычищал всякое, даже косвенное, упоминание о народной беде. Что же, вполне возможно, что устроители мора позаботились и о том, чтобы замести следы.

Среди тысяч документов лишь в одном встретилось свидетельство надвигающейся всеобщей голодухи. Каракалинский окружной отдел здравоохранения сообщал 28 мая 1931 года в Наркомздрав республики о санитарном состоянии района:

«С питанием в настоящее время обстоит дело очень плачевно, если не катастрофично. В совхозе «Овцевод» с 1 апреля сняты со снабжения семьи всех рабочих и служащих. Выдают хлебную норму только на самого рабочего и 1/2 литра молока и больше абсолютно ничего, хотя рабочий и имеет семью в 5—10 человек... Ни сахара, ни крупы — ничего не дается.

...В городе около 300 человек заключенных последние дни абсолютно ничего не получают и живут только на передачах, если кому носят.

Служащие за март и апрель на всю семью, независимо от ее количества, включая и себя, получили по 7-ми килограмм плохого пшена. Часть же и ничего не получила...

Работники разбегаются. Один работник Глебенко ушел даже в Семипалатинск пешком за 360 верст. Если картина не изменится, большинство работников, в том числе и врачи, к осени могут уехать совсем.

В домзаке цинга, обострение туберкулеза: цинга в детдомах, среди матерей... в больнице 80 процентов цинготных.

Станицкий»¹.

...Многочисленная родня Жолдыбая, прадеда Альжапара Абишева, как раз проживала в окрестностях Каракалинска...

* * *

Старое это и почти что позабытое всеми событие — «конфискация имущества и скота 700 крупных баев-полуфеодалов». Но есть люди, которые помнят...

Рассказывает Дана-бике Байкадамова:

— Отца я помню лет с пяти-шести. Среднего роста, плотный, загорелый, он под вечер приходил домой, устало садился за стол, и, сняв круглые синие очки, долго молча пил чай. Я подсаживалась к нему и спрашивала: «Папа, что это у тебя за стеклышки? И почему ты ими закрываешь глаза?» — «Э, дочка,— отвечал он,— приходится закрывать. Когда я был чуть постарше тебя, много переписал всяких бумаг в канцелярии. А по но-

чам на толстых белых листах чертил линии. Коптилка тусклая, чертежи еле видать. Утром выйдешь, глаза режет от света. Испортил себе зрение. Вот теперь и ношу очки, чтобы не болели глаза от солнца».

Отец отсыпался и вновь уезжал по делам. На юге за Тургаем люди под его началом перегораживали реки Ка-бырга и Токанай. Строили плотины и арыки для орошения безводной земли. Отец был на вид строг и замкнут. По скромности своей он и словом не обмолвился в доме, как нужны тургайским беднякам эти плотины. Позже я узнала, что он проделал утомительный путь в Москву, и там, согласно докладной записке, 10 июня 1919 года ему, председателю Тургайского уисполкома Байкадаму Ка-ралдину, по личной просьбе выделен 1 миллион 720 тысяч рублей для строительства этих плотин. Немало, на-верное, хлопотал в отделе земельных улучшений Нар-комзема СССР. В степи уже начинался голод, и, если бы вовремя не построили плотины, неизвестно, выжил бы уезд или нет. Отец создал артель «Кенжетай», и люди стали сеять тары — просо — на этих орошенных полях. В артели было 143 семьи, или 840 едоков. Так и спаслись. Да еще скольким помогли пережить невиданный голод!

Никто не учил отца строить плотины. До всего доходил своим умом. Пятнадцатилетним юношей, после окончания Тургайского русско-киргизского двухклассного училища, он уже работал в уездном управлении. Был переписчиком, переплетчиком, счетоводом, позже стал переводчиком. Выписывал журналы, дружил с ветеринаром, пожалуй, самым грамотным человеком в уезде. Ко всему относился вдумчиво, серьезно и добросовестно. В 28 лет канцелярский служащий 3-го разряда Байка-дам Карапдин заслужил серебряную шейную медаль «За усердие» на Аннинской ленте. Наградили папу за устройство в урочище Кырхан плотины для задержания сугревых вод. Благодаря этому тургайцы засеяли хлебом пустоши. С тех пор земляки испытывали к моему отцу особое почтение.

А мама была прекрасной певицей, замечательно играла на домбре — это у нее дар перешел от бабушки, известной всей тургайской степи своим голосом и композициями. Папа, кстати, тоже мастерски играл на домбре, но больше любил слушать мамино исполнение. До революции мама пела и играла в тургайском самодея-

тельном театре, пользовалась большим успехом. Конечно, времени на искусство у нее почти не оставалось: хватало семейных забот. До меня, появившейся на свет в 1914 году, у родителей было семеро детей, умерших в грудном возрасте. Меня очень берегли, даже наняли русскую няню — Грунью. Может быть, эта девушка и выходила меня. Я выросла здоровой и крепкой, а Грунью папа выдал замуж за хорошего парня по фамилии Колесников... Дети у нас уже не умирали, и вскоре у меня было уже четыре брата и три сестры, кроме них в доме воспитывалось еще двое приемных детей.

В 1928 году все рухнуло.

Осенью началась кампания по конфискации крупных байских хозяйств, и папу, сына середняка, неожиданно записали в степные полуфеодалы. Баями считались те, у кого было не менее 400 голов скота в пересчете на крупный. У нас в хозяйстве, разумеется, столько скотины не было, но, по несчастью, мать отца незадолго до конфискации завещала перед смертью ему свой скот. Даже с этим 400 голов не набиралось, но это нисколько не смущило уполномоченных. Про все разом позабыли — и про участие отца в восстании 1916 года, когда его, как соратника Алиби Джангильдина, приговорили к смертной казни, и только амнистия Временного правительства спасла от петли, и про заслуги перед советской властью: отец с 1918 года работал председателем уездного Совдепа, после был народным комиссаром Тургайского уезда и председателем уездного исполкома, занимал другие важные должности, а в двадцатых годах создал десятки артелей и кооперативов...

В сентябре 1928 года папа выехал с жалобой на незаконность действий конфискаторов в Кзыл-Орду, но старого товарища Алиби Джангильдина, занимавшего пост заместителя председателя ЦИКа, не застал, а Голощекин даже не принял его заявления. Тогда Байкадам Караддин отправился добиваться справедливости в Москву к М. И. Калинину, с которым был знаком с 1919 года. Однако на станции Челкар отца перехватили гэпэушники и заключили под стражу. Вскоре его осудили как саботажника и беглеца. Дали полтора года и увезли в семипалатинскую тюрьму.

Перед мамой встал тяжелый выбор — быть сосланной вместе с малолетними детьми или же отказаться от папы. Помочи ждать было неоткуда. Скот у нас отобра-

ли, оставив шестнадцать голов — так полагалось по закону; из дома, где зимовали, выгнали. Мне, старшей из десятерых, было тогда 14 лет, а младшему братишке Мурату всего полгода... Куда тронешься с такой оравой? В далекие края, где ни родных, ни знакомых?.. Мама решила развестись. Так мы и потеряли папину фамилию и стали записываться по маминой девичьей — Тулебаевы или по имени отца — Байкадамовы.

Мы переехали из Тургая к родне в урочище Кабырга. В январе 1928 года туда прикатил на санях один известный в районе бельсенды — активист. Звали его Хамза Жузбаев. Криклий, наглый, с бесстыжими глазками на рябом лице. Вечно он затевал свары и проворачивал темные делишки. И в тот же день прошел по аулу нехороший слух — о какой-то конфискации. Несмотря на свои пятнадцать лет, я работала учетчиком заготпункта, — счету выучил меня пapa, как и навыкам бухгалтера. Прихожу с работы домой, а мамы нет. Кое-как узнала от бабушки, что увезли маму на санях в соседний аул, за двадцать верст. Увез рябой уполномоченный. Я встревожилась — от этого зверя всего ожидать можно. В том ауле жил уважаемый народом аксакал, в молодости прославленный в округе сказитель по имени Бижан. Он доводился нам соплеменником. Сильный и добрый был человек. Всякий раз, бывало, приедет в гости и вмиг соберет вокруг себя нас, детей. Рассадит на коленях, у ног, огладит огромными длинными пальцами черную густую бороду и давай рассказывать старинные легенды, сказки, были, стихи. Мы все его очень любили. И, конечно, я первым делом бросилась к нему. Растрелялся старик — оказывается, не знал, что мама у них в ауле.

Я отыскала сарай, где маму держали взаперти. Впустили меня к ней, а на бедной матери лица нет. И так после папиного ареста вся высохла и пожелтела, а тут еще новые передряги обрушились. Молчит и только слезы льет. «Мама, да что с тобой?» — спрашиваю. «Все, дочка, видно, придется нам расставаться». — «Но почему?» — «Конфискация девушек проводится».

Чую, кто-то разглядывает меня с порога дома. Обернулась: незнакомец, в круглой шапке с меховой оторочкой — такие шапки носили кустанайцы. Мусолит меня глазами с ног до головы, а глазки-то маленькие, круглые, как свежие овечьи катышки. Тут рябой активист на-

летел. «Ну, как тебе невеста? — спрашивает у незнакомца. И поворачивается ко мне: — ...А ты, милашка, знаешь, что тебе грозит? Если вздумаешь заартачиться, отвезут тебя на китайскую границу к низкорослому племени — лилипутикам. Там и отадут в жены: им байские дочери очень нужны для улучшения породы». И захотел.

Смотрю, мама моя молчит, кивает послушно, а по щекам слезы льются. Неужели и вправду идти замуж за этого, с овечьими катышками вместо глаз?! Ни за что! Я взяла маму за руку и повела за собой. Но Жузбаев преградил путь. Стоит, ухмыляется. «Соглашайся, милая, не пожалеешь. Вон жених какой! Не простой человек — из райфинотдела!!! Мы же тебе добра желаем...».

Вдруг послышался стук копыт, и во двор влетел на распаленном коне мой дядя Кенжеахмет. Соскочил на снег, отодвинул Хамзу Жузбаева плечом и сделал нам знак следовать за ним. Активист кинулся было с угрозами на дядю, но тот и слова не сказал, только замахнулся камчой.

Оказывается, дядина дочь недавно пропала из дома. Соседи подсказали: идет новая кампания по конфискации девушек. Он бросился по родственникам и узнал, что меня с матерью тоже нет. Помчался в аул, думал, что и его дочь здесь... Позже выяснилось — ее увезли и выдали замуж... Если бы не дядя, не знаю, чем бы все это кончилось. Маму, похоже, эти негодяи так запугали, что у нее не было сил сопротивляться. А мужчины в доме у нас не осталось...

Через несколько дней стало известно, что почти всех аульных девушек за одну ночь повыдавали замуж. Наспех, без калыма, лишь бы только спасти от рабства у племени лилипутов... Все это затеяли и осуществили несколько ретивых активистов... А своего названого «женуха» я неожиданно встретила много лет спустя. В 1944 году в зимней, голодной и холодной Алма-Ате я как-то набирала воду из колонки. Обернулась — он! Те же глазки-катышки, ежится с ведром в руке. И надо же — признал меня! Мигом дернулся, отвернулся и спрятал взгляд. Не буду называть его имени, незачем позорить перед детьми и внуками... но после узнала, что этот «женух» в войну в алма-атинской партшколе преподавал. Выдвинулся!...

В конце года мы впервые услышали о колхозах. Нам

строго-настрого запретили уезжать из аула. Приказали ждать дальнейших указаний. «Скоро станете жить оседло, трудиться сообща», — говорили уполномоченные. Никто не понимал, что такое колхоз. Нам говорили: у вас будет совместное хозяйство, все там общее. Спать станете под одним одеялом, даже дети будут общими. Люди верили всем этим словам и — боялись...

А в ноябре 1929 года случилось так называемое восстание, хотя на самом деле никакого восстания и в помине не было — я свидетель. Просто прискакали из Кустаная в Батпаккару трое активистов-бельсенды во главе с Хамзой Жузбаевым. Как на подбор — скользкие людишки, с темным прошлым. Как выяснилось впоследствии, они не только занимались махинациями и вымогательством, но и были тайными осведомителями ГПУ. Прискакали и объявили народу: советской власти больше нет, восстановливается ханское правление. С несколькими подручными согнали коммунистов в мечеть, сбивали им волосы на голове и бороды и заставляли молиться. Пожгли бумаги в милиции, растащили магазин и сбили ограду, за которой томилась общественная скотина. И пошли у них нескончаемые тои-пиры. Что ни день, режут лошадей и баранов и обжираются свежим мясом под водку. Шесть суток праздновали восстановление ханской власти, пока не приехали из Карсакпая солдаты на двух грузовиках и не перехватали этих «повстанцев».

Еще в начале смуты я почуяла неладное. Наши конфискованные лошади, розданные беднякам, прибежали в свои родные стойла, ржут, соскучились по дому. Мы с братьями и сестрами принялись их выгонять — не идут. Да и разве дети справятся с этими большими умными животными! А мы с мамой боимся: не прогонишь лошадей со двора — придут снова уполномоченные и арестуют нас за то, что вновь завладели скотиной.

Вскоре милиция арестовала всех мужчин селения старше шестнадцати лет: в Кустанае зачинщиков смуты заставили дать показания на тех, кто «участвовал в восстании». Постоял с полчаса в куче народа, слушавшей агитацию главаря, значит, участник контрреволюционного действия и заслуживаешь наказания. А кого же не было в той толпе! Да и кто мог увернуться, если Хамза Жузбаев с дружками сами согнали на митинг всех стариков, а молодежь заставили прислуживать себе за дастарханом. Вот и вышло, что все виноваты. Трех зачин-

щиков беспорядков — еще неизвестно, не были ли они провокаторами, действовавшими по заданию ГПУ, — расстреляли, да, кажется, и несколько наших джигитов поплатились жизнью за свою дурь. Остальных осудили скопом: кому пять лет дали, кому три года, и всех рассадили по тюрьмам.

И начались наши мытарства...

Вскоре мать арестовали и увезли в Кустанай. Ее обвинили в том, будто бы она поддерживала восставших, будто бы дала им коней. Я бросилась следом за мамой. В деле ее никаких документов не было — одно заявление. Удалось вызволить маму из тюрьмы.

Говорю ей: надо уезжать. Тут ничего, кроме беды, ждать не приходится. Но куда поедешь без паспортов? Добрались, через Карсакпай и Қыл-Орду, до Алма-Аты, рассказали обо всем Джангильдину. Он пообещал устроить младших братьев и сестер в алма-атинский детдом. Вернулась я домой и переписала хозяйство на себя, хотя и было мне всего шестнадцать лет. Оставила с собой двух маленьких сестер, а маму с другими детьми отправила на лошадях в Карсакпай. Там, на руднике, они должны были продать лошадей и добираться с попутными машинами до станции Джусалы, а уж оттуда — в Алма-Ату.

Потом я поручила сестричек бабушке, а сама подалась в Батпаккаринский район, где устроилась счетоводом. Но тут объявился еще один тип, желающий заполучить себе жену без калыма. Это был начальник районной милиции. Ничего у него не вышло, но я поплатилась службой: «жених» написал жалобу в райком, что в советские органы проникла дочь врага народа, разумеется, с вредительскими целями. Не дожидаясь чистки, я уехала в свой аул.

За это время бездельников-активистов развелось еще больше. Шляются круглый день на конях, запугивают слухами народ, а по ночам скот режут, пьют и обжираются. Не долго думая, вечером, таясь от людских глаз, я приехала в сельсовет, где секретарем работал мой одноклассник. Он увидел меня, рассмеялся: «Ты откуда взялась?» — «Дай мне справку, чтобы я смогла уехать из аула». — «Справку тебе?.. Иди вон послушай, что они говорят...» — махнул он рукой в сторону мечети. Я послушалась. Подошла потихоньку в темноте к открытой двери, откуда клубился едкий табачный дым. Шло засе-

дание наших активистов. И вдруг я услышала свое имя. «Дочь Карадина следует за писать!» — «Правильно, у нее целых шестнадцать голов скота! Шошай-бай она!!» Председатель спросил: кто за это предложение желает проголосовать? И тут собравшиеся зашумели: «Шошай-бай! Шошай-бай!» — и дружно подняли вверх указательные пальцы. (Тут надо пояснить, что казахи голосовали тогда не поднятием правой руки, а просто поднимали к небу указательный палец. Отсюда и словечко «шошай-бай» образовалось, означающее в словаре ретивых бельсенды-активистов врага народа — человека, подлежащего раскулачиванию. Буквально это слово переводилось так: тот, на которого указали пальцем).

Боже мой, думаю, да они же меня заарестуют! Бросилась обратно к сельсовету. «Эй, — говорю однокласснику Бокану, — выручай! Там меня в шошай-бай записали!» А он опять хохочет. «Дура ты дура, незачем было из Алма-Аты возвращаться. Ладно, помогу. Бросай своих сестер, бабушка за ними присмотрит, а сама беги со всех ног к яру у реки. Там мой отец с лошадьми. Его ведь тоже в шошай-бай записали. Глядишь, унесете ноги из этого проклятого селения».

С отцом Бокана я добралась ночью до аула, через который лежал путь в Карсакпай. Не успела попить чаю, как распахивается дверь и вваливается в комнату посыльный из нашего сельсовета — один из тех, кто заседал в мечети. Цап меня за руку: «А, вон ты где! Ну, я так и думал. Мы же сразу догадались, куда след копыт ведет. Стало быть, сбежать задумала? Не-ет, не выйдет! Каждый шошай-бай должен ответить перед законом. Ну-ка, пойдем со мной!»

Я сжалась в комок от ужаса. Неужели он снова отвезет меня в аул на расправу к этим завистливым и мстительным активистам? Ведь они же засадят в тюрьму за побег, а малолетних сестер пустят по миру...

Неожиданно тишину нарушил властный и сильный голос хозяина дома, Абсемета: «Эй, что ты плетешь?! Как посмел распоряжаться здесь?! Эта девушка — моя гостья, и я никому не позволю тронуть ее пальцем! Да ты, верно, водки напился, если обнаглел вконец и оскорбляешь хозяина очага? Эй, братья, — повернулся он к молодым парням, сидящим за столом, — свяжите его

и бросьте в сарай. Пусть проспится и освежит свою дурную голову!».

Когда посыльного, крепко придерживая за локти, отвели, Абсемет подмигнул мне и мягко сказал: «Ничего не бойся, я все устрою. Сам провожу тебя за заставу». Дело в том, что неподалеку от аула, на тарной дороге, ведущей к руднику, стояла солдатская застава. Говорят, бандитов они ловили... Каких там бандитов — одних беглых скотоводов!.. Никто не мог свободно проехать мимо нее...

Абсемет сдержал слово. С кем-то переговорил на караульном посту, и мы беспрепятственно миновали заграждение. Проехали еще с версту, и он остановил коня. «Ну, милая, мне дальше нельзя. Езжай смело вперед: никаких бандитов здесь нет. Да поможет тебе Аллах!»— И на прощание он поцеловал меня в лоб...

Я поехала одна — отца Бокана Абсемет вернул обратно, сказал, что из-за него пострадает сын...

Непривычно выглядел Карсакпай этой осенью 1931 года. Сотни островерхих шалашей окружили рудник. Между ветхими жилищами неприкаянно бродили истощенные больные люди. «Что это?»— спросила я у одного из встречных. «Не знаешь?.. Беда в степи. Голод. У них отняли последний скот...»

Беженцы надеялись найти работу на руднике, но, конечно, ожидания большинства из них были напрасны. Я смотрела в запавшие глаза столпившихся возле нас людей — они без слов выпрашивали хлеба. Но где было его взять, когда я сама кормилась милостью попутчиков... Дни уже были морозные, а у них ни еды, ни топлива. Живут в шалашах... Там же лежат дети, простуженные и голодные. Их укрыли кошмами, тулупами, но разве спасешься от холода? Это были те, у которых активисты отобрали все, что смогли. Байские дети... Я услышала рассказы о голодающих. Люди бежали на юг, в Пахтаарал и Саксаул, надеясь добыть пропитание, но попали в такое отчаянное положение, что отдавали старикам своих дочерей, лишь бы спастись от смерти. Девушек отдавали замуж за ведро проса...

В Кармакчах я разыскала мать. Она отправила двух детей в Алма-Ату, а брата Бахытжана устроила в кзылординский интернат. Дождалась меня. Кармакчи — поселок, расположенный на берегах бурной, широкой Сыр-Дарьи. До сих пор не могу представить, как эта, преж-

де могучая и полноводная, река теперь чуть ли не до дна пересохла...

В Кармакчах положение ухудшалось с каждым днем. Сотни и сотни голодающих переполнили небольшой пыльный поселок. Их привозили на грузовиках из Карабаспай... У столовой, где два раза в день выдавали жидкую похлебку, ругались обездоленные люди, то и дело вспыхивали драки тех, кто не поделил еду. На базаре толпился голодный народ, хотя за пустыми прилавками никто уже не торговал съестным. На деревянных скамьях вокзала сидели двое древних стариков в пропыленных обтрепанных чекменях, с отсутствующими взорами. В их глазах, казалось, застыла мука и желание смерти. Не сразу я узнала этих измученных полунищих старцев; это были известные на весь Тургай девяностолетние почтенные аксакалы, потомки самого знатного в наших краях батырского рода. Не обращая ни на кого внимания, они грызли старые арбузные корки. Кажется, лишь тогда, глядя на них, я наконец поняла, какое страшное бедствие обрушилось на казахов и что за мучения нас ожидают впереди.

Мы с мамой уже отчаялись найти приют, как вдруг кто-то окликнул нас в базарной толпе. Я с недоумением смотрела на русоволосую женщину с приятным открытым лицом, улыбающуюся мне. «Не узнаешь? Крошкой ведь ты тогда была... Ну, Груня я, Груня Колесникова! Твоя няня!»— И женщина бросилась ко мне и трижды расцеловала. Оказывается, Груня издалека узнала маму и лишь потом поняла, кто я... Так мы, совсем было потерявшиеся среди чужих и незнакомых лиц, нашли своих. А значит, нашли и кров и кусок хлеба.

Груня с мужем забрали нас к себе. Поровну делили с нами свой скучный паек, помогли нам с жильем и работой. Весной 1932 года с откочевниками приехала сюда семья моего дяди Амирали, мы наняли юрту и зажили одним большим семейством.

Когда потеплело, дядя предложил переехать на остров, лежащий между Сыр-Дарьей и Кара-Узеком. Дело в том, что в поселке стало уже опасно жить: столовую закрыли, продпомощь прекратилась, и голодающие часто набрасывались с ножом друг на друга, калечили, убивали за кусок лепешки, у всякого подозревая припрятанную где-то еду. Дядя раздобыл лодку, и вскоре мы перебрались на остров. По утрам мы с ним уезжали на

службу, а женщины и дети ловили целый день рыбу. Попадались все больше длинные серебристые рыбины, по-местному лаха. Если поймают одну-две, варят в котле, бросив туда горсть проса. Никогда не было, чтобы мы ели тайком, одни: дядя обязательно привозил на лодке голодных людей. Обычно он их и знать не знал, просто отыскивал на улице самых нуждающихся и брал с собой.

Все больше опухших от голода людей привозили на грузовиках из Карсакпая. Среди них было много тургайцев, бросивших свои аулы. Они рассказывали о страшном голоде в наших краях. Мы ходили к землякам, пытаясь узнать хоть что-нибудь о судьбе родственников.

Однажды я встретила в Кармакчах земляка — поченного пожилого мужчину по имени Турсунбек. В Тургае он пользовался большим уважением — добрый, справедливый, исключительно порядочный. Оказалось, что совсем недавно умерла от истощения и болезни его жена, а сын пропал в толпе. Дядя, узнав, что Турсунбек в поселке, велел мне отыскать его и пригласить к нам на остров. Я нашла Турсунбека с большим трудом. Он сидел в полном одиночестве на берегу Сыр-Дарьи у края небольшого двухметрового обрыва, одетый в тщательно вычищенный чекмень, в круглой черной шапочке на голове. Отрешенно смотрел в быстрые бегущие желтые воды могучей Дарьи. «Агай, — позвала я, — приходите к нам сегодня на ужин. Дядя зовет!» Турсунбек безуспешно оглянулся на голос, и я увидела худое, изрезанное морщинами лицо. Глаза его, всегда ясные и умные, покраснели и были мутны. Когда успел состариться человек! «Хорошо, приду», — после затянувшегося молчания произнес он. «Но вы же не знаете дороги, куда же вы придетете? — забеспокоилась я. — У нас лодка... Я провожу вас...» — «Ступай. Я обязательно приду», — так же медленно и бесстрастно сказал он. И что-то такое произвучало в голосе, что ослушаться было невозможно. Спотыкаясь, я зашагала обратно, но через несколько мгновений невольно оглянулась на крик людей. У обрыва никого не было! Я бросилась к месту, где лишь минуту назад сидел Турсунбек, и вдруг взглянула на стремнину реки. Мощный водоворот уносил расплаственный знакомый чекмень, а немного впереди мелькала в желтой глинистой воде черная шапочка...

В августе 1932 года меня вновь уволили по чьему-то доносу. Дочь «конфискованного бая» не имела права ра-

ботать в советском учреждении... Теперь и мы должны были куда-то кочевать. Нас было пятеро: мы с мамой, две сестры и младший брат. Колесников разузнал, что в Мерке работает заместителем председателя исполкома воспитанник отца и наш дальний родственник Буркутов. И мы поездом отправились к нему, уверенные, что он-то поможет. И, действительно, Буркутов устроил нашу семью. Поселились в узбекской хибарке, он сам привез нам накануне зимы саксаул и невиданное по тем временным богатство — мешок муки. «Ну, надеюсь, теперьerezимуете. А к себе взять не могу: полон дом наехало, спать на полу всем места не хватает».

Вскоре в Мерке с запада и севера нахлынули голодающие из восемнадцати аулов Батпаккаринского района. Помню, как огромной толпой они появились на местном базаре — за полчаса раскупили все продукты. На следующий день базар был ограблен, и больше там торговаться не решались. Начались кражи, грабежи: где-то утащат курицу, где-то — хлебную лепешку. Накануне зимы каждый искал кров. Трудно вообразить, в какой тесноте тогда жили люди. Село не могло принять всех, кто спасался от голода и холода. Среди приковавших было много тургайцев, и, конечно, вскоре кто-то нажаловался на Буркутова, что он пригрел байские семьи. Приехала комиссия, и наш защитник был уволен. Нас с мамой вычеркнули из списка голодающих. Хорошо хоть, в самые студеные месяцы была крыша над головой...

Нужда погнала нас дальше на юг. Буркутов и Джангильдин через своего друга Георга Шмидта помогли нам выбраться из Мерке и переехать в Андреевку, на автобазу. Я стала работать там в бухгалтерии, потом временно устроилась в Чимкентском облпотребсоюзе. Однажды на чимкентском базаре я встретила бывшего тургайского муллу Зияуддина, который в свое время сопровождал повстанческие отряды Амангельды Иманова, благословляя их на сражения. Зияуддин, усевшись по-восточному, разбрасывал на коврике кости, гадая прохожим. Так он зарабатывал на жизнь себе и трем малым детям, что тут же и сидели, тесно прижавшись к нему. Я подошла и поприветствовала его. Бывший мулла, услышав, что я состою на службе, забыл про гадание и стал умолять, чтобы пристроила детей в интернат. «Да кто меня послушает? Мне самой-то всего восемнадцать». — «Иди, проси! У тебя получится».

Интернат был переполнен. После долгих хождений все-таки удалось уговорить директрису, уже не знаю как, — и она согласилась принять двух дочек муллы, семи и восьми лет. А мальчика не приняла — интернат был женский. С тех пор Зияуддин стал расстилать свой коврик для гаданий неподалеку от ворот интерната. И каждый раз под вечер к нему выбегали дочери и выносили малышу два кусочка лепешки. Кашу они съедали, а хлеб берегли для отца с братом. Так продолжалось недели две. Наконец директорша не выдержала и потребовала, чтобы Зияуддин убирался подальше от учебного заведения. «Они же не едят ни крошки хлеба! — бушевала она. — Умрут же от истощения! И так в чем душа держится...» Мулла молчал, опустив глаза. Я как раз пришла его навестить и, воспользовавшись случаем, стала уговаривать принять мальчика. «Ну, хорошо, возьму. Только пусть он не сидит здесь больше». С того дня Зияуддин пропал: ни я, ни дети его больше не видели. Наверное, погиб с голоду...

В 1986 году я приехала в Аркалык. Там проходило народное гуляние, связанное с мусульманским праздником. Вижу — во время службы один рослый мулла все время поглядывает на меня. После подходит, улыбается: «Не узнаете? Я Султан, сын Зияуддина. Помните, в тридцать втором вы спасли меня и сестер от голода?»

От папы известий не было. Позже мы узнали, что в Семипалатинске он тоже строил плотины, для чего был отпущен из тюрьмы, — об этом отец сам сообщил друзьям открыткой. А потом его вдруг арестовали и под сильной охраной повезли в Алма-Ату. Последнее, что он успел, это отправить с дороги открытку. По приезде в Алма-Ату его скрым порядком осудила «тройка» и за глаза приговорила к расстрелу. 25 мая 1930 года папу убили... Через тридцать лет я добилась пересмотра дела. В 1960-м пришел ответ из Верховного суда республики, где говорилось, что Байкадам Караддин реабилитирован посмертно за отсутствием состава преступления. Да что эта бумага! То, что отец не виновен, мы и так знали, самые тяжкие испытания как дети врага народа уже прошли... а расстрелянного отца никакое решение суда не вернет...

Летом 1933 года мама уехала в Алма-Ату. Джангильдин помог с квартирой, и вскоре я перебралась к ней. Знание бухгалтерского дела, что в юности дал мне папа,

выручило в очередной раз, я нашла себе работу счетовода в Совнаркоме. В августе вместе с молодой русской женщиной-врачом нас направили в подшефный колхоз «Ынтымак», километрах в пятнадцати от Алма-Аты-І. Селение оказалось совершенно пустым, заброшенным. Дома с разобранными на дрова крышами, выбитые окна без рам, черные провалы вместо дверей. С трудом мы отыскали дом, где можно было остановиться на ночлег. После прибыли сотрудники Совнаркома. И началась работа. Откуда-то из степи приводили и привозили до предела истощенных, едва живых людей. Не разобрать, где мужчина, а где женщина. От вшивости острижены наголо, худые, как скелеты. Никакого тела — все внутрь ушло... Доктор осматривала их, а я записывала данные. Врач спрашивала каждого: почему вы оказались в степи, а не пошли в город за помощью? Кто-то, помню, ответил: «Голодные в гости не ходят, гордые чужих дверей не открывают, запираются и Бога забывают...» А большей частью отвечали, что кочевали по нужде за голодным скотом, пока тот не убегал и не разбрехался...

Постепенно пустые дома заполнялись народом, даже бывший учитель местной школы вернулся. Между тем что-то странное творилось со мной: то ли от увиденного, то ли еще от чего. Не могла спать. А если засыпала, снились ужасы. Часто просыпалась в горячке и дрожала потом всю ночь, не смыкая глаз. А днем мучилась от сильнейшей головной боли... Врач — она вскоре заразилась и умерла — ничего не могла понять и лишь качала головой. Однажды все прояснилось — к учителю приехали земляки, и я случайно услышала его рассказ.

...В этом доме, оказывается, жила семья начальника политотдела МТС, вернее — начальницы, потому что политотделом — редкое явление! — командовала женщина-казашка довольно молодых лет. Она ходила перепоясанная кожаным ремнем с кобурой на боку, где лежал револьвер. У них с мужем был трехлетний мальчик, с началом голодовки тяжело болевший. Как его только ни выхаживали родители!.. Но от смерти все равно не упасли... Поочередно, день и ночь, просиживали у кровати ослабевшего мальчика. Однажды, намаявшись, оба уснули. А поутру мать увидела, что мальчик мертв. Живот его был вспорот, сердце вынуто... Была зима, по белому снегу тянулись от порога капли свежей крови. Выхватив револьвер, мать бросилась по следу. Он при-

вел в дом, стоявший на соседней улице. Там обитал одинокий мужчина, жена и двое детей которого, по слухам, недавно пропали. Женщина распахнула незапертую дверь и увидела, что человек сидит на полу у печи и жарит в ковше сердце ее сына.

«Я тебя застрелю!» — крикнула она.

«Стреляй. Ничего не боюсь», — равнодушно ответил он.

И, неожиданно согнувшись, полез рукою за печь, вышвырнул что-то оттуда к ее ногам. То были три человеческие головы: одна — его пропавшей жены и две — малолетних детей.

Женщина, как стояла с револьвером в вытянутой дрожащей руке, так и рухнула без памяти на пол. Так и не выстрелила...

Много я уже навидалась к тому августу 1933 года, но после этого рассказа слегла. Несколько дней бредила в лихорадке...

В Алма-Ате, куда я вскоре вернулась, повторилась прежняя история: наехавшие в город мои земляки узнали про нас. Кто-то написал огромную жалобу, что дети врага народа Байкадама Карадина неплохо устроились в столице, тогда как дети бедняков мрут от голода. На восемь месяцев я лишилась всякой работы, а значит, и хлебной карточки. Всех моих братишек и сестер выгоняли из детдома. И сейчас диву даешься, как мы выжили тогда.

Я слышала, что организатором гонений был партработник Елеуов. Он приехал в столицу из района Иргиза, где все вымерли или разбежались, и ему уже некем там было руководить...

Но за то зло, что он причинил нашей семье, не осуждаю: сама судьба его наказала — трагически погибла его жена, убийцей оказался брат. И тоже одной из причин был голод...

Что еще рассказать? В 1935 году вышла замуж, но прожили с мужем недолго, всего три года. В 1938-м его, секретаря обкома комсомола, расстреляли. Я осталась с двумя детьми на руках...

В общем, если коротко говорить о своей жизни, то шесть раз меня выгоняли со службы — за отца, и восемь раз — за мужа. Не говоря уже о том, что часто и вовсе не брали на работу. Разрушали нашу семью, разрушали душу... А люди — простые и добрые — помогали высто-

ять. Все силы духа и тела уходили на одно — на сопротивление погибели. Все же считаю себя счастливой. Я, старшая в семье, как могла поддерживала и воспитывала своих сестер и братьев и своих детей подняла. Наша семья была даровитой: брат, Бахытжан Байкадамов, стал известным казахским композитором, брат Арстанбек прекрасно играл на виолончели, сестра Айслу стала замечательной певицей, народной артисткой республики... Мне самой не удалось завершить высшего образования. Впоследствии, с 1935 года, я стала стенографисткой, признана основоположником казахской стенографии.

Во-от. Младшие почти все умерли, а я, старшая, живу. Дописываю историю нашей семьи, и в этой исповеди моей нет ни капли вымысла. И вспоминаю, вспоминаю пережитое...

X

Рассказывают, адмирал Колчак обмолвился как-то, что казахами управлять проще простого: достаточно уничтожить человек 500 интеллигентии, которую слушается и которой верит народ,— и казахи покорены. До подлинно не известно, говорил ли правитель Сибири эти слова, но при недолгом владычестве Колчака казахская интеллигенция не пострадала ни в едином лице. Однако нет дыма без огня — идея, наверное, витала в воздухе.

1 октября 1930 года Филипп Исаевич Голощекин, выступая в Алма-Ате на собрании городского партийного актива, высказал примерно те же самые мысли, только в более скрытой оболочке. Он говорил с полным сознанием собственной правоты, нисколько не замечая своего предельного цинизма, что тактической задачей партийных органов в отношении «бывших алаш-ординцев» было:

— «использовать национальную интеллигенцию, приблизить ее к себе для овладения аульной массой, а на этой основе построить Советы».

Далее Голощекин сказал:

«И чем больше мы овладевали массой, организовывали бедноту, тем сильнее наносили удар по буржуазному национализму, и это дало возможность подойти к такому периоду, когда мы создали свои кадры, когда мы можем отбросить этих временных союзников (выделено мной.— В. М.).

Заслонить в какой-либо мере борьбу с шовинизмом борьбой с национализмом для того времени было равнозначно отказу от владения доверием казахских масс»¹.

Вот такая тактика была у Филиппа Исаевича: «использовать... приблизить... овладеть... отбросить». И не переборщить на первых порах в борьбе с национализмом, побольше кричать о великодержавном шовинизме, а то вдруг не овладеешь доверием казахских масс...

Голощекин потому говорил столь откровенно и беззастенчиво, что с верхушкой старой казахской интеллигенции, с лучшей частью духовных вождей народа он уже справился.

С ними было попроще, чем с вождями «группировок»: в партии уже не состояли, в ЦК не жаловались. Им всегда можно было ткнуть в лицо «старые грехи»—алашординское прошлое (оно-то впоследствии и пригодилось, когда были подготовлены «свои кадры» и когда аульной беднотой уже «овладели»). И уж, конечно, всякая их деятельность безусловно считалась проявлением буржуазного национализма.

Поначалу Филипп Исаевич был относительно уступчив, призывал сотрудничать с казахской интеллигенцией — но лишь при условии, что «главные узлы партийной работы» оставались в неприкасаемости. На Пятой конференции в 1925 году он настойчиво внушал мысль, что интеллигенцию нужно нивелировать, считая, что это вполне естественно и допустимо.

Однако что значит — привести к общему знаменателю творческого человека? Это значит или принудить его к послушному приспособленчеству, то есть духовно оскопить, или же попросту уничтожить, потому что настоящая личность не поддается никакому усреднению. При нивелировке почвы первым делом обычно срезают холмы и бугры.

Вряд ли Голощекин всерьез стремился привлечь к новому строительству духовных вожаков и учителей казахского народа — недаром он не снимал ни с кого из них националистических ярлыков. То была с его стороны тактическая уловка: на время, только лишь на время он соглашался терпеть «националистов», а потом они подлежали, конечно же, устранению, ликвидации. В той или иной форме, смотря по обстоятельствам и возможностям нового этапа классовой борьбы.

Партийная критика ни на миг не отводила в сторону

нацеленных стволов. Некто С. К. сообщал 27 мая 1927 года в «Советской степи» о писательских организациях Казахстана: «Политическое направление произведения определяется принадлежностью автора к тому или иному течению. По предварительным подсчетам, авторами-националистами выпущено 14 названий, КазАППовскими 16 и попутчиками 9... У националистов несколько больше разнообразие в авторах (Байтурсынов, Ауэзов, Дулатов, Кеменгеров, Омаров, Абай, Джумабаев) *.

...Националисты в ярких красках воспевают степь и казахский народ вне классовой сущности, а по существу направляют свое перо против советской власти».

Как видим, и Абай Кунанбаев попал под бдительный прицел критики, и его, умершего до революции, объявляют противником советской власти.

* * *

Разумеется, перековка национальной интеллигенции велась уже давно — с октября 1917 года.

Сабит Муканов вспоминает в «Школе жизни» о первой встрече с Магжаном Жумабаевым, которая состоялась в Омске в 1918 году, где поэт возглавлял курсы для подготовки казахских учителей. Молодой и привлекательный, с бритым смуглым лицом и выющиеся волосами, Жумабаев, услышав о стихотворных опытах аульного джигита, как показалось Муканову, язвительно улыбнулся. Впрочем, тут же помог: устроил Сабита, впервые попавшего в большой незнакомый город, дворником и «сурохо предупредил», чтобы работал безотказно.

«Мы изучали казахский и русский язык, географию, арифметику, природоведение, педагогику, историю и вероучение. Кроме того, были у нас уроки пения и гимнастики. Магжан Жумабаев преподавал четыре предмета — казахский язык, русский язык, педагогику и вероучение. Мы не только запоминали заповеди ислама, но под руководством самого Магжана учились совершать богослужение — намаз... Учение шло бы совсем хорошо, если бы Магжан Жумабаев не изменил резко своего отношения ко мне.

* Фамилии Байтурсынова, Жумабаева и других в цитатах даются по тогдашней записи,

Зная... что я сочиняю стихи, он однажды снисходительно разрешил мне почитать ему свои произведения.

...Послание и айтысы Магжан похвалил. Но, читая мои стихи об аульной бедноте, поморщился и совсем переменился в лице, когда я прочитал свои дорожные впечатления в пути от Жаман-Шубара до Омска, изложенные также в стихах...

— Одумайся, Сабит! Твои стихи направлены против правительства. Ты, наверное, забыл два золотых правила: «Молчание спасает от бед», «Будешь ходить спокойно — сытым будешь». Эти стихи сожги, а о любви пиши сколько хочешь. И пожалуйста, не спорь со мной. Еще надо подумать тебе об Алаш-Орде. В ней — будущее казахского народа. Если ты настоящий казах, вот чему посвящай свои стихи!

Перечить Магжану я не стал, зная, что разубедить его невозможно. Но в душе я уже начал понимать, что такое Алаш-Орда.

Магжан познакомил меня со своими стихами. Его лирические произведения мне очень понравились. Но стихи, воспевающие Колчака и Алаш-Орду, вызывали во мне молчаливый протест. И однажды я не мог сдержаться, слушая рифмованные похвалы казахам, решившим сражаться против советской власти в рядах армии Колчака.

— Если еще раз скажешь так, очутишься не на курсах, а в тюрьме. Понятно? — пригрозил мне Магжан.

И хотя я сделал вид, что раскаялся, но своих стихотворений он больше мне не показывал².

Вторая встреча произошла через год, когда Колчак был уже разгромлен. В Петропавловске, в здании, известном под названием дома Романовых, открылись курсы учителей — русские и казахские. Преподавателей не хватало, и, наверное, потому, пишет С. Муканов, на курсах вскоре оказался Магжан Жумабаев. «Он скрывался от советской власти в своем ауле близ Петропавловска. Его пригласили уже устроившиеся в уездных организациях алаш-ординцы. Жумабаев не был в одиночестве. Среди преподавателей наших курсов оказалось еще несколько таких же буржуазных националистов.

— Как же так получается? — рассуждали мы между собой. — Нам снова придется учиться у алашординцев. Как поведет себя теперь Магжан Жумабаев, еще

вчера в своих произведениях ругавший советскую власть и восхвалявший Колчака и Алаш-Орду?

Решили мы поговорить об этом с уездными руководителями Соколовым и Гозаком...

— Сейчас у нас нет никакой другой возможности,— сказал Соколов.— Найти казахского интеллигента с высшим образованием, да к тому же сочувствующего советской власти, не так-то легко, друзья. Хочешь не хочешь, а пока надо использовать и Жумабаева и других. А вы, коммунисты, должны контролировать их работу, не допускать, чтобы они протаскивали враждебные, алаш-ординские идеи...

С первых же дней большинство курсантов заняли по отношению к Жумабаеву враждебную позицию, и только немногие оставались его поклонниками...

На одном из собраний партячейки был поставлен вопрос о деятельности... литературного кружка. Докладчик рассказывал, что на литературных вечерах со сцены читаются буржуазно-националистические произведения Байтурсынова, Дулатова, Жумабаева, поются песни на их слова. Оказалось, что Магжан Жумабаев не только помогал составлять программы этих вечеров, но и сам читал свои алаш-ординские стихи.

На собрании было решено, что все курсанты-коммунисты—партячейка к этому времени насчитывала больше двадцати человек — посетят очередной вечер-концерт...

После того, как пелись и читались стихи, на сцену вышел Магжан Жумабаев. Он читал свою новую поэму «Сказка». В ней прославлялись Кенесары Қасымов и его сын Сыздык. Теперь уже ни у кого из коммунистов не оставалось сомнения, что Жумабаев прочно остался на своих идейных позициях.

На следующий день партячейка наших учительских курсов вынесла на своем собрании постановление, в котором обоснованно доказывалось, что Жумабаева невозможно дальше оставлять преподавателем. Уездный комитет партии согласился с нашими доводами, и поэт-националист был снят с работы.

В то время я был членом редколлегии стенной газеты. В том ее номере, который вышел после разоблачения Жумабаева, был помещен мой фельетон «Во сне». Прибегая к обычной в те годы и довольно наивной сим-

волике, я раскрывал в нем буржуазно-националистические взгляды и поступки Маждана Жумабаева.

Сейчас, спустя много лет, перечитывая этот фельетон, я убеждаюсь снова и снова в правильности выбранного мною пути. И хотя я в те годы был политически малограмотным человеком, я пошел по верной дороге, указанной мне советской властью и партией большевиков»³.

Прошел еще год. Председатель Кокчетавского волостного ревкома Сабит Муканов, как он свидетельствует, принял участие в вооруженных стычках и даже расстрелял пленного, бывшего колчаковца («Мне впервые приходилось расстреливать и, должно быть, поэтому я не выполнил приказа моего командира — вместо одной выпустил в Кирчика две пули, хотя он свалился после первого выстрела»)⁴. Однажды Муканов «случайно» увидел на страницах петропавловской газеты «Бостандык туы» («Знамя свободы») стихи Маждана Жумабаева.

«Я был очень удивлен тем, что Жумабаева печатают,— ведь, наверное, не один я знал, что собою представляет этот человек!..»

Товарищ по партии пояснил возмущенному Сабиту:

«Что ж, бывает и хуже. Ты же знаешь, как три вождя Алаш-Орды: Букейханов, Байтурсынов и Дулатов — боролись в рядах армии Колчака против советской власти. Не знаю, где Букейханов и Дулатов, но Байтурсынов сейчас народный комиссар просвещения Казахской республики. Говорят, он член РКП(б).

— Куда же все смотрят?! — возмущаюсь я.— Их расстрелять всех надо!

— Нельзя, дорогой! Прямых улик нет...»⁵.

Разительные перемены произошли в джигите за какие-то три года советской власти: уже готов был поставить к стенке своего бывшего учителя и еще двух литераторов. А ведь сам поэт...

И, наконец, еще одна встреча, описанная в главе «По ленинскому пути», с подзаголовком «Рождение нового».

Что же за новое зарождалось на казахской земле в начале двадцатых годов? Судя по воспоминаниям Муканова,— жестокая идеологическая борьба в литературе. Впрочем, для страны это явление было отнюдь не новым: с большевиками пришла в культуру свирепая

классовая бойня, питаемая известным принципом: «А тот, кто сегодня поет не с нами, тот против нас».

Молодой Сабит Муканов снова в Петропавловске, куда его послали учиться в совпартшколу. Вместе с начальником местной милиции Мукатаем Жанибековым по кличке Угар и тремя другими коммунистами он входит в «мусульманскую» партячейку при киргизско-татарском клубе. Предоставим слово автору мемуаров:

«Вскоре Киртатклуб стал настоящей ареной идеологической борьбы. Буржуазные националисты, алашординцы не сидели сложа руки и старались осуществлять свое влияние через литературные вечера и концерты. На одном из таких литературных вечеров известный алашординец поэт Магжан Жумабаев прочитал свои новые стихи: там было и произведение в паназиатском духе — «Пророк», и в пантюркистском — «Брату!», и националистические стихи «Пожелтевшая степь». Среди слушателей Магжана преобладали нэпманы.

Мы обсудили этот случай на собрании ячейки. Кто-то сказал:

— Запретить Жумабаеву выступать со своими стихами нетрудно, а чем заменить? Есть ли у нас хорошие стихи на советские темы?

Я назвал несколько фамилий молодых поэтов, начавших писать в большевистском духе.

— В таком случае сделаем вот так,— предложил Угар.— Как я слышал, этот Жумабаев собирается на днях устроить еще один вечер. Нам нужно заранее подготовить своих поэтов и на этом вечере организовать их выступление. А выступление Жумабаева я предлагаю сорвать.

— Но если он захочет читать стихи?— спросил кто-то.

— Не захочет!— многозначительно ответил Угар.

— А свобода слова?

— Если ты так болеешь за свободу слова, то вытащи из могилы Колчака и тащи его на трибуну!— рассердился Угар.

— Колчак-то сдох, а Жумабаев живой!— не унимался тот.

— Уж не думаешь ли ты, что и сейчас мало людей, желающих возвращения монархии или белогвардейщины? О-го-го-го! Сколько их еще осталось! Дай им свободу слова — они тебе наплетут! Нет, друг мой, свобода

слова у нас не для этого! Запомни: для контрреволюционной агитации ее нет! Свобода слова для трудящихся, а не для врагов!..

Все знали пылкий и горячий нрав Угара. Некоторые даже побаивались, как бы он не натворил бед, но большинству понравились его предложения, и они были приняты.

Клубные завсегдатаи, в том числе и поклонники Жумабаева, откуда-то узнали, что очередной вечер не будет обычным. Зрителей собралось много. Среди них мелькали Петропавловские нэпманы. Раздался звонок. Обладатели билетов до отказа наполнили зал. Забиты были даже все проходы между рядами. Кто-то с шумом ломился в уже закрытые двери, но на этот шум никто не обращал внимания.

Несколько наших молодых поэтов, приготовившихся выступать на вечере, по предложению Угара собрались за сценой. Там же оказался и Магжан Жумабаев. На супившийся, с опущенной головой, он стоял отдельно от них. Вероятно, в предчувствии неприятностей его довольно красивое лицо было искажено гримасой. Я вышел в коридор.

В это же мгновение открылась наружная дверь и появился наш Угар в сопровождении нескольких вооруженных милиционеров. Возбужденный и гневный, он действовал решительно.

— Закрыть двери и никого не выпускать! — скомандовал он милиционерам. Они немедленно отправились выполнять распоряжение своего начальника. — За мной! — кивнул он мне и направился к сцене.

Я поторопился за ним. Грозный вид Угара внушал страх не только алаш-ординским, но и нашим молодым поэтам. И без того большие карие глаза Жумабаева расширились еще больше.

— А ну-ка, открой занавес! — приказал Угар перепутанному администратору.

Тот немедленно потянул веревку.

Первым на сцену поднялся сам начальник милиции.

— Слушай-ка, ты, байский поэт, — повернулся он к Магжану Жумабаеву, — подойди сюда поближе.

Не рискуя перечить Угару, Жумабаев молча вышел на сцену.

— А теперь выходи сюда и ты, бедняцкий поэт, — позвал Угар меня.

Я шагнул к нему и увидел, что свет в зале уже погас.
Среди зрителей поднялся ропот.

— Молчать! — заорал Угар. — Я тут всех вижу и знаю. Кто вздумает затеять беспорядок, с тем поговорю после концерта!

Зал напряженно притих.

— Ты, алаш-ординский выродок, — обратился Угар с речью к Магжану, — перестань морочить голову советским людям своими бредовыми контрреволюционными стихами! Они нам не нужны! Неужели ты не понимаешь, что твоя песенка спета?

Жумабаев испуганно посмотрел на пышущее гневом лицо Угара и быстро опустил глаза.

— Читай теперь свои стихи, бедняцкий поэт! — сказал мне Угар и, уже обращаясь к зрителям, крикнул: — Слушайте все!

С трудом преодолев свою смущенность и волнение, я прочитал стихи «Сын бедняка».

Стихи Баймагамбета об Октябре, гражданской войне и победе советского строя читал его школьный друг, коммунист-журналист Абдрахман Айсарин. Стихи-памфлеты, выводящие на чистую воду казахских буржуазных националистов, читал поэт Мажит Даулетбаев. Слушатели с удовольствием принимали фельетоны Байбатыра Ержанова, высмеивающие мусульманское духовенство... Словом, в Петропавловске обнаружилась целая плеяда молодых казахских поэтов и писателей. (Кто помнит теперь хотя бы одно имя из этой плеяды? — В. М.).

С этого вечера мы разошлись с видом победителей.

А на следующий день меня вызвал секретарь губкома... Крепко досталось мне за партизанщину. Секретарь пригрозил разобрать это дело на бюро губкома, но потом громко рассмеялся и уже дружеским тоном долго объяснял мне, как должна вестись идеологическая борьба на литературном фронте...

Попрощавшись с секретарем, я ушел, повторяя про себя его слова: «В литературе не может быть партизанщины». Но не мог я не радоваться и тому, что в нашей казахской литературе рождается новое»⁶.

Уроки идеологической борьбы в литературе, данные такими знатоками словесности, как начальник милиции и секретарь губкома, не прошли даром. Позже, в 1923 году, Сабит Муканов обучался в Оренбурге на рабфаке. Вдруг распространился слух о праздновании пятидеся-

тилетия Ахмета Байтурсынова. «Студенты-казахи нашего рабфака и учащиеся других оренбургских учебных заведений разделились на два лагеря: в меньшинстве оказались те, кто решил от имени студентов преподнести юбиляру портфель с адресом.

Мы, противники Байтурсунова, неоднократно собирались и обдумывали свой план действий, ясно себе представляя, что устраивать праздничный юбилей этому «деятелю» могут только те, кому не по душе советская власть...

Я хорошо помню доводы, сформулированные в те дни. Правильно, до революции мы все уважали Ахмета, боровшегося за права казахского народа. Правильно, мы все, кто учился в казахских школах, познавали азбуку и грамматику по его книге. Но он, Ахмет Байтурсунов, ни в какое сравнение не может идти с теми, кто дал свободу казахским трудящимся. И ничего нет дороже для нас советской власти. И если Ахмет Байтурсунов против Советов, значит, он против нас, детей бедняков, против казахских трудящихся...

И нам удалось помешать торжеству. Мы заранее припасли к юбилейному вечеру гнилой капусты и других овощей, завернутых в газеты. Это были «гостинцы» для докладчика — Смагула Садвокасова.

Докладчик оказался хитрым. Опасаясь, что студенты сорвут его доклад, если он начнет сразу расхваливать Байтурсунова, Садвокасов прибегнул к своеобразной тактике — начал с истории, чтобы постепенно подвести слушателей к обоснованию выдающейся роли юбиляра.

По схеме докладчика, у казахского народа было пять национальных вождей — Кенесары, Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев и Ахмет Байтурсунов.

Но как ни старался Садвокасов, стоило ему дойти до Байтурсунова, как на трибуну и в президиум дождем полетели гнилые овощи. Собрание было сорвано, торжественный юбилей не состоялся.

Посоветовавшись с Сакеном Сейфуллиным, я написал статью, которая была сразу же напечатана вместо передовой в газете «Энбекши-казах» (№ 69, 1923 г.). Статья называлась «Ораторы, не угодите на черную доску!» В ней я разоблачал антисоветские действия Байтурсунова.

Заканчивалась моя статья так: «Короче говоря, дело

господ в белых воротничках молиться на Ахмета и называть его не только ака, но и самим господом богом. Но все же казахские трудящиеся не присоединяются к его, Байтурсунова, лозунгам, а присоединяются к тем, кто призывает к единству и братству бедноты всех стран. Стало быть, ораторы, рассчитывающие на свое красноречие, должны отказаться от пустой затеи представить Байтурсунова в розовом свете. Ахмет-ака для баев, для хамелеонов и двурушников, он отец для людей в белых воротничках. Но для трудящихся он не ака, не отец, не друг. У трудящихся казахов Отец тот, кто добыл им свободу, кто является вождем Октябрьской революции. Это — Ленин. И мы предупреждаем ораторов: смотрите, не угодите на черную доску, восхваляя кровных врагов — байтурсуновых».

Действительность подтвердила справедливость этого предупреждения. Имена Байтурсунова и его апологетов навечно занесены на черную доску истории казахского народа. Приговор совершился⁷.

Время показало другое — навечно вычеркнуть имена просветителей казахского народа и выдающихся писателей не удалось. Но на шестьдесят лет — вычеркнули.

Политическая борьба с «феодальными пережитками», перенесенная на литературную почву, давала себя знать и через тридцать лет (воспоминания написаны в начале 50-х годов): Сабит Муканов видит «преклонение перед байским прошлым» в следующих строках из песен Ахмета Байтурсунова:

На утлой лодке мчимся без весла,
Нет берегов, одни мы на просторе...
Пусть буря грянет и сгустится мгла —
Мы будем плыть, судьбу вручая морю;

И еще в таких словах:

Где твой нежный голос, Казбек?
Где ты, черный силач Жакибек?
Хоть на миг спуститесь с высот,—
Сиротой остался народ...⁸..

Муканов вспоминает, что С. Садвокасов в те годы ругал его «леваком»; впрочем, и позже ему доставалось: так, «Казахстанская правда» от 1 июня 1932 года кориля писателя за «ошибочный» лозунг —«Догнать и перегнать классиков литературы капиталистических стран».

Но в целом он совершенно точно понимал и улавливал политику партии в области литературы.

1 января 1925 года «Правда» поучала: «Писатели должны выкинуть за борт литературы мистику, похабщину, национальную точку зрения». За ярлыками «средневековые пережитки», «байское прошлое» скрывалась та цель, которую в первую очередь стремились поразить идеологи,—«национальная точка зрения». Обозначаемое терминами «великорусский шовинизм» или «местный национализм», национальное объявлялось врагом интернациональному и подлежало беспощадному искоренению. Провозглашенный Марксом лозунг «пролетарского интернационализма», конечно, был не более чем демагогическим прикрытием подлинной задачи коммунистической идеологии, которая стремилась лишить порабощаемые народы национальности, уничтожить, стереть в каждом из них самобытную духовность, веру, культуру, язык.

18 июня 1925 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О политике партии в области художественной литературы», где, в частности, говорилось: «Гегемонии пролетарских писателей еще нет, и партия должна помочь этим писателям заработать себе историческое право на эту гегемонию»⁹. Чтобы стать гегемоном в литературе, единственным требованием было — соревноваться в изображении советского социалистического строительства.

Вслед за РАППом — Российской ассоциацией пролетарских писателей — возник КазАПП. Председателем оргбюро в Кзыл-Орде стал С. Сейфуллин, секретарем С. Муканов, членами — А. Байдильдин, Х. Жусупбеков, О. Беков. 4 октября 1926 года была принята платформа КазАППа, состоящая из двенадцати параграфов. Основные положения этого документа ярко характеризуют не только время, но и место, отводимое в эти годы художественной литературе.

«...Казахские бай не почувствовали на себе такого удара Октября, как русские богачи. На жизнь в ауле до сих пор влияют бай, а также их представители — алашординцы. Об этом открыто говорит партия. С введением новой экономической политики (нэпа) казахские бай усилили распространение своих взглядов, своих идей. Поэтому и в условиях Казахстана одним из важнейших видов борьбы является борьба идеологическая.

Одним из сильнейших идейных оружий является художественная литература...» (из § 2).

«Казахских трудящихся пробудила Октябрьская революция, однако казахские трудящиеся не кипели в котле революционных событий, как русские трудящиеся, и не имеют такого опыта борьбы в классовых схватках...

Писатели-националисты и пробайские писатели, выступающие против Октябрьской революции, пустили корни по всей казахской земле. Казахские писатели из трудящихся, появившиеся после Октября, не имея достаточного образования, не объединенные в свой союз, оказывали до сих пор слишком слабое сопротивление пробайским писателям... Необходим постоянный союз, который бы объединял их и вел воспитательную работу» (из § 3).

«В классовом обществе нет ничего внеклассового, и литературы не может быть вне класса. Классовая литература прежде всего воспевает свой класс, а потом уже говорит об общечеловеческом... Союз считает, что литература, не способная помочь рабочим и крестьянам в их стремлении к новой жизни, не нужна» (из § 5).

«Литература пролетариата и крестьянства противостоит байской литературе. Она будет вести с ней неустанную борьбу...

Мы будем писать о том, что воспитывает у казахских трудящихся марксистско-революционную идеологию. Мы будем писать о том, что действительно происходит в жизни. А если мы будем писать о прошлом, то только для того, чтобы показать его гнилость, чтобы возбудить к нему ненависть...» (из § 7).

«Класс баев у казахов еще не исчез, не уничтожен. Значит, живут и его идеологи. Но с укреплением советской власти казахские бай будут слабеть... Бай будут из года в год лишаться земельных угодий, скота, власти. В момент наиболее острых столкновений пробайские писатели вместе с баями невольно встанут на дыбы. Поэтому наш Союз должен вести против них беспощадную борьбу» (из § 12)¹⁰.

Голощекин начал массированную атаку на казахскую интеллигенцию лишь после того, как расправился с национально мыслящей — хоть в малой степени — партийной элитой. К тому времени «масса аульной бедноты» была уже в некоторой степени «организована».

На Шестой Всеказахстанской конференции (ноябрь 1927 года) он обвинил «академический центр» (Байтурсынова) в извращении партийной линии:

«Составлена и издана отдельная книга, содержащая около 5 тысяч терминов на казахском языке. Масса в них не разбирается. Имеются огромные извращения, кажется, всем известно, что «интернационал» там переведен чуть ли не как «насильник» — совершенно невероятная вещь».

Затем Филипп Исаевич весьма простираенно заговорил о роли интеллигенции — и сквозь остатки тактического лицемерия стали прорезаться более искренние нотки:

«У нас нет сомнения, товарищи, что тут не может стоять вопрос о преследовании. Наоборот, мы должны вовлечь интеллигенцию, она должна работать с нами... Но мы должны руководить ею, а не она нами — вот и все. Нетерпимо такое положение, что она, чуждая, совершенно враждебная нашей идеологии (выделено мной.— В. М.), очень сильно влияет на различные стороны нашей жизни...

Среди старой интеллигенции мы имеем движение, напоминающее сменовеховство. Вы знаете известное стихотворение Джумабаева относительно «90», он теперь уже пишет о 90, он на стороне 90, а многие обманывают на этот счет, полагая, что он искренен.

На 100 они проиграли, и поэтому пробуют выиграть на 90; и, если идут к нам — хорошо, мы их погладим, но одновременно надо и ударить, чтобы 90 знали, что они не за них, что они пока против них, что они подыгрывают под эти 90»¹¹.

Удалили — через два года, да так, что 60 лет имя выдающегося казахского поэта находилось под запретом и стихи его не печатались.

Что же за криминал содержался в стихотворении Магжана Жумабаева?

В 1969 году народный поэт Башкирии 75-летний Сайфи Кудаш обратился с письмом о судьбе Жумабаева к

первому секретарю ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаеву:

«...Из глубины сердца и с выстраданной искренностью М. Жумабаев говорил в этом стихотворении: «В прошлом, когда над всеми народами восходило яркое солнце, я ошибся. Однако я ошибся, служа своей отчизне. Я не поехал на съезд Алаш-Орды, я не участвовал в его работе. Я, подобно некоторым, не ходил в адъютантах у руководителей Алаша. Я осознал, что партия Алаш не нужна казахскому народу. Теперь я увидел своими глазами и понял, что лишь Коммунистическая партия может правильно решить судьбу казахского народа. Если Коммунистическая партия представляет 90 процентов народа, Алаш — всего 10. Я защищаю 90, потому что, всей душой отдавшись, служу советской власти» (смысловой перевод). Разве это не похоже на исповедь? Но ему не поверили. Почему? Трудно сказать, но, кажется, не последнее значение имели личная неприязнь, месть и должно понятые принципы классовой борьбы»¹².

На письмо ответа не последовало: реабилитированный в 1960 году, Магжан Жумабаев по-прежнему оставался для коммунистов сомнительной фигурой, и стихи его не выходили...

Обратимся к мнению комиссии ЦК Компартии Казахстана по изучению творческого наследия Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсынова и Жусупбека Аймаутова: «Стихотворение «Голос девяноста», написанное им в 1927 году, характеризует не только политическое лицо поэта, но и свидетельствует, насколько далеко продвинулся он как художник новой эпохи. В этом произведении поэт от чистого сердца заявляет, что он сторонник девяноста, то есть большинства народа, которое наперекор всему решительно ведет обновление родного края»¹³. Так, в 1988 году коммунистическая экспертиза наконец поверила М. Жумабаеву...

Стало быть, все заключалось не в содержании стихотворения, а в желании ударить — в том смысле, которое вкладывал в это понятие Голощекин. А смысл этот состоял в **уничтожении, искоренении национального**. Голощекин хорошо понимал, что национальный поэт, по сути своей, противостоит пролетарскому интернационализму, уничтожающему национальную духовность,— а, стало быть, такому поэту верить нельзя. Да и сам казахский народ не внушал Филиппу Исаевичу никакого доверия: самого «передового» класса — рабочего — он почти

не имел, слушался своих баев и мулл, такой народ, по его разумению, подлежал долгой и кропотливой советизации, в которой, конечно, не следовало «бояться крови».

Вся интеллигенция была под подозрением, и потому Голощекин зорко следил за каждым ее шагом, время от времени вставляя в свои речи пассажи о том, что **совершенно случайно** обнаружил ту или иную вредоносную идею.

В том же докладе на Шестой конференции он говорил:

«Я случайно натолкнулся на одну статью в «Энбекши-казах» (по-казахски он, естественно, не читал, а потому следует, что явно издевался над делегатами-казахами.— В. М.) о художественной литературе... Статья построена на тенденции подыгрывания под марксизм, в частности по вопросу — может ли быть (?) социалистическая культура. Я вам зачитаю заключительный образ: «Казахский национализм — не имеет колонизаторствующего характера. Он не добивается верховенства и подчинения себе кого-либо, он лишь хочет защищать себя, спасти себя и, если сможет и сумеет,— достичь, добиться равенства. Пока на деле не будут приравнены массы национальных меньшинств — национализма не изжить».

...Абсолютно неверно, абсолютно вредная постановка.

«Национализм» казахского рабочего, бедняка — добиться равноправия с европейским бедняком. Это здоровый «национализм», правильный. Национализм наших баев, буржуазной интеллигенции, у них он какой — невинненький? Посмотрите, как в период до Октября и после Октября этот националистический щенок вырастает в очень большую националистическую собаку (смех). Есть «национализм» в кавычках, то есть стремление к равноправию, здоровый, правильный, и мы должны ему помогать, а по националистической верхушке байских идеологов надо бить»¹⁴.

И здесь казахский рабочий класс и «бедняк» противостояны — народу».

Кампания против «националистов», направляемая опытным режиссером, набирала силу, однако ее участники, послушные исполнители директивы, наверное, вряд ли тогда представляли, какой огромный урон ожидает национальную культуру.

11—12 апреля 1928 года «Советская степь» напечатала большую статью Г. Тогжанова «Против национа-

лизма, обывательщины и комчванства в казахской литературе и критике». Автор писал:

«Еще не так давно — 3—4 года тому назад — наши националисты доказывали, что искусство, в частности литература, не подчиняется политике и что политические или — как они выражались — узкоклассовые интересы чужды ей, и казахская художественная литература ставит себе «общенациональные» надклассовые интересы. Так писали молодые идеологи казахских националистов — Ауэзов, Исаков Д., Аймаутов и Кº... И Садвокасов не мыслит нашу советскую литературу без националистов — без Ауэзова, Аймаутова и Кеменгерова. И он, как и националисты, уверен в том, что писатели-националисты могут дать для казахских трудящихся очень полезные вещи на межнациональные темы. Мало того... он даже протестует против того, что мы разоблачаем националистическую идеологию поэта Джумабаева Магжана — известного националиста, в одно время ярого контрреволюционера».

Одержаный порывом очистить казахскую литературу от «националистов», Тогжанов принял разоблачать и одного из руководителей КазАППа — Казахской Ассоциации Пролетарских Писателей — коммуниста Сакена Сейфуллина, за которым он не признал никакого права называться пролетарским писателем, ибо «у него не только нет ничего пролетарского, но зачастую не хватает и советского».

Показателен способ обвинения (точно такой же впоследствии использовал Голощекин): критик громил С. Сейфуллина за старые стихи, которые сам поэт публично признал ошибочными.

Особенно досталось за «пропаганду националистической идеологии стихотворению «Азия». В нем «Азия» говорит «Европе»:

Коварная Европа — страна насилия, эксплуатации и жестокостей,
Много раз я направляла тебя на путь правды,
Много умных голов посыпала тебе...
Я посыпала моих гуннов, мадьяр, болгар, мавров и арабов,
Ты видела моих татар, турок и монголов,—
Прошли дни, годы; ты не отрешилась от зла.
Я посыпала от семитов Моисея, Израила, Давыда и Исаю,
Я посыпала тебе пророков
И наконец послала Магомета.
Чтобы очистить мир от грязи,

Чтобы смягчить его бездушно-каменное сердце,
Еще много потомков семитов
Посылала с Карлом Марксом во главе...
Если не будешь слушать этих умоляющих слов,
Гордясь, не считая меня равной тебе,
Словами «учи ее силою»
Пошлю монгола своего с раскосыми глазами.
Монгол... многих неукротимых усмирил,
Многим гордым позвоночник своротил,
Накинул многим на шею аркан,
Верхом по оврагам и равнинам волочил,
Много городов стер с лица земли,
Много степей опустошил,
Как будто по ним прошел пожар.
Ел сырое мясо, пригоршнями пил кровь,
Много младенцев воздевал на острие копья.
У монгола есть дела, устрашающие людей,
Сила, потрясающая небо и землю...
Горе, горе Европе, если она не послушается
Голоса справедливости, голоса Азии.

За это любопытное стихотворение Сейфуллина обвиняли и впоследствии, когда по известному образцу, партийные критики испекли новую «правую националистическую группировку» под названием «сейфуллинщина», а самого поэта подвели под арест и расстреляли — в конце тридцатых годов. В 1928 году с Сакеном Сейфуллиным им справиться не удалось — не сумели, как говорится в среде специалистов, оформить.

Тогжанов критиковал Сейфуллина и за то, что в 1924 году он посвятил книгу «Домбра» Троцкому (надо сказать, что критик «вовремя» напомнил об этом случае четырехлетней давности, так как Троцкий, исключенный из партии, как раз в это время отбывал ссылку в Алма-Ате).

Через два месяца, 6 июня 1928 года, С. Сейфуллин ответил на статью Габбаса Тогжанова в той же «Советской степи». Его ответ назывался «Неонационализм и его наступление на идеологическом фронте»:

«21 февраля 1922 года в своей «боевой» статье в «Энбекши-казах» Г. Тогжанов писал:

«Раньше в белых роскошных юртах, полные счастья, распивающие ароматный свой кумыс, едящие жирные и вкусные конские мяса, казы-карата, имеющие большие табуны лошадей, верблюдов, коров и баранов, ...казахи питаются теперь всякой травой, вонючими мурывями, собачьим мясом, мышами...

...Хотя о голоде казахского населения в русских газетах не пишут, но в казахских газетах пишут...»

Уличив таким образом своего критика в «грехе» такой же шестилетней давности и припомнив ему, что когда-то Тогжанов вместе с Садвокасовым называл попутчиками «всех алаш-ординских писателей: и Жумабаева, и Ауэзова, и Аймаутова», С. Сейфуллин пришел к выводу, что «пока существует казахский байский класс — национализм (Алаш-Орда) будет жить».

Затем поэт дал подробные разъяснения по тем произведениям, которые Тогжанов обвинил в пропаганде национализма. Оказалось, что стихотворение «Айт» о мусульманском празднике он сочинил еще мальчиком, в акмолинском приходском училище, когда «мы о марксизме даже и не могли слыхать». По поводу стихотворения «Письмо к матери», обруганного Тогжановым, Сейфуллин писал:

«...Во-первых, это ложь, что я материнскую любовь считаю выше всего... Из этого стихотворения, что, не видно? — мать я ставлю выше или революцию?..»

Подробнее всего он говорил о стихотворении «Азия». Оно было написано в 1922 году во время Генуэзской конференции, когда «азиатское освободительное движение» аплодировало т. Чичерину... В «Азии» еще был другой мотив... о семитах. Контрреволюционные элементы (национализм, шовинизм, мещанство) тогда усиленно поговаривали насчет «жидов». Я хотел и этому отвратительному натравливанию реакции, т. е. антисемитизму, дать пощечину. Конечно, угрожать империалистической Европе народами Азии не по-марксистски. И, конечно, восхвалять семитов, что они поведут человечество к братству,— тоже не по-марксистски... Об этой ошибке я в мае 1923 года в журнале Казкрайкома ВКП(б) «Кыл-Казахстан» дал полное разъяснение, где неправильность положений признал».

Разъяснения и покаяния, как оказалось потом, ровным счетом ничего не значили.

На обвинения в комчванстве С. Сейфуллин ответил следующим образом:

«В Москве 30 января 1928 года в Комакадемии состоялся доклад Громова об эмигрантской литературе. Громов восхвалял Бунина, рекомендовал нашим писателям учиться у него. В прениях выступил тов. Фриче и сказал: «...Наша лирика стоит выше эмигрантской. Мы

не можем учиться у Бунина, потому что он мистик. Эмигрантские писатели обречены и раздавлены вместе со своим классом и должны сойти на нет. У этих писателей все больше и больше умирает их формальное мастерство. Нашим писателям взять от них нечего» («На литературном посту», 1928, № 4). Вот слова авторитетнейшего марксистского критика т. Фриче. Пускай плачут, что мы не хотим учиться у алаш-ординского мистика Жумабаева, ученика Мережковского и Бальмонта...»

Таков был уровень тогдашней литературной полемики. В принципе она ничем не отличается от нынешних схваток...

Самое удивительное в том времени, пожалуй, полное пренебрежение к таланту. Отнюдь не понимали его как народное достояние, отнюдь не признавали в нем искры Божьей. Дарование даже и не уважали. Мерилом литературного труда сделалась идеология — в грубом и примитивном ее толковании, на уровне доноса. Умствующие начетчики типа «т. Фриче» дреcсировали новых писателей «классовыми» хлыстами. Шаг в сторону, как при конвоировании, воспринимался как побег — и тут же открывали огонь... Ни Тогжанов, ни Сейфуллин даже не замечали, как в полемике (больше похожей на взаимные политические обвинения) они дружно затаптывают талантливого литературного собрата — Магжана Жумабаева и других даровитых писателей. Вряд ли они не догадывались, что вслед за публичными обвинениями придет час оргвыводов. Конечно, каковы они будут, никто не мог предвидеть в точности. Это знал только режиссер-постановщик газетной травли, восседающий в крайкоме. Он-то знал...

Самое человеческое, что ли, в статье Сейфуллина — ее окончание, что он косвенно жалуется на тесноту рамок, в которые уложена художественная литература, и как бы робко оправдывается в своем праве писать на разные темы, в том числе и печальные.

«...При виде хорошо организованной бедняцкой сельскохозяйственной артели, где сепаратор плавно поет радостную песню коллективного труда и культуры, хочется подпевать этой прекрасной музыке культуры и любоваться работой этого коллектива... Но когда увидишь казашку, одетую в грязные лохмотья, долгим тяжелым трудом придавленную, согнутую, сморщенную, тихо идущую за тощим шатающимся ишаком... — тогда

душевые переживания невольно настраиваются на печальный, мрачный камертон. Мало ли других видов нашей жизни? Все эти виды... невольно могут отражаться в нашей художественной литературе».

Невольно... Почему же не наоборот — вольно?..

Руководимые разномастными «т. Фриче», сами того не подозревая, казахские «пролетарские писатели» подрывали национальную культуру, поскольку «т. Фриче» выкрикивали на каждом углу свои приказы, приравнивающие все национальное к националистическому. «...Нашей молодой казахской общественности следует учиться не у Абая, а у Маркса, Плеханова, Ленина и других классиков марксизма... Мы считаем, что одна из первоочередных задач партийной организации Казахстана на идеологическом фронте состоит в том, чтобы покончить с абаизмом как с обычным буржуазным хламом. Потому в кратчайший срок необходимо мобилизовать все культурные силы партийно-советской общественности Казахстана против учения Абая и его современных единомышленников», — писал Ильяс Кабулов 2 августа 1928 года в «Советской степи».

Филипп Исаевич Голощекин с присущей ему настойчивостью в преследовании врага продолжал кампанию травли Магжана Жумабаева и других «старых» казахских писателей. 23 мая 1928 года, выступая с докладом на собрании кзыл-ординского партактива, он говорил:

«Тов. Бухарин в своем докладе на съезде ВЛКСМ приводит выдержку из стихотворения Джумабаева, который рассматривает проведение железной дороги в Казахстане (того, что действительно поднимает культуру, создает развитие производительных сил) как лишение всего старого. Когда мне до сих пор говорили, что есть течение у некоторых казахов против Туркестано-Сибирской желдороги, я не верил. Я этого и не мог представить себе. Но вот теперь, когда прочел это, я подумал, что да, есть, и я считаю, что их путь приведет... к лозунгу самоопределения буржуазного и с неизбежной зависимостью от буржуазии».

Ох, уж этот «любимец партии» и покровитель искусств! И когда только успевал оглядывать литературные дали — от Москвы до самых до окраин! Еще за год до того, как под его всевидящее око попалось стихотворение Магжана Жумабаева, Бухарин разразился в газе-

те «Правда» (12 января 1927 года) «Злыми заметками», в которых фактически дал команду открыть кампанию, направленную против русских крестьянских поэтов. Под предлогом борьбы с «есенинщиной» — поэзию С. Есенина он определил как «причудливую смесь из «кобелей», «икон», «сисястых баб», «жарких свечей», березок, луны, сук, господа бога, некрофилии... и т. д., все это под колпаком юродствующего квазинародного национализма» — развернулась травля русской национальной литературы. (Понятен выстроенный Бухариным ряд образов, где смешаны Господь Бог и иконы с кобелями и суками — ведь в отрочестве Николай Иванович хотел стать не кем-нибудь, а самим антихристом!) Еще раньше, в марте 1926 года — задолго до сталинских репрессий — был расстрелян один из друзей Есенина поэт Алексей Ганин, написавший поэму против Троцкого (заметим, что «всевластный» Сталин в 1934 году лишь сослал Осипа Мандельштама, который написал стихи, направленные против него, и только спустя три года смог упечь поэта в лагерь, а уж кто-то, но Коба славился мстительностью и вряд ли хоть слово забыл Мандельштаму).

Нет такого термина — бухаринские репрессии, но, кто знает, быть может, именно этому могущественному в те времена политику и одновременно одному из влиятельнейших членов коллегии ОГПУ обязана не только русская словесность уничтожением целой своей линии — крестьянской литературы, но и казахская литература — уничтожением лучших своих писателей, объявленных сначала «националистами», а потом «контрреволюционерами» и незаконно осужденными еще в 1929 году.

Схема представляется простой: Голощекин, который в своих целях уже «использовал» национальную интеллигенцию и теперь задумал ликвидировать ее (вспомним его многозначительные слова: «Мы можем отбросить этих временных союзников» — совершенно очевидно, что значит отбросить в словаре палача), подсунул Бухарину цитату из стихотворения М. Жумабаева, чтобы на всю страну ославить своих «националистов», то есть подвести базу под их арест и заодно заручиться поддержкой в Москве, в Политбюро. Не мог же Бухарин, который по-казахски не разумел, сам усмотреть политическую «блошку» в произведении казахского поэта! У политиков случайностей не бывает. Разуме-

ется, это вовсе не исключает того, что Филипп Исаевич получил разрешение на арест большой группы виднейших интеллигентов Казахстана от человеколюбивого Кобы, но то, что расправа произошла — как теперь выражаются — с подачи Голощекина, не вызывает сомнений... Судя по всему, это была артподготовка перед коллективизацией: перед тем как ломать народную хребтину — крестьянство, надо было избавиться раз и навсегда от тех его духовных вождей, кто никогда и ни при каких условиях не пошел бы на соглашательство с властями...

19 апреля 1929 года «Советская степь» напечатала письмо «О творчестве писателей-казахов». Оно сопровождалось небольшим редакционным предисловием:

«В редакцию газеты «Правда» и в редакционную коллегию «Литературной энциклопедии» группой товарищей послано письмо-протест по поводу ошибок, допущенных «Энциклопедией» в отношении оценки творчества отдельных писателей-казахов. Ввиду большого общественного интереса этого письма приводим его полностью».

Что ж, и сегодня не меньший интерес вызывает судьба писателей, о которых шла речь в этом письме, поэтому приведем его в основных подробностях:

«Уважаемые товарищи!

...По нашему мнению, совершенно не по-марксистски дана оценка произведениям Ауэзова и Байтурсынова.

Прежде всего об Ауэзове. В «Литературной энциклопедии» пишется, что он «современный выдающийся писатель, в художественных произведениях отличается изумительной чуткостью и исторической правдивостью...» Мы считаем, что это все по меньшей мере незнание, непонимание и самого Ауэзова, и его творчества.

Во-первых, Ауэзов при Колчаке, будучи одним из активных деятелей восточной Алаш-Орды, не мог и не боролся с Колчаком, а наоборот, как известно, вся тогдашняя Алаш-Орда, в том числе и Ауэзов, боролись в союзе с Колчаком против большевиков, против советской власти...

Правда, после прихода советской власти Ауэзов переходит на сторону последней, вступает в партию и одно время занимает должность секретаря КирЦИКа, но тем не менее и в политике, и в литературе Ауэзов

остается буржуазным националистом — идеологом казахского байства. В 1922 году Ауэзов за антипартийную алаш-ординскую идеологию исключается из партии... уходит на литературную и педагогическую работу. Продолжает он эту работу и по настоящее время...

Во всех своих произведениях он видит казахский быт глазами казахского бая, тоскующего о прошлом, воспевает казахскую старину-азиатщину, восхваляет казахских ханов, легендарных богатырей, «мудрых» биев, почетных аксакалов и феодальных рыцарей, и причем всегда их выставляет положительными типами, достойными уважения, подражания и сегодня (см. «Каракоз», «Энлик-Кебек»...). Мало этого. Писатель Ауэзов эту явно реакционную идеологию проповедовал и в своей «критике»...

Не совсем верна оценка... и о Байтурсынове. Правда, Байтурсынов до революции был одним из руководителей казахской национальной интеллигенции, вел борьбу против царской политики, и тогда он объективно являлся прогрессивным буржуазным революционером в казахской действительности.

Однако все это еще никому не дает права говорить, что «Байтурсынов — выдающийся казахский поэт»... Им он не был. Он был и остается публицистом.

Байтурсынов... остается буржуазным националистом — идеологом казахского байства. ...Он проповедовал контрреволюционную идеологию... Современная казахская общественность считает Байтурсынова одним из вождей той реакционной алаш-ординской интеллигенции, которая вела и ведет борьбу против нашей партии и открыто защищает казахское байство.

В интересах исправления ошибки, допущенной редакционной коллегией «Литературной энциклопедии», просим поместить это наше мнение на страницах «Правды».

С коммунистическим приветом У. Исаев, И. Курымсов, Г. Тогжанов, С. Сафарбеков, У. Джандосов, Х. Юсупбеков, А. Байдильдин».

Кампания травли подходила к концу. Об остальном — аресте, следствии и приговоре 14 казахским писателям и представителям культуры — тогда ни слова не сообщили, несмотря на то, что другие сфабрикованные процессы (Шахтинское дело, дело Промпартии) в подробностях освещались в печати. До сих пор об этом

сообщают не более чем в общих словах. Вот выдержки из «Заключения комиссии ЦК Компартии Казахстана по изучению творческого наследия Маждана Жумабаева, Ахмета Байтурсынова и Жусупбека Аймаутова».

О Маждане Жумабаеве:

«...в 1929 году его необоснованно осуждают на 10 лет тюремного заключения, огульно обвинив в создании в 1921 году коллегии, именуемой «Алка» («Круг»), якобы для подпольной деятельности, хотя она была организована представительством Казахской АССР при Сибревкоме для широкого осведомления населения Сибири о Казахской республике. Эта просветительская коллегия позднее, в период сталинских репрессий, была квалифицирована как тайная контрреволюционная организация казахских националистов».

Об Ахмете Байтурсынове:

«В конце 20-х — начале 30-х годов, когда несправедливым гонениям и репрессиям в стране стали подвергаться многие видные деятели дореволюционной интеллигенции, посыпались доносы и на А. Байтурсынова о якобы новых фактах контрреволюционной деятельности бывших лидеров Алаш-Орды. Он становился объектом многократных нападок печати и в июне 1929 года был арестован, осужден коллегией ОГПУ и выслан в Архангельскую область. А его жена и дочь были сосланы в Томск».

О Жусупбеке Аймаутове:

«...в 1929 году был вновь арестован якобы за участие в подпольной националистической организации и в 1931 году расстрелян...

Причиной трагической гибели Ж. Аймаутова, как и М. Жумабаева, стало участие в вышеупомянутой просветительской коллегии «Алка»... К этому присовокупили и ранее членство в партии «Алаш», начисто отбросив искреннее осознание Ж. Аймаутовым исторической роли РКП(б) и практическое участие в социалистическом строительстве.

По протесту прокурора республики Верховным судом Казахской ССР М. Жумабаев, А. Байтурсынов и Ж. Аймаутов полностью реабилитированы посмертно ввиду отсутствия в их действиях состава преступления»¹⁵.

Вот и все. Из этих кратких сведений очевидно лишь то, что Жумабаев и Аймаутов проходили по одному де-

лу. А как же Байтурсынов? Арестованы-то все в одном, 1929, году...

1 октября 1930 года Голощекин выступил с докладом «10 лет партийного строительства» на собрании горпартаактива Алма-Атинской организации. Он говорил:

«Товарищи, прошу заметить, мой доклад не является историей партийной организации. Я не обладаю достаточно исчерпывающим материалом, но если бы и обладал, то не занимался бы сейчас писанием истории. Сейчас историю делают...»

В этом докладе первый секретарь крайкома подробнейшим образом остановился на этапном своем деянии — разгроме казахских «националистов».

После небольшого вступления о подпольной деятельности Алаш-Орды, в начале 20-х годов якобы поставившей себе задачу коллективного вступления в партию — чтобы, прикрываясь партбилетом, отстоять свое алашординское дело и свергнуть Советы, Голощекин заявил:

«Товарищи, все документы, которые я оглашу, это... показания националистов ликвидированной контрреволюционной организации, так называемой Байтурсунова. (В данный момент ликвидируется еще одна контрреволюционная националистическая организация Тынышбабеева, Ермекова и Досмухамедова)».

Судя по тому, что Голощекин не раз приводит, среди других, показания Аймаутова, становится понятным, что все они — Жумабаев, Байтурсынов и Аймаутов — обвинялись в одном и том же и были арестованы по одному и тому же делу.

Судили их за «грехи» почти десятилетней давности, нисколько не смущаясь тем, что ни одного (!) свежего факта «контрреволюционной деятельности» в деле нет. И Филипп Исаевич, зачитывающий показания, был вполне уверен, что разговоры, имевшие место десять лет назад, — Это весомое доказательство вины, за которую «националистов» необходимо ликвидировать (по всей видимости, сначала их всех собирались расстрелять — недаром, например, Миржакуп Дулатов просидел девять месяцев в камере смертников Бутырской тюрьмы, но потом заменили высшую меру социальной защиты, как именовался расстрел, десятью годами концлагерей).

Сначала Голощекин «разоблачил намерения контрреволюционеров»:

«Габбасов пишет: «Весной 1920 или 1921 года в Семипалатинске было совещание, на котором встал вопрос о коллективном вступлении в партию...»

Националист Омаров говорит: «Байтурсынов... вел агитацию среди беспартийных рабочих за вступление в партию... Ермеков поддержал Байтурсынова и Букейханова Алихана и стоял на той же точке зрения... Я понимал так, что мы, националисты, будучи коммунистами, могли бы использовать легальные возможности в интересах казахского народа».

Аймаутов: «Зимой 1921 года на квартире такого-то собирались казахские работники г. Семипалатинска и деятели Алаш-Орды. Обсуждался вопрос о вступлении в партию казахских работников. Алашординцы, в частности Дулатов, высказывались за то, что, мол, чтобы обеспечить возможность работать на ответственных должностях, необходимо вступить в партию».

— А вот их деятельность,— говорил Голощекин, не желая замечать, что вся деятельность опять-таки заключается в разговорах десятилетней давности.

«Габбасов показывает: «...Объявление войны большевикам при отсутствии массы, реальных сил, при интенсивном развитии наступательно-разрушительных сил большевизма, при том преступно пассивном отношении русского общества и даже интеллигенции вовлекло бы киргизское население в кровавую бойню, подорвало бы хозяйство... и дало бы возможность подонкам киргизского общества вторгнуть идею большевизма в степь, вызвать дифференциацию в обществе и, таким образом, разрушить основы и традиции веками сложившегося нашего национального быта. Этим объясняется временное вхождение в областной совет представителей комитета. ...Мы полагали, что тактикой сможем организовать реальную силу и подготовить антисоветское восстание в степи...»

Балгамбаев: «В Ташкенте виделся... с Дулатовым и Досмухamedовым... Беремжанов говорил о необходимости помочь басмачеству».

Байдильдин: «В это время Смагулом Садвокасовым распространялись слухи о том, что положение советской власти никудышное, что в Туркестане поднимается басмачество и что нужно быть готовым ко всяkim изменениям... На петропавловском совещании было решено

продолжать работу и организоваться вместе для борьбы с колонизаторством».

Адилев: «Помню, одно заседание состоялось у председателя БухЧК — члена этой организации... Они ввели меня в особую комнату, держали в руках коран и стали говорить мне фразы, которые я должен был повторять за ними... Это была клятва, что я никогда не разглашу тайны, останусь верным организации. Валидов говорил, что здесь все видные ответственные работники Бухарской республики...»

Испулов: «Валидов писал Байтурсынову, что за ним большая сила...»

Адилев: «Казахские националисты ждали, что с Востока придет освобождение...»

Аймаутов: «Во время Второго съезда Советов было созвано совещание исключительно казахских делегатов, на котором председательствовал Ауэзов... Обсуждался вопрос о борьбе с колонизаторством, и была вынесена резолюция явно националистического характера...».

Байдильдин: «В 1921 году в «Энбекши-казах» написал статью к 4-летию Октябрьской революции. Главным редактором был Ауэзов. Вызвал меня к себе и поругал. Кончалась статья словами: «Да здравствует советская власть, да здравствует советская республика Казахстан»... Ауэзов мне заявил, что если в дальнейшем буду ругать Алаш-Орду, то он уйдет из редакции. После своей статьи и получил ругательное письмо и от Садвокасова из Москвы».

Далее Голощекин говорил о втором пятилетии Казахстана, которое прошло под его руководством, о большевизации республики. Он сказал, что среди казахских коммунистов имеется не один десяток подлинных большевиков во главе с такими товарищами, как Исаев, Курамысов, Юсупбеков и т. д. (Не прошло и трех лет, как при расставании с Казахстаном он сказал, что тут нет ни одного честного коммуниста.) Затем он приступил к завершению читки показаний:

«Обвиняемый Байдильдин: «Перед V конференцией, в 1925 году, Садвокасов говорил, что в земельном вопросе творятся безобразия, Ходжанов действительно боролся с колонизаторством, но метод был казахский, а тут нужен метод чингисханский. По-моему, в разработке тезисов V конференции активное участие принимали

алашординцы — Букейханов и проф. Швецов. Слыхал через одного студента, что в квартире Джолдыбаева происходило совещание алашординцев, где были: Байтурсынов, Дулатов, Ермеков, Кадырбаев. Там обсуждались вопросы политики».

— Есть еще довольно много показаний, но я думаю, что и этих достаточно... — заключил Голощекин. — К счастью, здоровое в партии ухватилось за большевистское оружие...¹⁶.

По этим показаниям (еще неизвестно, каким образом они добыты и насколько верны) нетрудно убедиться, что никакой контрреволюционной деятельности, по сути, и не было — вся вина «буржуазных националистов» заключалась в том, что они думали о судьбе своего народа и, естественно, думали отлично от Голощекина, который этого народа не знал, не понимал и не любил, предпочитая руководить из кабинета с помощью нескончаемых директив. Подлинная жизнь казахов была ему глубоко чужда. Ему надобно было лишь «овладеть аульной массой», для чего сначала «использовать» национальную интеллигенцию, а затем «отбросить этих временных союзников».

И отбрасили — на изгнание, на погибель.

А вместе с ними — отбрасили и национальную культуру...

XI

15 февраля 1928 года «Советская степь» напечатала «Деревенские заметки» некоего Томилова, который писал:

«Лозунг о колLECTивизации сельского хозяйства, брошенный XV съездом, находит горячий отклик в деревне, особенно среди бедноты...

Противники колLECTивизации пугают ее сторонников примерами развала различных колLECTивных хозяйств (коммун), возникавших в период военного коммунизма.

Нужно сознаться, что вопрос о колLECTивизации еще не имеет достаточного освещения в нашей печати, в нашей агитации и в нашей политпросветработе.

Благодаря этому пробелу кулачество имеет возможность толковать лозунг о колLECTивизации хозяйств вкрай и вкось, пугая середняка «коммунией»...

На одном из крестьянских собраний был вполне серьезно задан вопрос:

— Вот партийный съезд решил провести коллективизацию. А какой она будет — добровольная или по принуждению?»

Как видим, журналист наивно (или деланно) удивляется, находя вопрос как бы нелепым, и даже не считает нужным отвечать на него. Ему, привыкшему без раздумий и сомнений верить всему, что говорится с трибуны и пишется в газетах, невозможно понять, отчего взволнованы крестьяне.

На первый взгляд, никаких особых поводов волноваться вроде бы не было. В конце 1927 года на XV съезде партии Сталин говорил о постепенном переводе мелких крестьянских хозяйств на совместный труд. О темпах коллективизации он ничего определенного не сказал. Еще раньше, на октябрьском пленуме ЦК 1927 года, он вновь, как и на XIV съезде, осудил политику раскулачивания, политику восстановления комбедов, назвав ее «политикой восстановления гражданской войны в деревне». Накануне XV съезда, выступая на XVI Московской губернской партконференции, Сталин резко отвергает попытки оппозиции рассматривать крестьянство как «колонию» для промышленности, подлежащую всемерной эксплуатации, говорит о неразрывности «прочного союза» с середняком при опоре на бедноту...¹.

Однако далеко не все на селе верили этим заверениям, потому что уже достаточно хорошо знали большевиков. В жизни крестьяне постоянно сталкивались с грубым принуждением в той или иной форме. Уполномоченные не разводили церемоний: заставляли всех по-головно подписываться на заем, подчистую выгребали хлеб, кричали, клеймили, угрожали... Осенью 1927 года цены на зерно резко понизились: государство, вопреки обещаниям, начало беспардонно перекачивать деньги из сельского хозяйства в промышленность. Зимой по всей стране разразился хлебозаготовительный кризис.

Люди почувствовали перемену в политике. Вернувшись с XV съезда Голощекин велеречиво заговорил на собрании партактива в Кзыл-Орде о «новом перевале»:

«...Всю историю большевизма можно изобразить как переход от одной победы к другой, но одновременно это путь от одних трудностей к другим.

...Вся история большевиков — это история борьбы на два фронта. Мы должны победить двух врагов. Ос-

новной враг — капитализм. Другая враждебная сила — это буржуазное и мелкобуржуазное влияние на пролетариат».

Затем он высказался более определенно:

«Хозяйство кулака растет, как крупное, быстрее, чем растет хозяйство бедняка. Наступление на кулака — это прежде всего курс на крупное коллективное хозяйство, на коллективизацию бедняка и середняка».

Филипп Исаевич и раньше говорил, что «кулак растет», однако это было преувеличением — дабы лучше нацелить бедноту на классового врага; на самом же деле к 1928 году «кулацко-байская» прослойка уменьшилась в Казахстане с 6—8 процентов до 3—4 (по РСФСР — с 3,9 процента до 2,2).

Почему я беру «кулацко-байскую» прослойку в кавычки? Ну, о богачестве «конфискованных» баев мы уже могли судить: не в каждом хозяйстве было по сенокосилке и лобогрейке и не в каждой юрте по ковру. Что касается так называемых кулаков, в которые власть записала самых трудолюбивых и толковых крестьян (для того, чтобы их — ликвидировать), то они были тоже отнюдь не богачи. В первый период раскулачивания, как свидетельствуют относительно недавние объективные данные, то есть с начала 1930 года до лета, сумма конфискованного имущества у 320 тысяч кулацких хозяйств составила более 400 миллионов рублей (в это имущество входили дома, инвентарь, скот и т. д., вплоть до перин и подушек). Средняя стоимость имущества одной кулацкой семьи (а семьи ведь были большие, крестьянские, не как нынче в городе) равнялась 1250 рублям — то есть годовой заработок квалифицированного рабочего. Вот, оказывается, сколь много нажили за всю-то жизнь проклятые эксплуататоры деревенской бедноты, денно и нощно мечтающие подорвать диктатуру пролетариата.

Вскоре началась кампания по изыманию хлеба. 17 января 1928 года «Советская степь» вышла с передовой статьей — «Разбить спекулянта». «Кулаки и спекулянты — самые злейшие и самые опасные враги,— говорилось в ней.— В борьбе с ними не может быть никаких церемоний. Мы не можем сейчас допустить, чтобы кучка отъявленных врагов советской власти набивала себе карманы, играя на срыве хлебозаготовок».

Спекулянтами считались все, кто не сдавал хлеб.

А сдавать надо было за бесценок, до зернышка — иначе 107-я статья, карающая за спекуляцию, даже если обвиняемый и не скапал и не перепродаивал хлеба.

В конце апреля Голощекин докладывал на общегородском собрании коммунистов Кзыл-Орды:

«Мы дообложили кулака... Мы ударили по кулаку. Тяжесть самообложения легла на кулацкие хозяйства. Мы пощипали кулака 107-й статьей.

Применение экстраординарных мер, работа нашей партии на хлебозаготовках показали способность нашей партии к революционным действиям, к революционным маневрам»².

Революционные действия заключались в новом грабеже, в новых массовых беззакониях. Пример партийной работы показал Сталин, который три недели (с 15 января по 6 февраля) выколачивал хлеб из закромов сибирских середняков. «Поставить нашу промышленность в зависимость от кулацких капризов мы не можем,— говорил он в то время.— Потому нужно добиться того, чтобы в течение ближайших трех-четырех лет колхозы и совхозы, как сдатчики хлеба, могли дать государству хотя бы третью часть потребного хлеба. Это оттеснило бы кулаков на задний план и дало бы основу для более или менее правильного снабжения хлебом рабочих и Красной Армии. Но для того, чтобы добиться этого, нужно развернуть вовсю, не жалея сил и средств, строительство совхозов и колхозов. Это можно сделать, и мы это должны сделать».

Сталин настаивал на широком применении 107-й статьи прокурорскими и судебными властями. Вернувшись из Сибири, он подписал директиву «Ко всем организациям ВКП(б)», в которой говорилось о том, что «из конфискованных на основании закона у спекулянтов и спекулянтских элементов кулачества хлебных излишков 25 процентов передавать бедноте на условиях долгосрочного кредита на удовлетворение ею семенных и — в случае необходимости — потребительских нужд».

Село — то место, где все знают всё про всех. Как ни тай про черный день ямку с хлебом от бдительного «пролетарского» ока, обязательно, рано или поздно, смыщется завидущий глаз соседа, и тогда «сознательный» бедняк донесет на зажиточного середняка, что тот-де утаивает излишки,— и получит задарма, не пролив пота на пашне, четверть его запасов. Таким образом боль-

шевики еще раз поделили деревню на доносчиков и жертв, охотников до чужого добра и тех, кого они должны были разорить, спровадить в тюрьму, а семью пустить по миру.

В конце апреля, несмотря на различные «перегибы и извращения», которые, как обычно, Голощекин свалил на низовых работников, план по заготовке хлеба остался невыполненным. Коллективизация едва-едва зарождалась, а между тем первый секретарь крайкома поставил задачу создания крупных животноводческих и полеводческих совхозов. Ни много ни мало — сразу крупные совхозы подавай. Это при кочевом-то и полукочевом скотоводстве и множестве мелких земледельческих хозяйств!..

Об уровне, так сказать, колхозного сознания того времени говорит небольшая газетная зарисовка, напечатанная в «Советской степи» 14 мая 1928 года:

«ПРОПИЛИ КОЛХОЗНЫЕ ДЕНЕЖКИ

(с. Бурно-Октябрьское Сыр-Дарынской губернии).

Решила бурно-октябрьская беднота организовать сельскохозяйственную артель. Собрались в нее большие рвачи, а не сторонники коллективизации сельского хозяйства...

Получили трактор, семена и кредит.

Послали гр. Шигалева покупать лошадей, а он добрался до водки и пропустил все артельные денежки. Говорит, конечно, что у него украли.

Не лучше и с трактором.

Артельщики решили его испытать.

— Пашет?

— Пашет!

— А телегу возить может?

— Может!

Испытывали на всякие лады.

А потом кто-то додумался:

— По воде плавать не может.

— Кто? Ен? Трахтор? Да ён не то что по воде, по воздуху плавает, ежели к нему пузыри приделать.

Началось испытание. Загнали трактор в реку...

Трактор крепился долго, потом напоролся на камни, изувечился и отдал себя во власть дюжины добротных волов, выволакивающих его на берег.

Теперь трактор безнадежно ждет ремонта, а поля

артели так же безнадежно ждут пахарей: лошадей пропили, трактор загнали в гроб.

Вот урок нашим партийным и советским органам того, как осторожно надо подходить к формированию артелей.

Сляпанная наспех артель может принести только вред: ухлопать денежки и подорвать самую идею колхозного движения».

Тем временем активисты обследовали хлебные сусеки и с возмущением заявляли, что запасы зерна имеются не только у кулаков, но и у середняков и бедняков. Разоблачали «кулацкие» слухи о войне и отмене нэпа. Ну, опасностью войны как раз пугал не кулак, а власть; нэп же свернули, это было ясно всем здравомыслящим: на селе уже вовсю свирепствовала продразверстка. Удивительно ли, что людей охватила сильная тревога и они запасались хлебом впрок, опасаясь голода,— ведь с голодных лет военного коммунизма прошло совсем немногого времени. Однако сытые и обеспеченные власти негодовали на крестьян, посмевших утаить от продажи по дешевке хлебные «излишки». «Сейчас вся работа по хлебозаготовкам сводится, чтобы развернуть свою агитацию за немедленную продажу государству всех излишков хлеба. Если только каждый середняк продаст по 15—20 пудов, мы выполним в срок план хлебозаготовок. Сейчас пока перелома еще нет...»— писала газета³.

В «Советской степи» появилась постоянная рубрика «Удары по вредителям заготовок».

«Кто вопит о голоде?»— вопрошал заголовок в номере от 12 июня. Оказывается, у четырех обычных граждан, «изъятых» из очереди, при проверке обнаружились «большие запасы хлеба». Эти-то «спекулянты» (человек, стоящий в очереди, ни за что ни про что задерживается, у него производят обыск и при этом еще называют «спекулянтом») и «создавали панику»: дескать, хлеба нет! идет голод! спасайся и запасайся!..

В скором будущем выяснилось, что люди правильно поняли, к чему ведут народ революционные маневры. Но тех, кто раньше других догадался об этом, травили и засуживали в первую очередь.

Полистаем «Советскую степь».

18 июня 1928 года. «Еще о пугающих голодом. (От нашего акмолинского корреспондента.)

Ст. Вознесенская Ворошиловской волости... На собрании бедноты сорганизованное кулачество сделало напористое выступление против заготовок, нагнав всякие страхи о голоде. В результате кулацкого давления собрание вынесло такую резолюцию:

«Ввиду того, что мы голодные и советская власть обрекает нас на голодную смерть, хлеб не сдавать, а уже заготовленный хлеб оставить за собой...»

Каково? Вот и выпирают кулацкие рожки...

Проверка выявила, что в станице имеется более 20000 пудов необмолоченного хлеба...

Противодействие это должно, наконец, быть сломлено».

22 июня. «Семь кулаков арестованы

Семипалатинск. (Наш корр.) Группа кулаков с. Александровки Поздняковской волости Бухтарминского уезда организовала покушение на председателя Совета — демобилизованного красноармейца, активно работающего по хлебозаготовкам... 7 кулаков арестованы и преданы суду».

25 июня. «Дюжина битых тузов

Петропавловск. В Интернациональной волости преданы суду за укрывательство хлебных излишков 12 кулаков».

«Кулацко-поповский блок

Семипалатинск. В Краснооктябрьской волости в селе Секисовка большие запасы хлеба обнаружены у попа... Осужден к 1 году лишения свободы. Излишки хлеба конфискованы».

7 августа. «Делают ли казахи запасы хлеба? (От нашего сыр-дарынского корреспондента.)

Не может быть, чтобы казах, какое бы хозяйство он ни вел, не делал бы запасов хлеба для пропитания своей семьи...»

Газета, озабоченная тем, чтобы у степняков не завелся лишний хлеб, словно бы и забыла, что двумя неделами раньше напечатала постановление Совнаркома СССР, запретившее применение чрезвычайных мер, как-то: «обход дворов и обыски с целью изъятия хлебных излишков, внесудебные аресты и другие взыскания, а также присуждение к судебной ответственности крестьян за задержку выпуска хлеба на рынок...»

Однако своя логика в этой подозрительности была: Голощекин еще раньше нацелил активистов, где и у ко-

го следует искать припрятанный хлеб. 29 апреля 1928 года он писал в «Советской степи»:

«Нельзя обойти вопрос о взаимоотношениях между аулом и деревней... Они смыкались по линии бая и кулака. Кулак прятал хлеб у бая, бай составлял единый фронт с кулаком...»

Давление на крестьянство увеличивалось, с полеводов и животноводов стали драть по три шкуры. Этого власть и не скрывала. В июле 1928 года на пленуме ЦК ВКП(б) Сталин говорил:

«С крестьянством у нас обстоит дело в данном случае таким образом: оно платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности — это во-первых, и более или менее недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты — это во-вторых.

Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе крестьянство. Это есть нечто вроде «дани», сверхналога...

Дело это, что и говорить, неприятное. Но мы не были бы большевиками, если бы замазывали этот факт и закрывали глаза на то, что без этого добавочного налога на крестьянство, к сожалению, наша промышленность и наша страна пока что обойтись не могут».

Несмотря на «большевистскую прямоту», откровенный Коба не сказал, что дань выплачивают порабощенные люди, и не определил сроки этого «пока что»... Мало того, что крестьяне выплачивали дань, их еще считали при этом злейшими врагами власти.

Людское взаимоожесточение, сродни тому, что было в гражданскую войну, росло подобно раковой опухоли и изо дня в день раздувалось пропагандой.

Газетные заголовки кричали:

- Усилим наступление на кулака и бая!
- В руках кулацкой шайки;
- В объятиях бая и аксакала;
- Выгнать баев и преступников!
- Крепче ударим по кулаку и баю!
- В атаку на кулака и бая!

Небольшая заметка «Муж-зверь» об убийстве жены за то, что сняла чадру, быть может, лучше всего свидетельствует об этом накапливающемся ожесточении.

«Узбека Алмышбаева» требовали расстрелять женщины, организации и — школы, то есть дети⁴.

Войне, развязываемой партийной верхушкой, нужны были враги — и потому их становилось все больше и больше. Горячие струйки невинно пролитой крови (уже были расстреляны пятеро шахтинских «вредителей») только помогали этому. Главного врага усердно лепили из «кулака» или «бая», сваливая на них все просчеты в экономике.

В этом смысле показательна статья «Вопросы колхозного строительства в Казахстане», напечатанная в «Советской степи» 3—4 июля 1928 года. Автор узрел в колхозном движении большие недочеты. Так, в Джаныбекском районе Сыр-Дарьинской губернии из 28 колхозов распалось 16. Причем распались они как раз к осени и потому хлеба не сдали никаких. В Петропавловском райсоюзе больше половины колхозов оказались «нежизненными» и в результате перерегистрации тоже «отсеялись», то есть развалились.

Прием, с помощью которого автор вскрывает суть краха коллективных хозяйств, очень прост и с успехом проверен еще во времена военного коммунизма:

«Если посмотреть детально состав существующих колхозов, то нередко мы находим в них довольно значительный процент кулацко-байских элементов, прикрывающихся званием (?) «середняка» или «бедняка». Не редкость встретить вместо колхозов «кулхозы»...»

Для чего же кулаки пролезли в колхозы? Оказывается, для наживы. Наживаются себе и попутно разваливают хозяйства. Как это у них получается, автор не говорит. Вроде бы для того, чтобы нажиться, сначала крестьянину надо пролить семь потов, а вот в разрухе добра не прибудет,— но у журналиста своя логика. Впрочем, он видит и другие причины развала хозяйств — в отсутствии плановости, неземлеустроенности, чрезвычайно слабом агрономическом обслуживании, безобразно слабом руководстве колхозным строительством, но, как видно, и это все относит на счет злых козней кулаков и баев. Иначе бы не пришел к следующему выводу:

«Что же делать? Конечно, одно — сосредоточить огонь по кулацко-байским элементам, находящимся в колхозах и пытающимся проникнуть в колхоз.

...Лозунгом этой работы должно быть: «Ни одного кулака-бая в колхозах!»

* * *

Набирал силу метод, казавшийся тогда всемогущим, универсальным,— чистка (впрочем, в разных видах он применялся начиная с первых дней советской власти, и недаром в свое время был воспет Маяковским — довольно забавными строками: «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше...»).

Чистили партию — от уклонистов и националистов; колхозы — от кулаков и баев; заводы и фабрики — от социально чуждых кадров; села и кишлаки — от церквей и мечетей; вузы — от классовых чужаков, школы — от детей кулаков... и, быть может, где-нибудь чистили детские сады и ясли... Периодическая система социально чуждых элементов, открытая Лениным и Сталиным, была куда как обширней и сложней простенькой таблицы Менделеева.

Все отработано, проверено, испытано: сначала чистка, потом борьба с перегибами чистки, потом следующая чистка...

Вот газета «Советская степь» за 24 января 1929 года опубликовала две заметки: «Лишенец меняет кожу» и «Уроки перегибов». В первом сообщении из Павлодара говорится о том, что в избирательных комиссиях скопилось множество заявлений с просьбой восстановить в избирательных правах. Конечно же, автор возмущается уловками классовых врагов, посмевших заняться о своем гражданском достоинстве, и записывает их всех поголовно в «бай», «муллы» и «кулаки». А рядом известие из Кустаная: в Затобольском районе проверили, кого лишали избирательных прав, — и список из 1222 человек сократили на две трети, поскольку оказалось, что в разряд «лишенцев» попали даже «середняки». Небось, и кустанайцы, как и павлодарцы, были озабочены лишь одним — перевыполнить план по чистке.

Народу вновь напоминали, что он поделен на чистых и нечистых, и критерий чистоты заключается в социальном происхождении.

22 февраля 1929 года «Советская степь» писала в статье «Экзамен для пролетарского студенчества»: «Последнее решение Казкрайкома ВКП(б) о чистке

учебных заведений от социально чуждых элементов — факт колossalного значения; это — продолжение и укрепление взятого, последовательно и настойчиво проводимого Казкрайкомом курса политики». Историческое решение, сработанное; впрочем, по шаблонной партийной директиве из центра, подписывал Голощекин, вышедший из рядов мелкой, но — буржуазии, однако отнюдь не считающий себя социально чуждым элементом.

Днем раньше газета поместила письмо из Ташкента о том, как с различных факультетов Среднеазиатского государственного университета выбрасывали (одновременно из комсомола) «примазавшихся» студентов, призанных социально и идеологически чуждыми.

«Кулацким сынкам не место в школах!» — воскликнул заголовок в номере от 10 марта.

Кто ищет, тот всегда найдет! — оптимистически уверял несколько позже, году в 37-м, В. Лебедев-Кумач. Вредителей находили повсюду, даже на эстраде. Приехали в Кзыл-Орду «эстрадники» Рязанский и Карельский, выступали в горкино. По лености, видно, еще не переменили свой нэпманский репертуар, а может, думали, что провинция все проглотит. Пели частушки перед сеансом в Международный женский день 8 Марта — праздник, как известно, большого политического значения:

Если дева выйдет замуж,
Будет дева дамою.
А не выйдет дева замуж —
Будет то же самое.

Далее Рязанский и Карельский перешли от женской тематики к другим вопросам:

Как обидно летом в поле
На кобыле работать —
Рот разинет, хвост поднимет
и т. д.

И еще спели:

Не пойму я коммунизма,
Может, ты его поймешь?
Это, брат, такая клизма —
Чемберлену невтерпеж.

«Культурные вредители,— возмущался журналист Н. Ал., — не могут сидеть в нашем аппарате, как и всякие другие вредители. Почему Рабис не выступает рез-

ко и настойчиво против наглецов, позорящих звание советского артиста?»

Кажется, эти пошловатые куплеты были последним живым, не убитым газетно-директивной мертвениной словом в республиканской четырехполоске. Наступали времена суровые, когда ничего не должно было оставаться, кроме беспощадной классовой — а если быть точным, внутриклассовой, внутрисловной — борьбы.

...Прошлый год в северных районах Казахстана выдался неурожайным. Между тем план по хлебозаготовкам не снижался и на треть превышал возможности сдатчиков.

«Классовая борьба обострилась,— докладывал Голощекин 9 марта 1929 года кзыл-ординскому партактиву.— Я объехал сейчас весь Казахстан, заготовлены до сих пор 50 миллионов пудов... На 75 миллионов рублей товаров забросили, купили же хлеба на 50 миллионов рублей».

Формы классовой борьбы, по мнению докладчика, значительно изменились. «До сих пор основными методами борьбы кулаков и баев были подкуп, группировки, родовые перегруппировки и т. д. В этом году после конфискации... пришел террор. Кулаки и бай не хотят уступить дороги бедняку и середняку, которые все больше становятся хозяевами положения»⁵.

Однако дело обстояло как раз наоборот. Уж на что печать раздувала всякую мало-мальскую «кулацко-байскую вылазку», но и газетам было почти нечем поживиться. Зато сообщения о государственном терроре переполняли страницы.

— Усилим репрессии против кулаков-утайщиков! — призывала «Советская степь» 8 апреля.

«Революционным законом, организацией бедноты в союзе с середняком — нажмем на кулака и бая, выполним план хлебозаготовок!» (26 апреля).

«По всему Казахстану... свыше десятка дел по политическим преступлениям, совершенным кулачьям и байством,— сообщала газета в тот же день.— Мы уверены, что советский суд суровыми приговорами сумеет отбить у враждебных рабочему классу элементов всякую охоту к террористическим выпадам».

Что-что, а это сумели: навык был.

Современные историки Б. Тулебаев и В. Осипов в статье «С позиций правды» пишут о том времени:

«В деревни и аулы были направлены 4812 уполномоченных из краевых и окружных органов с самыми суровыми инструкциями и огромными правами. Жестокость и неразборчивость в средствах стали основной линией их поведения. Основной удар должен был быть нанесен по кулачеству и байству. Но уполномоченные, слабо владевшие обстановкой, часто били по середняку, а то и бедняку.

Административные меры не дали экономического эффекта, у осужденных (34 121) «баев и кулаков» были изъяты 631 тысяча пудов хлеба и 53 400 голов скота, что составляло всего около одного процента плана хлебозаготовок и 3,5 процента мясозаготовок. Между тем Казкрайком ВКП(б) весной 1929 г. отрапортовал, что план хлебозаготовок удалось выполнить на 84,3 процента, а мясозаготовки увеличить по сравнению с предыдущим годом по крупному рогатому скоту в 1,5 раза, а по овцам в 3 раза.

Ясно, что основная тяжесть по хлебозаготовкам пала на середняка и бедняка. Причем хлеб у многих из них был вычищен подчистую, до последнего зернышка. Обязательным планом хлебопоставок облагались и казахские кочевые хозяйства, вообще не имевшие посевов. Они вынуждены были продавать свой скот и покупать зерно...»⁶.

Итак, на десяток с лишним «байско-кулацких преступлений» 34 121 человек осужденных... Впрочем, эта цифра нуждается в кое-каких комментариях, подробностях.

Авторы вышеупомянутой статьи сомневаются, сознательно или бессознательно «представители государственных органов провоцировали обострение борьбы в деревне»? Полагаю, что сомневаться не приходится: разжигание классовой, а вернее — внутриклассовой — войны было основой большевистской политики и проводилось с первых дней советской власти: в Казахстане оно же весьма оживилось с появлением Голощекина. Доказательств этому уже приведено много, а вот свидетельства, относящиеся к 1929 году.

Новый председатель Совнаркома Казахстана У. Исаков подписал 11 сентября указ, согласно которому каждое байское, кулацкое, зажиточное хозяйство должно было сдать все излишки хлеба не позднее 1 ноября 1929 года. Уклонившимся грозил штраф в пределах пя-

тикратного размера стоимости подлежащего сдаче хлеба или же уголовное наказание по статье 61.

Через две недели заготовителей напутствовал сам Филипп Исаевич:

«...А кулак нам не дает; а коммунист не умеет организовать бедноту против него. А мы ему говорим — умей, организуй и дуй этого кулака. (Аплодисменты.) Это ведь организация классовой борьбы; это — огромнейшая классовая задача. А организация красных обозов в тысячу подвод, которые идут в город, навстречу которым выходят из города рабочие и служащие и смыкаются с крестьянином, — разве это не классовая задача?»⁷.

Вдохновляющее зрелище красного обоза в тысячу подвод с отобранным у людей хлебом, и навстречу этому обозу,бросив свои станки и конторские столы, выходят радостные горожане — вот что занимает Голощекина, вот чем он хочет купить заготовителей-уполномоченных. И совсем не интересна ему судьба тысяч семей, у которых выграбят семенное зерно, обреченных еле-еле сводить концы с концами, если не голодать. Этакой-то апофеозной картиной вдохновляет он командированных — смычкой грабителей, погоняющих ограбленных, с теми, кто выходит радоваться награбленному.

Коллективный организатор и пропагандист, газета изо дня в день печатает короткие сообщения о заготовках хлеба, словно военные сводки с фронта.

27 сентября:

«Ни на минуту не ослаблять борьбы с кулаком и правоуклонистами

(Классовая борьба вокруг хлебозаготовок на местах усиливается. Кулак с каждым днем наглеет)

БОЙ НАЧАЛСЯ

Хлебозажимщики-кулаки зверски оскалились на хлебозаготовительную работу. Новое в кампании—доведение плана заготовок до отдельного двора кулака и зажиточного вызывает свирепое сопротивление антисоветской части деревни. Классовый бой в деревне вокруг нового хлеба разгорается...»

16 октября:

«НА ФРОНТЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Из Семипалатинска сообщают, что в селе Кабанове Шемонаихинского района кулаки занимались система-

тическими избиениями активистов и батраков. Для этого кулаки организовали особый хулиганский отряд... Выездная сессия окружного суда вынесла решение: кулаков Евдокима Синарова и Зотея Богатырева, главных руководителей избиения бедноты, расстрелять...»

5 декабря:

РАССТРЕЛ КУЛАКОВ-ТЕРРОРИСТОВ

Петропавловский окружной суд приговорил к высшей мере социальной защиты — к расстрелу — группу кулаков за избиение активных работников, членов Совета, уполномоченных по хлебозаготовкам.

Уральский окрсуд приговорил к расстрелу влиятельного бая Омралиева Рахмана... Он сделал покушение на убийство члена комиссии содействия хлебозаготовкам т. Ханхажина.

Кулак Ваганов Иван пытался утопить в речке батрака Саянина — активного общественника... Уральский окрсуд приговорил Ваганова к расстрелу.

Приговор в отношении всех приведен в исполнение».

...Даже не кровь за кровь проливала власть, а кровь за удар кулаком, за попытку пролить кровь (да и какой была эта попытка, если ни бай Омралиев, ни кулак Ваганов, судя по всему, не убили и не утопили активистов).

Сколько было таких «террористов», которых шле пнули только ради острастки, чтобы запугать «хлебозажимщиков»!..

* * *

Верные ленинцы во главе с «лучшим ленинцем т. Сталиным» похоронили нэп; Голощекин с новоизбранным вторым секретарем крайкома Измуханом Курамысовым (32 года, из семьи актюбинского земледельца, бывший батрак, рабочий на оренбургских бойнях, с 25 лет партийный работник) и новым председателем Совнаркома Уразом Исаевым (30 лет, из семьи уральского батрака, бывший милиционер, с 20 лет партийный работник) думали о том, как выбить недостающий до выполнения плана хлеб и загнать кочевников в колхозы, заставить жить оседло.

«Великий перелом» народной хребтины уже был намечен, и хлопот хватало.

По плану развития колхозного движения в Казахстане предлагалось довести за 1929 год число колхозов

с 2315 до 3215, вовлечь в совместное хозяйствование 18 668 семей с 34 000 едоками. К концу года в колхозах должно было быть 41 700 семейств с 194 490 едоками, или 3,1 процента всего населения края против 1,6 процента в 1928 году.

Сначала было намечено за пятилетку вдвое увеличить число колхозов, с тем чтобы к 1933 году объединить 4 процента крестьянских хозяйств. Однако наверху такие темпы посчитали отнюдь не большевистскими, и вскоре план был изменен — коллективизировать решили 16—18 процентов хозяйств, то есть в десятеро увеличить число колхозов. О добровольности и постепенности колхозного строительства речь уже не шла.

Темп коллективизации, намеченный для всей страны, особенно нереален был для Казахстана и подобных ему районов, где половина населения вела кочевой или полукочевой образ жизни. Но там, где имелась директива, законов и здравого человеческого смысла не существовало. Уже в 1929 году первоначальный пятилетний план перевыполнили почти вдвое: процент коллективизации сельского хозяйства стал 6,9.

«Советская степь» завела очередную боевую рубрику — «На фронте колхозного строительства».

11 сентября газета сообщала в заметке «Коллективизация бедноты»:

«В Саркандинском районе Алма-Атинского округа создан фонд коллективизации бедноты. Фонд составляется из 25 процентов конфискованного имущества на почве хлебозаготовок».

Довольно-таки туманное определение: что за имущество отбирали во время заготовок хлеба?

В тот же день:

«В ответ на захват КВЖД крестьяне многих селений, насчитывающих по тысяче и более дворов, организуют мощные колхозы».

14 октября передовая статья похожа на захлебывающийся от радости рапорт:

«ДЕНЬ УРОЖАЯ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Рост колхозов в Казахстане идет быстрым темпом, опережая отдельные районы Советского Союза. Если в 28 г. мы имели 2315, то в 29 г. уже 4348 колхозов...

В прошедшие годы день урожая праздновался в раз-

ное время по разным районам. Теперь же ежегодно тру-дящиеся массы будут праздновать в день 14 октября «день урожая и коллективизации».

На этой же странице газета писала:

«Рост колхозного движения сопровождается усиленным сопротивлением со стороны байства, кулачества и духовенства, выражющимся в насилиях, убийствах, поджогах и разложении колхозов изнутри...».

В ответ на это предлагалось еще более усилить темпы коллективизации и вовлечь не менее 80 тысяч новых хозяйств в колхозы, из них более половины «за счет казахского населения».

А уже через десять дней, 24 октября, газета под «шапкой» «Колхозы — оазисы социализма в ауле» поместила постановление бюро крайкома «Об итогах и очередных задачах колхозного строительства. Было решено, как и намечал Голощекин, строить крупные колхозы. В 1929—1930 годах наметили довести охват населения колхозами до 140 тысяч хозяйств (в конце 1929 года было около 80 тысяч), посевную площадь увеличить почти втрое.

Темпы взвинчивались, нарастили не по дням, а по часам.

Очередную, девятую годовщину социалистического Казахстана отмечали, как обычно, 4 октября. В красный день казахстанского календаря дежурный стихотворец, из скромности обозначивший свое имя буквами «П. З-й», сочинил оду «Степь-именинница»:

В ней слезы выбили следы
И ранил грудь позорным жалом
Зеленый шест Алаш-Орды —
Благословенье аксакалов.
Зубами лязгал дикий джут,
Узором льда раскинув косы.
Тогда не знали про кужу
И по зерну считали просо.
Стонал аул — кошемный брат,
К аулу жались буераки,
И тихо плакала домбра,
И тихо плакали джатаки...
Прошли года, и много лун
На звездном пологе блестели.
В степной глухи, где рос катун,
Сегодня рельсы загудели.
А по железному пути
К аулам войлочного стана
Октябрь блистающий летит
На именины Казахстана.

Между тем с директивных высот сгребмительно скатывался снежный ком, запущенный «кремлевским горцем» и его шайкой: на республику неслась лавина коллективизации. «Великий перелом» набирал свою неудержимую губительную инерцию...

XII

Вместе с остатками хлеба из закромов выбивали из людей и Господа Бога — в будущих колхозах ему не отводилось места, как, впрочем, и в городах. Главный безбожник Емельян Ярославский, он же Губельман и отнюдь не Емельян, заправлял из Москвы этой кампанией, а руководил ею Каганович. Свобода совести, в их понимании, заключалась в том, что надо если не уничтожить храм Божий, то хотя бы превратить его в торговую лавку или клуб. Конечно, для верных ленинцев главное заключалось в другом — в полном обезверивании русского народа, и прежде всего коренного его сословия — крестьянства, даже имя себе взявшего по христианской вере. Перед тем, как переломить крестьянству хребтину, ему решили сначала разбить голову. В начале 1929 года Каганович разослал по стране директиву, в которой религиозные организации объявлялись единственной легально существующей контрреволюционной силой. Одновременно Ярославский провозгласил пятилетку безбожия, с тем чтобы после страна сделалась полностью атеистической. Так началось тотальное закрытие и уничтожение церквей, часовен, икон... всего, что уцелело со времен военного коммунизма.

Подручные партии уже рвались с поводков... Михаил Кольцов (Фридлянд) выступил с инициативой взорвать Симонов монастырь в Москве — памятник национальной и мировой культуры, простоявший шесть с лишним веков. Он же поднял в газетах пропагандистский шум, после чего Главнаука сняла с учета, то есть приговорила к уничтожению, шесть тысяч памятников русского зодчества (из восьми тысяч). Смысл погрома русской национальной культуры и православия ясно проглядывается в репортаже М. Кольцова о разрушении Симонова монастыря:

«...Закладывают пироксилиновые шашки... А потом грохот... менее сильный, чем ожидалось.. Еще один удар...

Чистая, до блеска белая, осткая горка круто поды-

мается вверх. Тянет взбежать по ней. Нет, это замечательно! — собор раздробился на совершенно отдельные, разъединенные цельные кирпичи. Они лежат как горка сахара-рафинада...

В шестую годовщину, в ленинскую ночь*, Сталин и с ним вся партия заложили новую смену пироксилиновых шашек. Под старую деревню. Под остатки ее бесчисленных маленьких капиталистов. (Выделено мной.— В. М.). Между самых глубоких корней ее старого уродливого уклада — для того, чтобы на его месте создать новый обобществленный, социалистический.

И пятнадцатый съезд уже за поворотом, мы идем открытым морем дальше, на встречные огни шестнадцатого. **Новые взрывы, и с ними взлетает, отрывается от земли целый класс, доселе живучий и крепкий, как стены этого монастыря**¹.

Антирелигиозная печать, имевшая ежемесячно тиражи в сотни тысяч экземпляров, вовсю старалась, чтобы от «целого класса» не осталось ничего целого, а только лишь «освобожденные молекулы». Вот, что писали журнал «Антирелигиозник», «Безбожник у станка» и «Безбожник» в 1929—1930 годах:

«Всякий, кто проповедует религию... — творит контрреволюционное дело, ибо религия непримиримый враг коммунизма. Даже самая «невинная» проповедь на тему «любите друг друга» — и она контрреволюционна».

«Темный люд кадильным дымом
В церкви отравляется.
Кто умней — проходит мимо,
Солнцем наслаждается.
Церкви скоро все закроем.
Домы, заводов строим ряд.
Жизнь трудящихся устроим
В СССР на новый лад!»

(Автор неизвестен).

«Зерна я сортировал,
Сбрасывал невсхожие.
Буквари в посев пускал,
В мусор — слово божие».

(С. Городецкий).

«Социализм — естественный враг религии... приятие социализма есть, следовательно, исход религии» (К. Маркс). Вот почему религии не будет при комму-

* Монастырь взорван в ночь на 21 января 1930 года.

низме. Мы встали на путь безбожия и должны проделать этот путь до конца... Не ладан, а горючая сера и нефть, не поднимать глаза вверх к небу, а опускать их к земле и осушить болота, не поддержка духовенства, а рыб, уток и летучих мышей».

«Крематорное движение как союзник пролетарского свободомыслия». (Сиверс, член «Немецкого союза свободомыслящих»).

«Я рад, что Иверская часовня со своей чудотворной иконой наконец исчезла с площади Революции... что безвкусный благовещенский собор и многие другие поповские притоны сносятся и превращаются в «ленинский кирпич»... (Гюнберг, немецкий рабочий).

«Тысячи пролетариев хоронили рождество 6 и 7 января. Многие церкви пустовали...»

«На заводе «Серп и Молот» в дни «рождества» на работу вышли все как один. На общезаводском собрании, посвященном антирождественской кампании, постановили: «Организовать сбор икон (чтобы сжечь их в мартенах), закрыть две церкви в районе и передать их пионерам».

«В клубе «Красный водоем»
Октябрят Мария:
Назвала сынка Заем,
Дочку — Индустрия!»

«Активность ребят пробуждается и растет в том же направлении (массовое возникновение групп юных безбожников, созыв детских безбожных конференций и т. д.)».

«Колокольный звон варварски режет слух, нарушает общественную тишину, мешает работать. 3 тыс. рабочих и работниц фабрики «Красная Москва» постановили: 1. прекратить колокольный звон по всему СССР; 2. снять все колокола с церквей и передать их на постройку тракторов».

«Безбожный город, смыкаясь производственно с колхозной деревней, сделает ее безбожной. Безбожники! В колхозы! В деревню! Против кулаков, попов и сектантов! Против мракобесия!»

«Прислан я из губернского центра для прочтения лекций и практического объяснения сотворения мира и прочего, а также на предмет вовлечения масс противу христа и богородицы, потому как она не дева, а разложившийся элемент, каковой, значит, против трудящихся!»

(«Рабкор», № 11).

«Борьба с религией не только демонстрировалась, но и дала на деле такие результаты, как массовое уничтожение икон. В Твери было собрано для сожжения свыше тысячи икон. Тысячи икон были переданы Союзу воинствующих безбожников в Москве, Туле, Серпухове. Подольск объявлен безбожным городом. Проводится кампания за объявление Коломны ударным безбожным городом. Только за последний год в Москве закрыто 93 поповских агитпропа. Кампания по превращению Москвы в подлинный центр мирового безбожия. Москва должна быть безбожной! В Самаре безбожники проводят шестидневные суды над непорочным зачатием. Рабочие Ногинска сдают иконы на сожжение. 14 тысяч инвалидов требуют закрыть церковь «харитория» и передать ее под клуб инвалидов. Недавно общество политкаторжан подняло вопрос о закрытии и передаче ему «храма воскресения на крови», сооруженного на месте покушения на Александра II, под музей».

«...Я в течение семи месяцев после смерти моей матери откладывала мои трудовые деньги, чтобы поставить памятник. Теперь я поняла, как это глупо. Не хочу быть похожей на дикарь. На собранные деньги лучше куплю книги и буду все понимать». (Работница фабрики «Красный Октябрь» Мария Ж.)².

Так начинался «великий перелом» на духовном фронте... Это потом, когда немец с ножом к горлу подступил, бывший семинарист Сосо Джугашвили вспомнил про «братьев и сестер», коих он давил, изничтожал, морил голодом. Мудрый Коба (которому, не забудем, и свою шкуру надо было спасать) дал тогда послабление церковникам — молитесь, дескать, пусть только ваши верующие воюют лучше... А пока слово было предоставлено товарищу Губельману. (Товарищ маузер свое слово сказал десятью годами раньше — к концу 1919 года от 360 000 российских священнослужителей оставалось 40 000.). На антирелигиозном совещании в ЦК (1929 год)

Ем. Ярославский сформулировал главное направление военных действий: «В ближайшие годы нам придется выкорчевывать в СССР капиталистические элементы иного порядка, чем в 1917—1921 годах. Если мы раньше имели дело с несколькими десятками тысяч помещиков и некоторыми десятками тысяч капиталистов, то сей-

час мы имеем дело с 3—4 миллионами кулаков, составляющих основной актив религиозных организаций... Борьба с ними не легче, чем борьба с помещиком, поддерживающим церковную организацию, а, пожалуй, сложнее»³.

Понятно, «выкорчевать», то есть, в переводе с большевистского, истребить 3—4 миллиона людей, да еще с семьями, сложнее, нежели несколько десятков тысяч. Но Ем. Ярославский, то ли из желания угодить Сталину, то ли еще почему, явно приуменьшил прежде содеянную разрушительную работу.

* * *

Как уверяет современный публицист И. Ачильдиев в популярном журнале «Юность», «Сталин избрал путь политической борьбы с церковью, подменив спор мировоззрений политической конфронтацией», а вот-де при Ленине «советская власть сформировала продуманную, лояльную по отношению к церкви и верующим политику»⁴. Однако посмотрим внимательнее, что это был за спор мировоззрений на фоне продуманной и лояльной политики.

Ленин, как и его учитель Маркс, скрежетал зубами при одном упоминании о Боге. Чтобы убедиться в буквальности этого утверждения, достаточно будет хотя бы бегло заглянуть в его «наследие».

Вот Ильич конспектирует Гегеля. От полноты чувств добавляет кое-что от себя: «Материалист возвышает знание материи, природы, отсылая бога и защищающую его философскую сволочь в помойную яму»⁵.

Еще, на полях, среди кучи вопросительных знаков: «бога жалко!! сволочь идеалистическая!!»⁶. «Пошло-повская идеалистическая болтовня о величии христианства (с цитатами из Евангелия!!) Мерзко, вонюче!»⁷.

Еще, в письме к Горькому: «...всякий боженька есть труположество — будь это самый чистенький, идеальный... Всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке... есть невыразимейшая мерзость... самая опасная мерзость, самая гнусная зараза...»⁸.

Можно представить, что говорил вслух Ильич своим соратникам на эту тему, коли писал подобное.

Фанатичная ненависть к религии и Церкви не мешала Ленину, из тактических соображений, обманывать

«темный» народ с помощью показной веротерпимости. Так, до Октябрьского переворота он призывал рабочих бороться с «религиозным туманом» «чисто идейным и только идейным оружием»⁹. И даже допускал, что священник может состоять в социал-демократических рядах при условии добросовестного выполнения партийной работы. Что поделаешь, слишком много еще было верующих и, скрепя материалистическое сердце, приходилось считаться с этими мракобесами. Потому и конституция 1918 года говорит о праве на религиозную пропаганду. (В действительности это право сразу же обернулось беспощадным истреблением священников и верующих.) «Самый человечный человек» запретил Церкви благотворительность; он пропагандировал «полную свободу брака» и борьбу с «церковным браком»; утверждал, что нравственность заключается в «сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров»¹⁰ — то есть, на деле, в безоговорочном убийстве и подавлении всех тех, кого большевики назовут эксплуататорами. Владимир Ильич «горячо поддержал инициативу трудящихся, предложивших организовать вскрытие «святых мощей», чтобы разоблачить обман духовенства»¹¹. (То есть приказал провести эту широкую святотатственную кампанию, оскорбляющую чувства православных верующих — большинства населения страны. В результате были осквернены мощи более 60 наиболее чтимых русских святых, начиная с преподобного Сергия Радонежского.)

Об историческом бревне, которое Ленин на виду фотографов таскал во время коммунистического субботника, написаны тома воспоминаний. Гораздо меньше упоминается другой случай, где вождь мирового пролетариата проявил куда как большую физическую сноровку. Обратимся к мемуарам П. Малькова, бывшего комендантом Московского Кремля:

«Владимир Ильич вообще не мог терпеть памятников царям, великим князьям, всяkim прославленным при царе генералам. Он не раз говорил, что победивший народ должен снести всю эту мерзость, напоминающую о самодержавии...»

Накануне первомайской демонстрации 1918 года Ленин страшно рассердился, узнав, что памятник Великому Князю Сергею Александровичу в Кремле до сих пор цел. Этот памятник недавней жертве террористов-рево-

люционеров был построен по проекту знаменитого русского художника В. М. Васнецова. На высоком бронзовом кресте, покрытом эмалью, с изображением распятого Иисуса Христа и Скорбящей Богоматери, была надпись: «Отче, отпусти им — не ведают бо, что творят».

«Ну-ка, пока есть время до демонстрации, тащите веревки», — изрек Ильич. «Я мигом сбежал в комендатуру и принес веревки, — пишет Мальков. — Владимир Ильич ловко сделал петлю и накинул на памятник. (Накинул петлю на голову Богоматери, символической покровительницы России.) Взялись за дело все, и вскоре памятник был опутан веревками со всех сторон.

— А ну, дружно! — задорно командовал Владимир Ильич.

Ленин, Свердлов, Аванесов, Смидович и другие члены ВЦИКа и Совнаркома и сотрудники немногочисленного правительственного аппарата налегли, дернули, и памятник рухнул на булыжник.

— Долой его с глаз, на свалку! — продолжал командовать Владимир Ильич.

Десятки рук подхватили веревки, и памятник загремел по булыжнику к Тайницкому саду».

Теперь в Кремле вместо Святого Креста бронзовая фигура Ильича. А на башнях до сей поры пятиконечные звезды — большевистский символ, введенный в том же 1918 году Троцким. Кстати, о Кресте и звездах.

Верить или не верить, но есть и такие толкования: «Сам по себе Крест (и в христианской традиции, и в дохристианской) — это единственный знак, способный преградить путь нечистой силе, обратить ее вспять. Каббалистическая черная магия во всех ее ипостасях и разновидностях использует для вызова демонов, бесов, духов, инкубов и нежитей из Преисподней и других измерений Потустороннего мира пентаграмму (пятиконечную звезду) и гексаграмму (шестиконечную звезду). Именно эти звезды, а точнее, их внутреннее пространство, при соответствующих приготовлениях и заклинаниях, являются собой проходы (ворота) из мира демонов в наш мир. Через пятиугольник и шестиугольник осуществляются заклинателями и колдунами все связи с властыками ада, через эти ворота проникает на белый Свет черная энергия. Запечатать ворота дьявола может только Крест.

Сатанинская символика используется уже не менее

двенадцати тысячелетий. Носителям ее гарантируется покровительство Потустороннего Зла, даруются определенные преимущества в земной жизни — как, например, масонам, каббалистам и пр. Но в конечном итоге всегда побеждает Святой Крест. Использование сатанинской символики по невежеству, незнанию не является грехом, но может повлечь за собой многочисленные беды: таковые пользователи не получают полноценной защиты от дьявола, но и лишаются покровительства Всеблагих Сил, ибо в свою очередь пентаграммы, гексаграммы, пентаэдры и гексаэдры преграждают путь белой энергии Добра. Пример действия Святого символа Веры — наша страна, процветавшая тысячетие под Крестом, изумлявшая мир своим фантастическим богатством, открытостью сердец, подлинной властью народа, равноправием всех наций и отсутствием внутренних границ, но подвергшаяся почти мгновенному разрушению и истреблению после свержения крестов, преграждавших бесам путь из адских глубин на Свет Божий.

Восстановление храмов в России, возвращение отнятых у Русской Православной Церкви и соответственно водружение крестов над куполами храмов будет способствовать очищению нашей Державы от бесов и препятствовать их проникновению в наш мир, который они сделали своим царством на Земле за семь с лишним десятилетий своего господства. Крест бытовал у славян-протоиндоевропейцев, наших предков, задолго до пришествия Спасителя. От них он достался в наследство христианам, его даровал славянам Вседержитель и его же восприял своим символом Иисус Христос»¹².

После этого довольно необычного объяснения примелькавшихся «реалий» становится понятней и мистическая же, неистовая (с детства) злоба Ленина к Святому Кресту, Православию, равно как и необыкновенная ловкость Ильича при скручивании петли, мгновенно проявившаяся в нем.

Еще до Октября марксисты не только обличали церковников, но и попросту убивали их. В 1905 году в Ялте кинжалами заколот, на глазах семьи, священник о. Владимир; в 1906 году в селе Городищи Царицынской губернии убит священник о. Константин и вся его семья; в 1910 году в Тифлисе убит экзарх Грузии архиепископ Никон. Все они пострадали за обличение революционеров.

Захватив власть, Ленин уже не призывал рабочих рассеивать религиозный туман с помощью чисто идейного оружия. Богоборчество из духовной сферы перешло, так сказать, в материальную. Притворяться больше было ни к чему.

Велик и далеко еще не полон синодик русских новомучеников. Пролистаем его страницы.

7 февраля 1918 года. Зверски убит недалеко от Киево-Печорской лавры митрополит Владимир (Богоявленский) Киевский и Галицкий. 70-летнего владыку расстреляли, а потом кололи штыком. Перед смертью он благословил убийц: «Господь вас да простит».

14 февраля 1918 года. Убит протоиерей Петр Скипетров Скорбященской церкви в Петрограде. Красногвардейцы пытались проникнуть в Александро-Невскую лавру, о. Петр увещевал не производить насилий над верующими...

15 февраля 1918 года. В Туле и Харькове расстреляны крестные ходы. В Туле ранен епископ Корнилий и многие другие, убиты 13 человек.

22 февраля 1918 года. Расстрел толпы верующих при реквизиции имущества Белгородского подвория (Пермская епархия).

31 марта 1918 года. Патриарх Тихон совершил заупокойную литургию в храме Московской духовной семинарии. К тому времени из 7 епархий поступили сведения о 56 мучениках за веру...

26 октября 1918 года патриарх Тихон обратился с посланием к Совнаркому, предварив его словами из Евангелия от Матфея: «Все, взявшие меч, мечом погибнут».

«Это пророчество Спасителя обращаем мы к вам, нынешние вершители судеб нашего отечества, называющие себя «народными» комиссарами. Целый год держите в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину Октябрьской революции. Но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды.

Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания?

Поистине вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы (Мф. 7, 9 — 10). Народу, изнуренному кро-

вопролитной войною, вы обещали дать мир «без аннексий и контрибуций».

От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру, унизительные условия которого даже вы сами не решались обнародовать полностью? Вместо аннексий и контрибуций великая наша Родина завоевана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото.

...Отечество вы подменили бездушным интернационалом, хотя сами отлично знаете, что, когда дело касается защиты отечества, пролетарии всех стран являются верными его сынами, а не предателями...

Вы разделили весь народ на враждующие между собою стаи и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и, вместо мира, искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции.

...Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью, часто без всякого следствия и суда, даже без упрощенного, вами введенного, суда. Казнят не только тех, которые перед вами в чем-либо провинились, но и тех, которые даже перед вами заведомо ни в чем не виновны, а взяты лишь в качестве «заложников»... Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем не винных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной «контрреволюционности». Бесчеловечная казнь отягчается для православных лишением последнего предсмертного утешения — напутствия Св. Таинами, а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения.

Но вам мало, что вы обагрили руки русского народа его братскою кровью. Прикрываясь различными названиями — контрибуций, реквизиций и национализаций,— вы толкнули его на самый открытый и беззастенчивый грабеж. По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала под именем

«буржуев» грабили людей состоятельных, потом, под именем «кулаков», стали грабить более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая, таким образом, нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна.

Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть, заглушили в нем сознание греха; но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния,— убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к Небу об отмщении грехами и преступлениями.

...Да, мы переживаем ужасное время вашего владычества, и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатлев в ней образ зверя...

Мы знаем, что наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование и что вы будете искать лишь повода для обвинения нас в противлении власти, но чем выше будет подниматься «столп злобы» вашей, тем вернейшим будет оно свидетельством справедливости наших обличений»¹³.

Верно предугадал патриарх Тихон: столп большевистской злобы поднимался все выше и выше. Вот лишь отдельные преступления, совершенные чуть ли не вслед посланию патриарха.

9 января 1919 года. Архиепископ Тихон (Никаноров) Воронежский повешен на Царских вратах в церкви монастыря Святого Митрофана. Вместе с ним замучены 160 иереев.

14 января 1919 года. В Юрьеве зверски убит епископ эстонской Православной Церкви Платон (Павел Петрович Кульбуш). После ухода большевиков из подвала кредитного банка извлекли около 20 трупов, изуродованных до неузнаваемости. На теле епископа обнаружено 7 штыковых и 4 огнестрельных раны, одна из них в глаз, разрывной пулевой. Среди убитых два протоиерея и один пастор.

Февраль 1919 года. В Юрьеве большевики топорами изрубили 17 священников и епископов. Перед казнью «их бросали в свалочное место, отрезали им носы и уши, одевали в женскую одежду и заставляли танцевать; вставляли папиросы в рот изображениям святых, устраивали вместо панихид бесовскую свистопляску и т. д.

21 июля 1919 года патриарх Тихон направляет Послание чадам Православной Церкви.

«Господь не перестает являть милости Свои Православной Русской Церкви. Он дал Ей испытать Себя и проверить Свою преданность Христу и Его заветам не во дни только внешнего Ее благополучия, а и во дни гонений. День ото дня прилагаются Ей новые испытания. День ото дня все ярче сияет Ее венец...

Мы содрогаемся, читая, как Ирод, ища погубить Отроча, погубил тысячи младенцев. Мы содрогаемся, что возможны такие явления, когда при военных действиях один лагерь защищает передние свои ряды заложниками из жен и детей противного лагеря. Мы содрогаемся варварству нашего времени, когда заложниками берутся в обеспечение чужой жизни и неприосновенности. Мы содрогаемся от ужаса и боли, когда после покушений на представителей нашего современного правительства в Петрограде и Москве, как бы в дар любви им и в свидетельство преданности, и в искупление вины злоумышленников, воздвигались целые курганы из тел лиц, совершенно непричастных к этим преступлениям, и безумные эти жертвоприношения приветствовались восторгом тех, кто должен был остановить подобные зверства. Мы содрогались — но ведь эти действия шли там, где не знают или не признают Христа, где считают религию опиумом для народа, где христианские идеалы — вредный пережиток, где открыто и цинично возводится в насущную задачу истребление одного класса другим и междуусобная брань.

Нам ли, христианам, идти по этому пути. О, да не будет!.. Нет, пусть нам наносят кровоточающие раны, чем нам обратиться к мщению...»

Никогда еще так сердечно и проникновенно не обращался патриарх к верующим — «Чадца мои!» Он вновь и вновь умолял христиан не сходить с пути крестного, ниспосланного Богом, на путь «восхищения мирской силы или мщения».

И это писалось в то время, когда десятки тысяч русских священнослужителей были уничтожены «властью рабочих и крестьян», как именовала себя небольшая кучка людей, не имеющая никакого отношения ни к рабочим, ни к крестьянам.

Знал или нет поэт-трибун Маяковский русскую по-

словицу «С молитвой на устах, с работой в руках», но он совершенно точно перевел ее на большевистский язык — «С Лениным в башке, с наганом в руке». «Утоплен», «исколот штыками», «избит прикладами», «прострелен и заморожен», «изрублен саблями»— часто эти слова были последними, что сообщались о судьбе священников. А за что убивали?—«За проповедь», «за колокольный звон»...

В Послании к архипастырям Русской Церкви от октября 1919 года патриарх Тихон писал:

«...много уже и архипастырей, и пастырей, и просто клириков сделались жертвами кровавой политической борьбы. И все это, за весьма, быть может, немногими исключениями, только потому, что мы, служители и глашатели Христовой Истины, подпали под подозрение носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направленной, якобы, к ниспровержению советского строя. Но мы с решительностью заявляем, что такие подозрения несправедливы: установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение.

Говорят, что Церковь готова, будто бы, благословить иностранное вмешательство... Обвинение голословное: мы убеждены, что никакое иноземное вмешательство, да и вообще никто и ничто, не спасет России от нестроения и разрухи, пока Правосудный Господь не преложит гнева Своего на милосердие, пока сам народ не очистится в купели покаяния от многолетних язв своих, а через то не «возродится духовно в нового человека, созданного по Богу в справедливости и свяности истины» (Ефес. 4, 24)».

И «Совдепии» тоже нужны были новые люди, только вот совершенно другие — обезбоженные, послушные, с бесом-Лениным в башке (для усвоения партийных лозунгов именно башка и нужна) и с наганом в руке (готовой по зову партии разрушать, грабить, убивать). И песню подобрали для «глоток» подходящую — почти что на мотив «Собачьего вальса» написанную «Песню разрушителей» — именно так назывался поначалу партийный гимн «Интернационал»:

«Мы все сожжем, мы все разрушим,
Мы все с лица Земли сотрем,
Мы солнце старое потушим,
Мы солнце новое зажжем».

(Уж и старое солнце не годилось для «нового» мира...)

Большевики прекрасно ведали, что творили: с обезверенным народом легче управляться. Его можно вести куда угодно, хоть на погибель, дав ему соответствующую установку,— например, уверив, что в бездуховной черной пропасти голимого материализма заключено светлое будущее...

Но, быть может, богооборческий атеизм — личина древних, как мир, религиозных войн? Недаром ведь вскоре после Октябрьского переворота большевики установили в разных городах памятники первому христопродацу — Иуде. Бывший товарищ (заместитель) обер-прокурора Св. Синода князь Н. Д. Жевахов в своих воспоминаниях пишет, что нет нужды опровергать, что предреволюционная атмосфера в России возникла как итог ошибок Царя и Его правительства. Однако, по мнению Н. Д. Жевахова, христианские главы всех государств и во все времена, равно как и народы в целом, не только не принимали ни прямого, ни косвенного участия в революциях, а, наоборот, всегда вели борьбу с ними, нередко делаясь их жертвой¹⁴.

Между прочим, с последним утверждением Жевахова — о неучастии христианских народов в революциях и противоборстве им — вполне солидарен и такой современный историк, как бывший советский диссидент, эмигрант М. Бернштам. Аргументированно разрушив ходульную легенду о так называемой «русской революции», Бернштам заключил: «Наверное, народ ни одной страны ни в одной революции в истории не дал так мало своих представителей на осуществление революции и так много на сопротивление ей. Понятие «русская революция», на наш взгляд, вообще должно быть исключено из научного обихода. Также должны быть исключены понятия «рабочей» и «крестьянской» революции в России»¹⁵.

Святитель Иоанн Златоуст призывал: «...да произрастет в нас плод духовный, иже есть: любы (любовь), радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание». Он же напоминал: «Пагубная

же, и Богом ненавидимая, и святыми книгами проклятая дела суть сия: лжа, клевета, свар, бой, величание, гордость, немилосердие, зависть, братоненавидение, злоба, обида, возношение, лицемерие, непокорение, преслушание, мздоимство, хула, осуждение, пьянство, объядение, прелюбодейство, грабление, татьба, непослушание заповедей божьих, разбой, чародейство, кощуны, песни бесовские, бубны, сопели, гусли, плясание и играние неподобное, и русалии, сия вся угодно диаволу».

Кажется, ни одно из этих проклятых дел не минуло арсенала «подлинно революционной морали». Немудрено: «ленинизм воинствен с ног до головы. А война немыслима без хитрости, без уловки, без обмана врага. Победоносная военная хитрость входит необходимым элементом в ленинскую политику. Но в то же время ленинизм есть высшая революционная честность перед лицом партии и класса. Никаких фикций, мыльных пузырей, мнимых величин», — определял верный ленинец Троцкий¹⁶.

Разумеется, высшая революционная честность, по той же логике, включала в себя и непременные тайны от партии и класса. 19 марта 1922 года Ленин пишет членам Политбюро строго секретное письмо, не вошедшее в так называемое Полное собрание сочинений. Речь шла об изъятии церковных ценностей.

Предыстория этого дела такова. Военно-коммунистический рай, установленный большевиками после Октябрьского переворота, не мог не привести Россию, извечную житницу Европы, к повальному голоду: хозяйствовать большевики не умели, и, кроме того, голод был им необходим и выгоден как средство усмирения осчастливленных масс.

Летом 1921 года патриарх Тихон обратился с воззванием «К народам мира и к православному человеку»:

«Величайшее бедствие поразило Россию.

Пажити и нивы целых областей ее, бывших ранее житницей страны и уделявших избытки другим народам, сожжены солнцем. Жилища обезлюдили и селения превратились в кладбища непогребенных мертвцев. Кто еще в силах, бежит из этого царства ужаса и смерти без оглядки, повсюду покидая родные очаги и землю. Ужасы неисчислимые. Уже и сейчас страдания голодающих и больных не поддаются описанию, и многие мил-

лионы людей обречены на смерть от голода и мора. Уже и сейчас нет счета жертвам, унесенным бедствием. Но в ближайшие грядущие годы оно станет для всей страны еще более тяжким: оставленная без помощи, недавно еще цветущая и хлебородная земля превратится в бесплодную и безлюдную пустыню, ибо не родит земля непосеянная, и без хлеба не живет человек.

К тебе, Православная Русь, первое слово мое:

Во имя и ради Христа зовет тебя устами моими Святая Церковь на подвиг братской самоотверженной любви. Спеши на помощь бедствующим... Пастыри стада Христова! Молитвою у престола Божия, у родных святынь исторгайте прощение Неба согрешившей земле. Зовите народ к покаянию.

К тебе, человек, к вам, народы вселенной, простираю я голос свой:

Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода...»

Тогда же был основан Всероссийский церковный комитет помощи голодающим, признанный вскоре советским правительством —«излишним». В декабре, получив пзволение помогать гибнущим людям, Церковь разрешила жертвовать на нужды голодающим драгоценные церковные предметы и украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления. Большевикам этого было мало. Ленинцы решили изъять в с ё имеющее ценность, ограбить дочиста.

6 февраля 1922 года патриарх Тихон пишет новое возвзание:

«Ледянящие душу ужасы мы переживаем при чтении известий о положении голодающих: «Голодные не едят уже более суррогатов, их давно уже нет». Падаль для голодного населения стала лакомством, но этого лакомства нельзя уже более достать. По дорогам и оврагам, в снегу находят десятки умерших голодных. Матери бросают своих детей на мороз. Стоны и вопли несутся со всех сторон. Доходит до людоедства. Убыль населения от 12 до 25%. Из тринацати миллионов голодающего населения только два миллиона получают продовольственную помощь...

Необходимо всем, кто только может, прийти на помощь страдающему от голода населению.

Получив только на днях утверждение Центральной

комиссии помощи голодающим, мы вторично обращаемся ко всем, кому близки и дороги заветы Христа, с горячою мольбою об облегчении положения голодающих.

...мы допускаем возможность... использовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления... на помощь голодающим».

Но смышленые и отнюдь сами не голодавшие большевистские вожди, прирожденные мародеры, уже смекнули, что во время народного бедствия очень даже удобно дограбить то, что веками собирали в храмах православные люди. 23 февраля 1922 года ВЦИК издал декрет об изъятии церковных ценностей «на нужды голодающих».

Патриарх Тихон в ответном послании осудил святотатство.

Начались реквизиции. Часть народа была обманута большевистской демагогией, другая, сломленная страхом, смолчала, но все же по стране прокатились волнения верующих, которые попытались защитить свои храмы от святотатственного грабежа*.

Вот тут-то Ильич и написал свое строгое секретное письмо «товарищу Молотову для других членов Политбюро», попросив «ни в коем случае копий не снимать», а пометки делать «на самом документе».

«Я думаю, что здесь наш противник делает громадную ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна. Наоборот, для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести

* Все эти выступления были подавлены «с разной степенью жестокости». Следом, в том же 1922 году, состоялось около 250 судебных процессов, на которых многих «зачинщиков сопротивления властям» приговорили к расстрелу. Так, в Смоленске расстреляли, среди других, В. М. Пивоварова, его признали виновным в том, что «с целью ударить в набат в случае приезда комиссии губисполкома» он осмотрел ночью несколько колоколен, и за то, что принимал участие «в окаруливании укрывавшейся в соборе толпы».

изъятие церковных ценностей с самой бешеною и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильтственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции, в Генуе в особенности, совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать это нам не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечил нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне.

Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществить их самым энергичным образом и в самый короткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут...

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю следующим образом:

Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин,— никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий не должна быть отменяется. Она нам выгодна, ибо посещает у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому, что она секретна, противник, конечно, скоро узнает).

В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИКа или других представителей центральной власти (лучше одного, чем нескольких), причем дать ему словесную инструкцию через одного из членов Политбюро. Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шуе арестовал как можно больше, не меньше чем несколько десятков, представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильтственного сопротивления декрету ВЦИКа об изъятии церковных ценностей. Тотчас по окончании этой работы он должен приехать в Москву и лично сделать доклад на полном собрании Политбюро... На основании этого доклада Политбюро даст детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров.

Самого патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев...

...Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на съезде, т. е. на секретном его совещании, специальную комиссию

при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина, без всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение ей всей операции было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в общесоветском и общепартийном порядке. Назначить особо ответственных наилучших работников для проведения этой меры в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквях.

Ленин»¹⁷.

Как видим, ни о какой помощи голодающим «самый человечный человек» и не помышлял: отчаянный голод лишь удобный предлог для того, чтобы ограбить, унизить, запугать и растоптать Русскую Православную Церковь, вернее, остатки ее. Массам же будет выброшен лживый лозунг — церковники-де не желают помочь голодающим.

С неистовой мародерской страстью Ленин торопился воспользоваться моментом и доиста ограбить Церковь. Что же касается «решительного и беспощадного сражения», которое он призывал дать «черносотенному духовенству», то тут в нем говорила не столько логика, сколько природная неистребимая ненависть к христианству: от русского духовенства действительно оставалась уже «горстка»...

А грабить, по существу, нечего было: Троцкий жаловался Красикову, что главные церковные ценности «уплыли за годы революции» и «осталось только громоздкое серебро».

* * *

Как видим, никакого «споря мировоззрений» с Русской Православной Церковью гуманнейший Владимир Ильич не допускал, чему причиной была природная и с годами воспитанная и возросшая ненависть к христианству. Стало быть, ошибается советский публицист И. Ачильдиев, если не обманывает читателей «Юности» сознательно. Stalin вовсе не избрал путь политической конфронтации с церковью, а продолжил дело Ленина по ее уничтожению.

...Ну, что теперь говорить о том, как эшелонами уходило на переплавку церковное золото и серебро, чтобы быть проданным по дешевке за границу, как безудержно грабили, разоряли, уничтожали духовные святыни,

памятники зодчества с единственной, кажется, целью — чтобы превратить народ в нищего Ивана (или Амана), родства не помнящего и Бога не знающего, и чтобы враги-капиталисты, странным образом оказавшиеся в лучших друзьях Страны Советов, набили карманы, свои личные музеи и музеи своих загнивающих от богатства стран нашими ценностями, картинами и предметами искусства. Разумеется, это было делом рук, «ума, чести и совести» отнюдь не одного Ем. Ярославского, а всей партийной верхушки... Итог?

«К концу тридцатых годов,— пишет историк О. Платонов,— организационная работа воинствующих безбожников достигла «поразительных успехов». Из пятидесяти тысяч православных церквей служили только несколько сотен, то есть «по требованию трудящихся» было закрыто 98—99 процентов храмов. И если в 1928 году было закрыто около четырехсот церквей, в 1929 году около тысячи, то начиная с 1930 года по 1940-й счет пошел на десятки тысяч в год. Не менее трети церквей были взорваны и разобраны без остатка. Были сожжены и уничтожены миллионы икон и книг, около четырехсот тысяч колоколов и многое другое. Такого масштаба культурных погромов мировая цивилизация еще не знала.

По-видимому, именно за эти «успехи» в 1938 году Ярославского награждают орденом Ленина»¹⁸.

Иконы сжигали в кострах, рубили на дрова. Появились добытчики золота с божественных ликов — иконы окунали в чаны с кислотой, и золото оседало на дне... Новый вид «золотодобычи» наладили и химики, смывая драгоценный металл с обшивок куполов. Взорванный Кагановичем храм Христа Спасителя в Москве дал государству 422 килограмма золота со своих куполов, а всего с московских храмов «намыли» несколько тонн золота.

«Каковы же масштабы гибели культурных ценностей России?

По самым заниженным подсчетам, погибло или превращено в руины 25—30 тысяч церквей и соборов, около 500 монастырей, не менее 50 тысяч ценных городских зданий (палат, особняков и тому подобного), около 2 тысяч усадеб. Только в Москве разрушено около 700 памятников архитектуры и около 3 тысяч зданий исторической застройки. Погибли сотни тысяч предметов

прикладного искусства, десятки тысяч художественных живописных произведений, фресок, росписей, не менее 20 миллионов икон. В денежной оценке стоимость утраченных культурных сокровищ России составляет, по крайней мере, не менее одного триллиона рублей, что по мировым меркам равно стоимости культурных ценностей большого европейского государства»¹⁹.

Вдоволь поглумились оккупанты-безбожники: доля фашизма в уничтожении русских культурных ценностей не составляет и трех процентов...

* * *

Досталось и магометанству...

«Киргизы до вступления в русское подданство были мусульманами только по имени», — писал Чокан Валиханов. Современные борцы с «религиозным влиянием ислама» охотно приводят в своих работах это высказывание казахского просветителя. Возможно, Валиханов и прав, хотя этому ироничному аристократу порой были свойственны весьма резкие суждения. Не нам определять степень религиозности казахов во времена Аблайхана, но совершенно очевидно, что после принятия российского подданства вера степняков в учение пророка Мухаммеда явно окрепла. Это признают сами безбожники:

«После провала попыток царского самодержавия распространить среди казахов христианство оно перешло к открытой поддержке ислама, в котором царизм увидел надежного союзника в проведении своей колониальной политики. Издаются специальные указы о сооружении мечетей, укомплектовании их муллами, в kraе создается муфтият. С переводом Восточной типографии из Петербурга в Казань за ней закрепляется роль ведущего центра распространения ислама. Здесь большими тиражами издается религиозная литература, которая распространяется и в Казахстане.

Накануне Великого Октября в Казахстане действовала достаточно разветвленная прослойка мусульманского духовенства, которая в массе своей придерживалась консервативных взглядов и под флагом «защиты ислама и шариата» выступала против революционных преобразований»²⁰.

Далее, конечно, с непередаваемой иудушкиной, то бишь партийной, проникновенностью сообщается, что

«нужно было помочь верующим быстрее осознать классовую сущность религии, ее силу и традиционные связи с эксплуататорскими классами»²¹. Будто не известно современному автору, как верующим помогали большевики, с их-то Лениным в башке и наганом в руке.

Так называемая политика свободы совести, прикрытая лицемерными фразами вождей, сводилась к уничтожению и свободы, и совести. Но богооборческий зверь, пришедший к власти, поначалу натягивал на себя личину веротерпимости. 3 декабря 1917 года в подписанном Джугашвили-Сталиным и В. Ульяновым (Лениным) обращении СНК РСФСР говорилось:

«Мусульмане России... все те, мечети и молельни которых разрушались и обычай которых попирались царями и угнетателями России! (А как же «открытая поддержка ислама» царизмом и указы о сооружении мечетей?!) — В.М.».

Отныне ваши верования и обычай, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными... Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов...»²²:

(Да уж, охранили!.. От 25 тысяч мечетей, что были в Российской империи, к 1986 году осталось 376. На территории нынешнего Казахстана, где в каждом селении, не говоря о городах, были свои мечети, оставались считанные единицы, остальные были разрушены.)

Ильич явно досадовал, что не может немедленно устроить погром мусульманской религии, как это было сделано с религией православной. Это хорошо видно по его докладу на 8-м съезде РКП(б) от 19 марта 1919 года:

«...Что же мы можем сделать по отношению к таким народам, как киргизы, узбеки, таджики, туркмены, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл? У нас в России население, после долгого опыта с попами, помогло нам их скинуть. Но вы знаете, как плохо еще прошел в жизнь декрет о гражданском браке. (Да, семья, скрепленная церковным таинством брака, а не регистрацией в советской конторе, еще недостаточно быстро распадалась, не большевистскими темпами, и это беспокоило. — В. М.). Можем ли мы подойти к этим народам и сказать: «Мы скинем ваших эксплуататоров?» Мы этого сделать не можем, потому что они все-

цело в подчинении у своих мулл. Тут надо дождаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно»²³.

Но дожидаться, конечно, никто и не думал: тот же 8-й съезд постановил пресекать всякую попытку контрреволюционной пропаганды под видом религиозной проповеди. Совершенно очевидно, что не подпасть под эту расплывчатую статью честному священнику было невозможно, и революционная практика на местах подтвердила это.

Способы пресечения были разные: от прямого насилия до «подтачивания» религии «посредством распространения грамоты, открытия школ, клубов, читален» и т. д., как советовал ЦК партии²⁴. В своем циркулярном письме от 10 июня 1920 года наркомат внутренних дел РСФСР научал, что, согласно ленинскому декрету, храмы и молитвенные дома признаны собственностью не общества верующих, а всего народа. А стало быть, «ничего не будет противозаконного и для религиозного чувства оскорбительного в том, если при недостатке помещений придется использовать храмы и молитвенные дома также для культурно-просветительных и общественно-политических целей»²⁵.

Противорелигиозная «работа» шла как бы на двух уровнях: покуда карательные органы втайне арестовывали и засуживали (бывало, к расстрелу) священнослужителей, въяве проводились шумные кампании безбожников — всякие комсомольские пасхи и рождества, комсомольские Ураза и Айт, так называемое «мulloедство» (то бишь критика и «разоблачение» мулл).

Решительная атака на ислам началась с великим «переломом».

«Джетысуйский безбожник» сообщал 24 декабря 1928 года:

«МЕЧЕТЬ ПОД КЛУБ

Общество кишлака Большое Очинахо Джаркентского района постановило единственную мечеть, уже никем не посещаемую, отдать под клуб и для оборудования его отпустить из средств самообложения 200 руб.

Несмотря на то, что в большинстве наших кишлаков отсутствует систематическая культурно-просветительная работа, такие факты дают знать о том, что наш кишлак идет вперед».

И далее:

«ЕЩЕ ОДНА ОТВОЕВАННАЯ МЕЧЕТЬ

Дехкане с. Курам Чиликского района недавно вынесли постановление устроить клуб в мечети. Курамские дехкане вместо бесполезного хождения в мечеть решили просвещаться.

Только и можно сказать — молодцы — и пригласить другие кишлаки, аулы и села следовать их примеру»²⁶.

Автор последней заметки совершенно справедливо назвал захваченную мечеть «отвоеванной». — это и была война. Устные приказы и секретные предписания шли из райкомов и ГПУ, газеты же давали сводки с «фронтов» и вели пропагандистский артобстрел.

25 января 1929 года «Советская степь» поместила снимок огромной мечети, стоящей на особицу среди голого пространства. Заголовок гласил: «Кооператив вместо мечети». И небольшая подтекстовка: «Мечеть в степях Акмолинского района, переделанная, по желанию населения, в кооперативную лавку».

29 января печатается заметка «Церкви под школы» из Актюбинска. «...Под аплодисменты собрания встречается сообщение о передаче, согласно решению трудящихся, двух церквей Актюбинска под культурные учреждения».

6 марта:

«16 МЕЧЕТЕЙ ПОД ШКОЛЫ

Уральск. В результате культурной кампании комсомола в 16 казахских аулах население передало под школы 16 мечетей. В трех из них уже открыты школьные занятия».

Так-таки и передало! Фарисейская закваска не давала и в самом очевидном деле не кривить душой.

21 апреля 1929 года Казкрайком распорядился запретить, согласно постановлению ВЦИКа, преподавание мусульманского вероучения по всей территории республики и «немедленно прекратить дачу всякого рода разрешений органами власти на открытие религиозных школ». Окружным комитетам партии, особенно Южного Казахстана, предписывалось: «развернуть подготовительную работу по мобилизации общественного мнения, добиваясь постановлений сходов о закрытии религиозных школ»²⁷.

А газеты изо дня в день печатали:

— Объявим жестокий бой религиозному обману;
— Вытравим религиозный дурман!

и т. п. 6 мая 1929 года «Советская степь» поместила атеистический репортаж некоего «Г»:

«ХОРОНИМ РЕЛИГИЮ

(Карнавал комсомольцев)

Когда типографские комсомольцы несли в сумерках к железнодорожному клубу гроб, остановилась и наверно перекрестилась ветхая старушка, торопившаяся святить куличи.

— Упокой с миром, Господи...

Разобравшись через минуту, она энергично отплевывалась.

Дрожали от негодования увядшие губы:

— Антихристы! Ироды!..

...Горят самодельные факелы... радостно возбуждены лица участников карнавала.

...Впереди гроб с надписью: «Хороним религию».

За гробом: «попы», «диаконы», толстобрюхий и важный мулла, раввин, бабы-кликуши. Кулаки. Офицеры. Монахи. Сектанты.

Верующие Кзыл-Орды смогут узреть «самого Иисуса», облаченного в белые ризы, восседающего на вислоухом, но симпатичном животном и окруженного столь же белоризными «апостолами». Этот-то «христос», попыхивающий синим папироносным дымком.

Факелы на Ленинской. В городском саду... На улицах Энгельса, Карла Маркса...

Задорные, бурлящие звуки оркестра.

...Под заунывное козлогласие попов хоронят религию комсомольцы».

17 сентября 1929 года Союз воинствующих безбожников Казахстана разослал письмо своим ячейкам на местах, в котором потребовал «усилить темп антирелигиозной пропаганды»²⁸.

1 ноября «Советская степь» сообщила, что требование трудового населения Алма-Аты закрыть собор и мечеть удовлетворено. С таким видом сказано, будто бы до сего дня заветное желание трудящихся долгое время, если не все двенадцать лет с 1917 года, не исполнялось городскими властями. Газета сопроводила информацию небольшим, но весьма убедительным толкова-

нием. Его автор размышлял в заметке «Почему закрыли собор и мечеть»:

«Какую пользу дали трудящемуся поп, мулла? Ясно, что никакой, кроме обмана. Агроном же, зоотехник и ветврач (теперь это уже все уяснили) учат, каким путем увеличивать урожайность, как получать больше пользы от скота и т. д.

Закрытие собора и мечети — лучший подарок трудающимся к 12-й годовщине Октябрьской революции».

Что верно, то верно: большевистская власть дарила самое дорогое для себя — безбожие...

24 ноября под заголовком «Красный флаг на минарете» газета писала:

«Раньше с минарета главной мечети муэдзин призывал правоверных на молитву. И его тягуче-заувынный напев «ал-ла-ил-ля-Бисмилля-а-а!» был славословием Аллаху и его пророку Магомету.

Революция нанесла всем религиям глубокую рану. А теперь культурный рост масс окончательно вбивает осиновый кол в могилу религии. Тысячи церквей, синагог, мечетей, молитвенных домов волей трудящихся передаются под культурные учреждения. Это движение широко охватило весь Союз и наш край. Все меньше становится фанатиков религии.

Победный марш миллионов, идущих на штурм религии, как средства угнетения и затемнения масс, завоевающих права на культуру, не заглушить уже ни звоном колоколов, ни призывами муэдзинов с минаретов.

Мечеть передана волей трудящихся под культурное учреждение. Теперь в мечети клуб нацмен, дворец, где будет сосредоточена вся массовая культурная работа среди трудящихся отсталых восточных национальностей.

Клуб открыт 7 ноября...»

10 декабря Казкрайком ВЛКСМ объявил «антирелигиозное наступление по Казахстану», приурочив его начало «к антирождественским дням»²⁹.

За волной принудительного обезбоживания, которое газеты преподносили как долгожданный радостный карнавал, обрушился вал принудительной коллективизации и раскулачивания, когда «в отдельных местах», как сообщал Голощекин Сталину в секретном письме весной 1930 года, «доходило до отнятия абсолютно всего, до последнего куска хлеба»³⁰. (В отдельных ли? Читай —

всюду.) Следом прошла ответная волна народного сопротивления насилию. Вооруженные выступления начались в сентябре 1929 года в Кара-Калпакии и Сыр-Дарынском округе. 1 ноября восстало Батпаккара Кустайского округа, 7 февраля 1930 года — Сузакский район Сыр-Дарынского округа, 25 февраля — Иргиз Актюбинского округа и т. д. Одним из лозунгов восставших был —«Во имя ислама».

Власти пошли на попятную. Естественно, «правильная, ясная и четкая» генеральная линия партии не обсуждалась, она ведь была «совершенно бесспорной». Центр объявил виновными местных руководителей: перестраились-де и совершили «левые загибы». В числе последних осуждалось «изъятие в административном порядке мечетей и молитвенных домов». Этим якобы воспользовались «враждебные советской власти элементы, ведя агитацию, оскорбляющую религиозные чувства верующих» («будут облагать налогом за Уразу, Айт и намаз» и т. д.). Осуждение безбожников было, конечно, фальшивым: стоило подавить восстания и взнудить народ, как все вновь пошло своим чередом. Гурьевская «Рабочая правда» сообщала 17 апреля 1931 года:

«С МУЛЛОЙ И ҚОРАНОМ ПОКОНЧИЛИ. МЕЧЕТЬ ПОД КРАСНЫЙ УГОЛОК

Рыбаки-колхозники артели «Уртакшил» из аула № 15 совершенно отрешились от всякого религиозного дурмана. Накануне предстоящего праздника Курбан-Байрам колхозники на общем собрании постановили закрыть имеющееся помещение под ленинский уголок. Такое начинание рыбаков следует приветствовать... Пусть на месте, где царил дурман, процветает и крепнет культура. Места дурмана — под очаги культуры. Вот лозунг дня.

Каспиец».

Эта же газета напечатала через несколько дней, 5 мая 1931 года, заметку «В Курбан-Айт работали ударно»:

«Курбан-Айт оставили попам и муллам. Утром на поверхке 27 апреля на Каменном был устроен митинг, где рабочие-казахи в количестве 250 человек единоглас-

но отреклись от мечети как очага дурмана и невежества. Праздник Курбан-Айт на Каменном был ударным трудовым днем».

XIII

Давно ли селянину, чтобы завлечь его на сторону самого «передового», но, увы, весьма малоочисленного рабочего класса, обещали земельку? Выполнив же свою функцию в захвате власти, лозунг «Земля — крестьянам» как бы сразу показался сомнительным. Вставал вопрос: а на что крестьянину земля? Чтобы превращаться в «хозяйчика», богатеть, лелеять пережиток темного прошлого, именуемый мелкобуржуазной сущностью? И землю стали у крестьянина отбирать. Сначала, в 1918 году, у состоятельных. Не тех середняков, которых спустя десяток лет обозвали кулаками, а у настоящих крепких хозяев, «кулаков», то бишь, коли обойтись без ярлыка, средней руки землевладельцев (позднеподпольному, обычных фермеров), кои выращиванием зерна, скота, овощей желали подорвать самое дорогое, что было у государства — диктатуру пролетариата. После уничтожения этих злейших эксплуататоров трудового крестьянства (и кому они мешали жить?!) и плодотворной, вкупе с товарищем маузером, деятельности по очистке семенных закромов разразился в 1921—1922 годах голод. Этот первый голод, сотворенный новой властью, унес в стране 7 миллионов человек.

В. Г. Короленко писал А. В. Луначарскому в 1920 году, то есть за год-другой до разгара голодухи:

«Вы допустите, вероятно, что я не менее любого большевика люблю наш народ... Но я люблю его не слепо, как среду, удобную для тех или других экспериментов, а таким, каков он есть в действительности:..

Вы победили капитал, и он лежит теперь у ваших ног, изувеченный и разбитый. Вы не заметили только, что, убив его, вы убили также производство.... Увлеченные односторонним разрушением капиталистического строя... вы довели страну до ужасного положения. Когда-то в своей книге «В голодный год» я пытался нарисовать то мрачное состояние, к которому вело самодержавие: огромные области хлебной России голодали, и голодовки усиливались. Теперь гораздо хуже, голодом поражена вся Россия начиная от столиц, где были случаи голодной смерти на улицах... Голод охватывает

пространства гораздо большие, чем в 1891—1892 годах в провинции. И главное — вы разрушили то, что было органического в отношениях города и деревни: естественную связь обмена...

Каждый земледелец видит только, что у него берут то, что он произвел, за вознаграждение, явно не эквивалентное его труду, и делает свой вывод: прячет хлеб в ямы. Вы его находите, реквизируете, проходите по деревням России и Украины каленым железом, сжигаете целые деревни и радуетесь успехам продовольственной политики¹.

Короленко привел народную украинскую частушку тех времен:

Як був у нас Микола-дурачок,
То хліб був пятачок,
А як прийшли разумні комунисти,
То ничего стало людям істи...

«...Что же из этого может выйти? — продолжал он.— Не желал бы быть пророком, но сердце у меня сжимается предчувствием, что мы только еще у порога таких бедствий, перед которыми померкнет все то, что мы испытываем теперь»².

Луначарский не ответил на письма Короленко, хотя и обещал, и не издал эти письма со своими ответами, как было договорено. (Они были изданы в 1921 году в Париже и незадолго до смерти прочитаны Лениным.) Обманув старого наивного писателя, Луначарский с театральной брезгливостью развел руками: «Эти «праведники» в ужасе от того, что наши руки обагрены кровью»...

Прав был Короленко — несмотря на миллионные жертвы, разрушу, мор, страна только еще стояла у порога бедствий. И снова нахлынули они тогда, когда у лопоухого, доверчивого крестьянина потребовали назад всю его земельку. Вторая коллективизация (1929—1933 годы), которую Сталин сравнил по значению с Октябрьской революцией, стала главной операцией по раскрепощению крестьянской страны и, подобно операции расказачивания, унесшей жизни 2,5 миллионов из 4 миллионов казаков, превратилась в организованное и беспощадное истребление народа. Причем в первую очередь под топор пошли лучшие, самые умные, честные и трудолюбивые.

* * *

Спрашивается, зачем большевикам понадобилось уничтожать крестьянина-кормильца? А затем, что для Ленина и его соратников крестьянство было «главным врагом социализма» и, стало быть, мировой революции. Как только Ильич не величал вековечного труженика! И «мелким буржуем», и «мироедом», и «мешочником», и «спекулянтом». Владелец мало-мальской собственности (изба, соха, лошадь, надел земли) был для него «носителем мелкобуржуазной стихии, а значит, самым ярым противником. Ради победы мировой коммуны крестьянство — большинство России — надлежало либо изничтожить, либо поработить.

Задолго до революции В. И. Ленин так определил тактику обращения с крестьянством:

«Мы сначала поддерживаем до конца, всеми мерами, до конфискации,— крестьянина вообще против помещика, а потом (и даже не потом, а в то же самое время) мы поддерживаем пролетариат против крестьянина вообще»³.

То есть пусть крестьяне разорят помещиков (крупные товарные хозяйства), а потом (или одновременно) их самих разорят фабричные, присланные из городов.

После Октября наступил этап порабощения:

«От трудовой повинности в применении к богатым советская власть должна будет перейти, а вернее, одновременно должна будет поставить на очередь задачу применения соответствующих принципов к большинству трудящихся рабочих и крестьян»⁴.

Идеи Ленина развивали его ученики и соратники. Л. Д. Троцкий (который называл крестьянство «бесформенным обломком средневековья в современном обществе») на IX съезде партии говорил:

«Поскольку мы перешли теперь к широкой мобилизации крестьянских масс во имя задач, требующих массового применения, постольку милитаризация крестьянства является безусловно необходимой. Мы мобилизуем крестьянскую силу и формируем из этой рабочей силы трудовые части, которые приближаются по типу к воинским частям... В военной области имеется аппарат, который пускается в ход для принуждения солдат к исполнению своих обязанностей. Рабочая масса должна быть перебрасываема, назначаема, командуема точно так же, как и солдаты... Мобилизованный чувствует

себя солдатом труда, который не может собою свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить; если не выполнит — он будет дезертиром, которого карают».

«Любимец партии» Н. И. Бухарин теоретизировал:

«Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Смысл этих и подобных высказываний (а ведь они осуществлялись!) был один — свободных тружеников превратить в рабов коммунизма. Человека, для большевиков, не существовало — был лишь «человеческий материал». А поскольку «материал» был «косным», то бишь не желал из вольного превращаться в подневольного, то большевики применили против него лучшее средство усмирения — политику голода.

...В 1891 году помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов проживал в Самаре, центре голодающего Поволжья. Молодой Ильич (ему шел 21-й год) «был единственным из представителей местной интеллигенции, который не только не участвовал в общественной помощи голодающим, но был категорически принципиально против такой помощи. «В конце 1891 г. разговоры о борьбе с голодом,— вспоминал В. Водовозов,— привели к созданию в Самаре особого комитета для помощи голодающим... В комитет входила самая разнообразная публика — от чиновников, занимавших высокие посты в местной служебной иерархии, до лиц, явно неблагонадежных, даже прямо поднадзорных... На собраниях и сходках молодежи Ленин вел систематическую и решительную пропаганду против комитета...». Владимир Ильич, рассказывает друг Ленина по Самаре, «имел мужество открыто заявить, что последствия голода — нарождение промышленного пролетариата, этого могильщика буржуазного строя,— явление прогрессивное, ибо содействует росту индустрии и двигает нас к нашей конечной цели, к социализму, через капитализм... Голод, разрушая крестьянское хозяйство, одновременно разбивает веру не только в царя, но и в бога, и со временем, несомненно, толкнет крестьянина на путь революции и облегчит победу революции». Свое отношение к комитету помощи голодающим, т. е. тем, кто пытался

помешать «прогрессивному явлению», будущий Ленин выражал, по свидетельству его друга, чрезвычайно ясно и просто: с членами комитета есть один способ разговора: «рукой за горло и коленкой на грудь»⁵.

Молодой, да ранний был Ильич! Костью в горле у него, конечно, был Столыпин с царем, приведшие страну к хлебному изобилию. Как же зато радовался убийству Столыпина! И Керенского с компанией одобрил — несмотря на завалы хлеба в России, они исхитрились создать его нехватку в Петрограде и устроить революцию.

С обретением власти наконец-таки стало возможным выявить прогрессивное значение голода в полной мере. Вскоре в городах ввели «классовый паек». «Были введены 4 категории: 1 — рабочие тяжелого физического труда, 2 — все остальные рабочие и служащие, 3 — лица свободных профессий, 4 — нетрудовые элементы. В июне 1918 г. к двум последним категориям было отнесено в Петрограде 13,9% населения. В сентябре было опубликовано решение, гласившее: «Народный комиссариат социального обеспечения подтверждает тем самым необходимость лишения пайков всех кулацких и буржуазных элементов города и деревни; полученные таким образом излишки пойдут на увеличение пайка городской и деревенской бедноте». С первых же дней революции советское правительство присвоило себе право решать, кого нужно кормить, кого можно оставить умирать с голоду. Правительство присвоило себе право решать, кого оно будет кормить, а кому ничего не даст. Было формально объявлено об отказе признавать право людей на равенство перед лицом голода, голодной смерти»⁶. Так одних прикупили приварком к пайку, а других приговорили к вымиранию. Но чужой бедой сыт не будешь. Жировали лишь оккупанты — большевистская элита. (В Петрограде верный ленинец Гришка Зиновьев на радостях, как говорили тогда, морду отъел и разжирел до неприличия; в это же время Александр Блок медленно умирал с голоду.)

Между тем неутомимый марксистский мозг Ильича открыл **социалистический способ борьбы с голодом** — объявил хлебную монополию. Если капиталистический (равно феодальный, рабовладельческий, первобытнообщинный) способ борьбы с голодом состоял в том, чтобы обеспечить население хлебом, попросту накормить лю-

дей, то социалистический — состоял в борьбе за хлеб. Под предлогом устроенного ими же голода большевики развернули эту борьбу. Разумеется, они не бросились пахать и сеять, а принялись, как обычно, грабить и отбирать. Ленин не успевал рассыпать депеши своим продовольственным комиссарам. 10 августа 1918 года в Саратовскую губернию: взять «в каждой хлебной волости 25—30 заложников из богачей, отвечающих жизнью за сбор и ссылку всех излишков»⁷. 19 августа в Орловскую: беспощадно подавить кулацкое левоэсеровское восстание с «конфискацией всего хлеба у кулаков»⁸. 1 октября, всем губерниям: «...вдесятеро больше усилий на добывчу хлеба... Запасы все очистить и для нас и для немецких рабочих»⁹. По определению историка Михаила Геллера, «он действует, как захватчик в оккупированной стране, используя в качестве вооруженной силы продовольственные отряды...»¹⁰. Только не сравнение здесь нужно, а имя существительное: Ленин и был самым настоящим захватчиком в оккупированной большевиками стране.

В ответ на политику голода по всей России прошли вооруженные восстания крестьян. Кто с винтовкой, а кто с вилами, они пытались защитить от гибели свои семьи — за это советская власть обозвала их бандитами и бросила против них регулярные войска. Драпавший от поляков, но поднаторевший в братоубийственной бойне Тухачевский подавлял в 1921 году восставших тамбовских крестьян с помощью армии в 35 тысяч штыков и 10 тысяч сабель, располагавшей сотнями пулеметов и 60-ю орудиями (бывало, из пушек расстреливали повстанцев: поставят связанных перед собственной избой и — огонь!). В Сибири в том же году крестьянский «мятеж» усмиряли два стрелковых и два кавалерийских полка, пехотные курсы, кавалерийская бригада, стрелковая дивизия, 4 бронепоезда и вспомогательные войска. Это лишь примеры тотальной войны большевиков с крестьянской страной. Среди «героев гражданской войны», иначе говоря, отличников братоубийственной бойни, Фрунзе, Буденный, Якир и прочие. За что же бились они? Чтобы покорить крестьян, отобрать у них весь хлеб и сделать их заложниками голода. Мудрый Ильич понимал, что не пуля правит миром — голод. Как ни хороши пулеметы и артиллерия, но свинцом перебьешь тысячи врагов. Голод же косит миллионы. Чем меньше

«врагов социализма», тем ближе победа. Все, что полезно для мировой революции, то и морально.

Около миллиона казахов погибло голодной смертью в Туркестане, а «кремлевский мечтатель» как бы и не заметил этого. Небывалый голод угрожал разразиться в России (уже весной 1921 года всем было ясно, чем обернется страшная засуха при полном отсутствии хлебных запасов в разоренной стране), но Ильич и не думал беспокоиться по этому поводу. Его заботило лишь одно — любым способом удержать власть и устроить мировую революцию на средства, награбленные в России. Но вот уж что не прошло мимо его мечтательного прищура, так это попытки русской общественности, той, что еще не погибла в большевистском погроме, помочь хоть как-то обреченным на голод людям.

В июне 1921 года ряд экономистов, кооператоров, аграрников и врачей предложили правительству сотрудничество для помощи голодающим. Выбрали делегацию в Кремль. Но ни председатель Совнаркома, ни нарком земледелия делегатов не приняли. Когда все же дело дошло до создания Комитета помощи голодающим, еще один гуманист, нарком здравоохранения Семашко, высказался против существования комитета. Остроумные кремлевцы, собрав в оскорбительное слово начальные слоги фамилий руководителей комитета — Прокоповича, Кусковой и Кишкина, называли комитет «Прокукишами» или «Кукишами». Ленин использовал имена руководителей, чтобы договориться о продовольственной помощи с американцами. Установив таким образом отношения с капиталистическими странами, он тут же велел разогнать и арестовать всех в комитете, кто не принадлежал к «коммунистической ячейке» (61 человека из 73). 26 августа 1921 года он подробно инструктировал Сталина и других членов Политбюро: «...распустить «Кукиш»... Прокоповича сегодня же арестовать... Напечатаем завтра же пять строк короткого, сухого «правительственного сообщения»: распущен за нежелание работать. Газетам дадим директиву: завтра же начать на сотни ладов высмеивать «Кукишей». Баричи, белогвардейцы хотели прокатиться за границу, не хотели ехать на места... Изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев»¹¹. «Коллективный пропагандист и агитатор» дружно заработал: Демьяну Бедному, Яше Зубу и другим только дай задание...

Писатель М. Осоргин вспоминал: «Несколько дней оказалось достаточно, чтобы в голодные губернии отправились поезда картофеля, тонны ржи, возы овощей из центра и Сибири, как в кассу общественного комитета потекли отовсюду деньги, которых не хотели давать комитету официальному... Члены комитета посетили патриарха Тихона, который благословил их деятельность и обратился с Воззванием о помощи голодающим. Октябрьская власть должна была убить комитет прежде, чем он разовьет работу. В Приволжье погибло пять миллионов человек, но политическое положение было спасено»¹².

Таким образом, если в 1891 году, будучи помощником присяжного поверенного, Владимир Ильич лишь приветствовал и пропагандировал народный голод, то после 1917 года, став председателем Совнаркома, он раскрыл все возможности, таящиеся в этом «прогрессивном явлении», и довел Россию до самого страшного в ее тысячелетней истории голодда.

М. Горький, признававшийся, что разделяет «теорию Ленина» (имелось небольшое расхождение касаемо интеллигенции), написал в 1922 году, как раз после самого свирепого в России мора, статью «О русском крестьянстве»— наиболее безжалостное, как заметил М. Геллер, осуждение русского народа, когда-либо написанное русским писателем. «Буревестник революции» смотрел в дали светлого будущего: «...вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень — все те, почти страшные люди... и место их займет новое племя — грамотных, разумных, бодрых людей»¹³.

Певец бродяг, предпочитавший брать в жены миллионерш, считал политику Ленина по отношению к крестьянству излишне уступчивой.

Иосиф Виссарионович Сталин, совершенно справедливо названный «лучшим ленинцем», в 1929 году, быть может, собрался немного поправить своего учителя...

* * *

Шестьдесят лет назад телетайпов еще не существовало и провинциальные журналисты, приникнув к репродуктору («Говорит Москва!»), ловили на слух печатные директивы, дабы, не дожидаясь телеграфа, поскорее дать народу, истомившемуся без руководящих партийных указаний, свежие постановления центра.

Поэтому 7 ноября 1929 года, публикуя статью тов. Сталина «Год великого перелома», в которой, разумеется, важно было всякое слово, каждая запятая, казахстанская республиканская газета «Советская степь» сопроводила ее следующим замечанием:

«Статья тов. Сталина передавалась по радио. Слышимость была очень плохой. Есть пропуски и возможны искажения. Статья будет помещена вторично по получении телеграфной передачи».

Товарищ Сталин предрекал колхозам и совхозам, как совершенно ясное и очевидное, «величайшую будущность» и «чудеса роста».

«В истории человечества впервые появилась на свете власть — власть Советов, которая показала на деле свою готовность и способность оказывать трудящимся массам крестьянства систематическую и длительную производственную помощь...

Новое и решающее в нынешнем колхозном движении состоит в том, что в колхозы идут крестьяне не одиночными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами...» — писал мудрый Коба, усмехаясь в усы и хорошо понимая свое грубое, издевательское иезуитство. Ведь этот деланный оптимизм, предназначенный для воодушевления народа, сопровождался совершенно секретными директивами аппаратчикам на местах — насилием загонять людей в колхозы селами, волостями, районами и округами (а практически республиками и всей страной). Обнародованная же публикация, с презрением попирающая всякий здравый смысл — с чего бы это вдруг народ толпами ринулся в колхозы?! — предписывала всем восторгаться этому насилию, названному «великим», и вслед за вождем называть его «небывалым успехом» и «важнейшим достижением советской власти».

Сталин лукавил и в том, что 1929 год назвал годом великого перелома. Некоторое оживление колхозного строительства в течение десяти месяцев было только началом, спичкой, поднесенной к стогу сена, подъемом топора, которым надлежало хрястнуть по позвоночнику. Настоящий перелом еще предстоял — в оставшиеся два месяца 1929 года и в последующие месяцы начала 1930 года. Статья была сигналом к развязыванию

небывалого доселе в истории насилия над всем народом.

Не прошло и двух недель, как на собрании партийного актива Алма-Аты (которая к тому времени стала столицей) Измухан Курамысов, второй секретарь крайкома, давал отпор людям, почувствовавшим в разгорающейся кампании недоброе. Его доклад вышел в газете под заголовком «Мы обеими ногами стоим на ленинской платформе партии», но, пожалуй, еще характернее был подзаголовок —«Великодержавный шовинизм и местный национализм смыкаются с правым уклоном». Курамысов спорил с доводами анонимного члена партии, назвавшегося именем Сарман, который прислал письмо из Ташкента. Сарман возражал против того, что лучшие земли отдаются под совхозы — лишь бы, как он писал, «чтобы обеспечить попавших в затруднительное положение русских».

«Какая разница между нынешними руководителями казахами, открывающими путь для переселенцев, и Абулхаир-ханом 18-го века?» — задавался он вопросом.

Однако, заметим в скобках, в те годы добровольно никто в Казахстан не стремился, зато спецпереселенцев, а не переселенцев, гнали в казахские степи под дулами милицейских и чекистских винтовок, и гнали отнюдь не на лучшие земли, а рыть шахты, рудники, строить дороги, заводы и т. д.

Следующий вопрос Сармана бил в самую точку новой кампании:

«Законы истории порождают классы, которые проходят определенную ступень развития; куда на гибель ведете казахов, еще не изживших родовых пережитков?»

Что же ответил Курамысов?

«Мне, товарищи, очень неудобно выпускать против такого негодяя самого Ленина и доказывать правоту Лениным. Мне очень этого не хочется, это было бы из-девательством над Лениным, в котором пусть изощряются правые, старающиеся подстричь, причесать Ленина под Бухарина... Но мне кажется, что об этом уже высказались казахские трудящиеся массы, беднота и середняки, которые сами идут в колхозы, сами создают основы социализма...»

Как видим, доказательства еще жиже, чем у тов. Сталина.

Координатор коллективизации сельского хозяйства в целом по стране Каганович (заморивший голодом миллионы людей, а сам благополучно здравствовавший до недавнего времени) говорил 21 ноября 1929 года в Москве об итогах ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) (маленькая буквочка «б», забранная в скобки, еще существовала, хотя давным-давно в этом не было смысла: меньшевиков не только распустили, но и пересадили и посыпали в Сибирь, их как партии уже не было, равно как не было и других партий):

«На Пленуме ЦК ряд товарищей говорил прямо, что мы не предвидели такого темпа коллективизации, который мы имеем сейчас и который, несомненно, увеличим еще».

Вот как? Не предвидели, но — увеличим! Проговорился Лазарь Моисеевич! Впрочем, что там слова — будто можно какими-то словами скрыть дела...

3 декабря с докладом об итогах Пленума ЦК, прошедшего в Москве, выступал перед партактивом края Голощекин. Он сказал, что в последние месяцы колхозов в Казахстане стало значительно больше, и отметил весьма важный момент — что 51,8 процента созданных колхозов «исключительно казахские».

«Я встречался с таким мнением,— заявил Филипп Исаевич,— что у нас колхозное движение пойдет медленнее, чем в других районах СССР. Я считаю такое мнение неверным».

Так он приравнял к вековому оседлому крестьянству вековых кочевников. И если первым сплошная, то есть насильтвенная, коллективизация грозила страшной бедой, то для казахов, которых, кроме всего прочего, заставляли сразу же переходить на оседлый образ жизни, это была невиданная по гибельности катастрофа.

Но ведь и те и другие были для вождей отнюдь не людьми, а «человеческим материалом», темным, враждебным и косным материалом прошлых эпох, который не понимал и не мог понять, что ему необходимо для счастья.

«В казахском хозяйстве,— продолжал Голощекин,— колхозное строительство является тем основным «винтиком», при помощи которого оно выйдет и выходит из того векового нищенского положения, в котором оно находилось».

Выразив беспокойство, что «скот и другие средства

производства еще очень мало обобществлены», Филипп Исаевич заключил свой доклад по-большевистски оптимистическим заверением:

«Мы находимся на новом этапе, мы находимся на этапе новых головокружительных побед...»¹⁴.

(Эти головокружительные победы Сталин назвал спустя всего три месяца «головокружением от успехов». И победы и успехи были победами и успехами насилия, геноцида. А головы если у кого и кружились, то отнюдь не у вождей и исполнителей их директив, а у тех, кого они загоняли в колхозы, кружились от недоедания и истощения, от начинающегося голода.)

Через неделю Голощекин выступал с докладом на Пятом пленуме крайкома и вновь давал указания, на этот раз о темпах перехода кочевников в оседлость, или, как тогда говорили, на оседание:

«Основной путь разрешения сельскохозяйственной проблемы у нас в Казахстане лежит по линии освоения огромных площадей, раньше всего коренным казахским населением, путем коллективизации. На этой почве необходимо в кратчайший срок осуществить оседание». (Выделено мной.— В. М.)¹⁵.

В прениях выступил с докладом И. Курамысов и уточнил, что через пятилетку девять десятых всех казахов будут жить оседло. Он сообщил о решении бюро крайкома перевести на сплошную коллективизацию Петропавловский и Кустанайский округа, а также подобрать десятка полтора районов по всем округам и перевести их на сплошную коллективизацию в течение этого же года (вот и вся добровольность в понимании партбюрократов: «перевести»!).

Курамысов с подъемом провозгласил лозунг:

— От карликовых колхозов — к районам и округам сплошной коллективизации!

«Такой темп колхозного движения,— сказал он,— возможен только на основе того, что середняк массой пошел в колхозы... Этот перелом означает, что мы в части коллективизации села можем идти несравненно большим темпом, чем шли до сих пор. И характерно то положение, что казахские районы почти не отстают от темпа коллективизации русской деревни...

Колоссальную роль в деле усиления темпа коллективизации будут играть организуемые в Казахстане сов-

хозы. В этом отношении Казахстан может достичь огромных результатов, может оставить позади себя образцовые, на сегодняшний день, области СССР».

Лихорадочное нагнетание темпа коллективизации началось. Обещаниями и усилиями партийных чиновников оно превращалось в гонку за выколачивание самого высокого процента в рекордно короткие сроки. Чуть позже погибельную для народа процентоманию подстегнуло лицемерное решение ЦК ВКП(б) о темпе коллективизации: «ЦК ВКП(б) подчеркивает необходимость решительной борьбы со всякими попытками сдерживать развитие коллективного движения из-за недостатка тракторов и сложных машин (будто бы кто-то из ретивых исполнителей пытался сдержать этот массовый загон в колхозы. — В. М.). Вместе с тем ЦК со всей серьезностью предостерегает парторганизации против какого бы то ни было «декретирования» сверху колхозного движения (будто бы его декретировали снизу или сбоку. — В. М.), могущего создать опасность подмены действительно социалистического соревнования по организации колхозов игрою в коллективизацию».

Курамысов растолковывал исполнителям основополагающие мысли Голощекина:

«Вполне возможно, что коллективизация животноводческих хозяйств несколько сложнее, труднее, чем коллективизация зерновых хозяйств. Это ни в коей мере не означает, что мы в этом отношении помирились на меньшем темпе коллективизации, нежели это предусмотрено в отношении зернового хозяйства».

Пятый пленум крайкома, разумеется, послушно проголосовал за те установки, которые выдвинул Голощекин. В резолюции о колхозном строительстве записали:

«Всемерно стимулировать коллективизацию животноводческих хозяйств в таких же темпах, как по зерновому хозяйству... имея в виду охватить не только зерновые районы, но и животноводческие и хлопководческие, установим темпы коллективизации с расчетом на полный охват населения в течение одного года».

17 декабря 1929 года решением пленума предписывалось охватить коллективизацией к весне 1930 года 30 процентов хозяйств.

Участники пленума, конечно же, горячо вскидывали руки, шумно одобряли, хлопали в ладоши. Под это лихорадочное оживление на собраниях начинался вели-

кий загон в голодное и холодное колхозное будущее, где на пороге скалилась смерть — уже не с косою в руках, а как бы за рулем широкозахватной косилки.

1929 год подходил к концу. На прощание нарком земледелия Токтабаев порадовал Всеказахстанский съезд ветработников известием, что в конце пятилетки в Казахстане будет не 38 миллионов голов скота, а 58 миллионов.

Случилось несколько иначе. В конце пятилетки осталось всего-навсего 4 миллиона голов скота — по официальным данным (конечно, преувеличенным). Сколько на самом деле, никто не знает. Люди, выжившие в коллективизацию, говорят, что гораздо меньше...

* * *

Эпоха застоя, оказавшаяся весьма динамичной на коррупцию, воровство, награды и анекдоты, оставила нам один любопытный образец устного народного творчества, вполне, может быть, отечественного происхождения, а не заброшенного из-за кордона.

В красный день календаря стоит на Красной площади Наполеон, в рядах гостей, и читает газету «Правда». Идет военный парад.

— Сир! — шепчет советник. — Какие пушки! Если бы у нас были такие пушки, Франция ни за что бы не знала поражения при Ватерлоо.

Молчание. Наполеон не отрывается глаз от газеты.

— Сир! — чуть громче шепчет советник. — Какие танки! Если бы у нас были такие танки, Франция ни за что бы не знала поражения при Ватерлоо.

Тишина, треуголка еще глубже погружается в разворот.

— Сир! — восклицает советник. — Ракеты!!! Если бы у нас были такие ракеты, Франция ни за что бы не знала поражения при Ватерлоо.

Наполеон поднимает глаза, передает советнику газету и вздыхает:

— Если бы у нас была такая пресса!... Франция тогда вообще бы не знала про Ватерлоо.

Нельзя сказать, что в пору «великого перелома» не было в стране никакой гласности; конечно, она была, но в тех пределах, которые ей устанавливали сверху. Так сказать, в директивных пределах. И уж, конечно, в трепетных сердцах цензоров и редакторов было записано

непреложное охранительное правило, выраженное впоследствии, опять-таки в болтливую эпоху застоя, несколько развязно и непочтительно к предтече этого правила — революционной бдительности:

— Лучше перебить, чем недобить!

Что такое «недобить» в те времена, не нуждается в пояснениях. Потому-то очень трудно найти в газетах тех лет правду, то есть каким образом в действительности, а не в газетном отражении пределов тогдашней гласности, проходила коллективизация. Потому-то и приходится восстанавливать эту действительность, как говорится, задним числом. Когда на смену одной кампании приходила другая — по исправлению «ошибок» — извращений и перегибов, как это тогда называлось, — в угаре самокритичности, но опять-таки в дозволенных пределах, кое-что становилось известно и читающей публике. Именно кое-что. Частица правды, жалкая, возможно, частица. Правда в полном ее виде не нужна «человеческому материалу» ни той, ни последующих эпох — так считали вожди. Она подлежала забвению, уничтожению. Преступники, в какие бы личины они ни рядились, испокон веков не любят оставлять следов.

Как же проходила первая волна коллективизации в Казахстане?

Весной 1930 года по сигналу, данному Сталиным статьей о «головокружениях», чиновникам подлежало вскрывать свои прегрешения. (Главное прегрешение состояло в том, что народный хребет надломили, да вот переломить не смогли — тело еще отзывалось на боль, сопротивлялось насилию: кругом начались вооруженные «антисоветские выступления».) В июне Голощекин выступил с огромным — чтение его продлилось два дня — докладом на Седьмой Всеказахстанской партконференции. Он пытался оправдаться в чрезмерных темпах коллективизации. Оправдывался, конечно, не перед народом, не перед жертвами, а перед собственным начальством в центре. Прекрасно понимая, что ему, собственно, ничто не грозит, что это необходимая, тактическая увертка власти, обманывающей народ. Но, как полагается, раз приказано было, надо кого-то винить. Кого же, как не ретивых исполнителей, низовых работников?

«Ошибки в области коллективизации можно харак-

теризовать как непонимание партийной линии, как иска-
жение линии партии, как уход от ленинизма... Ошибки,
допущенные на местах, ни в какой степени не вытекают
из директив ЦК». (Будто бы рыба не с головы гниет, а
с хвоста.)

— Верны ли были темпы, когда мы взяли 30 процен-
тов в 1930 году? — обратился он к залу.— Верно ли, что
мы ставили в двух округах (Петропавловском и Куста-
найском), наиболее мощных экономически, задачу
сплошной коллективизации в два года?

— Правильно! — кричали с мест дисциплинирован-
ные партийцы, быстро угадывая, что от них требуется.

— Если мы делали правильно, то вы на местах сде-
лали все это абсолютно неправильно,— с мягким юмо-
ристическим укором заметил Филипп Исаевич. И dele-
гаты ответили ему дружным смехом.

Вот этот, подробный, отрывок из стенограммы, выз-
вавший у делегатов конференции такое неудержимое
веселье:

«Товарищи, темп по краю: в январе 30 г.—24,5 про-
цента, в феврале —25 процентов, в марте —45,1 проц., в
апреле — 51,3 проц. Прямо гигантскими шагами двига-
лись! (Смех.)

Похоже ли это на темпы, которые мы вместе с вами
наметили? Может быть, мы тогда были оппортунистами?

Но если, товарищи, вы проследите данные по окру-
гам, то увидите еще более гигантские темпы. Вот окру-
га: в Алма-Атинском в январе было 17 проц., а в апре-
ле — 63,7 проц. (смех); в Петропавловском в январе
было 38 проц., в апреле — 73,6, в Семипалатинском —
18 и 40 проц.— тут более божеский подход (смех); в
Кустанайском — 36 и 65; в Каркаралинском в апреле
48 проц. (вы знаете — этот округ «архизерновой», с ты-
сячами тракторов); в Гурьевском округе — 1,5 и 36,6
процента; в Уральском — 72 в апреле; в Павлодар-
ском — 60 процентов; в Кара-Калпакской области, хо-
зяйство которой зиждется пока на омаче, где сохраня-
ются еще и сейчас полуфеодальные отношения, где еще
бай и ишаны имеют большое влияние, где в январе бы-
ло 12,5 процента, а в апреле 52 (смех); в Сыр-Дарьин-
ском — в марте 64,4 процента... и, наконец, в наиболее
передовом округе — Қзыл-Ординском — 61 процент
(смех) вместо 14 процентов в январе.

Я прошу вас здесь, на конференции, совершенно чест-

но, по-большевистски, сказать: вытекает ли эта ошибка из линии и руководства крайкома?

Чем, товарищи, объяснить, что, начиная с 5 февраля и даже с конца января, крайком бил тревогу, что ЦК уже дал твердую директиву об исправлении ошибок, а мы до апреля никак не можем добиться снижения темпа? Чем это объясняется? Некоторые говорят — недоучетом, а мне кажется — непониманием глубины ошибок.

Если Петропавловский, Кустанайский округа... сделали в 2 месяца то, что рассчитано было на 2 года, то что сказать о других округах, таких, как Уральский, Актюбинский, Алма-Атинский, Сыр-Дарынский? Особенно разительно то, что, чем более отсталым является округ в хозяйственном развитии, темп коллективизации был там более быстрым, · например, Каркаралинский, Сыр-Дарынский. (т. Исаев: «Там администрировать легче!»). Правильно, т. Исаев, там администрировать легче. В Каркаралинском округе: Беркалинский животноводческий район коллективизирован на 84 процента, Абралинский — 76, Шорошевский — 70; в Уральском три животноводческо-полеводческие — на 73 процента и так далее. Как только животноводческий район, так прямо скачок вверх! Один товарищ, поражаясь этому, пишет:

«Серьезным шагом является форсирование коллективизации в наших скотоводческих районах с обязательным условием обобществления всего скота. Это видно также и из того, что наибольший процент коллективизации дают как раз животноводческие, кочевые и полукочевые районы (Джаныбекский — 95 процентов, Сламихинский — 85, Чижинский — 82, Челкарский — 86, Тайпакский — 82, Джамбейтинский — 80... и т. д.»).

Этот товарищ все это написал, забыв только об одной «мелочи», а именно, что в этих районах были наибольшие безобразия и наибольшее количество группировок. (Смех.)».

Сколько же смеха было в зале, сколько веселья!.. Будто речь шла о каких-то недотепах из низового руководства, которые по ретивому усердию не разобрались, что к чему, и переборщили с процентом коллективизации. А ведь за этими цифрами, которые выслушивал Голощекин, смеша делегатов, была практика коллективизации, хорошо известная всем в зале: как лютой зимой и студеной ранней весной у людей отбирали и скот и имущество, сгоняя в кучу угрозами, по-

сулами, разрушая доиста хозяйство и привычную трудовую жизнь, обрекая на голод и бестолковое прозябание. И не желал Филипп Исаевич вспоминать про свои же тогдашние директивы, подлежащие исполнению неукоснительному, как военные приказы.

Еще в январе он следующими указаниями напутствовал земельных работников Казахстана, собравшихся на съезд:

«Мы в области колхозного строительства по темпам не отстаем от передовых районов Союза. Этот широкий, этот быстрый темп дал возможность взять установку, чтобы если не к концу пятилетки, то в начале первого года второй пятилетки иметь сплошное коллективизированное хозяйство всего населения у нас в Казахстане. Большой ли это срок или малый? Это значит — еще четыре года. Так вот, «пессимисты» говорят, что мы взяли слишком длинный срок,— пессимисты, конечно, в кавычках,— ибо процесс идет так быстро, что он перехлестывает наши планы и наши предположения»¹⁶.

Голощекин хитрил, говоря о сроках коллективизации (на самом деле по плану на нее Казахстану отводилось всего три года), и тут же сваливал перехлесты им же организованного «быстрого процесса», а проще говоря, насилия — на стихийный напор середняка, якобы неудержимо рвущегося в колхозы. И здесь же намекал, что, дескать, напор такой, что коллективизация будет закончена досрочно, провоцируя у послушных исполнителей стремление к «перехлестам».

Газеты тех дней безудержно нагнетали психоз, взвинчивая и без того непомерные темпы колхозного строительства, и, конечно, не писали о методах коллективизации. Передовые «Правды», рассылаемые телеграфом, ежедневно перепечатывались в «Советской степи». Это были прямые приказы центра — печатные указания (а ведь были еще тайные). «Встречные планы» крайкомовцев шли еще дальше московских директив.

Вот газетная хроника той поры.

12 января 1930 года. «Петропавловск. Бурный рост колхозов вносит свои решающие поправки в посевные планы. Весной 1929 года в колхозах было 7,4 процента хозяйств, в декабре — 35 процентов. К весеннему севу предполагается коллективизировать 60 процентов хозяйств округа. В Булаевском и Красноармейском районах проведут сплошную коллективизацию».

Здесь же, в «Советской степи», чего в последние годы почти не было, стали печатать рекламу одесских коператоров, решивших именно в начале коллективизации насытить казахский рынок своей продукцией:

«ПОЛОВОЕ БЕССИЛИЕ

и как его лечить

4-е дополн. изд.

известной книги д-ра Н. В. Слетова...

С цветными таблицами.

Цена с пересылкой 3 р. 25 к.

Высыпает книж. дело

«Литература», Одесса,

ул. 10-лет. Кр. Армии, 64».

13 января. Передовая «Правды»:

«Ликвидация кулачества как класса становится

в порядок дня

...Сплошная коллективизация несет смерть кулачеству. Колхоз должен объявить войну не на жизнь, а на смерть кулаку и в конце концов снести его с лица земли. Партия развертывает действенное большевистское наступление на кулака с прямой целевой установкой на его ликвидацию».

Смерть, война, ликвидация...

В тот же день:

«Актюбинск. Ликвидирована шайка бандитов, оперировавших в округе. Бандитская шайка грабила население, угоняла скот, подготовляла крушение скорого поезда, занималась террористическими актами. Коллегия ОГПУ приговорила бандитов Щербакова, Аимбетова, Иржанова, Кунакова и Арстанова к расстрелу. Приговор приведен в исполнение».

14 января. «Ростов-на-Дону. Съезд по проведению сплошной коллективизации края шлет телеграмму друзьям-товарищам Ворошилову и Буденному: «На полях, где происходили решительные схватки с белогвардейцами, на полях, полых кровью бойцов 1-й Конной армии, алыми маками расцветают колхозы».

21 января. «Совнарком Казахстана призывает:

— Поднимем ярость бедняцко-батрацких и середняцких масс против кулака, бая и их подпевал, разбазаривающих скот!»

22 января. «Пятилетку в один год

Актюбинск. Нынче на сплошную коллективизацию

переходят 4 громадных района: Акбулакский, Мартукский (русские), Илекский, Мугоджарский (казахские).

Семипалатинск. Самарский район — район сплошной коллективизации. Она идет под лозунгом: «К апрелю 1930 года коллективизировать 100 процентов населения».

24 января. Статья тов. Сталина **«К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса»**.

Реклама в тот же день:

«ВЕСЕЛЫЕ

рассказы, сценки, пародии,
стихотворения, басни, фельетоны
для чтения, декламирования
найдете
в интересном сборнике

САТИРА И ЮМОР

Цена в переплете с пересылкой
2 р. 30 к.

Высыпает кн. дело «Литература»,
Одесса, ул. 10-лет. Красной Армии, 64».

31 января в Алма-Ату прибыли 19 московских рабочих-химиков, чтобы поднимать колхозное движение. На вокзальной площади состоялся летучий митинг, и местный крестьянин Березовский сказал короткую речь:

— Мы, крестьяне Алма-Атинского округа, бедняки и середняки, крепко надеемся, что передовые пролетарии с братской открытой душой пойдут к нам и помогут войти в новую жизнь, покончить со всем темным и старым, чего еще много осталось в нашей деревне.

Об этом газета «Советская степь» сообщила 2 февраля.

В тот же день информация из Харькова о том, как рабочие завода «Молот» провели собрание о ликвидации кулачества:

«Беспартийный рабочий с 30-летним производственным стажем заявил:

— Я счастлив, что живу в такое время, когда уничтожаются последние остатки капиталистических классов в стране (крестьян уже называют капиталистами! — В. М.). Вобъем осиновый кол в могилу кулачества! Вступаю в ряды партии для того, чтобы под ее знаменем бороться за дело Ленина!»

Какого же размера осиновый кол понадобился бы этому передовому пролетарию для братской могилы миллионов украинцев (которые его же и кормили, пока он 30 лет стоял у станка), погибших чуть позднее от голода!..

В том же номере газета обнародовала постановление сессии ЦИК Казахстана:

«Сессия считает, что запроектированная наркомземом на 1929—1930 год коллективизация 47,4 процента всех хозяйств является минимальной (разрядка моя.— В. М.) и предлагает Совнаркому эту цифру пересмотреть в сторону возможного увеличения».

Ну вот, а Филипп Исаевич Голощекин, который всем этим руководил и который понуждал ежедневно колхозизаторов, потом удивлялся, как это низовые работники сумели добиться высоких цифр и натворить безобразий...

3 февраля слово взял Голощекин:

«Сейчас на основе коллективизации произойдет переход от кочевого, полукочевого хозяйства к оседлому... Мы находимся у преддверия изжития мелкого расселения аула по 5—6 юрт, уничтожения самого существования юрт. А вместе с этим создается возможность уничтожения архаического, некультурного быта, создания условий для культурного подъема масс.

Существует предрассудок, что колхозное строительство в Казахстане пойдет более медленным темпом. Это неверно,— повторил он, как и прежде, свои установки на нагнетание темпов. Отметив «обостреннейшую классовую борьбу», Голощекин заключил:— Из страны отсталой, страны спящей Казахстан становится страной передовой, страной кипучей жизни, страной социалистического наступления (разрядка моя.— В. М.)».

6 февраля. Передовая «Правды»:

«Сельская буржуазия, кулаки, «пившие кровь из сердца крестьянина и мозг из его головы» (Маркс), оказали и оказывают остервенелое сопротивление движению основных масс крестьянства к социализму...»

Сталин шел вслед за своим учителем, Марксом...

По всей стране шло истребление лучшего крестьянства, надвигался голод, но, кажется, ничто не портило настроения одесситам и не уменьшало их желания выколотить денежки из карманов населения:

«135 ВЕСЕЛЫХ
фокусов-загадок в одной книге
«Физика в развлечениях»
Цена с пересылкой 1 р. 70 к.
Высыпает кн. дело «Литература»,
г. Одесса...»

Что же происходило на самом деле, пока с газетных страниц сыпались все эти директивы, угрозы, радужные обещания политиков и пока одесское книжное дело «Литература» старалось поразвлечь, не без выгоды для себя, публику? Какова была в действительности кипучая жизнь, о которой воскликнул первый секретарь крайкома и которую не желала замечать пресса?

Про колхозы людям, как потом выяснилось, ничего почти не говорили. Хватало одного собрания, чтобы объявить о коллективизации и тут же проголосовать. Уполномоченных не занимало, хочет ли, нет ли человек стать колхозником. Вопрос задавался следующий:

— Кто против коллективизации?

Впрочем, во многих районах, бывало, и поясняли, что всем, кто не вступит в колхоз, нарежут самую плохую землю. Где-нибудь в песках, в горах. А с поливной земли сгонят. Имущество отберут. Самых людей, не желающих трудиться совместно с другими, вообще выселят из родных аулов и деревень. Такая доходчивая разъяснительная работа велась, к примеру, в Таласском районе Сыр-Дарынского округа и во многих других местах.

В том же Таласском районе создавали огромные и практически неуправляемые колхозы с многими сотнями хозяйств, разбросанных в радиусе полусотни верст. У кочевников, живущих в песках, отобрали весь скот и все имущество, за исключением самых необходимых предметов домашнего обихода. Новое начальство строго-настрого запретило что-либо продавать или покупать без особого на то разрешения.

В Илийском районе Алма-Атинского округа в колхозы сгоняли прямым национальным, угрозами и при этом не знакомили даже с уставом артели. Если кто-то спрашивал: а можно ли не вступать в колхоз,— ему отрезали: нельзя.

В одном из аулов Кзыл-Ординского округа уполномоченным по коллективизации был некто Утешев, по должности бригадир. Он сразу предупредил, что тот,

кто отказывается войти в колхоз, отныне считается прямым врагом социализма и советской власти. И, стало быть, невступившему грозят: выселение, конфискация, лишение избирательских прав и арест. Он и арестовывал — вплоть до батраков. «Масса загнана в колхоз исключительно в административном порядке. Но районное руководство считает колхоз благополучным и образцовым», — писал в крайком партии Сарсеков.

Кара-Калпакский обком телеграфировал своему вышестоящему начальству (Кара-Калпакия тогда входила в состав Казахстана) о том, что каждый районный работник обязывался местными властями создать «определенное» количество колхозов, «отсюда нездоровое соревнование, явное принуждение, запугивание, отягощение налогами, арест одновременно 90 дехкан, заявивших о нежелании войти в колхоз». Кроме всего прочего, повсюду обманывали людей: дескать, как только организуют колхоз, сразу же завалят его промтоварами, пригонят машины и трактора...

В Затобольском районе Кустанайского округа раскулачивали и лишали избирательных прав середняков. «Не вступаешь в колхоз — будешь на селе кулаком считаться, потому что ты против коллективизации; а некоторые уполномоченные заявляли: или иди в колхоз, или мы тебя под откос...»

Вот и рифма нашлась — чем не поговорка, рожденная кипучей жизнью.

В том же Затобольском районе «в большинстве колхозов обобществляется полностью скот, овцы, а в ряде колхозов — птица, и даже арбузные, огуречные и т. п. семена».

Уральским казакам-переменникам 16-го кавалерийского полка дали приказ — не позже 23 марта вступить в колхозы, иначе будут лишаться права голоса и исключаться из полка.

В Петропавловском округе, где была намечена сплошная коллективизация, уполномоченный Федотов, агитируя в колхозы, угрожал невступающим налогами, заключением в ИТД и пр.

На Аральском море (тогда еще полноводном, поскольку не были обобществлены воды Сырдарьи и Амударьи уполномоченными более позднего поколения) колханизировали рыбаков. Хозяйства, разбросанные на протяжении 200—300 верст, объединили в один колхоз.

Под Алма-Атой сгоняли в колхозы садоводов...

И еще о Таласском районе — подробную записку о тамошней коллективизации написал Асылбеков:

«...С 15 марта началось фактическое обобществление скота, устройство городков из юрт... После приказа правления во все концы были посланы «бельсенде» с длинными волосами (знак беспощадности) с приказом о немедленном перекочевывании на пашню. Эти «бельсенде» заставляли кочевать два раза на день (до обеда и после обеда), они не обращали внимания на то, что верблюды страшно худы и наступило время ягнения овец. Вследствие таких принудительных кочевок пала масса верблюдов и ягнят. После перекочевывания было выдумано устройство городка из 300—400 дворов. Кибитки всех колхозников были построены шпалерами... и были выделены в качестве скотных дворов юрты путем уплотнения и вселения хозяев в юрты других семей.

...Поселок был разбит на несколько групп. Овцеводческая группа, в расположении которой находились овцы (население за недостатком кормов пользуется овечьим молоком), оказалась в благоприятных условиях, а остальная часть колхозников форменнейшим образом голодала».

Эту записку огласил Голощекин на Седьмой конференции в июне 1930 года — одно из немногих, двух или трех, не больше, косвенных упоминаний о начинающемся голоде. Да и эти упоминания прошли в печать только потому, что бедствие лишь надвигалось на Казахстан, как и на все остальные хлебные и скотоводческие — кормящие — области страны. Впоследствии ни печать, ни официальные лица ни слова не сказали о всенародной голодухе и море, даже намек на это был под запретом — до самой смерти Сталина, а практически — до нынешних дней.

Филипп Исаевич, с партийной принципиальностью в исправлении ошибок и, разумеется, полностью позабыв про свои хлесткие понукания полугодовой давности, зачитал записку Асылбекова и принялся с трибуны разоблачать перегибщиков:

— Вот, товарищи, к каким последствиям приводила «коммуномания» на местах.

(А к чему же еще она должна была привести, если как раз накануне этих событий, 13 февраля 1930 года, крайком разослал директиву «О создании условий для

перевода колхозов из низших форм в высшие (артель, коммуна) на основе действительного и полного обобществления всех средств производства» (разрядка моя.— В. М.).

Голощекин продолжал.

— Ведь когда обобществлялись маленькие «коровки» потребительского характера, которыми крестьянка кормила своих детей, то она вынуждена была с крынкой ходить и вымаливать стакан молока. Это, между прочим, способствовало подрыву кормовой базы. Эту «коровку», козу хозяйка кормила остатками со своего стола, а тут их стали кормить тем, чем кормят рабочий скот. Разве мы этим путем не подрезали животноводство?

Не потому вспомнил он про мифическую для него крестьянку и ее детей, что они нуждались, а потому, что кормовая база подрывалась у обобществленной «маленькой коровки, козы», и еще и на это можно было свалить причины огромных потерь в животноводстве.

Однако продолжим примеры кипучей жизни в первую волну коллективизации.

В селах Алексеевке, Юрьевке, ауле № 8 Сыр-Дарьинского округа у середняков за несдачу семенного зерна конфисковали все имущество.

В Кантемировке начали обобществлять одежду, домашнюю посуду, а местный агроном Фросов стал проводить обобществление собак и кошек.

В Семипалатинском округе некоторые районные уполномоченные и райкомы вдохновлялись таким логическим построением: «Середняк — будущий кулак, а потому на него можно и должно распространять все меры, которые допускаются к кулаку». Методы были обычные: объявление чуть ли не военного положения для проведения трудповинности (свободный труд крестьян превратился в трудповинность, мечту Троцкого), изъятие всех семенных запасов (чему-чему, а изымать, конфисковывать, реквизировать, экспроприировать, или попросту грабить — и уже, как видим, не «награбленное» (имущество помещиков и капиталистов), а «свое», трудовое, этому-то диктатура пролетариата своих активистов научила), преувеличение посевных заданий для середняков, угрозы конфискации и выселения, аресты, суды и конфискация имущества до белья включительно...

В Энбекши-Казахском районе обобществляли юрты,

в Ирджарском районе Сыр-Дарынского округа — охотничьи ружья и швейные машины, в других районах — уток и гусей.

В Иссыкском районе Алма-Атинского округа сгоняли людей на собрания и после этого объявляли село «сплошным колхозом». Коллективизация шла под лозунгом: «Кто не в колхозе, тот враг советской власти, и его постигнет участь высланного кулака».

Один крестьянин села Тургень недоуменно спросил на собрании:

— Все станут комиссарами, а кто работать будет? Продуктов и так мало, а если работать по 8—10 часов, их станет еще меньше...

Уполномоченные, орудовавшие в Илийском районе, устрашали верующий народ, что за соблюдение «уразы» будут взимать налог в 20 фунтов хлеба. В некоторых аулах рисовали «перспективу» счастливого будущего — «ставили вопрос о необходимости перехода на совместную семейно-бытовую жизнь». Значит, отнюдь не без оснований были «байские слухи» о том, что «в колхозах будут обобществлены и жены и дети».

20 мая 1930 года, в разгар кампании по борьбе с перегибами, «Советская степь» напечатала статью Ильяса Кабулова «Герои Балхашского гнойника». Подзаголовок гласил: «Агенты классового врага, прикрываясь мандатами исполкомов, наступали на аульную бедноту и середняков». По велению крайкома бай и кулаки считались главными виновниками перегибов!

Автор статьи поведал, как перевыполнялись хлебозаготовки в кочевых районах — Илийском, Балхашском и Чокпарском. Он привел текст одной из местных директив, которая, конечно же, была следствием телеграфных указаний крайкома:

«№ 1 и 2 аулсоветам. РИК категорически предлагает вам не позднее 15 февраля с. г. организовать принудительным порядком красный обоз из верблюдов и представить в распоряжение сельскохозяйственного крестьянства.

Пред. РИКа».

«Чтобы выполнить распоряжение местной власти,— пишет И. Кабулов,— казахи-скотоводы были вынуждены покупать хлеб в соседних районах. За деньги хлеб никто не продает — дорог. За 15 фунтов хлеба отдавали

барана; 1,5 пуда — корову; 3 пуда — быка; 4 пуда — хорошего коня; 4,5 пуда — верблюдицу».

Автор справедливо назвал это разрушением скотоводства.

«Часть хозяйств, главным образом середняцких и бедняцких, разорились. Многие семьи нищенствовали, голодали...

Районные и окружные уполномоченные объясняли: кто не войдет в колхоз — лишится лучших земель и льгот, будет объявлен противником колхозного строительства. Всем вошедшим в колхозы категорически запрещалось выполнять религиозные бытовые обряды. Таким образом организовали 38 колхозов...»

Уполномоченный округа Мусаев объявил, что в 1930 году будет коллективизировано 100 процентов хозяйств. «Напуганное население... распродавало и забивало скот. К середине зимы все население было обложено 10 килограммами шерсти с хозяйства. Скотоводы были вынуждены стричь баранов и коз зимой. Животные после этой операции гибли... Хозяйства Илийского и Чокпарского районов были обложены по пуду хондриллы*. Населению предложили засеять хондриллой по одному га на душу. Никогда не собиравшие хондриллы казахи вынуждены были в зимние холода отыскивать в песках корни этого растения. Те, кто не достал корней, штрафовались.

Байга, свадебные вечера и т. д. были в административном порядке запрещены. Мечети закрыты.

Здесь существует обычай «керегекью». По этому обычаю родители посыпают свою дочь-девушку к «дорогим» гостям. Вместо борьбы с таким «обычаем» блюстители нового быта — ответственные работники и всякие уполномоченные — широко им пользовались».

Исправлять перегибы, после которых Балхашский район недосчитался 40 процентов скота (в соседних районах было не лучше), приехала комиссия КазЦИКа, возглавляемая Ельтаем Ерназаровым, Всеказахским старостой (прежде называли Всеказахским аксакалом, пока в слове «аксакал» не было усмотрено нечто реак-

* Растение-каучуконос; в 30-е годы в Казахстане устраивались повальные кампании по поискам, заготовке и разведению дикорастущих каучуконосов, чтобы преодолеть «резиновый бойкот», устроенный Западом для страны.

ционное и классово враждебное). Комиссия разогнала несколько аулсоветов, объявив их «байскими», освободила из-под стражи бедняков, батраков и середняков.

Но что значит эта кучка уволенных по сравнению с произволом и насилием, который много месяцев творился по всему Казахстану!..

Балхашские «преступные извращения» отнюдь не являлись исключением из правил, подобное было везде. Директива вновь проявила свою основную особенность — разрушительную. Недаром спустя три года Ураз Исаев, сделавший доклад на Шестом пленуме крайкома, искренне удивлялся: «В то время как ряд хороших и правильных решений оставался невыполненным, явно ошибочные решения выполнялись с неимоверной быстротой». (Речь шла, в частности, о решении бюро крайкома от 17 декабря 1929 года, по которому в первый же год коллективизации необходимо было добиться полного обобществления сельхозинвентаря и рабочего скота в зерноводческих колхозах и всего продуктивного скота — в животноводческих.). А чего было удивляться, если по сути своей директива была выражением насилия, направленного против человека. Лев Толстой писал в дневнике 1907 года: «Личный эгоизм — малое зло, эгоизм семейный — большое, эгоизм партии — еще больше, эгоизм государства — самый ужасный». При общей верности этой мысли (хотя Толстой и не усмотрел в мире эгоизм надгосударственный, тщательно скрываемый от публики) она была основана на старом историческом опыте: вряд ли писатель мог предположить, чем обернется государственный эгоизм пришедших к власти «пролетариев».

Партапаратчики, разумеется, не просто верили в чудодейственную силу директивы, но и подкрепляли ее, не скучаясь, судебными карами, вооруженной силой, винтовочным и пулеметным огнем. Именно тогда, в феврале 1930 года, когда по всей стране волновался народ, обреченный на голодную смерть и высылку в края, где Макар телят не пас, Бухарин, еще недавно призывающий крестьян обогащаться, писал в «Правде», что «с кулаком... нужно разговаривать языком свинца». И разговаривали.

Уничтожать, грабить, разрушать — здесь директива годилась...

14 марта 1930 года «Советская степь» писала, что в

Каскеленском колхозе уничтожено не меньше половины поголовья скота:

«В то время, как правительство проводило месячник развития животноводства, в районе шел месячник уничтожения. Колхозники признались:

— Да уж, порезали немало. По корове каждый зарезал, а о баранах говорить нечего...

Стада баранов почти уничтожены. Из нескольких тысяч остались сотни. Молочный скот дает низкие удои (кормят одной соломой)».

Самое удивительное в этой заметке — подзаголовок «Не только восстановить, но и увеличить поголовье скота!»

Хозяйство кочевников было уже подрублено под корень, а сочинители директив продолжали понукать, разъяснять, агитировать, ставить задачи. «Действительность колхозного движения обогнала все плановые предположения: свыше 40 процентов хозяйств Казахстана объединено в колхозах. В целом это движение является вполне здоровым...» — писал 20 марта 1930 года в «Советской степи» секретарь крайкома Л. Рошаль.

Этот новый в Казахстане функционер, прибывший помочь Голощекину в проведении коллективизации, быстро развил бурную директивно-циркулярную деятельность. Вскоре Рошаль подписал постановление бюро крайкома, в котором осуждался «крайне неудовлетворительный темп ссыпки семян, иждивенческие настроения» в округах, разоренных сплошной коллективизацией. Показательны меры, которыми чиновники собирались поправить положение. Предписывалось:

— организовать соревнование между колхозниками по добровольной ссыпке скрытых запасов;

— колхозы, большинство членов которых заведомо злостно не обобществляют семена, распустить в установленном порядке как лжеколхозы;

— сократить до минимума разъезды на лошадях и т. п.¹⁷.

По разумению Л. Рошала (который сам, конечно, никогда не пахал, не сеял), только злостные кулаки не желают — в наступившей разрухе, неразберихе, волне судебных и карательных репрессий и приближающемся голоде — добровольно ссыпать семена. И потому новый помощник Голощекина призывал пресечь в корне «кулацко-байское вредительство» и «ни на минуту не ослаб-

лять работу по ликвидации кулачества в районах сплошной коллективизации»¹⁸.

Из Москвы на подмогу журналистам «Советской степи» прибыла бригада «Правды». Она побывала в Илийском районе, считавшемся районом сплошной коллективизации, и выразила недоумение:

«Могла ли быть 100-процентная коллективизация в районе, где сохранился еще полукочевой образ жизни, где только что начинается процесс оседания, где население никогда не видело колхозного хозяйства? Несмотря на это, есть заверения, что коллективизация проведена на 100 процентов. Как случилось это чудо?»

Выяснилось — как обычно, с помощью грубого насилия.

«Правдисты» весьма осторожно, обтекаемыми словами описали методы обобществителей, отдав должное разве что забавному, когда беспартийный учитель Бейсембаев создал «бумажную» артель собственного имени (хотя совершенно ясно, что учитель всего-навсего добровольно подражал вождям). Вопреки всякой логике, но не вопреки партийной дисциплине (которая, разумеется, была куда важнее логики и здравого смысла), «правдисты» пришли к неправдоподобному выводу:

«Несмотря на извращения партийной линии, идея коллективизации среди казахского населения пустила глубокие корни»¹⁹.

Между тем «кипучая жизнь» продолжалась. В первом «Восток-кино-театре» столицы ежедневно шла кинопьеса в семи частях «Любовь в 16 лет», на которую дети до 16 лет не допускались. Возмущенные поведением папы римского, ленинградские академики Ольденбург, Ферсман и Щербацкий подали заявление в ячейку безбожников при АН о принятии их в члены «Союза воинствующих безбожников». Работница Турксiba Редькина написала грозное письмо (в газету): «В 1914 году папа римский благословил мировую войну. Теперь он готовит крестовый поход против Советского Союза... Я вношу один рубль на постройку эскадрильи «Наш ответ папе римскому».

20 мая Г. Тогжанов призвал в «Советской степи» «выбить бая с последних позиций». Извращения в коллективизации он, в частности, объяснил «архинелепыми провокационными слухами», которые с первых дней кампании ходили в степи. Приведем эти слухи, дабы

яснее понять, о чем говорилось в среде казахов-кочевников, у которых идея коллективизации якобы пустила глубокие корни. Тогжанов перечислил бродившие тогда «хабарчики»:

- будут обобществляться жены и дети колхозников;
- колхозы всех женщин будут распределять между мужчинами;
- для улучшения потомства колхозников казахским женщинам выписываются специальные «породистые» мужчины ростом в 3 аршина из центральных районов России, в частности цыгане (Алма-Атинский округ);
- дети обобществляются, потому что из их мяса будут приготавливаться дорогие экспортные лекарства, которые за большие цены будут сбываться в Китай;
- скот отберут, казахи станут питаться травами (овощами) и пр.

Издавна степняк доверяет куда больше «узун-кулаку» — слухам, нежели письменному слову. Можно лишь догадываться, какие угрозы и кары нужно было применить уполномоченным по коллективизации, чтобы, несмотря на эти слухи, загнать людей в колхозы.

* * *

9 апреля 1930 года «Советская степь» напечатала речь Голощекина при открытии первого казахстанского краеведческого съезда.

«Если возьмем Казахстан до Октября — я бы его назвал доисторическим Казахстаном, — Казахстана не существовало. Он был разъединен, имел совершенно невероятную отсталость, архаическое хозяйство, кочевые, отсутствие каких-либо, хотя бы начальных, культурных учреждений, обостренную национальную вражду...

Я должен подчеркнуть, что именно социалистическая реконструкция сельского хозяйства, коллективизация, организация совхозов — именно это имеет исключительное значение для Казахстана, дающее выход отсталому архаическому хозяйству, отсталому, нищенскому народу...»

Оставим в стороне высокомерную развязность выражений, присущих вульгарному социологизму. Обратимся к сути. Что же дала народу ничем не подготовленная реконструкция сельского хозяйства?

Если говорить только об экономике, то, по официальным данным комиссии Ураза Исаева, за несколько ме-

сяцев первой волны колхективизации поголовье скота в республике уменьшилось на 30 процентов, или на 10 миллионов голов.

Впрочем, иного нельзя было и ожидать. Ведь даже в тех общих хозяйствах, которые были созданы ранее и всячески опекались властями, царил полный развал. Одним из таких хозяйств была коммуна имени самого Голощекина, созданная на юге республики, которую держали за образец и не раз пропагандировали в газетах. В год «великого перелома» об этом примерном хозяйстве вышла довольно пространная корреспонденция:

«УРОКИ КОММУНЫ ИМЕНИ ГОЛОЩЕКИНА

...Случай пронизывает всю работу и жизнь коммуны. Коммуна не знает, сколько у нее земель... В течение года разбазарила 24 головы крс, юрты и принадлежности к ним, 6 лошадей, 185 баранов — в общей сложности на 13 076 рублей.

На эту коллективную растрату можно было бы организовать 4 средних колхоза.

Взяв в аренду базар, коммуна понесла 13 429 руб. убытка.

Постройки разрушаются. Стекла выбиты. Двери пришли в ветхость. Ремонта давно не было. На морозе, под открытым небом стоят швейные машины. Уже без челноков, сломанные, с застывшей смазкой, покрытые инеем. Дети ими играют.

...В течение года коммуна получила 30 000 руб. авансов и кредитов. Где 30 000 рублей? Где материальные итоги хозяйственного года, кузнецкий инструмент, мельница?..

Все проела коммуна.

Проблема желудка заняла руководящее место в коммуне и воспитала соответствующую психологию. Один из руководителей коммуны т. Утемисов на вопрос: как дальше будет жить коммуна? — ответил:

— В случае чего разберем крышу и продадим на дрова.

...Коммуна держала наемных рабочих (пекаря, повара, двух чернорабочих). Они попали в положение батраков коммуны. Байская идеология проникла в коммуну и свила там гнездо. Т. Байзаков — рядовой коммунар — дал чрезвычайно меткую оценку положению:

— Кушаем. Что скажут — делаем. Молчим...»

«Сплошная коллективизация захлебнулась в народных волнениях. Сталин отступил на целый год», — сказал об этом периоде писатель Борис Можаев¹.

Официальные историки дружно молчат о событиях, произошедших в Казахстане, в крайнем случае обходятся двумя-тремя туманными фразами. Оно и понятно: хранитель секретных документов, «Институт истории партии при ЦК Компартии», заботился о показной, а не действительной истории своей партии. А. Турсунбаев в книге «Победа колхозного строя в Казахстане» (Алма-Ата, 1957), говоря об «антисоветских выступлениях», лишь вскользь упомянул о Сузакском «байском мяте-же», а также «вооруженном выступлении баев в Адае, Алакульском районе и др.»². «История Казахской ССР» (Алма-Ата, 1977, т. IV) вообще не говорит об этом. «Очерки истории Коммунистической партии Казахстана» (Алма-Ата, 1963) ограничиваются немногими словами: «Враги советской власти не замедлили восполь- зоваться левацкими перегибами в колхозном движении. Они подбивали крестьян на антисоветские выступле-ния, устраивали покушения на партийных и советских работников, аульно-сельских активистов. Так, в начале 1930 года байско-кулацкими элементами были зверски убиты 23 руководящих работника в Сузакском районе Сыр-Дарынского округа. Классовые враги подстрека-ли крестьян к массовому убою скота перед вступлением в колхозы»³.

Даже авторы относительно недавней, написанной в пору гласности статьи о «сложных вопросах коллекти-визации» — «С позиций правды», академик Б. Тулепбаев и кандидат исторических наук В. Осипов, обошли сто-роной этот вопрос⁴. Они признают, что нельзя все объяс-нять «злой волей кулачества», но, «не отрицая опреде-ленной роли кулаков», эти работники все того же Инсти-тута истории партии при ЦК Компартии Казахстана (сменившего ныне вывеску на «Институт политических исследований») считают, что «в определенной степени (интересно, в какой же? — В. М.). ситуацию усугубляли неумелые, иногда преступные действия представителей государственных органов».

Ясно, с «позиций» чьей «правды» составлены эти

уклончивые, напоминающие бюрократическую отписку выводы...

Мало что поясняет и приводимая верными защитниками «ленинских принципов» коротенькая справка: «В 1929 г. в Казахстане, по данным ОГПУ, действовало 31 «бандформирование» в составе 350 человек, в 1930 уже 82 и 1925 человек, в 1931 г.— 80 и 3192. Помимо этого, в селах и аулах за это время выявлена 2001 «враждебная группа» общим числом 9906 человек, кроме того, арестовано 10396 вредителей-одиночек. В результате их деятельности в 1929—1931 гг. было убито 460 партийно-советских работников, совершено 372 враждебных антисоветских акта, 127 поджогов хлеба и потрав скота».

ОГПУ почему-то не отразило в справке (или историки этого не упомянули) своих ответных карательных действий, их степени, размаха. Между тем даже по приведенным в предыдущих главах газетным заметкам видно, насколько сурово обходились и с «бандитами», и с «вредителями» (за избиение или покушение на активистов виновных наказывали исключительно «высшей мерой социальной защиты»— расстрелом; ну а вредительством считали все что угодно...).

Рамки гласности образца 1930 года были, разумеется, не столь широки, чтобы печать могла «освещать» народные волнения начала коллективизации. Лишь через полгода на Седьмой конференции Голощекин признал, что «антисоветские выступления массового характера имели место у нас». Говорил он об этом в первый и последний раз; другим руководителям подобных разговоров вообще не было позволено. Привел кое-какие подробности — до последнего времени наиболее полные. И с тех пор для историков эта тема на шестьдесят лет была закрыта (что, конечно, не помешало им защитить множество диссертаций о «победах колхозного строя»). О чем же говорил Филипп Исаевич?

«Во-первых, мы имели антисоветские выступления русского крестьянства в Зыряновском районе Семипалатинского округа... (организация этого выступления подготовлялась год назад). Во главе — чисто кулацкие элементы, с вовлечением чрезвычайно небольшого количества середняков...

Во-вторых — антисоветские выступления в шести национальных районах Центрального Казахстана, подготовляемые еще с весны прошлого года...

Все выступления представляют значительный интерес с точки зрения анализа борьбы полуфеодалов за старое (сами выступления начались с выборов хана). Основной лозунг — за религию, против коллективизации, против индивидуального обложения, за возвращение конфискованного в 1928 году скота и против классовой борьбы в ауле.

Таким образом, товарищи, основное в этих выступлениях — это борьба полуфеодалов и ишанов за полуфеодальный патриархальный аул.

Они сумели повести за собой аул, бедняцко-середняцкие массы... только на основе и на почве самых глубочайших извращений и ошибок.

... В этих районах ошибки в заготовках, и особенно ошибки в коллективизации, не ослабили бая, а укрепили его. Характерно, что там, где мы связывались с основными массами аула, с бедняками и середняками, они сами выдавали вождей и говорили: они нас натравили, говорят, что коллективизация есть та же конфискация, распространяемая и на середняка, и на бедняка, что все эти безобразия являются следствием общей политики советской власти.

И, наконец, характерно, что эти выступления имели место в кочевых и части полукочевых аулов Центрального Казахстана, что кочевая часть Казахстана меньше всего советизирована...»

Про восстания в Сузаке, в Алакульском районе и Адае Голощекин даже не упомянул.

Впрочем, в том же докладе он сказал, что Адай ликвидирован как округ. С чего бы это?

«Мы поставили задачу — вовлечь казахов в качестве рабочих на Карабугаз, на рыбные промыслы и Эмбанснефть (ясно, какое это «вовлечение» — ленинско-троцкистско-бухаринская воплощенная мечта о трудповинности и мобилизации крестьянской силы в трудчасти. — В. М.). Во-вторых, ту часть населения, которая не может хозяйственно окрепнуть в ауле, — переселить в земледельческие районы. Пока удалось перевести 374 хозяйства, которые все-таки осели, но каких трудов это стоило? Три раза, товарищи, мы их организовывали, давали денег, они доезжали до ста верст от Адая, там они давали достаточное количество тумаков уполномоченному, а сами возвращались обратно. (Смех.)».

374 хозяйства — это всего несколько аулов. А где же

десятки тысяч людей, которые жили в округе? Голощекин про это не сказал. Однако в народе, конечно, известно, что адаевцы после восстания в большом числе откочевали в соседнюю Туркмению. А там продолжили вооруженную борьбу в рядах басмачей.

Таким образом, восстания народа прошли по всему Казахстану — от Мангышлака до Алтая и от актюбинских степей до Сырдарьи. Волнения начались в сентябре 1929 года в Тахтакупыре Кара-Калпакской области и Бостандыке Сыр-Дарынского округа, 1 ноября восстало Батпаккара Кустанайского округа, 7 февраля — Иргиз Актюбинского округа, 26 марта — Сарканд Алматинского округа и т. д. Выступления проходили под лозунгами: «Долой советскую власть, за свободный труд», «Во имя ислама», «Отмена советских законов против баев». Если прежде историки все валили на «кулацко-байские элементы», то ныне уже начали признавать, что «причиной выступлений были принудительная коллективизация, раскулачивание середняков и даже бедняков»⁵. Голощекин, в июне 1930 года изображавший народное движение как борьбу полуфеодалов и ишанов, хорошо знал его подлинные причины: еще весной он сообщал Сталину в секретном письме, что раскулачивание доходило до отнятия абсолютно всего необходимого, до последнего куска хлеба⁶.

Мало-помалу становятся известны подробности тех событий. Вот, например, что происходило, судя по архивным данным, в Сузаке.

В январе 1930 года Сыр-Дарынский окружком партии направил «на места» следующее письмо:

«В связи с решением о ликвидации кулачества как класса мы вплотную подходим к практической работе в этом направлении.

В округе создана тройка из представителей — секретаря окружкома ВКП(б), председателя ОкрИКа и начальника ОГПУ.

Задача ставится — немедленное выселение с места жительства кулачества, и в первую очередь в районах сплошной коллективизации.

Необходимо сейчас же приступить к учету контингента кулацких хозяйств. Учет проводят органы ОГПУ в строго секретном порядке, отнюдь не базируясь на материалах лишь налогово-учетных органов, а допускается

сбор побочных сведений о том или ином кулацком хозяйстве.

При учете кулацких хозяйств не упустите из виду прибывших из других районов и осевших в вашем районе раскулаченных, каковых также надо взять на учет, как в равной степени взять на учет и вообще всех раскулаченных.

Учет кулацких и раскулаченных элементов проведите в срочном порядке, однако учет этот должен носить полный характер при точном определении о принадлежности каждого хозяйства к кулацкому классу.

Срок этой работы десятидневный, материалов учета к нам не высыпайте. Настоящее письмо подлежит возвращению в ОК ВКП(б) по прочтении и не позднее как через сутки. Кулсартов»⁷.

Недосмотренный Марксом, но усмотренный Лениным и Сталиным «кулацкий класс» начали в спешном порядке учитывать и арестовывать, заодно в дома заключения попал «большой процент бедняков, батраков и середняков». Все это происходило в районе, «наиболее отсталом как в экономическом, так и в культурно-бытовом отношении», где «однолемешный плуг является новостью», а «главным средством производства в деле обработки земли является «омаш» и «кетмень», где «процент неграмотности в некоторых местах достигает 99 процентов; бедняцко-батрацкая часть населения, наиболее забитая, живет в самых наихудших условиях, вследствие чего большой процент населения болеет всячими социальными болезнями». В справке комиссии крайкома, составленной после подавления восстания, сообщалось также: «Некоторые аулы голодают (12, 13, 14 и 6, 8, 9), вследствие чего употребляют «жоу-жумыр» (корень растения), и не исключена возможность массового забоя скота. С другой стороны, такое состояние отражается на политическом настроении... В некоторых местах имеются случаи административного подхода, особенно по сбору семенного зерна (например, в некоторых аулах у бедняков отобрали последний пуд муки)... Во многих местах неправильно обобщестили мелкий скот, коров и т. д.».

По рассказам, восставший Сузак поначалу расстреливали из пушек, установленных неподалеку, на вершине Коктюбе. Перед этим над селением пролетел на малой высоте аэроплан-разведчик — в него швыряли кам-

ни, дубинки. Полк чоновцев поливал толпу свинцом... Судили всех скопом. Каждому взрослому — по 10 лет, лишь бы родом был из Сузака. Судили и в соседних селах, суд заседал в красной юрте, арестованные же сидели рядом на земле. Говорят, в одном селении выкрикнули всех по фамилии, каждому всучили по «десятке», а про какого-то чабана забыли. Он сидел-сидел, не дождался своего имени и сам вошел в юрту. «А меня что же не выкликаете?»—«Тебя? Ах да... Ну, и тебе — десять лет...»

Впрочем, вот материалы из архивов чимкентских чекистов. Из Аулие-Аты в Чимкент, в Окротдел ОГПУ:

«...Подготовка велась вне всяких сомнений, но чрезвычайно непродолжительное время. Выступление ускорили произведенные вами аресты. Возможно, руководители предполагали, что аресты связаны с раскрытием нелегальной работы и что-де все равно арестуют, и поэтому выступили...

Местное население, видимо, расценивало и расценивает все наши шаги с точки зрения «только налогов», «взять» и пр.

Мне думается, что без большой крови мы не построим советской власти в Сары-Су. Чем больше будет уничтожено баев в районе, тем лучше. По существу, до настоящего времени хозяевами положения были бай и власть была у них... Разгром баев 28-го года был недостаточен и даже незначителен».

С чекистской проницательностью здесь выявлена сущность большевизма —«без большой крови мы не построим советской власти».

Из оперативно-разведывательной сводки № 3 от 13 февраля 1930 года:

«Утром 7 февраля 30 г. кишлак Сузак был занят бандшайкой численностью, по сведениям, требующим проверки, до 400 человек, пеших и конных.

Банда организовалась в смежном Сары-Суйском районе из баев отдаленных от Сузака аулов, расположенных по р. Чу (120—150 верст от Сузака), происходящих из одного рода с баями Сузакского района, арестованными в связи с проводимыми мероприятиями в ауле и находившимися частично в заключении в Сузаке.

...Целью банды было освобождение из-под стражи своих сородичей и расправа с представителями власти.

...Вооружение банды самое разнообразное. Из огне-

стрельного оружия имеется 30—40 винтовок разных систем и несколько охотничьих ружей (точное количество не установлено). Из холодного оружия имеются сабли, кинжалы, топоры и проч.».

В последующих сводках уточнялось:

«Ввиду того, что оружия у бандитов не хватало, ханский штаб приступил к срочному изготовлению холодного оружия, которым была вооружена остальная масса привлеченных в отряды. Для изготовления холодного оружия были приспособлены 3 кузницы, которые наряду с ремонтом огнестрельного оружия специальным нарядом хана делали из захваченных в местной кооперации 200 ком (литовок) клинки с деревянными эфесами, пики, железные наконечники и др. Частично недостаток оружия у бандитов пополнялся за счет взятого оружия у убитых и пленных наших бойцов, у которых бандиты захватили 2160 штук патронов, 22 трехлинейные винтовки и 5 револьверов. Эти цифры не полные, т. к. при захвате Сузака бандиты воспользовались милицейским и другим оружием».

Самодельные клинки и пики против пулеметов и пушек... «Ханом» был избран середняк Шонаков, которого гэпэушники представили в своих сводках как бывшего волостного управителя.

«Хан обратился к родовым вождям и полуфеодалам со специальным воззванием, призывая последних помочь в начатом им деле: агитацией, людьми, скотом, оружием для снабжения и организации ханского войска. Все воззвания хана проникнуты религиозно-классовым содержанием. Значительную роль в деле активизации населения принимало мусульманское духовенство, которое всецело было на стороне бандитов...

Активизации духовенства послужило изъятие под клуб в кишлаке Сузак исключительными мерами административного порядка одной из самых больших и лучших мечетей, при изъятии последней был сбит полумесяц и пробит пулями. Для организации клуба у видных ишанов отбирались ковры, кошмы и т. д. В результате здание мечети все же под клуб использовано не было, в молельном зале был организован ссыпной пункт, куда дехкане ссыпали зерно семенного фонда. При захвате Сузака бандиты тут же приступили к исправлению мечети, очистке ее».

Вскоре после подавления восстания Восточный отдел

полномочного представительства ОГПУ в КазССР в оперразведсводке № 8 изложил «Итоговые данные супротивника бандитизма»:

«Принятыми мерами банддвижение в Сыр-Дарынском округе, в частности в Сузакском, Туркестанском и Чаяновском районах, в основном ликвидировано. В Сузакском районе убито в боях с 12 по 16 февраля 125 бандитов, 16 февраля во время занятия Сузака убито в бою 200 и около 200 активных бандитов (захваченных с оружием в руках) расстреляны на месте.

Захвачено в плен и арестовано в процессе оперативных действий: бандитов, пособников, агитаторов и разведчиков всего 389 человек. При уничтожении банды убит хан Шонаков и руководящее ядро.

Во время супротивника операций захвачены трофеи: 290 лошадей, 20 верблюдов, около 150 экземпляров огнестрельного оружия различных систем и до 100 экземпляров холодного оружия.

В Туркестанском районе в кишлаке Карнак изъято 63 человека, в том числе непосредственные убийцы секретаря ячейки и участники расхищения семенного фонда. В кишлаке Карасае изъято 13 активных участников бандитизма.

Наши потери за время операций в Сузакском районе выражаются: убито 24 партсоветских работника, в том числе несколько членов семей, в селе Карнак — один, в районе Ачисая — один, в боях — 15 человек, тяжелораненых — 5, легкораненых — 8».

У пятисот с лишним «бандитов», убитых в бою и расстрелянных на месте, было 150 «экземпляров» огнестрельного и 100 «экземпляров» холодного оружия, то есть каждый второй убитый не был вооружен даже самодельным клинком или пикой... Вот почему и молчали любители партийной правды по историческому ведомству «при ЦК Компартии»: это была бойня, учиненная властями над людьми, не захотевшими колхозного счастья.

В пункте «Наши мероприятия» сводки № 8 писалось:

«Действующими опергруппами и отрядами в районах, пораженных бандитизмом, продолжаются изъятия скрывающихся бандитов, пособников, прочего контрреволюционного элемента и оружия».

В жизни это выглядело примерно так, как поведал мне старый казахский писатель Г. Х. Ахмедов. Вожак крайкомала возвращался весной 1930 года с подавления

восстания. Ехали на нескольких машинах, было в них человек пятнадцать. По дороге показался в стороне старик казах на лошади. Один из пассажиров подозрел встреченного и, когда тот приблизился, без слов, в упор застрелил его из нагана. «Зачем ты это сделал?» — спросили его. «Он же бандит!» — был ответ. «Какой бандит? Ты же слова с ним не сказал...» — «Нет, это был бандит!»

И, наконец, последний пункт чекистских мероприятий намечал традиционный большевистский грабеж:

«Ведется подготовка к конфискации имущества убитых, расстрелянных бандитов — участников контрреволюционного выступления, у крупных баев, ведущих контрреволюционную работу в пораженных бандитизмом районах».

В июне 1930 года Голощекин признал, что в ряде мест коллективизация себя скомпрометировала и потребуется длительный срок, чтобы поднять движение.

«Спрашивается, чья здесь вина? — задавался он вопросом на Седьмой конференции. — Что линия партии, что директива ЦК были абсолютно правильными (разрядка моя. — В. М.) и не могли дать повода к этим ошибкам — не подлежит никакому сомнению.

...Все практическое руководство крайкома, я уверен, что он абсолютно правильно проводил линию и директивы ЦК партии. Но вместе с тем мы не можем снять ответственности с крайкома за ошибки, которые сделали места».

Партийная логика была неизменной: центр всегда прав, на местах порой ошибаются.

В начале же доклада Голощекин говорил: «Разве не факт, что коллективизация в кочевых аулах не имела никаких предпосылок, абсолютно не была подготовлена нашими силами?» То есть, согласно партийной логике, для коллективизации не были необходимы ни предпосылки, ни мало-мальская подготовленность. Нужна была только линия партии.

* * *

Официальные историки и поныне, описывая перегибы первой волны коллективизации, пользуются данными, предоставленными Голощекиным в 1930 году в его докладе на Седьмой партконференции. Середняк, по свидетельству первого секретаря крайкома, оказался «широко

задетым. Насколько широко, можно судить по «цифрам исправления». Имущество было возвращено 9533 середняцким хозяйствам, 4073 середняка освобождены из ИТД, 1618 человек восстановлены в избирательных правах, из ссылки вернули 1160 середняков.

Почему-то до сих пор укрываются абсолютные цифры: сколько людей арестовали, сколько выслали, скольких расстреляли.

«Кулацко-байские» хозяйства, как пишет А. Турсунбаев в книге «Казахский аул в трех революциях», в 1930 году были разделены на три категории: первые выселялись за пределы Казахстана, вторые — за пределы округа, трети — за пределы района. В 1967 году, когда издавалась эта книга, как-то не хотели вспоминать о том, что, например, кулаков или баев, отнесенных к первой категории, или к контрреволюционному активу, согласно инструкции ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 года надлежало немедленно изолировать или расстрелять, а семьи выселить в отдаленные районы. Существовал всесоюзный план — занести в первую категорию раскулачиваемых 60 тысяч хозяйств. По тому же плану около 150 тысяч хозяйств «богатых кулаков», входящих во вторую категорию, надлежало выслать в отдаленные места за пределы края. И, наконец, к третьей категории инструкция относила 800 тысяч менее мощных хозяйств, владельцев которых с семьями предлагалось переселять за пределы колхозов. О подкулачниках, зажиточных в этом плане по раскулачиванию 1 миллиона семей еще не говорилось: эти новые категории классовых врагов появились в результате живого творчества обобществителей чужого добра.

Планы на то и давались партией, чтобы их перевыполнять. «Уже в 1930 году было арестовано, расстреляно или выселено в северные районы страны гораздо больше кулаков, чем «планировалось», — пишет Рой Медведев⁸. — В 1931 году репрессии проводили еще более широко... По всей вероятности, общее число «раскулаченных» — около 1 миллиона семей, не менее половины которых было выселено в северные и восточные районы страны».

Этот автор известен осторожностью в оценках, потому и данные, приведенные им, по всей вероятности, наименьшие.

Продолжим цитату.

«Во многих областях и районах удары властей обрушились и на «маломощных» середняков, бедняков и даже батраков, которые отказывались по разным причинам вступать в колхозы,— их для удобства репрессий зачисляли в «подкулачники».

Жестокая директива о выселении всей семьи экспроприированного кулака была связана в первую очередь с тем, что государство в 1930—1931 годах не располагало материальными и финансовыми ресурсами для помощи создаваемым колхозам. Поэтому и решено было передавать колхозам практически все имущество кулацких хозяйств. Уже к маю 1930 года у половины колхозов кулацкое имущество составляло 34 процента неделимых фондов. Таким образом, форсирование коллективизации толкало к максимально жестоким методам раскулачивания. В холодных, нетопленых вагонах сотни тысяч мужиков, женщин, старииков и детей отправляли на Восток, в отдаленные районы Урала, Казахстана, Сибири. Тысячи их гибли в пути от голода, холода, болезней. Старый член партии Э. М. Ландау встретил в 1930 году в Сибири один из таких этапов. Зимой, в сильный мороз, большую группу кулаков с семьями везли на подводах 300 километров в глубь области. Дети плакали от голода. Один из мужиков не выдержал крика младенца, сошедшего пустую грудь матери. Выхватил ребенка из рук жены и разбил ему голову о дерево...

Немало бывших кулаков и членов их семей погибло в первые годы жизни в малонаселенных районах Урала, Сибири, Казахстана и северо-востока европейской части СССР, где были созданы тысячи «кулацких» спецпоселений. Положение ссыльных изменилось только в 1942 году, когда молодежь из спецпоселений стали призывать в армию. К концу войны комендатуры здесь ликвидировали, и жители бывших спецпоселений получили относительную свободу передвижения».

В точности неизвестно, что натворил Голощекин в Казахстане, но даже по «цифрам исправления» можно предположить, что репрессированы были десятки тысяч людей. На Седьмой конференции Филипп Исаевич наводил самокритику, что-де резолюцию от 17 декабря 1929 года о полном обобществлении лучше было бы не выносить, а то ее, видите ли, на местах поняли как директиву.

«В этой резолюции, вопреки и в противовес всей деятельности крайкома, мы забыли о всей многообразности нашего хозяйства, о разнице между деревней и аулом, об особенностях Казахстана.

Есть еще вина, вина, которая могла влиять на наше окружное руководство... в январе месяце была дана телеграфная директива: «В связи этим встает задача немедленного проведения в жизнь всему Казахстану выселения кулачества мест жительства особенно округах сплошной коллективизации».

Эта директива через 3 или 4 дня была отменена, но головокружение все же было, было неправильное настроение ликвидировать кулака вне связи с коллективизацией... Здесь первоначальная ориентация крайкома была чуть ли не на 50—60 районов. Это тоже было отменено через 3—4 дня (потом было утверждено только 16 районов), но на окружное руководство эти ошибки могли некоторое время влиять».

Голощекин вновь и вновь пытался свалить всю вину в «массовом подведении середняка под кулака» на окружкомы и райкомы. Однако любопытная деталь: самое большое извращение линии партии в «практике» ликвидации кулака как класса он видел «в отнятии у кулацких хозяйств самого необходимого из одежды и домашней утвари и полном лишении продовольствия, что рождает сочувственное отношение к кулацким семьям и их детям со стороны середняков и даже бедняков, берущих их на прокормление».

Что-что, а это его по-настоящему раздражало! Еще бы, тут сочувствовали не абстрактным людям, а живым.

В стране шло великое переселение. Задолго до высылки «малых» народов, проведенной Сталиным в сороковых годах, цвет русского и украинского крестьянства — по существу, русский и украинский народ — ссылали в тундру и болота Севера и Сибири, в пустыни и степи Казахстана; казахов же, лучших в стране скотоводов, изгоняли тем или иным путем за пределы родного края или перемещали за тысячи верст внутри своей огромной республики.

Перемещали, ссылали, переселяли... какой-то смысл, отнюдь не только экономический и политический, таился во всем этом. Если теперь окинуть памятью множество давних и новейших, больших и малых перемещений

наций и народностей внутри нашей страны за годы советской власти, начинаешь понимать, как целенаправленно и последовательно перемешивали народы друг с другом, растирая в некий единый серый обезличенный порошок, лишь бы только ни один народ не жил своей естественной духовной и исторической жизнью на своей родной земле — в родном селе, родном ауле, родном доме. Так из живого «человеческого материала», отсекая природное, корневое, особенное, конструкторы светлого будущего создавали советского человека.

* * *

К тому времени, когда начался «великий перелом», три четверти казахского населения вели кочевое пастбищное скотоводческое хозяйство. Из 119 административных районов республики 9 было кочевых и 85 полукочевых. Плановый переход на оседлую жизнь начался, шел медленно и с огромными трудностями, когда в декабре 1929 года на пятом пленуме крайкома Голощекин настоял на совершенно диком решении — провести форсированное оседание кочевников на основе 100-процентной колLECTIVизации их хозяйств. То есть, проще говоря, у казахов обобществляли весь скот, сгоняли его в «точки оседания», и волей-неволей они должны были жить там. Спрашивается, где? Ничего, кроме голой земли, в этих «точках» не было, а между тем велено было строить правильные поселки. Филипп Исаевич исходил из мысли, что кочевым колхоз быть не может, и, следовательно, чтобы не отставать в темпах колLECTIVизации от «передовых» районов страны, надо немедленно обобществить весь скот. Поскольку ударные темпы ковались в самые студеные месяцы и кормов для скотины на новых «точках оседания» не имелось (кто же знал про это форсированное оседание, свалившееся как снег на голову), вскоре начался падеж.

Позже комиссия Совнаркома под руководством У. Исаева пришла к выводу, что поголовье в 1930 году уменьшилось на 30 процентов, или, в абсолютном исчислении, на 10 миллионов голов скота, однако так ли это? На шестом пленуме крайкома, прошедшем в июле 1933 года, работник Госплана Нурмухамедов прямо обвинил руководство в двойной бухгалтерии: «При учете поголовья в 1930 году Наркомфин дал цифру 20 миллио-

нов, а тов. Исаев утвердил —30 миллионов... Эта поправка т. Исаева сыграла немалую роль в том катастрофическом положении, которое мы сейчас имеем». То есть план по заготовкам мяса в самые голодные годы исчисляли не от реального (20 миллионов), а от фиктивного (30 миллионов) поголовья скота... Значит, уже в первую волну коллективизации поголовье уменьшилось наполовину, что и старались скрыть от начальства! Даже войны не причиняли такой быстрой разрухи...

Невиданные потери отнюдь не смутили Голощекина. На Седьмой конференции (июнь 1930 года) он говорил:

«Чем это объясняется? Некоторые националисты говорят, что это вследствие политики крайкома; некоторые — как их назвать, не знаю...

Голос с места: «Кулацкие запевалы!»

—...говорят: «Причина этому — ваш план хлебозаготовок». Это неверно уже потому, что сокращение стада — общесоюзное явление...»

Разумеется, основную часть вины докладчик свалил на кулака и бая, которые-де землю уничтожить не могут, так сокращают посевы и хищнически режут скот. Впрочем, процентов 10—15 утраченного стада Голощекин отвел на счет «грубых искривлений и ошибок».

Почему-то в прежние времена, до сплошной коллективизации и форсированного оседания, кулаки, бай и сердняки не набрасывались с ножом на собственную живность... Да и хорошо, что успели порезать: хоть мяса получили, — все равно без присмотра, в стужу и бескормицу, скот был обречен на истощение и гибель.

Лишь только, после народных волнений, Сталин позволил свободный выход из колхозов, как за один месяц уровень коллективизации в Казахстане упал с 51 до 32 процентов, а в некоторых районах и в Каркаралинском округе вообще не осталось колхозов.

Тысячи лучших скотоводов и хлеборобов были разорены и высланы на погибель, многие убиты, от 40-миллионного стада в считанные месяцы осталась половина, а первый секретарь крайкома уверял делегатов Седьмой партийной конференции в «крупнейших успехах».

«Могут ли нас убаюкать и успокоить эти успехи? Ни в коем случае... Они еще недостаточны — с точки зрения задач социалистического строительства, они еще недостаточны с точки зрения поднятия благосостояния масс... Мы еще не подняли массы до такого социалистического

сознания, о котором Ленин говорил, что там уже «начинается коммуна».

И только одну опасность видел Голощекин — как бы на местах не испугались перегибов и, обжегшись на молоке, не стали бы дуть на воду, как бы не решили, что с баями и кулаками уже покончено. «С этой опасностью,— поучал он,— мы должны бороться... Нам предстоят еще бои».

В прениях по докладу Голощекина на Седьмой конференции довольно трезво выступал председатель Совнаркома Ураз Исаев. В животноводческих районах, сказал он, трудно встретить казаха, который представлял бы «преимущество» колхозов, и потому нельзя торопиться с коллективизацией. «Нужно, чтобы середняк, доведя свое стадо до 70—80—100 овец, не боялся, что попадет под рубрику баев, под ликвидацию».

Зато тов. Оперштейн (должность его осталась невыясненной) заявил: «Наши позиции в колхозном строительстве, которых мы достигли, нужно закрепить».

При закрытии конференции Голощекин вновь проявил «заботу» о жизненном уровне трудящихся:

«На сегодняшнее число у нас есть очень большая большевистская тревога — тревога людей, ответственных за благосостояние масс... У нас есть тревога, но нет паники»⁹.

А потом разыгралось небольшое, большевистское же, представление под условным названием «Пять лет большевистской работы»:

«ЧЕСТВОВАНИЕ ТОВ. ГОЛОЩЕКИНА

По окончании выборов... выступил тов. Исаев:

— Я выступаю по полномочию группы товарищей... Не подлежат никакому сомнению и оспориванию огромные заслуги тов. Голощекина как руководителя в деле большевизации нашей партийной организации (апплодисменты), в деле интернационального воспитания и выращивания действительно марксистских кадров.

Отмечая заслуги тов. Голощекина, VII партконференция предлагает:

— к 10-летию Казахстана издать на русском и казахском языках все труды тов. Голощекина (апплодисменты);

— организующемуся в гор. Алма-Ате коммунистическому университету присвоить название «Казахский

**коммунистический университет имени т. Голощекина»
(апплодисменты)».**

Все предложения, конечно, приняли единогласно.

Далее последовало ответное слово тов. Голощекина:
«Товарищи, мы закончили нашу работу. Следовало
бы... сосредоточить наше внимание на тех решениях, ко-
торые мы приняли. Но вы меня свели с пути истинного
и заставляете говорить о тех приветствиях, которые вы
сделали мне. Заслуженны ли они?»

Мы все являемся солдатами партии... и каждый из
нас делает то, что ему велит партия...

От этих приветствий есть две опасности: первая... вам
уже ясно, какие плохие вещи получаются от головокру-
жений. А что, если ваше приветствие вскружит голову,
и я вздумаю: вот какой вождь большой.

**Голоса с места: «У вас не вскружится. Вы достойны
этого!»**

Вторая опасность: ...а что, если я останусь у вас еще
5 лет, и вам придется терпеть? (Бурные аплодисменты.)
Смотрите-ка, товарищи, чтобы вы потом меня не развен-
чали.

Каждый из нас делает то, что он может...»

XV

Накануне второй волны колLECTIVизации взрослые
дяди, заботливо думающие о детях, сочиняли лозунги к
пионерским слетам, чтобы из юных граждан вырастало
больше Павликов Морозовых, хороших и разных. Взрос-
лая же газета¹ всерьез печатала эти призывы:

- Вербуйте в отряд всех батрачат!
- Бай и кулак пионерам враг!
- С малых лет — мы за Совет!
- Чтобы из детей не росли хулиганы,
долой гниль с советского экрана!
- Мы себя не позволим сечь,
мы признаем лишь разумную речь.
- Вековое рабство, рухни —
вырвем мать из плена кухни.
- Скажи-ка, брат,
что ты сделал для батрачат?
- Поднимай урожай,
отца в колхоз вовлекай!
- В пионерской среде
нет места национальной вражде.

— Урожай поднять поможем, позабудем недород:
за колхозное богатство — пионерия, в поход!

...Прошло три года, Голощекина отзвали в Москву, на смену ему приехал Мирзоян. Взрослые дяди собрались в Алма-Ате на Шестой пленум, говорили речи. О разрухе в деревне и ауле, о невиданном падеже скота. О голоде двухлетнем — молчали (ну, сами-то не нуждались!) О том, что почти все малые дети до четырех лет умерли с голоду,— молчали. О том, что около половины казахов вымерло,— молчали. Не дозволено было об этом говорить. И вообще, не до этого было. Каялись, оправдывались, критиковали друг друга. Обещали больше никогда не наделать таких ошибок. Называли пленум — историческим.

Наконец один делегат не выдержал. Один-единственный. Он сказал: «Все говорим о сокращении поголовья скота... Но часто забываем об основном элементе производительных сил — о человеке. Население некоторых районов находится в очень тяжелом положении... Мы имеем в Казахстане до 80 000 беспризорных детей».

Вот так сказал. Как видно, хорошо чувствуя незаконность своей речи, крамолу, содержащуюся в ней. И потому, для весомости, даже назвал человека — основным элементом производительных сил. Сам по себе человек вроде бы ничто, а вот в качестве элемента производительных сил он еще что-то значит. Но, должно быть, сильно изболелась у выступающего душа, если все-таки не смог не сказать о человеке, о детях. Как раз, наверное, о тех бродяжках говорил, коих еще недавно в пропагандистских целях пичкали лозунгами к слетам.

Это был Нурмухамедов из Госплана.

Ему не аплодировали. Тему не поддержали. Молчали. Словно и не заметили его выступления. Умалчивание продолжалось до тех пор, пока на трибуну не поднялся Пинхасик, секретарь Уральского обкома (вскоре он был избран секретарем крайкома). Уроженец города Одессы, Гдалий Исакович Пинхасик в двадцать один год вступил в партию и тогда же, в 1918-м, стал прокурором Забайкальского трибунала, в 1919—1921 годах служил в ЧК города Омска и заместителем начальника ЧК Дальневосточной Республики. Стало быть, смолоду руки были по локоть в крови (в Сибири творились чекистами

особенно жестокие зверства). Вот он-то и отчитал суроно Нурмухамедова:

«...Животноводство, говорит тов. Нурмухамедов, не главный вопрос. Главное, по Нурмухамедову, заключается в том, что в Казахстане имеется 80 тысяч беспризорников, что люди плохо выглядели, что у них лица такие, что на них страшно смотреть. Я думаю, что к такой медицинской точке зрения пленуму присоединиться нельзя. Мы политики и не можем встать на такую буржуазно-филантропическую точку зрения».

Разумеется, никто из делегатов пленума, не смевших и слова молвить о сотнях тысяч людей, умерших с голоду, не осек Гдалия Исаковича Пинхасика, дети которого, конечно же, не шлялись по улицам в поисках куска хлеба, а питались от пайков партраспределителя.

Наоборот, Нурмухамедов еще и извинялся:

«...Я допустил излишнюю детализацию, когда воспроизводил бедственное положение откочевников. Это дало повод товарищам сделать вывод, что я просто филантропически фотографирую положение. В этом отношении замечание т. Пинхасика я принимаю. Но заявляю, что делал я это с целью заострить внимание пленума на борьбе с последствиями откочевок...»

В 1922 году по стране бродило 7 миллионов беспризорных детей, или, как, наверное, определил бы другой политик — Николай Иванович Бухарин,— беспризорного человеческого материала. Большинство этих бездомных были дети крестьян. Сколько таких сирот оставила коллективизация 30-х годов — никому не известно. А ведь она по своей разрушительной силе превосходила гражданскую войну и военный коммунизм...

Позже о беспризорных все же позабыли, даже соответствующую кампанию провели. 16 августа 1933 года «Казахстанская правда» напечатала об этом статью «Борьба с беспризорностью — дело всей советской общественности Казахстана». Автор, В. Шматков, считал это явление «в значительной степени» обязанным ошибкам и перегибам, сотворенным бывшим руководством и местными партийно-советскими органами.

«Период стихийного нарастания уличной детской беспризорности миновал, беспризорность сейчас приняла стабильный характер, сейчас главная задача — укрепить детские дома, окончательно и полностью ликвидировать уличную беспризорность».

То есть сначала ликвидировали, как и при Ленине, отцов и матерей — пулей или голодной смертью, а потом принялись ликвидировать детскую беспризорность. Только вот ликвидировать сиротство уже было невозможно.

Журналист продолжал:

«Нужно подобрать остатки скитающихся ребят с улиц, со станций, на базарах и с других мест».

Детские дома, замечал он, в отвратительном состоянии, перегружены. Даже в столице республики. В детприемнике, располагавшемся в Малой Станице, в крупном Каскеленском детгородке «парша, нет уборных, нет умывальников, дети не моются, спят вповалку на полу... Во многих домах нет печей, крыш, потолки неисправны, нет топлива и целого ряда других вещей, а дело к зиме...»

Возможно, среди обитателей этих детских домов и среди уличных беспризорных были и те, которые еще недавно слышали на пионерских слетах:

— Чтобы Казахстан был передовой страной,
борись за оседание и колхозный строй!

* * *

Взрослые дяди не только пионеров призывали бороться, но и сами боролись.

Еще и полгода не минуло после опустошительной первой волны коллективизации, как из Мюеквы пришла новая директива и Голощекин обратился ко всем райкомам зерновых районов со статьей «Встретим призывом в колхозы 11-й год края!»

Теперь он обвинял в уклонениях от сдачи «хлебных излишков» уже не частников, а коллективные хозяйства. И требовал «немедленно, со всей беспощадностью выбить кулака и бая из колхоза».

«Коллективизация оказалась в забвении, тогда как работа над колхозным строительством не может быть отложена ни на один день...

Слабая работа по коллективизации и даже полное бездействие является результатом якобы «боязни» перегибов, и этим оправдываются самотечные настроения.

Такая трусивость не присуща большевику... это — самый злостный оппортунизм»².

7 ноября 1930 года «Советская степь» призывала:

- Уничтожим кулачество как класс!
- Развернем знамя сплошной коллективизации!

А 17 ноября восклицала:

— Пришла колхозная пора. Новой волне навстречу организуем встречный призыв!

Посевы сократились, урожайность упала, хлеба не хватало, а заготовители продолжали требовать «излишки».

8 ноября: «Классовый враг с партбилетом

Аулие-Ата. (Наш корр.) Член ВКП(б) Сагиндык Рустембеков на заседании совета группы бедноты аула № 55 сказал: у нас хлеба нет, мы не можем выполнить план хлебозаготовок. Руководимые Рустембековым женщины избили трех уполномоченных... Таких коммунистов нужно гнать из партии.

Солтыбай».

12 ноября Голощекин выступал на краевой комсомольской конференции:

«Выкорчевывание родовых, полуфеодальных и патриархальных отношений, ликвидация байства как класса на основе сплошной коллективизации—вот что выведет нас на окончательный и широкий путь расцвета и вытравит воспоминания о проклятом прошлом казахского аула».

Уже были забыты недавние слова о том, что «в ряде мест» коллективизация себя скомпрометировала, и потребуется большой срок, чтобы поднять движение. То было лишь тактическим отступлением перед новым, массовым, еще более жестоким загоном в колхозы. Теперь уже говорилось только о сплошной коллективизации, и ретивым исполнителям заранее развязывались руки.

— Темпы решают все! — провозгласил Голощекин, и весь директивно-пропагандистский аппарат стал изо дня в день повторять этот лозунг и проводить его в жизнь.

Воодушевленные делегаты, учитывая заслуги Голощекина в «большевизации партийных органов Казахстана», избрали его «почетным комсомольцем», вручили значок и дважды пропели «Интернационал»³.

13 ноября крайком принял решение — немедленно создать перелом в колхозном движении.

«Советская степь» тем временем разоблачала «вредителей сельского хозяйства Казахстана»: агрономов До-

нича, Сириуса и покойного профессора Швецова. Будто бы они проводили «со своим вредительским усердием» установки вождей «кондратьевщины». Особенной ругани удостоились одобрительные высказывания ученых о кочевом хозяйствовании:

«Современное казахское хозяйство до такой степени приспособлено к окружающей природе, так полно отвечает ей, что должно быть признано наиболее продуктивным при данных условиях...

Кочевой быт, характеризующий большую часть Казахстана, сохранился не потому, что сам казах и казахское хозяйство еще не доросли до культурного уровня оседлого населения... Казах — скотовод и кочевник потому, что иным он не может быть при окружающих его условиях, от него требует этого окружающая природа».

Эти глубокие мысли о единстве всякого истинно народного способа хозяйствования с окружающей средой были совершенно неприемлемы для политиков, которые как раз-таки и намеревались разрушить природное, сложившийся жизненный уклад,— и в экономике, и в духовной жизни, и в быту.

Автор статьи, Е. Федоров, обвинил агрономов в защите интересов байства:

«По Швецову, «профессору вредительства», выходило, что уничтожение кочевого быта в Казахстане знаменовало бы собой не только гибель степного скотоводства, но и превращение сухих степей в безлюдные пустыни».

Мысли Донича о постепенности развития среднего казахского хозяйства до производственного уровня и естественном росте — от малых к крупным — артельных форм труда автор статьи назвал «откровенно великодержавно-шовинистическими установками в борьбе против нацполитики ВКП(б)»⁴.

А ведь к тому времени должны были бы уже убедиться, что колхозы-гиганты и коммуны, созданные насильственным образом, приносят хозяйству один вред.

Новая волна коллективизации неудержимо накатывалась на Казахстан, готовая снести все уцелевшее. Тураг Рыскулов сделал попытку смягчить или отвести ее удар. В статье «Внимание скотоводству в кочевых и полукочевых районах»⁵ он писал, что Казахстан по размерам и населенности, характеру хозяйства напоминает Аргентину — мирового поставщика мяса, и что произ-

водство можно и нужно развивать именно в этом направлении. «Для этого нужна помощь кочевым районам, где содержится три четверти стада. Нам нужно брать пример не только с Дании, Германии (стойловое содержание), но и с Аргентины, Австралии и степных районов Северной Америки, где для скота используются в максимальной степени естественные пастбищные ресурсы».

Предложения Рыскулова, конечно, уже запоздали — животноводство было наполовину разрушено. К тому же кто бы стал прислушиваться к этим советам, когда в свою страну, независимо от условий и особенностей, перекраивали на один тип хозяйствования.

Редакция сопроводила статью комментарием, разъяснив читателям ошибки автора. Самым весомым доводом была формула социалистической экономики, просто и доходчиво выраженная Сталиным: при разрешении животноводческой проблемы «нам нужно двигаться тем же путем, которым шли в области разрешения зерновой проблемы». Рыскулова уличили в том, что он не желает «сломить сопротивление байства», забывая о сталинской «перестройке социально-экономических отношений».

В главных житницах страны, опустошенных первой волной коллективизации, уже начинался голод, в городах тоже пришлось подтянуть ремни, а коммунисты продолжали бороться с кулачеством. Все газеты напечатали одновременно статью Максима Горького «Если враг не сдается — его уничтожают»:

«Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-активистов убийствами, поджогами и различными подлостями...» Пищевой голод в стране, оказывается, возник не от разрухи, устроенной обобществителями, а по произволу 48 снабженцев — агентов имперализма.

В очередной статье «Гуманистам», распространенной по всем изданиям, Горький писал:

«Организаторы пищевого голода, возбудив справедливый гнев трудового народа, против которого они составили свой подлый заговор, были казнены по единодушному требованию рабочих. Я считаю эту казнь вполне законной...»

19 декабря 1930 года «Советская степь» вышла с крупными заголовками на первой полосе:

— Да здравствует обнаженный меч пролетарской диктатуры!

- ОГПУ прошло 13 боевых лет.
- Трудящиеся Казахстана требуют наградить ОГПУ орденом Ленина!
- Что же, вполне соответствующая награда...

* * *

Как и раньше, в год «великого перелома», крайком усиленно нагнетал темпы коллективизации. Процент вновь высчитывали по месяцам и гнали вверх, как столбик термометра. Хозяйство уже горело, как в лихорадке, а Голощекину и его подручным показатели все казались маленькими.

- Темпы решают все!
- Темпы коллективизации совершенно недостаточны!

— Выше колхозную волну!

Такими были заголовки начала 1931 года.

К июню Казахстан был коллективизирован на 55 процентов — больше, чем в первую перехлестную волну. Но перегибов уже не боялись. Газета, как и год назад, радостно рапортовала:

«Казахстанская республика по темпам коллективизации идет наравне с передовыми братскими республиками». А там, в передовых, людей косил голод.

Вскоре коллективизацией занялся вновь прибывший секретарь крайкома Михаил Иванович Кахиани. По-видимому, это был не менее крупный специалист по селу, чем Л. Рошаль. 17 июня «Советская степь» напечатала его речь на Втором краевом колхозном съезде. Кахиани, всю сознательную жизнь работавший партийным функционером, объяснял, что животноводство — важная отрасль в деле снабжения рабочего класса продуктами питания и повышения его реальной заработной платы. Однако эту реальную заработную плату мешают повышать вредители. Что же делать?

«В области животноводства здесь, в Казахстане, можно достичнуть больших успехов. На XVI съезде партии тов. Яковлев* приводил примеры, как можно достичь большего эффекта в молочном деле. Если давать корове одну порцию кормов, то получите известный удой,

* Яковлев (Эпштейн) Яков Аркадьевич, в 1929—1934 годах нарком земледелия СССР, председатель «Колхозцентра».

а если вы увеличите корма на 30 процентов, то получите удвоенный убой. А если увеличить количество кормов на 60—65 процентов, то получите утроенное количество молока.

Вот вам простой пример того, как надо работать нам в области животноводства. Можно и должно добиться того, чтобы у нас было и больше мяса, и больше молока, и больше шерсти, и кожи.

То же самое нужно сказать и о развитии овцеводства и свиноводства (если, конечно, мы не будем со свиньями поступать по-свински).

Мы можем достичь в отношении развития этих отраслей весьма крупных успехов. И надо в ближайшие один-два года разрешить эту проблему».

Вот такими советами снабжали заморенных делегатов-колхозников товарищи Яковлев и Кахиани.

В то же время Демьян Бедный, или, как назвал его однажды Есенин, «Ефим Лакеевич Придворов», взбадривал артельщиков стишками, которые, подобно статьям М. Горького, распространялись по всем газетам. Очередной его шедевр назывался «За большевистский сенокос» (о сенокосе потом писал и Алексей Максимович):

Мы ударной работой удвоим запас
кормовых наших баз.
Ну а если мы нашу скотинку
совхозную,
и свою животинку
колхозную,
не исключая и единоличной,
обеспечим обильно кормежкой отличной...
Значит, будет республика с мясом,
значит, масла попробуем и молока,
значит, будет упруга, сильна и крепка,
рабоче-крестьянская мускулатура и проч.

Председатель Совнаркома У. Исаев с тревогой замечал, что в последние два года идет «неостанавливающееся сокращение поголовья скота», но, конечно, делал из этого вывод, что путь успешного развития животноводства один — это коллективизация.

Стадо сократилось скорее всего наполовину, до 20 миллионов голов скота, но Совнарком скрывал правду, показывая в отчетах, что осталось 30 миллионов голов, и поставки мяса высчитывали исходя из этой цифры.

Непосильные задания с повышенной скоростью завершали разрушение хозяйств скотоводов.

Голощекин, разумеется хорошо знавший про это, настаивал, чтобы план выполнялся любой ценой.

«Мы должны... самым жестоким и твердым образом (и я заверяю, крайком умел и умеет это делать) повернуть организацию к тому, чтобы задача животноводства была бы решена так же, как и зерновая», — говорил он 16 августа 1931 года на третьей алма-атинской городской конференции.

Работник Наркомснаба Зейнулла Торегожин осмелился возражать ему: предрек, что если так пойдет и дальше, в республике останется в 1932 году... 275 тысяч голов скота.

Каких только ярлыков не навесили на Торегожина! Клеветник... оппортунист... противник социализма и индустриализации... хныкальщик... националист...

Заготовители изымали все, что только было возможно изъять. В Тургае уполномоченные работали под лозунгом: «Перегибов не делать, парнокопытных не оставлять». Когда кто-нибудь пытался протестовать против беззаконий, его живо арестовывали или припугивали тюрьмой. И поясняли: «При социализме не будет ни одного неосужденного человека»⁸.

В районах, где хлеб отродясь не сеяли, людей заставляли за бесценок отдавать свой скот в обмен на зерно, и хлеб тут же отбирали. Лозунг был такой: «Откуда хочешь возьми, дно мешка вытряхни».

Февральскийplenум крайкома в 1931 году нацелил уполномоченных на обобществление всего «товаропродуктивного стада». Пленум указал, что в этом деле нельзя прикрываться «особенностями аула». Тургайские активисты руководствовались четкой установкой: «Весь скот обобществить, не оставляя ни одного паршивого козленка в индивидуальном пользовании».

Не просто грабили до нитки, но и воспитывали при этом: «В целях изжития мелкособственнической психологии колхозника передать скот одного колхоза другим колхозам другого административного аула».

Кроме всего прочего, устраивались всякие поборы с рядовых колхозников: на автомобиль для какого-нибудь районного начальника, на строительство домов для руководства и т. д.

* * *

Малейшее недовольство жителей непосильным планом заготовок воспринималось как восстание против советской власти. И такие «восстания» без всякого разбора жестоко подавлялись. Один из многих рядовых случаев —«волнения» в Шетском районе Карагандинской области.

В 1931 году там числилось 80 тысяч голов скота, а план заготовок спустили на 120 тысяч голов. Поначалу обложили планом «по количеству голов», и жители отдавали последних коров (овец у большинства людей отобрали раньше). Местные начальники, жившие побогаче, оставляли крупный рогатый скот себе, а государству сдавали мелкий рогатый. Вскоре наверху разобрались, что к чему, и спустили план в тоннах. Бедняков, и без того ограбленных подчистую, «дообложили»: кому же еще выполнять план?

Тогда-то и начались волнения. Впрочем, их спровоцировал — больше в собственных целях — председатель совета аула № 15 Иса Бабжанов. Этот взращенный новой властью местный деспот обирал земляков, карал всех неугодных непомерными налогами, угрозами ареста и расстрела добывал себе наложниц и т. д. Когда его произволу воспротивился бывший председатель аулсовета, Бабжанов «организовал» волнения, зная, что вызванные чекистские отряды всегда в первую очередь защищают его, члена партии и представителя советской власти. Так и получилось.

Из райцентра Аксу-Аюлы и Каркаралинска спешно прибыли два коммунистических отряда. «Мятежников» — 19 невооруженных человек — расстреляли. Причем Бабжанов сам застрелил своего личного врага — бывшего председателя аулсовета, его отца и брата, а жену изнасиловал. (Потом женщину ранили, отрезали ей груди и бросили умирать на тело мужа.) В назидание другим каратели, представленные партийно-комсомольским активом района, запретили хоронить трупы.

Расстреливали «восставших» и в соседних аулах, обвинив их в том, что не желают платить налоги и прячут скот.

В местности Беркутты чекисты зарубили шесть человек, «трупы не были убраны». В Абралинском районе в отместку за то, что «бандиты» задержали трех фельдъ-

егерей, отряд «собрал все оставшееся в ауле население, состоявшее почти исключительно из женщин (старух) и детей, выстроил их и расстрелял из пулемета». Точно так же действовали и в других местах, за что командиры отрядов вскоре были награждены именными наганами.

Когда впоследствии этим делом стал заниматься Карагандинский оперсектор ОГПУ, выяснилось, что «вооруженного восстания в Шетском районе не было. Происходили отдельные безоружные выступления... Вооруженных банд, формировавшихся, оперировавших на территории Шетского района, в апреле не было...» И далее: «Произведенные отдельными работниками Шетского райотделения ОГПУ и районными партработниками самочинные расстрелы арестованных в разных аулах безоружных 36 граждан Шетского района произошли по вине Сычева (начальника райотдела ОГПУ)...»⁷.

Сычев на следствии оправдывался тем, что так приказал ему действовать начальник Семипалатинского оперсектора ОГПУ Бак, «бомбивший» своих подчиненных директивами вроде следующей: «Число арестованных баев вас ни в коем случае не должно смущать... Повторяю, что вы сейчас должны взять самую зверскую линию».

«Зверскую линию»... Знакомые слова. Именно такие же в тот год часто употреблял Голощекин. В секретных телеграммах на «места» он требовал «произвести зверский нажим», чтобы «ликвидировать позорное отставание в заготовках»...

А жертвы этого «зверского нажима», расстрелянные и зарубленные без суда и следствия по степям, наверняка до сих пор числятся в чекистской отчетности как «бандиты» и «контрреволюционеры», восставшие против колхозного строя...

* * *

Хозяйство степняков рушилось, казахи сотнями тысяч откочевывали в другие края. Бежали подальше от колхозов... По данным Госплана, в 1930 году откочевало 121,2 тысячи человек, а в 1931 году — уже 1 миллион 74 тысячи человек. Такого еще не бывало. Между тем партапаратчики продолжали проводить свою линию и хвастаться успехами.

В октябре 1931 года второй секретарь крайкома Измұхан Қурамысов говорил:

«...Вдвойне непонятны, вдвойне непростительны хныканье, мягкотелость отдельных наших коммунистов, даже активистов, что с Казахстаном неладно, якобы есть элементы какой-то деградации, якобы будущее Казахстана неясно и т. д. Это пустая болтовня досужего человека...

Конечно, уменьшение поголовья скота есть, но виноват — бай. ...Иногда и сердняк под агитацией баев и кулаков поддается панике и тоже растранижираает свой скот».

Қурамысов заключил свой доклад весьма торжественными словами:

«Мы, коммунисты-националы, можем и должны гордиться тем, что были участниками великого исторического процесса, были одним из винтиков нового строительства, нового пьедестала, на который нам удалось поднять трудящихся казахов. Мы были участниками выкорчевывания, преодоления всех кошмарных наследий царизма. И пусть себе плачут разные алашординцы... Пусть они бьют себя в грудь и говорят: «Я люблю казахов». Пусть результаты существования советского Казахстана и сами трудящиеся казахи скажут, кто больше сделал для Казахстана и казахов»⁸.

К концу 1931 года в республике было коллективизировано 65 процентов хозяйств. Начались холода. Для согнанного в кучу скота помещений не было. Коровы, овцы, лошади, свиньи дохли от голода и холода.

Одно непонятно, чего больше было в этом организованном развале — головотяпства или издевательства над здравым смыслом и людьми.

...Меркенский мясосовхоз загнали в горы, на высоту двух с половиной тысяч метров, где прежде пасли скот лишь в короткие летние месяцы. Зимой на этом плато бушевали бураны и выпадали полутораметровые снега.

Народ разместили в нескольких холодных тесных домиках, в бараках-полуземлянках и строениях из дерна, насквозь продуваемых ветрами. Для половины согнанного скота места под крышей не нашлось. Да и тот скот, что был вроде бы пристроен, мерз в щелястых помещениях, сбивался в кучу, затаптывал слабых животных. Однажды за ночь 28 голов скота оказались «замятыми». В прошлую зиму в этом совхозе и близлежащих

колхозах пало множество скота, зима 1931—1932 годов оказалась еще страшней.

Переход на оседлость был не только не подготовлен никоим образом, но и проводился в спешном порядке, будто мобилизация на войну. Основное количество хозяйств, по плану, должно было осесть в 1931 и 1932 годах. Пленум крайкома, состоявшийся в феврале 1931 года, потребовал, чтобы при проведении оседания колхозные поселки создавались бедняками и середняками различных родов. На практике это вылилось в переселение казахов внутри своего огромного по территории края. Колхоз, по требованию руководящих инстанций, должен был быть непременно крупным и объединять несколько родов. Естественно, каждый род старался устроиться на новое жилье поближе к своим местам, отсюда и споры, и неурядицы, и обиды.

В Баянаульском районе, щедротами природы не обделенном, народ загнали на солончаки и голые камни. Ни питьевой воды, ни кормов для скота, ни кошар. Не успели кочевники слезть с верблюдов, как уполномоченные уже отрапортовали о крупной победе на фронте оседания. Активист Арапов из колхоза «Жана шаруа» писал в газету, адресуя свое послание прокурору республики:

«Дайте воды! Вода вся вышла. Земля — голые камни. Копали колодцы глубиной в девять метров, воды нет...»

Этот колхоз четырежды перебрасывали с одной точки оседания на другую — то же самое творилось повсюду...

Черный смерч разрухи уже вовсю свирепствовал в степи, грозя опустошением и смертью, а Голощекину если что и внушало тревогу, то лишь невыполнение того или иного планового показателя, спущенного центром. Его высказывания той поры отличаются еще большим, чем прежде, цинизмом.

Осенью 1930 года Молотов запросил его о причине массовых откочевок из Западного Казахстана.

— Желание баев, и только! — не мудрствуя, ответил первый секретарь крайкома.

В 1931 году, когда сотни тысяч казахов были вынуждены бежать от надвигающейся гибели, Голощекин нагло и спокойно вещал:

«Казах, который никогда не выезжал из своего аула,

не знал путей своего кочевания, теперь с легкостью переходит из района в район внутри Казахстана, включается в русские, украинские колхозы, переходит на работы, на хозяйственное строительство в Приволжье и Сибирь. Конечно, этот переход изменяет хозяйство, изменяет быт, разрушает старый быт, рушится старое хозяйство. Не без уронов. Одни — националисты — видят в этом исключительно мрачную сторону, разрушение хозяйства, другие — «левые» фразеры — видят в этом одну контрреволюцию... В основном идет перестройка быта»⁹.

На собрании в Казахском коммунистическом университете он заявил:

«Оппортунисты — вольные или невольные агенты классового врага — говорят: мы, мол, разоряем хозяйство. Стоит присмотреться к любому колхозу, хозяйству колхозника и сравнить не только с дореволюционной эпохой, но и с тем, каким оно было 2—3 года назад, чтобы понять всю вздорность и вредительство этих высказываний. Надо помнить, что нет расслоения деревни; в то время, когда в прошлом эксплуатация помещика, кулака, капиталиста действительно миллионы людей ввергла в нищету, обрекала на голод, закабаляла, — сейчас этого нет и не может быть»¹⁰.

Миллион с лишним казахов бежали со своей родной земли, пути откочевников были устланы трупами, а Голощекин пошутивал на алма-атинском партактиве:

«В недородных районах неурожай породил урожай оппортунизма... (смех). Люди подвергались панике, начали составлять архиоппортунистические хлебофуражные балансы.

...Есть ли основания к панике? Никаких.

На основе механизации и коллективизации мы окончательно вывели наше сельское хозяйство и крестьянство из положения безысходности голода...»¹¹.

Хлеба уже не было. Все выгребли. Не выдержали даже партийные работники.

Секретарь Мендыгаринского райкома Старателев назвал план крайкома необдуманным, нереальным. Ему приказали: безоговорочно сдать хлеб. Старателев ответил: «Ну что ж, раз так, то я возьму, «до квашни» разую и раздену все колхозы, и они разбегутся».

Секретарь Убаганского райкома Изварин ответил крайкому: «План хлебозаготовок мы сможем выполнить, но не хлебом, а карасями и дудаками».

Член Карабалыкского райкома Шумейко сказал: «Экономика района окончательно подорвана непосильными планами. Колхозники, а также бедняки и середняки не имеют перспективы своего существования. ...Мы оттолкнули от себя колхозников, они от нас уходят».

Голощекин исключил их из партии, Изварина отдал под суд.

Вторая волна коллективизации завершилась; в 1931 году поголовье скота в Казахстане уменьшилось еще на 10 миллионов.

Начинался невиданный за всю историю края голод.

XVI

С начала 1932 года, если не раньше, в крайком, ЦИК, Совнарком пошли письма, докладные, телеграммы о голоде.

Телеграмма из Уштобе (февраль 1932 года):

«Голодовкой охвачены все аулы возле Балхаша. В остальных шести административных аулах было 4417 хозяйств, осталось 2260, из которых голодают 63 процента. Остальное население остронуждающееся. Голодовка началась в первых числах декабря 1931 года. Всего умерло, по неточным данным, не менее 600 человек. Голодающие пытаются падалью коней, отбросами бойни...»

Телеграмма из Иргиза (1932 год):

«Алма-Ата Крайком Голощекину Счет выполнения плана хлебозаготовок заготовлено триста центнеров путем удержания хлеба подлежащего отовариванию тчк Учитывая продовольственные затруднения района зпт голод частично выявленных 2203 хозяйствах зпт просим дать указания возврата заготовленного хлеба счет отоваривания скотосдатчиков райком Поктаров».

Писали и дальше, в Москву.

В президиум ЦИК СССР. ЗАЯВЛЕНИЕ (1 февраля 1932 года):

«Считая себя более не вправе оставаться безмолвными и безучастными зрителями голодда, постигшего население бывш. Павлодарского округа, мы вынуждены обратиться в центральные органы правительства СССР. Отказываясь от анализа и оценки причин, породивших голод, мы сознательно ограничиваемся лишь изображением наблюданной нами картины.

В течение примерно полутора месяцев в Павлодар

стекаются из районов голодные, опухшие и одетые в лохмотья люди, преимущественно казахи. Город наводнен ими. Развелось невероятное нищенство. В каждом доме их перебывают за день десятки человек. Ходят голодные всех возрастов: молодые, старые, дети. Свалочные места усеяны голодными людьми, выбирающими и поедающими отбросы.

Лечебные учреждения наводняются умирающими от голода. Голод вызвал эпидемии (создана даже чрезвычайная тройка по борьбе с тифом). Под городом и в самом городе постоянно находят трупы замерзших, бесприютных, голодных людей. Известны случаи смерти от голода в городской амбулатории на глазах больных, пришедших на прием. Мы знаем дома, где голодные, вошедшие попросить хлеба, падали при смерти. Нередко можно встретить семейство казахов, бредущее неизвестно куда и тянувшее за собою салазки со скарбом, поверх которого лежит труп ребенка, погибшего в пути.

В учреждения подбрасываются голодные, полузамерзшие дети. Детские дома переполнены и не принимают их. По городу ежедневно встречаются десятками покинутые, замерзающие, истощенные, опухшие от голода дети всех возрастов. Обычный ответ их: «отец умер, мать умерла, дома нет, хлеба нет»... Отдельные граждане подбирают таких детей и направляют, естественно, в милицию, но последняя не принимает их, попросту выгоняя обратно на улицу.

Наконец, для этих детей был предоставлен бесхозный дом.... куда они и были свезены. Некоторые из нас посетили этот дом. Не распространяясь подробно об умирающих и о трупах, найденных во дворе перед домом, в сенях и в самом доме, скажем в общих чертах, что дети, помещенные в этом «приюте»... получают лишь раз в день небольшое количество каши или супа с крошечным кусочком хлеба, валяются на полу и на печке в грязи и вони, в абсолютной темноте, ходят под себя, плачут, а некоторые уже не в силах плакать, только стонут или хрипят. Обстановка настолько тяжелая, что женщина, приставленная горсоветом для ухода за детьми, сбежала на другой же день.

Когда один из нас заявил 20 января в горсовет обо всем виденном в этом доме, то председатель горсовета не нашел ничего лучшего, как вызвать милицию, арестовать его и отправить в ГПУ...

Бедствие развивается. Из районов голод гонит в Павлодар все новых и новых голодающих. Обессиленные люди тянутся по всем дорогам и гибнут в пути. По рассказам голодающих, собирающих по домам «кусочки», одни аулы и поселки совершенно уже опустели, в других вместо сотен дворов остались единицы или, в лучшем случае, десятки.

Часть населения ушла в Сибирь, а оставшиеся застигнуты голодом и вымирают. В Павлодарском районе осталось меньше половины того населения, которое насчитывалось еще летом 1931 г. Так, например, опустели поселок Подпуск и Черное... Не существует более аул № 1. В Жалыбаевском ауле Бескарагайского района, насчитывавшем более 300 дворов, осталась лишь администрация аулсовета...

Мы не хотим указывать, какие конкретные меры помочь должны быть приняты. Наша цель — приподнять уголок завесы, скрывающей ужасы...

Политические ссыльные: **В. Иогансен, О. Селихова, П. Семинин-Ткаченко, Ю. Подбельский, А. Флегонтов**¹.

Председателю ВЦИКа М. И. Калинину (10 февраля 1932 года):

«Все население, проживающее в Казахстане, умирает от голода, в некоторых местах гибель народа — целыми аулами, например: аулсоветов №№ 9, 10, 11 и Павлодарского и Иртышского районов, а также все районы Казахстана.

В последнее время везде стала гибель, смерть населения, посев не родился, весь скот сдан государству, со стороны государства колхозников хлебом не снабжают, питаться населению нечем. В единоличном пользовании каждого хозяина и в колхозах ни одной скотины, ни лошади не имеется. Базара на рынке и вольной торговли нет, которые на местах прекратили, хлеба совсем не имеется. Служащие, работающие в местных организациях, местный актив председателей и членов сельаулов, секретари партичек и кандидатских групп, а также работники районных организаций занимаются грабежом чужого имущества. Если только увидят у какого-либо гр-на или колхозника кусок хлеба, фунт муки и кусок мяса, то отберут и сами используют, как будто бы сдано государству, на самом деле таковые они сами прогло-

тят. Кроме того, отберут деньги, хорошие одежды и разное другое имущество, проведут обыски, испугают население. Как полагается, в связи с этим занимаются взяtkами: у кого хотят, у того берут. Если какое-либо лицо не захотело дать взятки, хотя бедняки или ниже середняка, то лишают его голоса, конфискуют, и он уже является кулаком. С этой гибели, смерти, конфискацией, взятками и грабежом имущества, население идет, куда хочет просить милостыню по нищете и даже в другой край или округ. Были такие случаи: отец, мать оставляют от голода своих малолетних ребятишек, сами идут. Это объясняет, что в дальнейшем в Казахстане население существовать не может, жить очень ужасно, трудно. Кроме того, местные власти проводят на этом голодном населении кампании разных заготовок, а население из-за исполнения заготовок не может себе найти пищи ни одного куска хлеба...

Аулсовет № 4 Максимо-Горьковского района,
Дуйсенбино Нургалий»².

Товарищу Калинину М. И.—«Товарищеское письмо от гр-ки станицы Сарканд Лепсинского района б. Семиреченской области (Голевой) Дворниковой Мелании Харитоновны (февраль 1932 года):

«Уважаемый товарищ! Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой объяснить мне, как женшине, следующие вопросы: почему у нас такая постановка в колхозном строительстве? Хлебная заготовка прошла очень трудно, по-моему, даже невыносимо, как, например, в мусульм. казачьем колхозе «Тарас». Весь хлеб, т. е. посевы, все обобществлены и еще накладывают на каждого по 10—15 и до 20 пудов. Где же он может взять, работая все лето в колхозе? И вот в настоящее время вся эта голодная масса движется по дорогам пешком с малыми детишками, ища себе пропитание, падая по дороге, как мухи. И от этого могут быть всякие грабежи, убийства, и уже в настоящее время эти случаи есть. На ст. Аягуз зарезали женщину за $1\frac{1}{2}$ булки хлеба. Низших, просящих милостыню, каждый день десятками, но давать-то нечего, так как в колхозах, тоже и у рабочего, никаких излишков хлеба нет, а о жирах и говорить нечего. В колхозах паек выдается по трудодням, которым еле питается работающий, а члены семьи совершенно не удовлетворяются. От этого двигаются сотнями, тыся-

чами за границу, не считаясь с тем, что их встречают, рубят, бьют, и кого же? — большую часть нашего брата по классу: батрака, бедняка. По моему личному мнению, это неправильно...

О себе я могу сказать, что я крестьянка, из семьи бедняка, революционный вал прошел на моих плечах, членом партии с 1924 г... от роду мне 38 лет, и с молодых лет, вплоть до 1929 г., работала по найму: то разносчицей, то уборщицей. В 1929 г., работая уборщицей при Саркандском Нар. клубе, я нанялась посеять 1 дес. посева (тот оклад, который я получала, 23 руб., не мог меня обеспечить), и за этот посев, который дал фактически 53 п., преподнесли Комоз 92 п. сдать, признавши урожай в общей сложности 110 п. с десятины. Был составлен акт по стихии, который не подействовал, и меня, совместно с другими женщинами, гоняли по улицам из участка в участок, надевши на грудь черную доску с надписью «Враг народа, злостный несдатчик хлеба». Как член партии и сдавшая 43 п., я себя врагом народа не считаю. Кроме меня были издевательства над другими женщинами, еще же привязывали хвосты, надевали погоны, с 2-х недельными ребятишками сажали в холодные амбары, prodержали по 3 суток, от чего получалось немало заболеваний. Я, как член партии, стала доказывать, что это неверно, на меня создали ложные материалы, в особенности пред. с/с Сидоров. Хоть и член партии, но сын кулака, не брат по классу и не товарищ по идее, но, как член бюро, поставил вопрос об исключении меня из рядов партии... В конце 1931 г. мне предложили сдать партбилет, на что прошу обратить Ваше внимание и восстановить меня в правах члена ВКП(б)...

К сему подписуюсь³.

Из информации Петропавловского обкома Ф. И. Голощекину (апрель 1932 года):

«В 12 районах Северо-Казахстанской области к 17 апреля 1932 года учтены 246 случаев смерти от голода и 133 факта опухания. В колхозе имени Калинина умерли: Насаченко и вдова Верумская, от которой остались двое детей. В колхозе «Слет добровольцев» все питаются падалью, откапывают трупы лошадей и употребляют мясо в пищу. В Тонкерейском районе в селе Куприяновка в феврале и марте имели место 23 смерти и 29 случаев опухания. В селе Семиполье (колхоз «Пламя») 63 человека опухли, трое — умерли...»

Из справки по итогам проверки села Полтавки Трудового района Северо-Казахстанской области (весна 1932 года):

«Хлеба не оказалось ни у одного из обследованных. Была лишь только падаль как в вареном виде, так и в сыром. На вид мясо кровянистое и с зеленью, имело следы разложения от весенней теплоты. Во всех осмотренных хозяйствах вид детей болезненный. У многих отекли лица. У гражданки Василисы Лыги мы спросили: «Почему ты на печке?» Та ответила, что не может сойти от слабости, а также указала на мальчика 13 лет, не способного даже принести падали».

Из акта обследования пункта оседания «Казгородок» Северо-Казахстанской области (весна 1932 года):

«Большинство людей истощало. Питаются отбросами, как-то: голыми костями, из которых варится суп. Кроме того, в пищу употребляются высохшие, а подчас и выделанные кожи. В райцентре есть семья, питающаяся собачьим мясом. Около дома обнаружена масса собачьих черепов. Несколько лап плавали в котле... В поселке Шокы, где было 144 двора, их осталось около 60. Люди ушли искать продукты. Большая часть оставшихся в момент обследования питалась падалью, разложившимся мясом, костяным супом, болтушкой из отрубей и сваренной кожи. 15 семей совершенно истощены и отечны. Никаких фондов для поддержания их жизни колхозы не имеют. Бигар Кигарин, рабочий-строитель, получает паек на одну душу. Его жена и трое детей питаются болтушкой и водой. В семье Кожана Конжебалтова — шесть душ. В момент обследования мальчик десяти лет рылся в навозе, доставал что-то и сосал. Семья Сагандыкова Куова, три души, питается собачиной...»

Колхозники Валуев и Кальников из села Журавлевки той же области писали Голощекину в 1932 году:

«В нашем районе идет большая растрата народного положения. Тысяча народов бежит наутек. Мрут дети, не способные к труду...»

Из докладной записки врача Крамера (Северо-Казахстанская область, 1932 год):

«Осмотрел 500 детей. Соотношение рождаемости и смертности таково: одна женщина родила четырнадцать детей, в живых остался один ребенок. Другая родила десятерых, в живых — двое. Дети, как правило, погиба-

ют до 2—3 лет. В течение зимы в ряде аулов вымерла вся молодежь...».

Сводка КазПП ОГПУ от 4 августа 1932 года:

«По имеющимся данным, в Атбасарском районе прод-
затруднения принимают крайне острые формы. На поч-
ве голода наблюдаются массовые случаи опухания и
смерти. С 1 апреля по 25 июля зарегистрировано 111
случаев смерти, из них в июле 43».

В записке Совнаркома республики указывалось, что
голодают не только откочевщики, но и «...около 100 ты-
сяч хозяйств казахов кочевых районов, находящихся
еще на местах. Среди казахского населения наблюдаются
массовые заболевания и смертность».

Из докладной инструктора орготдела КазЦИКа За-
майлова (5 сентября 1932 года):

«..Прикочевавшее в окрестности Балхашстроя из
ближних районов казахское население, не занятое на
производстве, чрезвычайно нуждается в продовольствен-
ной помощи. На почве продовольственных затруднений
тысячи человек страдают эпидемическими заболеваниями
(тиф, цинга, дизентерия), медицинской, а также продо-
вольственной помощи им не оказывается. Между тем
вопрос об оказании продовольственной помощи нужда-
ющемуся прикочевавшему населению требует немедлен-
ного разрешения.

В Бертысе я был очевидцем того факта, что трупы
умерших от голода и эпидемических болезней валяются
на площади и не убираются в течение 3—5 дней».

«Молния Алма-Ата КазЦИКу. Бшикарагайского рай-
она Бауковском аулсовете начинают люди здыхать с го-
лоду сообщаем для сведения аулсовет».

В тексте так и написано — з д ы х а т ь... Сообщали
для сведения, помощи не просили. Не надеялись...

* * *

Газета «Советская степь», 11 января 1932 года. Из
доклада секретаря крайкома Кашиани на собрании алма-
атинского партактива:

«В сельском хозяйстве мы имеем еще более разитель-
ные успехи».

15 мая 1932 года. Из речи Голощекина на совещании
краевого актива «О колLECTIVизации в казахском ауле»:

«Во-первых, опыт трех лет показывает, что в кол-
лективизации казахский аул приобрел лучшую форму

своей хозяйственной организации, которая в наибольшей степени и быстрыми темпами поднимает благосостояние аульной трудящейся массы...

Во-вторых, несмотря на то, что в казахском ауле имелось и имеется налицо наибольшее нарушение ленинских принципов в области колхозного движения: значительное административное принуждение, механический подход без учета особенностей, перескакивание через незавершенную форму, погоня за дутыми цифрами, а, стало быть, в известном проценте налицо и формальная коллективизация,— все же остается доказанным тот факт, что основная бедняцко-середняцкая масса каз. аула широкой волной добровольно повернула к социализму...

В подтверждение можно привести состояние коллективизации в казахском ауле на 1 апреля — 73,9 процента бедняцко-середняцких хозяйств в крае...»

Из той же речи Голощекина:

«Какие мы имеем сдвиги и достижения, — поскольку в связи с состоянием животноводства и некоторым откочевыванием населения распространяются клеветнические утверждения о разорении казахского аула? Анализ показывает, мы имеем крупнейшие сдвиги в сторону социалистического строительства».

Заключительные слова этой пространной речи:

«...и большевистскими темпами построим социалистический казахский аул»:

Шло это «строительство» в ту весну следующим образом...

Из фондов Северо-Казахстанского партархива:

«30 апреля 1932 года председатель Надеждинского сельсовета и его заместитель ворвались в дом колхозника Супко, возражавшего против изъятия коровы; приказали ему под страхом расстрела стать лицом к стене и не шевелиться. Корова была отобрана. На хуторе Еремеевском те же люди вместе с секретарем кандидатской группы Максименко посадили в колхозный амбар 60-летнюю старушку, арестовали колхозницу Сивохину, 60-ти лет, и колхозника Рыжкова, 67-ми лет, подвергнув их избиению...»

«Большевистские темпы» давали такие плоды:

«В колхозе «Илья» в ауле № 5 Тонкерейского района 61 рабочая лошадь, из коих 4— не поднимаются, 10— совершенно истощены, а остальные 47 необходимо не-

медленно поставить на подкорм. Никакого запаса сена колхоз не имеет. Скот кормится камышом, которым были покрыты сараи два-три года назад. Каждый колхозник получает в среднем по одной чайной ложке молока на человека. Опухших в колхозе 36. С 25 февраля по 14 марта умерло пятеро».

«Казахстанская правда», 22 мая 1932 года. Приветственная телеграмма т. Голощекину и Казкрайкому ВКП(б):

«Верному проводнику генеральной линии партии, под чьим руководством недавняя колония царизма — Казахстан — из отсталого района превращается в крупный промышленный и сельскохозяйственный центр СССР... Чимкентская горпартконференция шлет пламенный большевистский привет.

Да здравствует крайком ВКП(б) и его руководитель старший (так в тексте. — В. М.) большевик-ленинец товарищ Голощекин».

«Казахстанская правда», 17 июня 1932 года: «Японские крестьяне голодают. На нужде арендаторов наживаются кулаки-землевладельцы...»

В июне 1932 года Курамысов докладывал о посевной на алма-атинской партконференции:

«В Талды-Кургане додумались до обобществления пирамидальных тополей, растущих вокруг хат. И кое-где повырубили. Пришла одна красноармейка и заявила: половину тополей у нее истребили...»

Потом он сказал о газетной заметке, описывающей, как членам колхоза запрещали сеять огороды, а сельсовет слал записки: немедленно сдайте курицу, корову. И прокомментировал заметку: «Это было везде!»

Голощекин: «А он (показывает) даже все пасеки обобществил».

Курамысов: «Ведь это додуматься надо!»

20 октября 1932 года Голощекин выступал на собрании актива в Алма-Ате. К тому времени уже было принято решение ЦК ВКП(б) о животноводстве в Казахстане, точнее сказать, о том, что осталось от животноводства. Филиппа Исаевича отнюдь не смущало, что хозяйство разрушено:

«...ЦК одобряет линию крайкома в области перестройки казахского аула! (Бурные аплодисменты.)

...Чтобы понять, почему ЦК одобряет эту нашу линию, надо исходить не только из теоретических устано-

вок, но из того, что именно эта линия, это руководство крайкома дало в практике огромные достижения.

Наибольшие положительные результаты мы имеем в области земледелия. Несмотря на неурожайность в течение трех лет... посевная площадь выросла...

Но мы имеем и большие недочеты в качественном росте парторганизации, имеем значительные прорывы в хозяйстве, имеем продовольственные затруднения и экономические затруднения некоторой части казахского аула.

Мы этого не скрываем. Но некоторые люди, правые оппортунисты, великодержавные шовинисты и особенно националисты, эти совы, видящие только ночью, эти агенты классового врага, подбирают отдельные отрицательные явления против нашей генеральной линии... для борьбы против крайкома. Они влияют на некоторую часть наших рядов, ведя антипартийную, антисоветскую агитацию...

А бывшие вожди, которые в свое время боролись против ленинской линии в национальном вопросе, которые вели ожесточенную борьбу против крайкома еще с 1925 года, разместились вне Казахстана (Москва, Ташкент) и безнаказанно ведут свою разрушительную работу. Они изображают из себя народолюбивцев, либеральных дворян, которые за чаем, а иногда за водкой вздыхают о судьбе своего народа, ловят неопытных, неустойчивых студентов, отдельных товарищей, приезжающих из Казахстана, разлагают их, агитируют против крайкома, против нашей линии.

...Поэтому, продолжая идти по испытанному пути побед, подкрепленные постановлением ЦК от 17 сентября, мы должны в первую очередь побороть великодержавничество, национализм в наших рядах, должны побороть примиренчество, это обывательское болото, которое пособничает и содействует вредительской работе шовинистов и националистов». (Возгласы: «Правильно!» Аплодисменты.)

Голощекин заканчивал речь:

«Крайком партии, твердо проводя генеральную линию, добился крупных успехов в развитии Казахстана. (Бурные аплодисменты.)

Под руководством великого вождя, первого лучшего ленинца тов. Сталина будем шагать от победы к победе. (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переход-

дящие в овацию. Раздаются возгласы: «Да здравствует лучший ленинец т. Голощекин!», «Ура!», шумные, продолжительные аплодисменты)».

28 октября 1932 года «Казахстанская правда» писала:

«Крупнейшие успехи в области социалистического переустройства казахского аула, достигнутые под руководством крайкома во главе с тов. Голощекиным... являются фактом огромного исторического значения».

* * *

Живодерский цинизм речений отличал всю партийную верхушку, проводившую колективизацию.

8 июля 1932 года в Киеве выступал на Всеукраинской конференции Молотов. Он говорил об огромной победе колхозов и назвал Украину одним из ярких примеров достигнутых успехов, «идущей в первых рядах социалистической переделки сельского хозяйства».

Каганович заверил, что украинская парторганизация под руководством товарища Сталина сумеет двинуться еще дальше вперед — «к новым величайшим историческим победам».

Звучали бурные аплодисменты.

На Украине в это время умирали с голода миллионы людей. Украинские области были оцеплены войсками. Пулеметным и оружейным огнем чекисты, милиция сдерживали толпы разбредающихся истощенных людей, не давая им возможности спастись... По последним данным, там погибло от голода около 7 миллионов человек.

Цинизм поступков партийной верхушки превосходил их речения.

«Несмотря на страшный голод, Сталин настаивал на продолжении экспорта хлеба в страны Европы. Если из урожая 1928 года было вывезено за границу менее 1 миллиона центнеров зерна, то в 1929 году — 13 миллионов центнеров, в 1930 году — 48,3 миллиона, в 1931 году — 51,8 миллиона, в 1932 году — 18,1 миллиона центнеров. Даже в самом голодном 1933 году в Западную Европу было вывезено около 10 миллионов центнеров зерна. При этом советский хлеб продавался в условиях экономического кризиса в странах Европы фактически за бесценок. А между тем и половины вывезенного в 1932—1933 годах за границу зерна хватило бы, чтобы уберечь все южные районы от голода.

А в Западной Европе со спокойной совестью ели советский хлеб, отнятый у голодающих и умирающих от голода крестьян. Все слухи о голоде в России решительно опровергались. Даже Бернард Шоу, который как раз в начале 30-х годов совершил ознакомительную поездку в СССР, писал, что слухи о голоде в России являются выдумкой и он убедился, что Россия никогда раньше не снабжалась так хорошо продовольствием, как в то время, когда он там побывал.

До сих пор никто не знает, сколько людей умерло от голодя в 1932—1933 годах. Многие исследователи сходятся на 5 миллионах. Другие называют 8 миллионов, и они, вероятно, ближе к истине. «Погибло больше, чем в 1921 году и чем в Китае во время страшного голода 1877—1878 годов...» — писал историк Рой Медведев⁴.

Это сообщение дополняется другим, недавним, сделанным журналистом Е. Александровым по материалам прошедшей весной 1992 года в Москве экспозиции «Земля. Голод. Реформы» в Музее революции, где состоялась встреча общественности с ведущими историками-аграрниками страны:

«В июне 1932 года Сталин, обосновывая в письме в Политбюро репрессивные меры, жаловался, что «десятки тысяч украинских колхозников все еще бродят по стране и разлагают трудящихся». Весной 1932 года государству пришлось выделить зерновым районам ссуду в размере 17 млн. центнеров. Сев был произведен, массового голода пока удалось избежать. Но люди пришли к новому урожаю в предельно истощенном состоянии. Как только колос начал наливаться, на поля ринулись так называемые «парикмахеры» — прежде всего матери, которые под утро шли стричь незрелые колосья, чтобы сварить из них хоть какую-то кашу и накормить детей... Так появился сталинский указ «семь-восемь» — от 7 августа 1932 года, предусматривающий смертную казнь за «хищение соцсобственности» (10 лет при смягчающих обстоятельствах). По указу «о пяти колосках», как его называли крестьяне, с августа 32-го по январь 33-го было осуждено 56 тысяч человек (из двух тысяч расстрельных приговоров более тысячи было приведено в исполнение).

Заготовительная кампания 1932 года шла на полное выметание зерна из деревни. Но план не выполнялся, да и не мог быть выполнен. Государство на этот раз заготовило 180 млн. центнеров, вывезло «всего лишь» 18 млн.

центнеров, но не из гуманных соображений. Теперь, чтобы выжить хлеб, были использованы самые варварские административно-репрессивные методы. И начался массовый смертный голод. Историки называют различные цифры в диапазоне от 3 до 14 млн. жертв голода 1932—1933 годов. Большинство склоняется к оценке 4—7 млн. человек. К настоящему времени стали известны документы, позволяющие говорить о наличии у Сталина и его окружения преступного умысла. Более того, в стране имелись запасы хлеба, вполне достаточные, чтобы спасти людей. Это был в полном смысле организованный голод, возможно, самое страшное преступление Сталина против народов СССР. Можно предполагать различные мотивы сталинского людоедства, и коллективизация — не самый очевидный из них. Ведь молот голоды ударили без разбора и колхозников, и неколхозников. Речь скорее шла об окончательном и бесповоротном укрощении крестьянства, которое еще не избавилось от вековой привычки самому решать, что, где и когда сеять...»⁵.

* * *

В начале тридцатых годов появилась новая народная поговорка:

Серп и молот —
смерть и голод.

* * *

Свидетельства казахстанцев...

Ветеран Великой Отечественной войны, кавалер ордена Александра Невского, Сасан Нургалиевич Нургалимов рассказывает:

— Родом я из предгорного аула Карагаш Аксуского района Талды-Курганской области. Отец мой был одногодком и товарищем Ильяса Джансугурова, с будущим поэтом они сидели за одной партой в начальном училище. В 1926 году отец умер, мать осталась с четырьмя детьми. А через два года, в 1928-м, наш дом конфисковали, скот увезли, за исключением дойной коровы и лошади. Еле-еле вижу перед собой родительский дом — было мне тогда всего семь лет... Вскоре мы переехали в Аксу к родичам матери.

А 1932 год помню уже отчетливо. Голодный, холодный год, жрать нечего. В зиму народ стал вымирать. Гэпэушники ездили на санях по улицам, собирали мертвых. Обливали карболкой, керосином и сжигали. Останки сбрасывали с яров в реку.

Прикочевали к нам в район чубартаусцы, спасались от голода. Много их было, все вымерли. Осталась одна женщина. Бродит по опустевшим улицам, рвет на себе волосы и кричит непонятно кому: «Будь ты проклят! Будь ты проклят!...»

Однажды в студеный февральский вечер мы сидели дома. Мать варила похлебку из проса, а мы дожидались еды, прижавшись к печи. Вдруг дверь распахнулась, и в комнату влетел тряпичный ком. Развернули тряпицы — там был ребенок, двух-трехмесячный мальчик. Мать выбежала на улицу, но за порогом было уже пусто. Малыша назвали Кудайберген — Богом данный. Мы боялись, что не сможем его выкормить, самим-то есть нечего. Вскоре его забрал 45-летний аульный кузнец, у которого с женой не было детей. Так они и вырастили подброшенного мальыша; теперь он зоотехник в совхозе, отец семерых детей.

В начале 1933 года меня отвезли в Сарканд, в школу-интернат. Держали нас там на одной капусте, жмыхе и кипятке. Все ходили с раздутыми огромными животами, чем только не переболели. Учителям приходилось не лучше. Помню преподавателя по казахскому Абдрахмана Исакова. — опухший с голоду, он едва находил силы, чтобы вести урок. Особенно тяжко пришлось в марте — апреле. Выходишь утром на улицу, а по арыкам — закоченевшие трупы...

Потом занятия совсем прекратились. Целыми днями мы валялись на койках в общежитии, размышляя, где бы добыть еды. Старшеклассники разведали, что в подвале столовой хранится картошка. В небольшую отдушину никто из них не мог пролезть, заставили меня, самого младшего и тощего. Я испугался, но их заводила отвесил мне пощечину и пригрозил избить, если не полезу. Кое-как я протиснулся в дыру и по веревке спустился в подвал. С улицы сбросили бадейку. Намокшей и полу-gнилой картошки было совсем мало. Я передал наверх несколько наполненных бадеек, порыскал в темном помещении и нашел наполовину опустошенный бочонок с селедкой. Не успел засунуть пару рыбин в карман, как

замок на двери загремел. В проёме показался кладовщик, одногий старик с «летучей мышью» в руках. Ну, от него-то убегу, подумал я. А по ступенькам спускается пожилая повариха. Я присел за какие-то ящики, — они прошли рядом, ничего не заметив. Через мгновение я выскользнул на волю и перевел дух. Целых три дня мы варили картошку у себя в комнате и вместе с кусочками селедки поровну делили на всех...

Летом меня послали пасти коров в Андреевский район, а в июле за мной приехал дядя Аблай, младший брат отца. Всех учащихся к тому времени забрали из школы, развезли по родственникам, чтобы не погибли от истощения. Мать беспокоилась, чтобы со мной ничего не случилось, и поэтому послала дядю. От него услышал, что семилетняя сестренка Сионбике в зиму заболела туберкулезом и умерла...

За пастушескую работу мне выдали пять метров ситца. Мы с Аблаем продали отрез и купили пару лепешек. А потом пошли пешком в Аксу. Идем, отщипываем по маленьку хлеб. Жарко, солнце палит, дорога далекая — сорок пять километров. И кругом изможденные оборванные люди. Перебирают еле-еле ногами, кто в Аксу идет, кто в Сарканд. Каким только нюхом чуяли, что у нас в котомках хлеб! Завидят издалека и устремляются следом, гонятся из последних сил, падают без чувств на землю.

Сколько лет прошло, а все стоит в глазах эта июльская дорога с бредущими по ней полуживыми людьми...

Старый учитель-пенсионер, фронтовик, бравший Берлин, земляк Нургалиева Хаджи-Ахмет Кулакметов родился в селении Сага-Биён Аксуского района в 1916 году, когда в Семиречье свирепствовала засуха и начались два тяжких голодных года. Рано лишившись отца и матери, до восьми лет воспитывался в семье брата, потом жил в детском доме, а по окончании четвертого класса самостоятельно решил переехать в другой район и поступил в Коксуйскую ШКМ — школу крестьянской молодежи.

Двенадцатилетним подростком запомнил первую кампанию по конфискации. У старика Бекиша, бывшего волостного правителя, отобрали всю скотину, согнали в одно место и в течение недели делили между неимущи-

ми. Всем заправлял уполномоченный из райкома Козыбаев, разъезжавший на лучшем байском коне. У небольшой юрты он поставил стол и по списку наделял каждого бедняка пятью баранами, кобылой и телкой. Кое-кто после этого и собственное хозяйство завел, но большинство быстро проело дарованное.

Жители приграничного района прекрасно знали ущелья и тропы, ведущие в Китай. До 1917 года чабаны с лета угоняли отары на китайские горные пастбища, джигиты наведывались в Кульджу, выменявая лошадей и баранов на чай, мануфактуру и другие товары. В голодные и смутные годы начала революции зажиточные казахи перекочевали на китайскую территорию, угнав свои стада, но в 1921 году многие вернулись. В конце двадцатых годов прошел слух о колхозах-коммунах, где все общее, даже дети и жены, и казахи вновь побежали в Китай через Капальское ущелье, по которому в свое время уходил за кордон атаман Анненков.

— Коллективизация проходила у нас тяжело, — рассказывает Кулакметов. — До этого народ жил довольно обеспечно, с колхозами началось разорение. В 1930 году род борте взбунтовался против обобществления скота. Его джигиты, вооружившись, напали на районный центр, перебили активистов, а партийному секретарю отрезали голову и выкололи глаза. Все бумаги в райкоме, ГПУ и милиции были сожжены. Отряд повстанцев шел в сторону Капала, но его встретили посланные на подавление мятежа войска, и человек триста, побросав семьи, ушли в Китай.

До 1925 года на чужую сторону уходили свободно, никто не останавливал, — в конце двадцатых годов пограничники устроили заставы. Бывали стычки, перестрелки, но все же казахи уходили потайными тропами. С осени 1931 года, гонимые разрухой и голодом, казахи рода матай устремились за кордон, за ними последовали другие. Известный удалью батыр Нурмухамед Жокеев, из рода кольгей, собрал вооруженный отряд и помог более тысячи семейств перебраться в Китай. Нурмухамеду было тогда около сорока лет; в начале семидесятых он вернулся на родину и пожил еще перед смертью четыре года у себя дома, в поселке Джансугуров.

Власти решили помешать переходам, на помощь пограничникам прислали взвод солдат НКВД с пулеметом. В их распоряжении был самолет. Однако беженцев не

убывало. Вскоре за Капалом произошла стычка и крупная перестрелка, в которой, по слухам, погибло около тысячи человек, пытавшихся перейти границу. Их зажали в ущелье и перекосили из пулемета. Мне было тогда пятнадцать лет, я жил в Капале и был очевидцем этих событий. Пулеметная трескотня и винтовочная пальба продолжались с полмесяца. Когда наконец выстрелы прекратились, уцелевшие беглецы собрали трупы погибших родственников и на волокушах из тала стаскивали по пять-шесть мертвцов к местному кладбищу, чтобы предать земле. Несмотря на заграждение, часть жителей ушла в чужие края...

В 1931 году меня перевели в свеклосахарный техникум неподалеку от Гавриловки (ныне Талды-Курган). Там и застал голод, охвативший наш край. Дневной пакет у студентов был такой: две сахарных свеклы, двести граммов отрубей и кочан гнилой капусты. Ребята опухали и умирали. С ноября 1931 года по март 1932-го у нас погибло около сорока парней из 270 учащихся. Хорошо, речка выручала. Целыми днями удили в Коксу пескарей и тут же на берегу варили рыбешек в кotle...

Директором техникума работал бывший революционер по фамилии Васильев. Очень переживал, что молодые парни мрут, как мухи. В столовой варились обычно лишь полугнилая картошка в мундире, каждому отпускали по черпачку. Очистки выбрасывали на помойку, и на нее откуда ни возьмись накидывались опухшие бродяги. Поутру мы находили там пять-шесть закоченевших тел. У нас даже тележка была, чтобы вывозить мертвцов, в нее запрягали двух ослов. Директор сам выбирал на эту работу тех, у кого еще были силенки. Возили вниз по реке Коксу и там сбрасывали в воду или спускали под лед. Однажды и мне довелось этим заниматься... За зиму, наверное, около сотни мертвцов сбросили в реку. Я до сих пор помню то место, там теперь на противоположном берегу село Крупское стоит...

Ранней весной 1932 года люди обшаривали поля, выкапывали из-под снега гнилые колосья и по кручинке собирали зерно. Жарили на костре, ели и умирали. После рассказывали, что в Аксу и Капале таким образом отравились сотни человек.

Тех, кто пережил страшную зиму 1932—1933 годов, весной заставили сеять свеклу. Тракторов не было, копали лопатой. Попробуй-ка поковыряй землю с утра до

темна, когда отпускают тебе на день пиалку неочищенно-го проса. Люди прямо на поле падали с ног, умирали...

Каждая свеколка была на счету, поедать их строго запрещалось. Но не всякий же удержится: кто сварит в котле, кто сырую сжует. Ну а если попадешься — тебя немедленно к прокурору. Сколькоих тогда засудили!..

Лишь с лета 1933 года чуть полегчало. Откуда-то приказ пришел: выдавать на день работающему на каждого члена семьи по двести граммов зерна. Тут уж немного расправили плечи. А в конце 1933 года техникум передали в ведение московского сахаротреста, и мы стали получать по полкило хлеба и дважды горячее — чай и похлебку.

Но самой памятной осталась все-таки зима 1932 года. Жуткая была пора! Директор Васильев дал телеграмму в Гавриловку: помогите хоть чем-нибудь, иначе все студенты перемрут. Ну, район и расщедрился: выделил нам немного сахара, повидла и растительного масла. Но это добро надо было еще привезти — и снова запрягали ишаков, три-четыре студента садились на телегу и с директорской берданкой отправлялись в дорогу. Это повторялось раз в неделю. Как-то настал и мой черед. Мы поехали втроем: Ваня Сазонов, Павлик Ворошилов и я.

Нескончаемо долгим показался этот путь длиной в семнадцать километров. По обочинам валялись отекшие, разлагающиеся трупы. До Гавриловки мы насчитали 57 мертвцев. А по снежному насту брели, шатаясь, голодающие. Пытались нападать на нашу телегу: видели, что-то везем. Тогда мы палили вверх. Одна женщина закричала: «Эй, агайын! Родные! Возьмите хотя бы ребенка! Может быть, останется жив?..» Мы приняли из ее рук полугодовалого младенца. Потом передали его нашей уборщице Першиной, доброй пожилой женщине. Она и вырастила его. Не знаю, как сложилась судьба мальчика, ведь через два года мы закончили техникум и разъехались...

С тех пор пришлось многое повидать и испытать: войну от Сталинграда до Берлина прошел, дважды ранен был, один раз тяжело — девять месяцев провалялся по госпиталям, — но все вспоминается юность, техникум, голодный 32-й год. И стоит в ушах тот отчаянный женский крик: «Эй, агайын!..».

Академика Жабагу Сулейменовича Тakiбаева называют первым казахским физиком. Ему принадлежит около 500 собственных и совместных работ фундаментального и прикладного значения в широком диапазоне физических наук. Он создатель и директор первого в республике физического НИИ — Физико-технического института, а также институтов ядерной физики и физики высоких энергий, известный у нас в стране и за рубежом ученый.

Вот его рассказ:

— Я родился в ауле моего прадеда Такибая на земле бывшего Абралинского района Семипалатинской области. Впоследствии эти места присмотрел Берия под испытательный полигон атомного оружия, и, помню, Курчатов, выбираяший площадку, говорил мне: а знаешь, ведь мы же побывали проездом в твоем родном ауле.

Наша семья была глубоко религиозной: дед совершил паломничество в святые места, стал хаджи, отец, добрый, тихий и отзывчивый человек, стал муллой. По нынешним меркам его назвали бы малограмотным, но в двадцатых годах отец слыл знающим и учил детей в скромной аульной школе, кажется, даже назывался директором. Религиозные обряды были уже запрещены, однако благочестивый мусульманин не мог не исполнять завещанного Пророком, и, уединившись в пустой школьной комнатке наподобие чулана, отец в положенные часы совершал намаз.

Разве же укроешься от людских глаз! Кто-то подглядел, донес куда следует. И надо же, не поленились — раздобыли где-то фотографический аппарат и тайком засняли отца молящимся. Вот, дескать, какой в школе директор, не желает избавляться от пережитков, и чему такой мракобес научит советских детей! Правда, тогда все закончилось устной проработкой в районном ГПУ, и отца отпустили. Но в 30-м или 31-м году по нашей степи прокатился противоколхозный мятеж: повстанцы взяли районные центры Кайнар и Чингистау, заменив там красное знамя на зеленое, а потом были подавлены отрядом войск, присланым из Семипалатинска, — я сам слышал винтовочную перестрелку, доносившуюся издали, и почему-то врезалась в память услышанная от взрослых фамилия начальника карательного отряда — Шубин.

Через некоторое время отца арестовали, хотя в этих событиях он не участвовал. Просто подметали под гре-

бенку всех, в прошлом состоятельных, людей, а он был вдобавок муллою, то есть, по тогдашнему лексикону, религиозным фанатиком... Мы с мамой навещали отца в семипалатинской тюрьме № 2, в последний раз видели его незадолго до смерти. Просидев несколько лет, он умер в 1933 году за три месяца до суда. А в Абралинском районе к тому времени от прежнего населения осталось не более 15—20 процентов: кто ушел в Китай, кто в другие края, большинство же погибло от голода.

Мы переехали жить в Семипалатинск. Помню такой случай. Ехали мимо дома сани с каким-то грузом, укрытый рогожей. Мы, мальчишки, бежим следом, прокатиться же хочется. Я догнал, прыгнул и завалился на что-то жесткое. Когда приоткрыл край мешковины — увидел под собой окоченевшие тела малолетних детей...

Страшная пора. Не дай Бог никому пережить подобное. В зиму 1933 года похоронщики-ездовые собирали по утрам трупы замерзших, жертв истощения и болезней. Так, наверное, подобрали и моего дедушку: по рассказам, он, изнуренный недоеданием, упал замертво прямо на улице. Немного погодя скончалась бабушка. Потом умерла мать: не вынесла всех утрат и потерь. И приютил меня, круглого сироту, детский дом. Вернее, два их было: № 2 и № 5. Спасибо...

А теперь представьте себе весеннюю Москву 1941 года, сверкающий Георгиевский зал Кремля, сотню парней и девушек со всей страны — сталинских стипендиатов, рассаженных каждый за отдельным столиком и напряженно ожидающих час, другой... — и вдруг! — Совершенно неожиданно, не из парадного входа, а откуда-то сбоку, из маленькой незаметной двери, появляются строгие подтянутые военные люди, выстраиваются живым коридором, пристально глядываясь в нас, и проходят по этому коридору, один за другим, знакомые по многочисленным портретам вожди: Калинин, Ворошилов, Каганович, Молотов... а за ним, после долгой паузы, медленно ступает человек в защитного цвета френче и сапогах. **Сталин!** И разом, одним выдохом всех сидящих в зале:— Ур-р-р-ра-а!!!

Пожалуй, несколько минут кричали «ура» и рукоплескали.

Мой столик был совсем близко от того места, где остановился Stalin. Я забыл обо всем на свете — до сих пор, кроме этих мгновений, ничего не помню, — только

смотрел и смотрел на него. ...Кстати, он не походил на свои изображения: отяжелевший, грузный, сутулый, с вялым равнодушным взором. И говорил так же вяло и безразлично. Две-три фразы насчет учебы сказал и закончил каким-то лозунгом вроде «вперед, к коммунизму»... Но я же тогда не помнил себя от радости! Счастливее меня не было никого на свете!.. Что это было? Ослепление?..

Потом, в Ташкенте, где я учился в Среднеазиатском университете, я был нарасхват; то встреча на Ташсельмаше, то на какой-нибудь фабрике, то в школах, и везде жадные расспросы, цветы, аплодисменты: еще бы, видел живого Сталина! Так и перевозили меня из одного зала в другой, пока я в угаре воспоминаний не брякнул, что Сталин, заканчивая предложение, часто-часто моргал, как бы промаргивался.

На следующее утро за мной пришла машина и отвезла в НКВД. Представительный мужчина долго и тяжело внушал, что об этой подробности говорить незачем. О незначительном упоминать не следует. И даже более того — рассказывать об этом нельзя. Никому и никогда. После этого меня отпустили домой. Ни на какие встречи больше не приглашали. Никто и никогда.

А в году пятидесятом, когда, защитив диссертацию, я приехал в Алма-Ату устраиваться на работу в академию наук, председательствующему на общем собрании, где говорилось о моей кандидатуре, поступила записка: «Каким образом в наши ряды пролез сын врага народа?» Все это для меня могло очень плохо кончиться, но, по счастью, с арестом промедлили. Я улетел в Москву. Обратился прямо к начальнику первого отдела ФИАНа, где обучался в аспирантуре. Генерал госбезопасности внимательно выслушал и велел зайти завтра. На следующий день сказал: возвращайся, вопрос утрясен. Спасло меня то, что в автобиографии я не скрыл, что являюсь сыном аульного муллы, умершего в тюрьме. Впрочем, я никогда не скрывал этого. Даже в детском доме, в голодном 34-м году. За что и не был товарищами по классу — по учебному классу — принят в пионеры. Как и другими товарищами, позже, в комсомол...

Писатель Калмухан Исабаев:

— Ясно помню тот холодный осенний день 1932 года. Кажется, давным-давно всей семьей лежим в нетопле-

ной комнате: больной, с опухшими ногами отец, ослабевшая мать, прижимающая к груди гордовалую мою сестренку Саукен, и мы, трое братьев: девятилетний Заркен, четырехлетний Бабкен и я, которому не исполнилось и шести. В доме полутьма. Три дня назад мать сварила похлебку из последней горсти отрубей. Налила нам по маленькой пиалушке и строго наказала лежать не двигаясь, чтобы сберечь силы. На следующий день Саукен и Бабкен не выдержали, захныкали. Мама вышла на улицу, плотно прикрыла ставни и возвратилась со слезами на глазах.

«Жеребята мои! Затемнила я окна. Пусть никто не увидит, как мы умрем...»

Сумрак усыпляет. Следишь за тонкими солнечными иглами, пробивающимися в щели ставен, как подкрадываются они к тусклому боку самовара, и постепенно в глазах все начинает кружиться. Вращаются былинки в луче света, пузатый самовар, пустой проем двери. Тогда я еще не понимал, что от голода теряю сознание. Очнешься и снова ощущаешь, как тоскливо сосет в животе. Рядом захлебываются от плача младшие брат и сестра, зовут мать. Она спешит к ним и вдруг падает навзничь посреди комнаты. К ней подползает отец, тревожно зовет: «Махтум! Махтум!» Мама молчит. И мы уже вчетвером поднимаем плач...

Неожиданно комнату заливает яркое солнце: кто-то распахнул оконные ставни. Сильный стук в дверь. Старший братишко поднимается. С порога рокочет низкий сильный голос:

— Здравствуйте, соседи! Все ли живы-здоровы?

Знакомый голос. Это дядя Иван. Колхозный кладовщик Иван Семенович Мартынов. Не знаю, откуда и когда прибыли в наш аул на жительство Мартыновы, но, видно, давно.

— Принимайте гостинец. Малость вам мучицы принес, — говорит он и протягивает небольшой плотный мешочек.

И вот чудо: мать пришла в себя. Кажется, и глаз не успела открыть, а уже тянется к мешочку. В следующие минуты она хлопотала у печи: торопливо совала хворост, раздувала огонь. С жадностью и наслаждением мы глотали горячую мучную похлебку, боясь только одного, что вот-вот миска опустеет.

Позже узнали, что в тот день Иван Семенович Мар-

тынов прошел по всем домам и в каждый принес немногого муки. Оказывается, в складе хранился мешок, который ему строго-настрого запретили трогать. Но люди были на грани голодной смерти, и кладовщик нарушил приказ. Всем разделил поровну, отсыпав чуть больше в те дома, где была куча детей.

С того дня отец стал поправляться. А когда выздоровел, пошел на работу, и в доме появилось немного еды.

Однажды мама возвратилась с улицы заплаканная. «Кто-то в ауле умер с голоду», — подумал я. Вслед за нею вошел отец.

— Ну хватит, перестань, — хмуриясь, уговаривал он маму.

— Да как же — перестань?! Если бы не Мартынов, сколько бы людей поумирало! А он пожалел — раздал казенную муку. Выходит, один виноват? Или вы не мужчины, что не можете заступиться?!

— Попробуй застудись. До райцентра без трех ночевок не доберешься. Да и не отпустят они его. Будто бы сама не знаешь...

— Но за что человеку десять лет тюрьмы?! За то, что помог голодным?

— Выходит, за это...

Настала зима. Жена Ивана Семеновича, тетя Марфа, решила проведать мужа, томящегося в павлодарской тюрьме. Однажды все пятеро мартыновских детишек, в драных шубенках, перепоясанные веревками и ремнями, ввалились к нам за порог. Старшим из них, моим приятелям Петьке и Ваньке, было по семь и шесть лет. Марфа по очереди перецеловала своих детей и поспешила к попутной телеге. Так они и прожили у нас всю зиму. А весной у дома остановилась подвода: Марфа привезла с собой отца, крепкого рыжебородого старика. Мама обняла детишек на прощание, и они уехали куда-то на телеге.

В 1951 году я приехал в отпуск в родные края. Позади была война, которую я закончил младшим лейтенантом, служба в действующей армии после победы. Наша семья жила тогда в колхозе имени Ленина Баянаульского района. Отдохнув несколько дней, я сел на коня, прихватил двустволку и поскакал в степь.

Далеко-далеко от дома набрел на незнакомое большое озеро. Гляжу, на берегу вьется дымок костра, рядом сидит кто-то с удочкой. Подъехал. Это был седобородый

русский дед. Я поприветствовал рыбака, спросил, что это за озеро.

Старик прищурил на меня зоркие голубые глаза.

— А сам откуда будешь?

— Из Баянаула.

— Вот как? Стало быть, земляки. Далече заехал: здесь уже карагандинские земли. Осакаровский район. А озеро называется Шидиндой... Кого из баянаульских знаешь, а?

— Многих.

— Исабаева Али помнишь?

— Это же мой отец!

Старик чуть было не выронил удочку. Потом глубоко затянулся дымом из своей трубки, отложил в сторону удилище и поднялся.

— Никак Заркен? — взволнованно спросил он.

— Нет, Заркен мой старший брат. А я — Калкен.

Он радостно засмеялся и вдруг живо стащил меня с коня сильными руками. И стал разглядывать, хлопая широкими ладонями по плечам.

— Не признаешь, а? Мартынов я, Иван Семенович. Небось, слышал от родителей такое имя? Марфа! — крикнул в сторону дома. — Принимай гостя!

На пороге появилась сгорбленная старушка, из-под ладони присматриваясь ко мне. Всплеснула руками и, поспешив навстречу, поцеловала в лоб.

— Как две капли воды на Махтум похож. Проходи, проходи, сынок!

Из дверей вышел рослый русоволосый парень, в котором я не сразу узнал своего друга детства Ваньку.

Вскоре мы сидели за столом, накрытым по-праздничному. Помянули погибшего на войне Петра, выпили за Мартыновых и моих родителей, за нашу встречу...

Рассказывает писатель Жаппар Омирбеков:

— Мой отец, Омирбек Ералинов, еще до революции был забойщиком на карагандинских угольных копях, принадлежавших тогда англичанам. Среднего роста, крепыш, от прадеда Байзака, аульного батыра, унаследовал силу. Бывало, хвалился, что получал вдвое больше других шахтеров — по целковому в день, отрабатывая по две смены. По тем временам немалые деньги: на рубль можно было купить двух козлов или барана. В 1919 году

шахты закрылись, отец возвратился в аул, в 130 верстах от Каркаралинска.

Хозяйство у нас было небольшое: корова, две лошади, овечки. В 1931 году корову увезли в колхоз и выдали на зиму пуд пшеницы. Активисты стали поговаривать: у Омирбека целых две лошади, не пора ли раскулачить? Весной отец, забрав старшего сына Шарифа, уехал в Караганду. Вырыл землянку и снова взял в руки шахтерское кайло. А под новый год дал нам знать, чтобы перебирались вслед за ним.

Выехали мы тайно, на двух санях: мать, брат Мухтар, я, дядя с племянником, сестра. Много ли захватишь с собой в дальний путь? Кроме одежды и одеял, разве что круглый столик да самовар прихватили. На следующий день попали в буран, с трудом выбрались на дорогу. За горой Наршёккен — Спящий верблюд — нагнали в занесенной снегом степи пеших путников. Измученные люди с тощими котомками на плечах устало шагали в сторону Спасска. Завидев нас, обступили, выпрашиваю хотъ чего-нибудь съестного. Мать раздавала курт, кусочки сущеного мяса... Все три дня до самой Караганды мы обгоняли таких же бедолаг, которых выгнал из дома голод.

Среди скопища шахтерских землянок возвышались два крепких кирпичных дома, построенных еще англичанами, и деревянные бараки — конторы. Врытые в землю жилища переполнял народ: каждый горняк давал кров нахлынувшей аульной родне. Нас, например, в четырнадцатиметровой комнатушке жило десятеро, в одно время даже восемнадцать человек. По поселку шатались сотни голодающих, их нигде не брали на работу.

Отцу как шахтеру полагался по карточке такой паек: килограмм хлеба в день, на месяц три килограмма муки или крупы, шесть килограммов мяса, 1800 граммов жира и на иждивенцев по 400 граммов хлеба. Но через два месяца после нашего приезда отец заболел, его перевели на поверхность, а там нормы куда меньше. На то и жили, да еще, как все вокруг, помогали родичам. У казахов пословица есть: если в ауле хоть один голодный, значит, весь аул недоедает. Однажды ночью к нам приехал дядя с семьей. Семь человек. Все помороженные, опухшие. Мать охнула, узнав, сколько дней они не ели. Говорят: сначала чаём вас напою, а потом уж суп дам, вам же сейчас помногу есть нельзя. Дядя отвечает: все равно

умрем, дай лучше суп. Как чувствовал: четверо из них вскоре скончались...

Среди тех, кто уцелел, был мой двоюродный брат Капан Сатыбалдин, ставший впоследствии известным прозаиком. На него страшно было смотреть: лицо опухло, говорить не может. Мать отпаивала его сладким чаем, омывала лицо отваром из отрубей и смазывала копопляным маслом. Через две недели опухоль спала, Капан ожил, заговорил. Для своих лет он был весьма развит и образован. Но кто знал, что этот джигит еще и дальновиден! Покидая колхозную контору, Капан прихватил с собой несколько пустых бланков с печатью, на которых писались справки. Такие бумажки были вроде паспортов для бесправных людей, загнанных в колхозы. Не долго думая, молодой парень выписал «документы» нескольким землякам, и те устроились на работу, получили кусок хлеба. С того дня потянулись к нам в землянку люди, знакомые и незнакомые. Капан вырезал из сырой картофелины «печать» и на чистых листах бумаги, так же предусмотрительно захваченных в колхозе, всем выписывал справки. «Не боишься?» — спросили его однажды. «Будь что будет. Зато человек сто теперь выживут».

В августе 1932 года умер отец. Жить стало тяжелее. Выручал семью брат Шариф, ставший молотобойцем, и дядя Хусайн Алтайбаев, обучавший молодых горняков. Осенью я пошел в школу, в первый класс... Помню страшную зиму 1932—1933 годов. По утрам квартальные собирали мертвецов. Часто их находили на крышах наших землянок — бездомные сидели, тесно прижаввшись к остывшей за ночь печной трубе. Так их и заметало снегом... Заразные болезни косили людей. В ту пору умерла от оспы и недоедания моя четырехлетняя сестра Батура. В каждой семье были потери. По мертвым даже не плачали — до того привыкли...

В поселке очень трудно было с водой. Толпы окружали один-единственный кран, по которому еле-еле текла вода из далекого Самарканского водохранилища (близ нынешнего Темиртау). Займешь, бывало, очередь в четыре утра, и к девяти принесешь пару ведер — это большое счастье. Иногда же промерзший до костей с пустыми ведрами плетешься... Снег на улицах грязный от копоти, чтобы набрать в мешки и натопить на печи, надо идти в степь за поселок. Однажды отправились с дядей-кузнецом за снегом на санях, а милиционер проезжавший

нарочно сбил мешки на землю. Кузнец не выдержал, во-зопил к небу: «О Аллах, дай мне скорую смерть, и этому негодяю — тоже!»

Был в поселке и небольшой рынок — «шолак-базар»: кружка воды стоила двадцать копеек. Для сравнения — за килограмм хлеба в магазине платили семнадцать ко-пеек. На этом базарном пятаке бродили в поисках до-бычи полубезумные от голода люди, их называли уда-риками. Выхватят у торговца или у зазевавшегося покупателя буханку, а то и просто кусок хлеба — и бежать. На ходу заталкивают хлеб в рот...

В январе, феврале и марте 1933 года к обездоленным пришла наконец продпомощь. Голодающих собирали в полдень и раздавали по триста граммов белого хлеба. Но разве этим прокормишься? На железнодорожных путях они пытались грабить вагоны с продовольствием, но сытые, здоровые охранники без усилий разгоняли народ выстрелами. Впрочем, однажды я был свидетелем, как толпа голодных, оттеснив охрану, окружила какую-то цистерну. Кто-то пробил ее днище, и из дырки потекло подсолнечное масло. Люди давили друг друга, подставляя под струйку кружки, котелки, шапки...

Летом мать с братом Мухтаром уехала в аул, надеясь, что там будет полегче, а я пошел в детский дом. Сам того захотел, чтобы не быть обузой. Детдом был в поселке Большая Михайловка. Тяжело жилось: тиф и дизентерия косили детей. То и дело хоронили истощенных малышей и подростков. Могилы рыли по очереди, никому ведь не хочется возиться с мертвецами. Дирекция прибавляла за одного похороненного к нашему пайку по пятьдесят граммов хлеба...

Вспоминает Сагидолла Ахметов:

«До сих пор, как в страшном сне, вспоминаю эпизод, случившийся в 1932 году. Худая, измученная женщина с провалившимися от голода глазами подошла к уличному торговцу, здоровенному дядьке, и, схватив хлеб, который тот продавал, бросилась бежать. Невдалеке ее ждали дети — грязные, оборванные, худые — кожа да кости. Торговец без труда догнал ее и хватил колотушкой по голове. Удар был настолько силен, что женщина пала замертво. Случилось это средь бела дня в центре Акмолинска.

...Помнится, в конце двадцатых годов в аулах стало твориться что-то неладное. Местные руководители и активисты ходили по домам и забирали весь скот, заявляя, что он-де теперь принадлежит колхозу. А как людям жить дальше, их не заботило.

В ту пору я работал на строительстве железнодорожной линии Акмолинск — Караганда. Подвозил на тачке землю, таскал камни. Укладывал полотно. В начале зимы 1930 года вернулся домой. А дома — голод. Отец, поняв, что в ауле теперь не прокормиться, решил перебраться в Акмолинск. «Здесь нам не выжить, — сказал он. — А в городе можно найти хоть какую-то работу». Переехали.

Вскоре в Котыркуле открылась первая в этих краях школа трактористов. В число ее учеников попал и я. После учебы работал в тогдашнем «Казжелдорстрое». Сперва трактористом, позже кочегаром (и одновременно помощником машиниста). Обслуживал участок Анар — Акмолинск и Акмолинск — Аккуль. В пути вроде и недолго — шесть часов. Но за это время нужно закинуть в топку несколько тонн угля.

Семья наша через год — к началу зимы 31-го, — вернулась в аул. После этого связь наша прервалась. И только в марте 1932-го от одного из родственников, приехавшего в Акмолинск, узнал, что в аулах начался сильный голод, гибнут люди. Спустя некоторое время добрались до города отец, мать и старший брат. Ничего у них не было, кроме одной котомки. Младший брат Копей и сестра Кадиша умерли от истощения. Отправляемся в дорогу, отец одолжил у одного зажиточного родственника лошадь. Но на пути напали обезумевшие от голода люди. Лошадь отобрали и тут же зарезали.

Голодный люд начал стекаться в Акмолинск со всех сторон. И как только стал сходить снег, открылась страшная картина. Во время поездок мы всюду видели трупы умерших от голода людей. Особенно много в районе станций Бабатай, Вишневка и Анар.

Работа у кочегара тяжелая. Ежедневно нам выдавали по килограмму хлеба. Когда отправлялись в рейс, добавляли еще 600 граммов. После поездки нес оставшийся хлеб родным. Это все, что имели из продуктов. Потому то, что я приносил, исчезало в мгновение ока.

Вскоре толпы голодающих заполнили весь Акмолинск....

Межу депо и городом лежал тогда пустырь в пять или шесть километров длиной. Вместе с другом я почти каждый день ходил через него в город. Так вот, на пути нам то и дело встречались умершие. Пытались их хоронить. Но трупов с каждым днем становилось все больше. То же самое происходило на улицах Акмолинска. И тогда прибыла конная милиция. У каждого милиционера — по аркану. Связывали вместе по несколько трупов — и волоком тащили за город, на старое кладбище. Довелось побывать и на нем, когда хоронили нашего рабочего. Трупы сваливали в огромные братские могилы. Когда заполнялась одна яма, переходили к следующей.

У моего дяди, Сыздыка Бижекенова, семья была — восемнадцать душ. Вначале мы как-то помогали им. А потом нас самих голод взял за горло... Никто из них не выжил...»⁶.

И еще несколько свидетельств...

«...Из нашего села выселили 10 семей крестьян, да-да, крестьян, мало чем отличающихся от всех сельчан, а то и беднее. Многие погибли, в том числе и мои родители, отец-мать, и брат еще холостой был, я чудом уцелел, хотя и был с ними. Как малолетку меня особенно и не задерживали, правда, в одном месте пришлось спрятаться, и ехал до своего села как беспризорник... О спецпереселенцах в Казахстане. Примерно в 60 километрах от ст. Актау (Актасты), у Гнилого болота, был лагерь. Люди умирали от болезней, так как вода насыщена была клещом, ее цедили и кипятили чай, клещ оставался в марле. С наступлением холодов люди спали почти под открытым небом, видеть небо, так как нет крыши, об отоплении нет речи, умирало до 150 человек в день. Была общая яма примерно 8x7 и глубина около трех метров. Вот в той яме лежат кости моей матери. Мне было в ту пору около тридцати лет. Это было в 30—31-х годах. Если эти кости не убрали, то они и по сей день догнивают. А все невинные люди, согнанные с сельской местности только за то, что некоторые могли жить и делать что больше других... Мою фамилию прошу не упоминать, так как у меня с образованием дочь и зять на руководящей работе и сыновья тоже, и они об этом ничего не знают. Мне уже 70 лет, пенсионер, участник ВОВ, орденоносец.

Л. И. В.»⁷.

Камил Икрамов писал в книге «Дело моего отца»:

«Мне было, видимо, лет шесть, когда наш салон-вагон зимой шел по казахской земле. На станции, кажется, Казалинск, вагон остановился против белого здания, снег рваной простыней покрывал пути и степь, а возле поезда с воздетыми в мольбе руками стояли скелеты, живые скелеты взрослых с детскими скелетиками на руках.

Не хочу придумывать или додумывать, что сказал мой отец* или хоть какое у него было лицо. Не помню отца в те минуты, вообще ничего не помню, кроме простыни несвежего снега и людей с черными лицами и черными руками, поднятыми не в протесте, а в мольбе о куске хлеба.

А в вагоне нашем, наверное, жарили котлеты с картошкой. Наверное, на бараньем сале»⁸.

По той же самой железной дороге часто езживаля в те годы в Москву и Голощекин...

«...к 1933 году, — вспоминает еще Камил Икрамов, — относится рассказ друга нашей семьи Зинаиды Дмитриевны Кастельской...

— ...Я стояла в саду. Может быть, плакала... Настроение убийственное и печальное. Ужасное! Подошел твой отец. Он тоже почему-то не спал. «Почему у вас такое настроение? Вы чем-нибудь расстроены, огорчены?» Я ему говорю, знаете, я видела ужасно неприятный сон, вы знаете, такой ужасный, печальный — и просто из него выхода нет. Он заинтересовался. «Какой?» — он говорит. Я говорю, знаете, вот сначала небо было, большое, высокое небо, и вдруг начали падать звезды. Падают, падают — так много звезд. Потом я смотрю, подбежала посмотреть на эти звезды, гляжу — лежат вроде мертвые овцы, вообще — стадо — кудрявое, мертвое. Потом я подошла, стала всматриваться: это не стадо, это люди, это казахи! Лежат мертвые, ужасные, покрыты какими-то лоскутами и совершенно скелеты...

Отец так мрачно посмотрел и сказал вдруг мне: «Зинушка, вы такая хорошая, вы даже не знаете, что это все значит»...

— Это тридцать третий? — спрашиваю я.

— В тридцать втором тоже было. Это с тридцатого

* В те годы — 1-й секретарь парторганизации Узбекистана.

началось, даже с двадцать девятого, но не так. Все-таки тридцать третий. Потому что о казахах разговоров много было. И то, что всюду ведь на станциях они были. Всюду по дороге из Москвы в Ташкент, это было страшное дело, эти несчастные, оборванные дети умоляли и плакали, просили... И вот, кажется, тут-то вот был разговор об ужасах в Казахстане. Может быть, это была поездка Николая Ивановича (Бухарина), потому что он приехал совершенно убитый. Он раздал все, что у него было, все деньги, говорил: «Мы голодные ехали. Невозможно было смотреть...» ...Все дороги, все станции были заполнены умирающими, когда проезжаешь Оренбург. Все кругом были несчастные, ребятишки валялись на станции и вообще всюду...»

Ну, Николай Иванович тогда-то, в тридцать третьем, не пропал...

Казахский писатель Мухтар Магаун рассказал мне:

— В 1944 году мы кочевали, мне было четыре года. Кочевье шло двенадцать дней, по древним путям нашего рода, от юга Семипалатинской области на север Джезказганской. Мы проехали расстояние в триста километров. Я все запомнил: опустевшие зимовья, дома с выбитыми стеклами и сорванными дверями, там внутри давно уже были лежбища волков; человеческие скелеты и черепа, разбросанные кругом по земле; тысячные стада сайгаков... Ни одного человека, ни одного аула не встретилось на пути — все опустело с тридцать второго года.

Потом, мальчиком еще, я молил Бога: дай мне стать писателем, чтобы рассказать обо всем этом!..

XVII

Газеты 1933 года (впрочем, как и предыдущих, и последующих лет, вплоть до 1985-го) молчали о голоде и море. Молчали по всей стране. О голоде молчали — кричали о победах колLECTIVизации и социализма. Но ведь пишут не только газеты и не только в газету...

Девятнадцатилетняя девушка Татьяна Невадовская писала в свою тетрадку-дневник. Она жила тогда вместе с ссылочным отцом-профессором в ауле Чимдавлет, расположенном в предгорьях Заилийского Алатау. И отец, и она работали на опытной сельскохозяйственной станции. В 1980 году Татьяна Гавриловна передала

в Центральный государственный архив Казахстана альбом с фотографиями тридцатых годов, которые она со проводила воспоминаниями об отце, его сотрудниках и тогдашней жизни. Альбом, быть может, сказано неточно. Это обычная тетрадь для рисования с наклеенными тускловатыми любительскими снимками и записями. А в конце, на последних страницах, стихотворение собственного сочинения. Оно озаглавлено так: «Казахстанская трагедия» и датировано мартом 1933 года.

Невадовская вспоминает:

«В этот период 32-33 гг. в отчаянно-бедственном положении оказалось местное население Казахстана, казахи покидали аулы, целыми семьями умирали от голода, замерзали зимой, болели. Позже это назовут «искривлениями», а тогда весь Казахстан испытывал большие экономические трудности...

Жуткая это была зима и для нас, но, главное, для местного населения... Я была очень молода, впечатльна... отзывчива... и очень глубоко и тяжело переживала потрясающие невзгоды, голод, нищету, незащищенность темного и забитого тогда народа... Хотелось бы, чтобы нынешнее поколение казахов (грамотного и возрожденного народа) не забывало об умиравших от голода людях, детях, стариках и вымерших и покинутых кишлаках и аулах, о замерзших в степи и больных...»

Вот ее стихотворение 1933 года, когда поэты-профессионалы из тех, кто к тому времени не попал в лагеря, писали отнюдь не столь простодушно, как девушка-лаборантка:

В природе март — пришла весна хмельная .
А все забыть — не помнить не могу...
Уж травка первая, а я припоминаю
Замерзшие фигуры на снегу.
Убожество и грязь, я их не замечаю,
Не замечаю ни заплат, ни вшей,
И беспредельно, искренне страдаю
За этих обездоленных людей.
Их косит голод... Я не голодая,
Обута я... а тот казах босой.
Безумную старуху вспоминаю
И женщину с протянутой рукой.
Из грязных тряпок груди вынимает,
Чтоб объяснить: «Ни капли молока».
И крохотное тельце прижимает
Худая материнская рука.
Не содрогаюсь я от отвращенья,
Но и смотреть спокойно не могу,

Как люди, падая от истощенья,
Перебирают колоски в стогу.
Под проливным дождем, под ветром, под снегами
Стога соломы здесь в степи стоят.
Колосья прелые, изъедены мышами,
Покрыты плесенью... содержат яд.
Беспомощные детские ручонки
Находят полусгнивший колосок,
И слышится надтреснутый и тонкий,
Болезненный ребячий голосок.
Так в чем же их вина? За что такие муки?
Здесь, на своей земле, в краю родном?
Ах, эти худенькие пальчики и руки
И девочка больная под стогом.
Под кожей ребра и торчат лопатки...
Раздутые ребячьи животы...
Нет оправдания и нет разгадки
Причины этой жуткой нищеты.
Вот озимь поднялась. Синеют в дымке дали,
И жаворонки в небесах уже...
Нельзя, нельзя, чтоб дети голодали.
...И этот труп казаха на меже.
Кто приказал? Узнать—понять хочу я,
Кто смерть и нищету послал сюда?
Где спокон веку жил народ, кочуя
С верблюдом, осликом, и пас стада.
Зачем снимать последнюю рубаху
И целый край заставить голодать?
Кому понадобилось — богу иль аллаху
Все отобрать и ничего не дать?
Какой же деспот создал эту пытку?
Иль полуумному пришла такая блажь?
Последнюю овцу, кошму, кибитку,
Мол, заберешь и ничего не дашь.
Но все молчат, хоть знают — не умеет
Казах-пастух ни сеять, ни пахать.
Без юрты он зимой окоченеет,
Без стада и овец он будет голодать.
И не пеняй на климат, на природу,
На то, что Казахстан степной и дикий край.
Такой был урожай! — Хватило бы народу
На хлеб и на табак, на мясо и на чай!
Так нет же! — Увезли отборную пшеницу,
Огромные стога остались на полях.
У тех стогов такой кошмар творится —
Не мог бы выдумать ни бог и ни аллах...
Без шерсти и кошмы — казах совсем раздетый,
Без дичи и без шкур он будет не обут.
Откуда ему знать, что в Подмосковье где-то
В колхозах на полях сажают, сеют, жнут.
Я не умею с этим примириться,
Мне тяжело на это все смотреть.
На небе радостно поют, трепещут птицы,
А на земле страданья, голод, смерть.
Мерещатся мне детские ручонки

У прошлогодней и гнилой скирды,
И небо ясное и жаворонок звонкий,
Смесь зла, добра, нужды и красоты.

В альбоме Т. Г. Невадовской больше всего впечатляет один небольшой любительский снимок.

Голая комковатая земля, вдалеке рядок пирамидальных тополей с обнаженными ветками, деревья окаймляют поле; русоголовая девушка в ситцевом платье стоит, как бы не замечая фотографа, и глядит в сторону, а на переднем плане парень-казах, а может быть, это и не парень, а вполне взрослый человек, — не понять. Он сидит на земле, устало обхватив ноги, и рядом валяется кетмень. Одежда вся потрепанная, ботинки рваные, в обмотках. Лицо худое, измученное, в тусклом взгляде отчаяние и безнадежность. Судорога страдания словно схватила и не отпускает это лицо...

«Эта фотография, — пишет Невадовская, — потрясающий обличительный документ периода так называемых «искривлений»

Ранняя весна 1933 года. Я шла с кем-то из специалистов, со мной был фотоаппарат. По тракту сидел обессиленный, истощенный казах... он с трудом тащился с полевых работ, обессилел, стонал, просил есть и пить... Я передала фотоаппарат своему спутнику и поспешила принести воды. Он пил с жадностью. Я не заметила, когда мой товарищ меня сфотографировал. Я поспешила снова домой, чтобы принести ему кусочек хлеба и сахара... Когда я подошла к нему с хлебом... он был уже мертв...

Так умирали люди в этот страшный, голодный 1932—1933 год.

В память о незаслуженных и неоправданных страданиях этого народа в этот период я бы поставила памятник на этом месте, как ставят обелиски у могил Неизвестного солдата...».

Понятное желание. Только вот памятника там не поставишь — не отыщется теперь то место в ауле Чимдавлет.

И разве можно сравнить этого бедолагу, умершего от истощения по дороге с весеннего поля, с Неизвестным солдатом? Солдат, он сражался за Родину, защищая ее от врагов, он был с оружием в руках. А у этого бедняка ничего, кроме кетменя, в руках не было. Да и не знал он, что за напасть обрушилась на его землю и почему вдруг

все вокруг мрут от голода. Он не знал слова геноцид, которое в буквальном переводе обозначает — уничтожение рода, племени, а шире — уничтожение народа. И не предполагал, что гражданская война имеет разные обличья, в том числе и те, когда пушки не палят и никаких выстрелов вроде бы не слыхать, а народу больше косит смерть, чем на полях сражений.

Он был — мирная жертва...

* * *

А что ж поэты-профессионалы?..

Певцов колхозного строя нашлось предостаточно.

А. Безыменский — на VI съезде Советов выступил, «против Руси — за СССР, создающий мощную социалистическую индустрию и совхозными и колхозными потоками (?) величайшую поэму переоборудования лица земли и сердец крестьянства».

— Товарищи,— провозгласил А. Безыменский,— кулацкая Расеюшка-Русь не скоро сдастся, ибо успехи наши, успехи Союза ССР будут измеряться степенью ликвидации образа того врага, которого заключает в себе «Расеюшка-Русь».

Ну и, конечно, собственные стихи прочел:

Расеюшка-Русь, повторяю я снова,
Чтоб слова такого не вымолвить ввек.
Расеюшка-Русь, распроклятое слово
Трехполья, болот и мертвящих рек...

М. Светлов:

Пение птиц и солнечный звон,
И шелест мокрых акаций.
Солнце вовсю освещает район
Сплошной коллективизации.
Пшеница бушует
На тысячи га
От Днепропетровска
До Кременчуга...

Э. Багрицкий:

Оглянешься — а кругом враги,
Руки протянешь — нет друзей;
Но если он (век) скажет: «Солги!» — солги.
Но если он скажет: «Убей!» — убей.

(1930)

Он же:

По оврагам и по скатам
Коган волком рыщет,
Залезает носом в хаты,
Которые чище.
Глянет влево, глянет вправо,
Засопит сердито:
«Выграбай-ка из канавы
Спрятанное жито!»
Ну а кто поднимет бучу —
Не шуми, братишка:
Усом в мусорную кучу,
Расстрелять, и крышка.
Чернозем потек болотом
От крови и пота.

И еще он же — о классовых врагах:

Их нежные кости сосала грязь,
Над ними захлопывались рвы.
И подпись под приговором вилась
Струей из пропущенной головы.

Странно, что Э. Багрицкий, певец уничтожения классовых врагов, не воспел и последствия этого уничтожения.

Не только «бушующую пшеницу» освещало солнце в районах сплошной коллективизации...

Вот свидетельства того, что происходило...

...на Украине:

«Я зашел в одну из хат и окаменел. У самой стены на деревянной лавке лежал почти высохший ребенок лет пяти-шести, над ним склонилась мать, держа в руке нож, и с трудом старалась отрезать ему голову. Нож и руки были в крови, ребенок конвульсивно дергал ногами. На миг я уловил ее взгляд, она смотрела на меня, но вряд ли видела, ее глаза были сухие, лишены всякого блеска и напоминали глаза мертвеца, которому еще не закрыли веки... Через час мы вошли в эту хату, чтобы зафиксировать и этот случай людоедства, но увидели упомянутую мной женщину лежавшей на земляном полу вверх лицом с открытыми мертвыми глазами... К груди она прижимала отрезанную головку ребенка».

...на Кубани:

«...Там престрашный голод, люди людей едят, много и много мрут, а остальные идут, отрезают от них мясо и едят... А мрут так, что где идет, там упал и умер; ховать некому, и валяется до тех пор, пока там же сгниет, и только кости валяются, как было с лошадьми, а теперь с народом»¹.

...в Приазовье:

«...в течение многих часов ехал на автомобиле, направляясь к северу. Машина шла по дороге, заросшей высокой травой, потому что давно уже никто тут не ездил. Улицы сел и деревень заросли бурьяном в рост человека. Проезжие не обнаружили в селах ни одного живого существа: в хатах лежали скелеты и черепа, нигде ни людей, ни животных, ни птиц, ни кошки, ни собаки. Все погибло от интегрального голода»².

Но вернемся к стихотворцам.

В. Луговской:

За сорванную посевную
и сломанные его труды
Совсем небольшая плата —
затылок Иган-Берды.
(1932).

Б. Корнилов:

Как молния, грянула высшая мера,
клюют по пистонам литые курки,
и шлет председатель из револьвера
за каплею каплю с левой руки...
И это не красное слово, не поза —
и дремлют до времени капли свинца,
идет до конца председатель колхоза,
по нашей планете идет до конца.
(1932).

Д. Кедрин:

Потерт сыромятный его тулуп,
Ушастая шапка его, как склеп;
Он вытер слону с шепелявых губ
И шепотом попросил на хлеб.
...Тогда я почуял, что это — враг,
Навел на него в упор очки,
Поймал его взгляд и увидел, как
Хитро шевельнулись его зрачки.
...И если, по грошику наскоблив,
Он выживет, этот рыжий лис, —
Рокочущий поезд моей земли
Придет с опозданием в социализм.
Я холодно опустил в карман
Зажатую горсточку серебра
И в льющийся меж фонарей туман
Направился, не сотворив добра.

(1933).

Кедрину вполне мог встретиться на московской улице не рыжий «кулачина», а, скажем, черноволосый «бай».

Председатель постпредства Казахстана Токтабаев сообщал 2 февраля 1933 года:

«Севлес» в ряде районов Казахстана завербовал колхозников и батраков... Прибывшие на место работ казахи-рабочие оказались в исключительно трудных условиях, им не было предоставлено жилья, они не получали продовольствия наравне с другими рабочими...

Ввиду этого в Москву ежедневно стекаются десятки казахов-рабочих, батраков и колхозников... Не имея средств, они голодают, валяются на вокзалах, не могут добраться до своего места жительства».

Наверное, эти бедолаги тоже были вынуждены просить на хлеб. Кто наводил на них в упор очки, не подавая милости ни, кто подозревал в нехорошем желании — выжить?..

* * *

А что сочиняли в народе?

В России, среди множества антиколхозных частушек, была и такая:

Мы в колхозе работали,
Да и доколхозились:
Было двадцать пять лошадок,
Двадцать — уелозились.

На Украине:

В тридцать третьем году.
Люди падали на ходу.
Ни коровы, ни свиньи —
Только Сталин на стини (на стене).

Спецпереселенцы в Караганде пели сочиненную ими песню:

Мы жили крестьянским хозяйством,
Трудясь от зари до зари,
Умели мы многое делать —
Орловцы, мордва, волгари.
Но год наступил тридцать первый —
Нас стали по тюрьмам сажать,
А жен и детей-малолеток
Семьей кулака обзвывать.
Лишили нас прав и свободы,
Родных нас лишили полей,
Повыгнали нас всех из дома —
И жен, стариков, и детей.
Мы смрадом парши дышали,
Нас мучила жажда в пути,
И дети от жажды страдали:
«Водички!.. Водички!.. Воды!..»
Но доля иная в ту пору
Нас изо дня в день стерегла:

Кровавым поносом детишек
Почти всех в могилу свела.
Потом и цингой истязала,
И голодом страшным морила,
И тифом наотмашь косила...
Ах, доля ты наша, — могила...
Мы честно в крестьянстве трудились,
Ценили в труде каждый час...
За что же, родная сторонка,
Так зло покарала ты нас?
Вины за собой мы не знаем,
Нам каяться было бы грех...
Но кто-то ж беду нашу злую
Когда-то расскажет для всех...

* * *

Казахстанские историки Б. Тулепбаев и В. Осипов пишут о той поре:

«Особенно тяжелым было положение детей. Сироты умирали от голода десятками тысяч...

Голодали не только в аулах, но и в деревнях, кишлаках, поселках и городах Казахстана. В Актюбинске, к примеру, от истощения и дизентерии весной и летом 1932 г. погибли: в мае — 175 человек, в июне — 208, июле — 320, августе — 450. И это в городе, который едва ли насчитывал в ту пору 15—20 тыс. жителей.

Страдали от голода и рабочие казахстанских новостроек, что выражалось в чрезвычайной «текучести» кадров. Например, на шахтах Караганды из 37 772 работавших в 1932 г. «сменилось» 33 865 человек. Особенно тяго приходилось «спецпереселенцам». В 1933 г. их насчитывалось здесь 7 545»³.

По данным Ж. Абылхожина и М. Татимова, в Казахстан к 1931 году было выслано около 45 тысяч семей. Но, возможно, и это неполные цифры: «спецпоселков» насчитывалось десятки, если не сотни.

В Приишимье только за три месяца 1931 года в таких поселках — пристанционных лагерях погибло около трех тысяч человек. К концу года «естественная убыль» перевалила за тридцать тысяч...

Карагандинские шахтеры-ветераны, бывшие спецпереселенцы, десятки лет проработавшие под землей, заслужившие и почет и ордена, но не заслужившие, чтобы с них официально сняли ярлык «кулака», вспоминают...

Григорию Кузьмичу Герасимову за 80 лет. Он родом из городка Инсар Пензенской области. Раскулачивали в

1931 году. А что у них было в хозяйстве на восемь душ? Корова, две лошади, около гектара земли. Выслали в Осакаровку, выгрузили в голой степи. Зимой 1932 года жена и полуторагодовалый сын умерли от голода. «А мне и похоронить не пришлось...».

Василий Дмитриевич Зацепин родом из Оренбургской области. В его семье тоже было восемь душ. Хозяйство — пара лошадей, пара быков и две коровы. Весной 1930 года всю семью выгнали из родного дома. «Отобрали зимнюю одежду, даже гармошку отобрали». Выслали поначалу в степь, за сотню верст от села, а весной следующего года отправили в Караганду. «Ну а что пришлось пережить здесь в земляных ямах да в земляных же деревенных бараках, в теснотице страшной, в голоде и холодае, — судите сами: отца, четырех братьев и сестренки лишился. Из восьми остались мать да я...»

Жена Зацепина — Анастасия Платоновна — из Саратовской области. В 1932 году потеряла на карагандинской земле мать, на следующий год умерла от голода сестра. «Мама наша надорвалась при подъеме сырой глины на крышу. Побежала я в комендатуру, чтобы както помогли похоронить маму. Прибегаю: дверь закрыта, а в двери малюсенькое окошечко. Я в него заглянула, а там раздетых до пояса мужиков плетями бьют, а кричать не велят. Ну, я бегом от комендатуры. Бегу на кладбище. А там дяденька-железнодорожник могилу копает для умершей своей жены. Я к нему: «Дяденька, положите и мою маму в могилу...» — «Что ж не положить... Только ты, дочка, помоги мне». И принялась я прямо руками землю из могилы выбрасывать...».

Яков Михайлович Лутовинов — уроженец села Быково Воронежской области. Десятилетним мальчишкой попал весной 1931 года в Осакаровку. Пешком шли к месту на берегу Ишима строить 9-й спецпереселенческий поселок. Зимой на строительстве железной дороги погиб 16-летний брат Алексей. Похоронили его, подобно многим, прямо под железнодорожной насыпью. В поселке начался тиф. Ежеутренне квартальные обходили бараки, выкрикивали: «Живые! А мертвые среди вас есть?»

«Целыми семьями умирали. А трупы зимой штабелями складывали и снегом до весны присыпали, потому как не было сил у людей долбить мерзлую землю... А вши на нас кишмя кишили. Если бы не врач Кох, ни одного человека тогда не выжило бы...»⁴.

* * *

Из секретной спецсводки ОГПУ (Актюбинская область, 1932 год):

«Колхозник колхоза «Путь к коммунизму» Севастопольского сельсовета Горкуша Иван говорил: «Вот до чего дожилась советская власть, что ездишь за семенами и сороки на ходу клюют полумертвых от голода лошадей. Да и люди с голоду мрут. Когда уже придет пропасть на эту советскую власть и ее руководителей! Ленина уже черти ухватили, вот еще бы нашлись такие люди, которые бы стерли с лица земли Калинина и Сталина. Но ничего, обождите, вот скоро придет Япония, тогда мы их сразу сотрем с лица земли. Довольно им мучить народ, мы им покажем, как строить социализм!»⁵.

* * *

Современные ученые Н. Михайлов и Н. Тепцов, авторы исследования о коллективизации, задались вопросом: так сколько же было репрессировано? «За ответом на этот вопрос (хотя бы приблизительным) приходится обращаться к... Сталину. Как известно, «великий вождь» не любил оставлять свидетелей своих преступлений и тем более признаваться в них. Но однажды он проговорился. В речи на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников, произнесенной 19 февраля 1933 года, Stalin отметил, что до коллективизации на каждые 100 дворов в деревне можно было насчитать 4—5 кулацких дворов, 8 или 10 дворов зажиточных, 45—50 середняцких, 35 бедняцких. «Развернув колхозное строительство, — с гордостью сказал Stalin, — мы добились того, что уничтожили эту кутерьму и несправедливость, разбили кулацкую кабалу».

Теперь давайте подсчитаем. Итак, на каждые 100 дворов Stalin насчитал от 12 до 16 кулацко-зажиточных. Всего же в начале 30-х годов в нашей стране было около 25 млн. крестьянских хозяйств. Стало быть, более 3 млн. из них Stalin отнес в черную графу. Если учесть, что, по статистике тех лет, в каждой «кулацкой» семье было в среднем 7—8 человек, то в разряд «ликвидированных как класс» попало более 20 млн. человек. Страшная цифра!»⁶.

* * *

Известно лишь одно исключение из геноцидного «правила коллективизации». Никаких «искривлений» и «перегибов», образцовая подготовка. Этот случай описан в зарубежной литературе и практически незнаком нашему читателю.

Нижеследующая главка из книги А. Дикого «Евреи в России и СССР» показывает, что даже образцово подготовленная принудиловка остается принудиловкой, и толку от нее не будет...

«ЕВРЕЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ РАЙОН «ФРАЙДОРФ»

(Создание, организация, результаты. — Свидетельство агронома УССР)

В конце 1929 года силами и средствами Украинской Социалистической Советской Республики было приступлено к организации в Северной Таврии еврейского национального сельскохозяйственного района «Фрайдорф».

Из районов Евпаторийского, Донузловского и других был выделен особый, новый район — Фрайдорфский. Этот новый район был разделен на поселки со своими сельсоветами, в которых все делопроизводство велось на еврейском языке, т. к. весь район, согласно решению правительства, должен был быть заселен исключительно евреями, пожелавшими «сесть на землю» и заниматься сельскохозяйственным трудом.

Поселков было запланировано 29, в каждом из которых было приступлено к постройке домов для будущих поселенцев. Домов — от 20 до 40 на каждый поселок.

Дома строились кирпичные, двух- и четырехквартирные. Расположены были дома вдоль хорошего шоссе (по обе стороны), идущего из одного конца Фрайдорфского района до другого. От Евпатории до города Ак-Мечети примерно около 80 километров.

К каждому дому было прирезано с тыловой стороны для сада, огорода и виноградника по полгектара земли. Ближе к дому — для сада и огорода, а за ним — под виноградник.

Равнинной пахоты, первоклассной земли, каждому поселку было предназначено примерно 1 500 гектаров.

Все работы велись строго по плану, и к моменту окончания построек оканчивалось обычно и землеустройство.

Вселение новых земледельцев было запланировано на две весны: весну 1930 и 1931 годов.

С землями Фрайдорфского района межевали ряд колхозов, с одной стороны, и земли огромного Евпаторийского зерносовхоза, с другой стороны. Этот зерносовхоз занимал площадь в 25 000 гектаров, длиною до 70 километров, а шириной всего от одного до двух, двух с половиной километров.

При создании Фрайдорфского района было приказано «соседям», т. е. ряду колхозов и Евпаторийскому зерносовхозу, подготовить все для новых поселенцев.

Это означало: произвести посевы озимых и вспахать с осени под яровые и возможные корнеплоды, а кроме того, выделить из колхозного поголовья необходимое количество рабочего и продуктового скота для новых поселенцев, снабдивши и соответствующим количеством фуражом, нужным для нового урожая.

На зерносовхоз было возложено обязательство обслуживать тракторами и крупными с. х. машинами новоозданные поселки, каковые должны были взамен за это предоставить зерносовхозу соответствующее количество рабочей силы (трудодней), а горючее доставлять с базами поселка.

Переселенцы несколько запоздали. Но весенний посев, по распоряжению свыше, был сделан смежными колхозами, и новые колонисты застали уже зеленеющие не только озимые, но и яровые.

Выделили им и живой инвентарь. Разумеется, колхозники выделили не самое лучшее. Отбирали по украинской пословице — «та тоби небоже, що мени не гоже».

Из «центров» говорилось и повторялось, что все расходы по организации новых поселков оплачиваются американской организацией «Агро-Джойнт». Но дальше слов эта «оплата» не пошла. Конечно, возможно, что и расплатились, но «в централизованном порядке», т. к. не только колхозы, но и местная администрация ничего не получили и даже не решились запросить начальство начальство на счет оплаты и этого самого «Агро-Джойнта».... Времена были такие, что особенно не спрашивашь... И труд колхозников, и выделенный поселенцам живой инвентарь так и остались не оплачены... Даже спасибо за помощь никто не сказал.

Угрюмо посматривали на все это старые колхозники, помнившие или слышавшие, как в свое время устраивали

лись наши переселенцы... Без всяких «Агро-Джойнтов», а собственным тяжелым трудом...

Когда пришло время летних полевых работ, зерносовхоз попробовал было получить от поселков рабочую силу как компенсацию за произведенную машинами совхоза работу на полях поселков (как было обещано). Но и тут получилась неувязка. Выражаясь языком техническим, «коэффициент использования» евреев в качестве сельскохозяйственных рабочих оказался весьма низким: на ту работу, на которую по норме полагалось два человека, колонисты, чтобы ее выполнить хоть сколько-нибудь удовлетворительно, принуждены были посыпать человек 6—8, а то и больше. Ибо в прошлом они не имели никаких навыков в этом труде...

Колхозы же и не пытались что-либо получить за свои труды. О том, чтобы евреи рассчитывались с колхозами натурой, т. е. отработали бы, как это бывает у соседей, или вернули хоть постепенно живой инвентарь, выделенный колхозами, не могло быть и речи. «Агро-Джойнт» был далеко, да и сноситься с ним колхозам было невозможно по ряду причин. Жаловаться тогдашнему диктатору Украины, проводившему коллективизацию, Кагановичу — было предприятие небезопасное...

Как все это было проведено в отчетах — неизвестно. Надо полагать, на бумаге вышло все гладко...

Но у тех, кто строил, пахал, сеял и все готовил для новых поселенцев, осталось горькое и неприятное воспоминание...

Когда пришло время выполнения разных, предусмотренных планом, сдач государству, от которых не были освобождены и еврейские колхозы, новые поселенцы все выполняли своевременно и удачно выходили из подчас нелегких положений.

Как это достигалось в остальных поселках — не знаю. А как это было осуществлено в поселке № 22 — тому я был свидетель.

Комбинация была следующая: полученный от колхозов скот был выбракован и «по блату» обменен на рыбные консервы в том же Евпаторийском районе, где производились эти консервы. Консервы, опять «по блату», были переправлены в Брянск и обменены на пеньково-канатном заводе на бечеву, которая тогда была товаром остродефицитным в Крыму. Бечева срочным грузом (тоже «по блату») была доставлена в Фрайдорфский

район, на станцию Евпатория, и на подводах колонии (поселка № 22) доставлена без всякого контроля в поселок.

В порядке «товарообмена» с соседними нееврейскими колхозами за часть этой бечевы поселок № 22 выменял нужное количество скота вместо проданного, выбракованного. Остальное количество привезенной из Брянска бечевы было использовано не менее рационально. Соседние колхозы за бечеву выполнили все сезонные полевые работы на землях поселка № 22, каковые по плану были должны выполнить собственными силами новые поселенцы. Колхозники и колхозницы не только убрали весь урожай, но и свезли необмолоченный хлеб в скирды, и за это, как зарплату, получили соответствующее количество бечевы, в которой остро нуждались, а получить ее легальным путем не могли.

Молотьба же и сдача урожая была произведена собственными силами новых поселенцев. Поселком № 22 весь план был выполнен на все сто процентов и вовремя.

Через год-два поселок № 22 стал таять: колонисты неуклонно стремились в город, где устраивались в торговой сети и в многочисленных административных учреждениях.

Никаких садов и виноградников так и не было посажено. На отведенных для этого участках пышно разросся репейник, осот и другие сорные травы и растения.

О дальнейших успехах в области сельского хозяйства населения Фрайдорфского района не знаю, т. к. вскоре я был переведен на службу в Поволжье.

Пришлось мне впоследствии побывать и на «целине» и быть свидетелем того, как устраивали новую жизнь те, кто не имел за спиной никаких «Агро-Джойнов». Какие чувства вызвало у меня это сравнение — об этом говорить не буду.

Агроном»⁷.

* * *

Зейтин Акишев в книге «Заул» («Испытание») описывает случай, произшедший с ним в мае 1934 года в месте, которое ныне называется Аккудук (Майский район Павлодарской области).

«Везли мы семенное зерно, 120 пудов. Заехали в поселок. Пусто: ни людей, ни собак. На окраине заглянули в один дом — никого. Заходим в комнату. Ее перегораживает занавеска, — так обычно в казахских домах от-

деляли молодую семью. Взялся я за материю, а она вся рассыпалась в прах. На кровати лежали два скелета. По волосам — у одного были длинные черные волосы, у другого гораздо короче — мы догадались, что это были молодые мужчина и женщина. Видать, молодожены. Наверное, когда подошла голодная смерть, решили погибнуть вместе. Так в обнимку и умерли.

До сих пор в моей памяти эта картина...»⁸.

* * *

«Тебе, лучшему соратнику тов. Сталина, шлем большевистский привет», — обращались в июле 1933 года делегаты Шестого пленума Казкрайкома к тов. Кагановичу.

Бывший координатор коллективизации едва недотянул до ста лет... Столько потрудился, столько людей досрочно отправил на тот свет, а сам ничего, выдюжил, не надорвался. Долгожитель.

Не так давно пришлось мне выслушать любопытный рассказ про него. Будто бы чудачил на старости лет Лазарь Моисеевич. Выходит на улицу, сядет на скамеечку с кульком и раздает прохожим детям конфетки. Сидит, пока все не раздаст. Блаженно улыбается.

«Постарел, постарел Лазарь Моисеевич!..» — грустно вымолвил рассказчик.

«За успехи в развитии сельского хозяйства Л. М. Каганович награжден орденом Ленина», — сообщает Большая Советская Энциклопедия.

За коллективизацию — награжден. Что ж, Ильич бы одобрил...

И еще один рассказ недавно услышал.

В 1937 году судили руководителей Каркаралинского округа. Среди обвиняемых был Мансур Гатауллин (в числе других он в 1932 году написал в крайком известное «письмо пяти» — о перегибах в коллективизации, вызвавших массовый голод).

Гатауллину предоставили последнее слово. Он показал рукой на своих товарищей, сидящих на скамье подсудимых:

— Это не враги народа. Враг я. Меня и судите. Одного. Но я тоже не враг народа, я враг врагов народа.

* Кентский район расположен близ Каркаралинска.

А стал я этим врагом в 1932 году, когда приехал по командировке в Кент*.

...Выхожу из машины — никого и ничего вокруг, только длинная база для скота стоит. Открываю дверь, а там трупы. Все огромное помещение — в штабелях трупов. У некоторых людей глаза еще открыты, но видно: с минуты на минуту умрут.

Я вышел обратно. А на улице крики. Безумные расстрепанные женщины с ножами набросились на шофера, пытаются его зарезать. Я выстрелил в воздух, они разбежались.

Пригляделся, а неподалеку казан стоит на огне. Варится что-то. Приоткрыл крышку — а там, в булькающей воде, то ножка мелькнет, то ручка, то детская пятка...

Вот тогда я и стал врагом врагов народа...

XVIII

В три года коллективизации Голощекин сделал с Казахстаном примерно то же, что Пол Пот с Камбучией.

Если бы не четырехлетняя предварительная работа, у него бы это не вышло. Но во время «великого перелома» он уже владел положением. «Большевизация» партийных рядов позволила устранить всех политических противников и заменить более или менее самостоятельно мыслящих «националов» послушными и подобострастными исполнителями. Духовный цвет нации — писатели-просветители — погибал в лагерях; выдающийся национальный поэт Шакарим был расстрелян. Над верующими надругались (в июне 1930 года Голощекин с издевательским лицемерием говорил: «Как иначе назвать, как не провокацией, большой шквал административного закрытия церквей и мечетей?» Но, конечно, ни одного храма народу не вернул). Кампания по «советизации аула» стала, по существу, искусственным разжиганием «классовой борьбы» — иначе говоря, стравливанием людей.

Все было подготовлено для того, чтобы сокрушить казахский народ...

И словно невероятной силы смерч промчался по степи. Казахи, которые даже приветствуют друг друга при встрече словами «Здоров ли скот?», почти полностью лишились скота, а вместе с ним и своей жизненной основы.

В 1929 году в хозяйствах было 40 миллионов голов —

в 1933 году осталось 4 миллиона (а вполне возможно, что и того меньше). Причем в главных животноводческих районах, где прежде было сосредоточено почти все стадо, осталось, по официальным данным, всего 300—400 тысяч голов скота. Но будто бы неизвестно, насколько «правдива» эта статистика и в какую сторону она изменяет показатели...

Из крупнейшего в стране поставщика мяса, шерсти, кож Казахстан превратился в край, который сам себя не мог прокормить.

Голощекин зажимал всякую мало-мальскую критику и беспощадно карал немногочисленных слушников. Впрочем, таких почти и не было.

Голодный мор уже унес первые десятки тысяч жертв и грозил сделаться повальным бедствием для всего населения, прежде чем в рядах казахстанских большевиков нашлось несколько человек, кто отважился сказать об этом первому секретарю крайкома.

4 июля 1932 года пятеро коммунистов: Г. Мусрепов, М. Гатауллин, М. Давлетгалиев, Е. Алтынбеков и К. Куанышев подали в Казкрайком письмо. Воздав ритуальные похвалы генеральной линии партии на основе «правильной ленинской установки», они перешли к сути дела:

«Однако у нас, в Казахстане, несмотря на огромные успехи в промышленности и сельском хозяйстве, в области животноводства мы имеем глубокий прорыв, который превращает Казахстан из основной животноводческой базы Союза в одну из второстепенных».

«Огромные успехи» в сельском хозяйстве были такие: за два года «осталось 1/8 поголовья 1930 г.», причем «этот громадный урон, беспримерное уничтожение скота происходило не только у бая и кулака, не только у середняка и бедняка — единоличников, но и, главным образом, в обобществленном и не обобществленном стаде колхозов и колхозников (частично и в совхозах)... Налицо неслыханное сокращение поголовья скота (отсюда — продуктов животноводства), ...налицо полное отсутствие запасов зерна до нового урожая».

Авторы письма задавались вопросом, не является ли это следствием не только «вредительства» баев, но и «левицких» искривлений линии ЦК? «Правильна ли наша точка зрения в области реальной помощи возвращающимся в Казахстан откочевникам, у которых совершенно по-

дорвана всякая основа хозяйствования, до сих пор умирающим в некоторых районах в огромном количестве? ...Насколько правильно все еще продолжающееся умалчивание, внешне похожее на боязнь большевистской самокритики в вопросах катастрофического сокращения поголовья скота и голода, охватившего многие казахские районы, с массовой смертностью в отдельных районах (начиная со второй половины зимы)?..»

Сознавая, что картина выходит удручающей, они почерпывали оптимизм в глубокой мысли товарища Сталина: «Наши трудности являются такими трудностями, которые содержат сами в себе возможность их преодоления», и высказывали недоумение, что «серьезнейшие успехи... в области... ликвидации... байства как класса и освобождения трудящихся аула от феодально-байской кабалы... почему-то не сопровождались бурным ростом в животноводстве».

Вывод был таков: «...необходимо крепче ударить по этим «левакским» уклонам вместе с правым оппортунизмом как главной опасностью, шире поднять всю парторганизацию на эту борьбу... ибо нельзя без конца терпеть этот «левый» уклон, этот троцкизм на практике, который привел к правым результатам»¹.

Филипп Исаевич, естественно, расценил это письмо как посягательство на авторитет и националистическое проявление байских настроений. Последовали угрозы исключения из партии и привлечения к уголовной ответственности. Как обычно, он произвел свой излюбленный «зверский нажим», после которого, уже через неделю, четверо из подписавших письмо (пятый, Гатауллин, был в командировке) принесли в крайком письменные покаяния. 15 июля 1932 года на объединенном заседании бюро крайкома и контрольной комиссии письмо оценили как «полное затушевывание соц. перестройки Казахстана и достижений национальной политики»², но его авторов все же «пощадили»: дали строгий выговор...

В августе 1932 года ближайший соратник Голощекина председатель Совнаркома Казахстана Ураз Исаев, отдавая себе отчет в серьезности положения и в том, что самомнение первого секретаря крайкома останется непоколебимым, обратился с письмом к Сталину.

«В 10—12 казахских районах Центрального Казахстана голодает и сейчас значительная часть населения,— писал он. — По приблизительным данным, весной этого

года с голоду умерло 10—15 тыс. человек, массовые откочевки, уход в другие края и республики, особенно усилившиеся в 1931 г., не приостановились и сейчас. Во многих казахских районах, по сравнению с 1929 г., не осталось и половины населения. Общее количество крестьянских хозяйств края сейчас меньше, чем в 1931 г., на 23—25 %. Голодные казахи и их беспризорные дети скапляются около промышленных предприятий, совхозов в Семипалатинском и Актюбинском районах, на станциях железных дорог, занимаются кражей, осаждают колхозные поля, срезают колосья. Голод, скопление, грязь явились почвой для распространения эпидемий: черная оспа, тиф, дизентерия и др.».

У. Исаев, конечно, подстелил соломки: «Главной причиной, приведшей к нынешнему состоянию животноводства, надо признать извращения в Казахстане политики партии, ваших неоднократных указаний о коллективизации в отсталых национальных районах». Будто бы мудрый Коба только и делал, что заботился о том, как бы не пострадали кочевники, насильно сгоняемые в колхозы... Председателю Совнаркома надо было перейти таким образом к критике своего непосредственного начальника. «...Крайком достаточно решительно не исправлял эти извращения, больше верил (и хотел верить), что казахи поголовно решили идти в колхозы, что против коллективизации только бай и националисты. Дух стопроцентной немедленной коллективизации аула витал в самом Крайкоме...» И далее: «...мода сплошных успехов без всяких недостатков явилась почвой для развития очковтирательства. Желание перещегольнуть в темпах соседние районы и быстрее перейти к социализму привело к административной сплошной коллективизации в казахском ауле. Кампанейщина как метод работы, институт всевозможных уполномоченных над райкомами создали целую серию так называемых «ударников-кампанейщиков» в крае и районах и десятки «бельсенды» в аулах (активисты наизнанку, я бы сказал прямо, новый паразитический слой в ауле)».

Испрашивая специального решения ЦК «по казахскому аулу», главным образом «по животноводству», и предлагая ряд хозяйственных мер, Ураз Исаев в заключение написал о самом существенном:

«Нельзя, конечно, всю вину наших недочетов сваливать на кого-то одного. Здесь виновно все бюро Крайко-

ма в целом. Лично я несу определенную ответственность за недочеты и ошибки и Крайкома, и всей нашей работы в Казахстане, ибо я являюсь руководящим работником Казахстана. Но для того, чтобы решительно перестроить работу и усилить руководство, необходимо освежение и обновление руководства Крайкома. Общеизвестна особая роль первого секретаря. Лично думаю, что т. Голощекин, проделавший огромную работу в Казахстане (советизация аулов, борьба с групповщиной и др.), не будет иметь необходимой силы для решительного поворота на основе суровой критики ошибок и Крайкома, и своих собственных»³.

Решение ЦК о животноводстве Казахстана было принято в сентябре. Центр даже выделил откочевникам кое-какую помощь. Так, крохи — в почерневшую от голода руку просящего... Следующей зимой голод косил уже сотни тысяч людей. Голощекина отзвали в Москву в январе 1933-го, в самый разгар повального мора. Еще успел поруководить...

* * *

Из газетной хроники тех дней...

«Большевистская кочегарка» (Караганда), 16 сентября 1932 года:

«СУД НАД КУЛАКАМИ — РАСХИТИТЕЛЯМИ КОЛХОЗНОЙ КАРТОШКИ

12 сентября в клубе с. Тихоновка небывалое количество людей. Они пришли на показательный процесс над хищниками колхозного имущества Погореловым Григорием Ивановичем и Косовым Василием Николаевичем.

Погорелов — ярый кулак, вел гнусную агитацию среди колхозников с. Тихоновка о том, что «борьба с потерями не обязательна» и т. д. 25 августа Погорелов решил похитить для спекуляции на базаре колхозную картошку. Это ему не удалось. Затем Погорелов составил новый план хищения, но совместно с Косовым. План заключался в том, чтобы 31 августа ночью, примерно в 12 часов, похитить картошку. План стал приводиться в действие. Они похитили больше 20 килограммов картошки, но на обратном пути преступники были задержаны.

Выездная сессия облсуда нашей области в составе председателя Карцева и заседателей Ковалык и Балгабекова приговорила:

к Погорелову Григорию Ивановичу применить высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества,

Косова Василия Николаевича подвергнуть заключению в Карллагерь сроком на 10 лет.

* * *

Кириченко М. О., кулак, последнее время работал на каменном карьере Сев-Казстройтреста...

27 августа, возвращаясь с работы, Кириченко зашел на посев колхозной картошки и стал ее похищать. На месте преступления, во время копания картошки, он был задержан.

Пролетарский суд в составе председателя Карцева и заседателей Ковалык и Балгабекова, принимая во внимание, что Кириченко является классовым врагом, неисправимым к тому же, и что его преступление предусмотрено решением ЦИК и СНК от 7 августа, приговорил:

к Кириченко Максиму Осиповичу применить высшую меру социальной защиты — расстрел.

Вынесенный приговор в переполненном зале присутствующими встречен с одобрением».

«Большевистская кочегарка», 27 сентября 1932 года.

«ПРИЕЗД АНРИ БАРБЮСА В МОСКВУ (Москва, ТАСС)

...К приходу поезда для встречи Барбюса собрались делегации московских заводов и фабрик, представители ВОКС, МОПР, советских писательских и художественно-издательских организаций...

Отвечая на приветствия, Анри Барбюс горячо благодарили за дружескую встречу... «Горю желанием,— заявил он,— увидеть собственными глазами ту огромную работу по строительству социализма, которая проделана рабочими и колхозниками СССР под руководством коммунистической партии. Ваши успехи, ваш энтузиазм воспламеняет сердца рабочих и лучших представителей интеллигенции всего мира. Вступая на землю Советов, я чувствую, что есть еще для чего жить и бороться...»

«Большевистская кочегарка», 6 октября.

«РЕЧЬ МАКСИМА ГОРЬКОГО

на торжественном собрании в Большом театре 25 сентября.

«Товарищи, отличная сила, умная, непоколебимая сила наша партия! Желаю роста ей... (ovation)».

12 ноября 1932 года. Телеграммы Голощекина:

«Немедленно провести следующие мероприятия в отношении районов — Мамлютского, Булаевского, Тонкерецкого, Ленинского, Пресновского, Сталинского, Атбасарского: прекратить завоз товаров, торговлю. Колхозы, занесенные на черную доску, лишить кредитов. Изъять органами ОГПУ контрреволюционные элементы, а в случае продолжения саботажа ставить вопрос о выселении колхозников за пределы края в северные области и заселении их поселков добросовестными колхозниками»;

«Произвести зверский нажим... ликвидировать позорное отставание в хлебозаготовках...»

* * *

Роберт Конквест в своей книге «Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом» (Лондон, 1988) пишет:

«Зимой 1931 года было признано, что грандиозные планы 1928 года по превращению Казахстана в хлебную житницу провалились. Обрабатывалась лишь 1/4 запланированных площадей, причем крайне неэффективно. Официальные документы свидетельствуют о дефиците скота, семян, инвентаря, стройматериалов. Людей переводили из колхоза в колхоз обычно в тщетной надежде, что на новом месте их удастся лучше обеспечить скотом или зерном. К февралю 1932 года около 87% всех колхозов Казахстана и 51,5% единоличных хозяйств (последние почти поголовно состояли из пастухов-кочевников) остались без скота. В 1926 году почти 80% казахского населения республики жили скотоводством; к лету 1930 года его доля понизилась до 27,4%. Однако земледелие не могло стать альтернативой животноводству, так как площадь обрабатываемых земель возросла за тот же период лишь на 17%. Эти цифры дают некоторое представление о масштабах искусственно созданной катастрофы.

Катастрофа разразилась из-за экономических и политических просчетов в узком смысле, но корни ее уходили в непонимание человеческих культур в широчайшем смысле слова. В Казахстане с предельной наглядностью проявилась поразительная механистичность и поверхностность партийного мышления...

Голод в Казахстане в эти годы был вызван искусственно, тем же способом, как и в 1921 году, то есть он возник в результате безрассудного проведения политики, продиктованной чисто идеологическими соображениями. Но в отличие от голода на Украине голод в Казахстане не был организован преднамеренно. В конце 1932 г. для оказания помощи Казахстану выделили два миллиона фунтов зерна — меньше, чем полфунта (200 г.) на человека, но больше, чем впоследствии получила Украина.

Высказывалось, однако, предположение, что увидев, как эффективно не запланированный никем казахстанский голод подавил сопротивление местного населения советской власти, Сталин воспользовался этим средством, чтобы расправиться потом с Украиной⁴.

Мне думается, английский историк ошибается, считая, что голод в Казахстане, в отличие от голода на Украине, не был организован преднамеренно. В обеих республиках коллективизация проводилась по одной схеме и прошла практически в одинаковые сроки. Более того, кочевников и полукочевников казахов еще и принудили — ударными темпами! — сделаться оседлыми. То есть Казахстану спланировали еще более жестокие испытания. Не потому ли на Украине выморили 1/5—1/6 часть населения, а в Казахстане погибла от голода 1/3, причем особенно страшно пострадало коренное население — казахи, потерявшие половину своей численности.

Что касается «эффективности» голодомора как средства подавления крестьянства, то, конечно, Сталин это прекрасно знал и до коллективизации 1929—1932 годов: «лучший ленинец» не мог не усвоить уроков своего учителя, преподанных в 1921 году.

* * *

В июле 1933 года, через пять месяцев после отбытия Голощекина в Москву, казахстанские коммунисты впервые заговорили вслух о его «ошибках». Собственно, это им позволили потому, что партийная карьера их бывшего вождя закончилась: Филиппа Исаевича назначили главным государственным арбитром при СНК СССР, дабы подсластить пиллюю «снятия с работы». Но — как заговорили? О человеческих жертвах своего политиканства — молчали.

Впрочем, подобное творилось везде. «Товарищ маузер», по указанию товарища Сталина, бдительно следил, чтобы никто не заикнулся о голоде. Банда живодеров и убийц, «державшая зону» — а зоной была вся страна, — и ее пахан требовали от своих подручных исключительно славословий, да и то с подозрением присматривались к тем, кто вроде бы недохваливал. Они приказали своим подчиненным с восторгом кричать о крупнейших успехах коллективизации, благодаря которым СССР вот-вот догонит и перегонит Соединенные Штаты и Европу, — и те, соблюдая партийную дисциплину, дружно и громко кричали...

Основной доклад на «историческом» Шестом пленуме Казкрайкома делал Ураз Исаев, вовремя отмежевавшийся от своего шефа. О небывалом в истории казахов бедствии, размеры которого он хорошо знал, председатель Совнаркома сказал так:

«У нас прошли два трудных года, некоторые поголовали, кое-кого в семье потеряли, ушли со своих насиженных мест...»⁵.

Честнее всех выступавших был Нурмухамедов, работник Госплана:

«Если вы спросите любого из нас, то мы не сможем назвать вам ни одной твердой цифры: сколько у нас людей, сколько скота, даже сколько посева».

Разумеется, совершенно точных данных не было. Но разве не имелось данных о человеческих потерях? Другое дело, их не позволено было оглашать, они находились под строжайшим секретом. Однако и отдельные примеры были достаточно красноречивы. Тот же Нурмухамедов сказал:

«Мой родной брат, 12 лет батрак, имел 1 корову, хлеба никогда не сеял, был обложен в 1930 году 5 пудами хлеба. Чтобы выплатить этот хлеб, продал корову и кое-что из домашней утвари... Таких случаев было очень много».

Аулие-Атинский район «был когда-то цветущим». В 1929 году имел 500 тысяч голов скота, в 1933-м осталось 7 тысяч.

В апреле 1932 года при организации Карагандинской области население было коллективизировано на 99 процентов. Ни у кого из колхозников не было в собственном распоряжении ни овечки.

В Восточно-Казахстанской области к 1933 году осталось 15 процентов скота от поголовья 1926 года.

В Кегенском районе от стада в миллион голов к концу коллективизации не сохранилось почти ничего.

«Гражданин Сарымбаев (Сарысуйский район) имел 4 души, 2 верблюда, 5 овец — получил на сдачу 80 овец и 4 коров. (Смех.)».

У железнодорожников Турксиба обобществляли скот, а затем передавали его мясозаготовителям. На станции Тюлькубас у работников отобрали всю домашнюю живность.

В Чубартауском районе в 1930 году было 473 тысячи голов скота, в 1933-м осталось 783 головы.

Из 330 тысяч голов скота к 1933 году в Павлодарском районе уцелело 30 тысяч. «В конце января 1932 года я увидел катастрофическое положение в аулах. Дал две телеграммы т. Голощекину: дело тяжелое, нужна помощь. Ответ: «Вы занимаетесь вопросами откочевок, а семфонды собирать не хотите?» (Розыбакиев).

В Кзыл-Ординском районе проводили (как и везде) форсированное оседание. Людей загоняли в такие «точки», где не было условий ни для развития земледелия, ни для животноводства. Летом там попросту нельзя было жить.

Чуйский район: народ, живший в радиусе 150 километров, стянули в одно место. Докладная: «В 1932 г. за три дня до посевной и во время посевной началось оседание. В место Джайсан (совершенно голое — никаких построек)... стягивали людей. Согнали в аулы подводы, а вместе с ними прислали милиционеров, которые выгнали людей из юрт, усаживали на подводы и везли. Через четыре месяца все поголовно разбежались (половина ушла в соседнюю Киргицию)».

Жана-Аркинский, Кургальджинский и другие районы были «передовыми» в хлебозаготовках — в то самое время, когда сами «переживали большие продовольственные затруднения».

Тургайский район имел в 1931 году 100 тысяч голов скота, в 1933-м — не более 4 тысяч.

«Я написал несколько докладных записок в 1930-м и 1931 годах Исаеву и Голощекину о положении с коневодством. Не стали даже выслушивать. Голощекин сказал, что он лучше меня знает обо всем этом» (Шелыхманов, Казкрайвоенком).

Что ж, Филипп Исаевич утверждал, что переход от кочевья к оседлости невозможен без жертв, и считал необходимым условием этого сокращение поголовья скота. С важным видом произносил заведомые нелепости. Как же, теоретик! Безобразия тоже нуждаются в обосновании. И Голощекин формулировал, что главное, дескать, не количество скота, а продуктивность — «чтобы каждая голова дала больше мяса, больше жиров и шерсти». Он говорил это в то время, когда скот еженедельно падал от истощения десятками тысяч.

К 1933 году в некоторых колхозах оставалось по 4—5 лошадей. Живого тягla почти не было. На посевной взяли в ярмо последних коров. Готовили к жатве серпы и косы. Кое-где взрослых в аулах и деревнях не было, и работать приходилось подросткам.

«Чувство хозяина», которое теперь, спустя шестьдесят лет, безуспешно или же с весьма небольшим толком прививают, тогда-то и отшибли у хлеборобов и скотоводов: Стране Советов нужен был коллективизированный человек, попросту раб, не имеющий ничего.

Старик, агростароста колхоза «Гигант», непонятным образом уцелевший в этом смерче, написал прошение (его зачитали на пленуме):

«Я сочувствую севу, сочувствую прополочной кампании и паровой кампании, а партия этому тоже сочувствует, поэтому прошу меня записать в сочувствующие партии».

Выпрашивал возможность работать на земле...

Попутно на Шестом «историческом» пленуме раздавались и другие речи.

Тов. Крист (уполномоченный СНК, комитет заготовок) заявил:

«Когда мы начинали применять репрессии в прошлом году? Уже в конце кампаний — хлеб к этому времени уже уходил (отсюда и недостаточность массовых репрессий).

Отличие новой хлебозаготовительной кампании... — при строгом сочетании организационно-массовой работы с законными методами государственного принуждения мы будем применять штрафы за невыполнение заданий по истечении первого же месяца хлебозаготовок».

Уже и отбирать-то было нечего, и народу в аулах и деревнях почти не осталось, а этот деятель все думал, как лучше наказывать и когда лучше проводить «закон-

ные» репрессии. «Положительным опытом» государственного принуждения делился...

Другой делегат пленума, Тулепов, «выходил с предложением»:

«В коммуне «Красный Восток» Энбекши-Казахского района коммунары поймали на полях единоличницу Есютину, которая срезала колосья. Женщину предали судебным органам. Но милиция ее освободила. Есютина дочь кулака, муж ее и братья расстреляны за участие в бандах. Мы имеем явного классового врага, который на деле подрывает наше колхозное производство. Мы не наносим достаточно решительного удара классовому врагу».

О бывшем первом секретаре говорили осторожно, с опаской.

«Мы слишком доверились авторитету тов. Голощекина... Тулепов на каждом заседании бюро восхвалял тов. Голощекина, говорил о его безукоризненном марксизме-ленинизме и т. д.» (Яндульский).

«Как же можно было выступать против авторитета Голощекина?» (Беккер).

Разумеется, не забывали и о самокритике.

«Было бы смешно думать, что мы не знали, что животноводческое хозяйство идет вниз, что оно движется с катастрофической быстротой. Это мы знали, но у нас, как у меня, так и у других товарищ из руководства, не хватило большого мужества поднять голос и указать на это... Боязнь ярлычков» (Дж. Садвокасов, член бюро Крайкома).

Измухан Курамысов и в покаянии повеселил публику:

«Я заслуживаю больше упреков (чем Исаев), ибо моя роль была специфической ролью популяризатора линии старого руководства. Больше всех, активнее всех, чаще всех и неправильнее всех именно яставил эти вопросы (смех)».

Пленум признал, что главными причинами разрухи были не «вредители», не «классовые враги», а «ошибки и извращения» политики партии. Будто бы не политика партии вела к этим «ошибкам и извращениям» (которых-то, по сути, и не было, поскольку в глазах обманывающего всегда народа, ну, и для «низовых» работников «линия партии», как и ее провозгласители, возносились на

сакральную высоту, где как бы и не могло существовать никаких ошибок).

Делегаты пленума славили ЦК ВКП(б), который своим решением от 17 сентября 1932 года «решительно исправил неверную политику Крайкома и наметил правильный путь развития животноводства».

ЦК ВКП(б) «решительно исправил» эту политику почему-то лишь тогда, когда скот был почти полностью уничтожен, а народ повымер и разбежался. Каганович, олицетворявший ЦК в специальной комиссии по Казахстану, решил, что теперь-то (когда ничего не осталось) можно позволить колхозникам зерновых районов держать по 2—3 коровы, 10—20 баранов, 10—20 свиней и поросят, а в скотоводческих районах — до 100 овец, 8—10 коров, 3—5 верблюдов, 8—10 табунных лошадей. Почему же раньше не дозволили этого, когда и люди были живы и скот цел?!

Комментарий к стенографическому отчету Шестого пленума написан в духе времени. Вновь говорится о гигантских успехах, о том, что последствия перегибов полностью ликвидированы, что сотни тысяч бывших откочевников теперь хозяйственно устроены и об откочевках остались лишь тяжелые воспоминания. И что животноводство Казахстана уже «невиданными темпами идет на подъем»...

Снова обманывали себя громкими фразами...

* * *

Мекемтас Мырзахметов вспоминал:

— Весной 1933 года семенное зерно не доверяли сеять людям. Они бы просто-напросто съели его. В тот год над полями летали самолеты — с воздуха засевали хлеб. В том месте, где самолет разворачивался и зерна падали на межу, как куры, копошились в земле голодающие. Множество людей...

* * *

Линия партии, намеченная теоретиками коммунизма и прочерченная его практиками, оставляла непонятный, сложный след в душах самих большевиков. Разные были души, разный и след...

Помню, я читал толстую рукопись воспоминаний бывшего гэпэушника, присланную в печать для публи-

кации. Ветеран, доживавший свой век в курортном городке Северного Кавказа, вспоминал, как в далекой тревожной молодости, овеянной романтикой социалистического строительства на благо всего нашего народа, караулил с оружием в руках «врагов народа» — спецпереселенцев в карагандинской степи. Смутная неудовлетворенность томила душу ветерана «органов»: народу, ради которого он служил, был неизвестен его подвиг. А ведь приходилось рисковать... Огромная толпа людей, настроенных враждебно, стояла перед ним, комендантом, а конвоиров было так мало... И слышались порой из этой угрюмой толпы враждебные выкрики, находились еще недовольные... Словом, постоянно, и ночью и днем, приходилось держать руку на открытой кобуре. И выискивать, кропотливо дознаваться, кто там из толпы выкрикивал, выражая недовольство. Вызывать этих недовольных к себе в комендатуру, проводить расследование, допросы, очные ставки. Оформлять дела... Конечно,увозили их потом, осужденных за выкрики, по лагерям, но все равно на душе было тревожно. Опасными, непростыми были эти два или три года командировок-спецзадания в карагандинской степи, и не велено было никому рассказывать об этом. Но теперь-то (воспоминания были писаны в конце семидесятых), наверное, можно уже поведать молодежи о том секретном поручении. Пусть узнает, как служили чекисты, пусть воспитывается...

А вот другой ветеран вспоминает свою молодость перед экраном киноаппарата (привожу синхронную запись текста):

«В то время мы, комсомольцы, день и ночь дежурили. Сидим в штабе и вызываем людей: в 11 вечера вызываем, и в 2 ночи, и в 5 утра. Держим у себя, пока не дойдут до изнеможения. Обессилят они — и отдают свой запрятанный хлеб: кто полпуда, кто пуд. Вот до чего мы тогда дошли...»

Письмо в обком партии, из архива:

«Работать здесь больше нельзя. Все недовольные поднимают головы, готовы нас разорвать. Они считают, что мы виноваты в том, что оставляем их без хлеба. Вечером опасно ходить. Нас отправили без всякого оружия.

Экономическое положение в деревне очень тяжелое. Был неурожай. Многие уехали в хлебные места...

Что касается наших незаконных действий, мы мало в чем виноваты. Работа крайне трудная. Со слабым ха-

рактером и мягкотелостью ничего не сделаешь. И садиться под арест за невыполнение плана не хочется.

Разрешите мне выехать в Петропавловск! У меня остался маленький ребенок, брошенный под чужой присмотр. Много раз без меня хворал. Жить без него больше не могу...

Лебедева».

И еще об одном исполнителе, рангом куда как выше предыдущих — из второго, так сказать, ряда вождей. Тураг Рыскулов, заместитель председателя Совнаркома РСФСР... Поразительная судьба!

В декабре 1929 года комиссия ЦК ВКП(б) готовила решение о коллективизации. Многие члены ЦК тогда возражали против высоких темпов обобществления. Сталин резко раскритиковал проект решения. Он потребовал ускорения колхозного строительства, потребовал исключить указания о степени обобществления скота и инвентаря и т. д. «В окончательном варианте постановления,— пишет Р. Медведев, — были значительно сокращены сроки коллективизации для Северного Кавказа и Средней Волги, исключены установки о порядке обобществления средств производства, скота, о сохранении у крестьян мелкого скота, инвентаря, птицы. Были исключены также положения о методах ликвидации кулачества и об использовании кулаков в колхозах, если они будут подчиняться и добровольно выполнять все обязанности членов колхозов. Постановление ориентировало закончить коллективизацию в основных зерновых районах к осени 1930 года или к весне 1931 года, а в остальных районах — к осени 1931 года или к весне 1932 года»⁶.

Единственным, кто «перелевачил» Сталина, был член комиссии Политбюро по вопросам сплошной коллективизации, заместитель председателя СНК РСФСР Тураг Рыскулов.

Приведу выдержку из журнала «Вопросы истории КПСС»:

«3 января 1930 года заместитель председателя Совнаркома, член комиссии Т. Р. Рыскулов направил в Политбюро записку с поправками к проекту постановления о темпах коллективизации. Рыскулов предлагал, во-первых, усилить темп коллективизации в районах технических культур и скотоводства; во-вторых, исключить из проекта постановления начало третьего пункта, где говорилось, что в районах сплошной коллективизации

основную массу членов колхозов будут составлять середняцкие слои (это мотивировалось тем, что такая формулировка дает неправильную классовую ориентировку, поскольку, по мнению Рыскулова, доминирующую роль в колхозах будут играть не середняки, а бедняки и мало-мощные середняки, а так как они стоят за полное обобществление, то должны диктовать свою волю середняцкой массе); в-третьих, исключить из проекта комиссии положение, в котором говорилось, что при вступлении в колхоз крестьянину разрешается сохранить мелкий скот, мелкий инвентарь и корову, а вместо этого дать «категорическое указание» об обобществлении «вне всяких ограничений»; в-четвертых, увеличить процент отчисления в неделимый фонд до размеров, приближающихся к 50 процентам, всей суммы обобществленных средств колхозников, и исключить из проекта положение, согласно которому за колхозниками сохраняется право выхода из колхоза.

Поправки Рыскулова отодвигали принцип добровольности на второй план и клади в основу организации коллективных хозяйств давление на крестьянские массы. В своей записке Рыскулов подчеркивал, что комиссия хочет «революционный характер колхоза подменить сугубой добровольностью». По существу, поправки Рыскулова шли в том же направлении, что и первоначальные замечания Сталина, и имели своей целью форсировать искусственными мерами объективный процесс перехода крестьянских масс на путь коллективизации.

Одновременно с реализацией поправок Сталина и Рыскулова из проекта было исключено положение, запрещавшее партийным органам и исполкомам объявлять районы со слабым колхозным движением районами сплошной коллективизации... При окончательном редактировании проекта постановления из него было исключено еще одно важное положение — о роли Советов в колхозном строительстве⁷.

Через два дня, 5 января 1930 года, постановление было принято.

Неужели Рыскулов не понимал, какие чудовищные вихри насыпает он, вместе со Сталиным и компанией, на страну? Неужели не сознавал, что этот ураган в однажды долетит и до казахских степей? Конечно, понимал и сознавал. Что заставило его, хорошо знавшего, по крайней мере, условия жизни казахов — кочевников и

полукочевников, пойти на этот поступок? (Вспомним, что еще четыре года назад, в январе 1926 года, он писал в «Советской степи»: «Кто установил и на каком основании, что казахский народ должен перейти и перейдет в оседлое земледельческое состояние? Тенденция развития в эту сторону будет, но завершится в далеком будущем...»). Хотел показаться «больше коммунистом, чем казахом»?..

Возможно, не обошлось без давления Сталина. Кстати, и непосредственный начальник Рыскулова — председатель СНК РСФСР С. И. Сырцов (один из главных исполнителей геноцида донских казаков в 1919 году) тоже требовал «усилить колхозное движение» в районах животноводства. Не исключено, что Сырцов, выполняя указания вождя, вынудил Рыскулова подать записку в Политбюро. Не случайно уже через два дня постановление о коллективизации было принято — в жесткой сталинской редакции, открывающей дорогу невиданному в истории насилию и произволу.

Десять лет назад Рыскулов спасал в Туркестане своих земляков, погибающих от голода — следствия большевистской политики, — теперь сам участвовал в разработке еще более страшного бедствия, более того, и осуществлял его (в Нижнем Поволжье).

Большевистское, преступное начало победило в нем природную человечность, но душа болела за свой обездоленный народ (по свидетельству его покойной жены, Азизы Тубековны, Рыскулов глубоко переживал свой поступок).

Вслед за Северным Кавказом, Украиной, Поволжьем, Уралом голодуха обрушилась и на Казахстан. В конце 1930 года Рыскулов пытался каким-то образом смягчить удар, нанесенный казахам первой волной коллективизации, напечатав в «Советской степи» статью «Внимание скотоводству в кочевых и полукочевых районах». Однако эта робкая попытка поправить положение уже ничего не решала и к тому же была резко раскритикована голо-щекинскими кадрами.

Позднее Рыскулов нашел в себе мужество и трижды писал Сталину, пытаясь облегчить для казахов гибельную мощь разрушения. Его письма относятся к концу 1932-го и последнее — к началу 1933 года, когда голод уже унес наибольшую часть жертв.

Третье письмо, написанное 9 марта 1933 года, самое

подробное. Наиболее сильное впечатление производят первые страницы...

«Москва, Кремль, ЦК ВКП(б),
т. Сталину.

Копия: сельхозотдел ЦК ВКП(б),
т. Кагановичу,
СНК СССР, т. Молотову

Откочевки казахов из одного района в другой, из пределов Казахстана, начавшиеся в конце 1931 года, с возрастанием к весне и возвращением части откочевников (благодаря принятым мерам) летом 1932 года, вновь теперь усиливаются. Смертность на почве голода и эпидемий в ряде казахских районов и среди откочевников принимает сейчас такие размеры, что нужно срочное вмешательство центральных органов. Такого положения, которое создалось сейчас в Казахстане в отношении определенной части казахского населения, ни в каком другом крае или республике нет. Откочевники разносят с собой эпидемии в соседние края и по линии Ташкентской, Сибирской и Златоустинской железной дороги. Частичные мероприятия, намечаемые в советском порядке (в частности, по линии СНК РСФСР), не разрешают вопроса. Помощь, оказанная своевременно постановлением ЦК отпуском продовольствия, в значительной части не достигла цели... Ввиду большого значения этого вопроса прошу Вас ознакомиться с этой запиской и вмешаться в это дело и тем спасти жизнь многих людей, обретенных на голодную смерть.

По последним приблизительным данным, полученным с мест, прикочевавших в соседние с Казахстаном края имеется сейчас казахов: в Средней Волге — 40 тысяч человек, Киргизии — 100 тысяч, в Западной Сибири — 50 тысяч, Каракалпакии — 20 тысяч, Средней Азии — 30 тысяч человек. Откочевники попали даже в такие отдаленные места, как Калмыкия, Таджикистан, Северный край и др. Часть населения во главе с баями откочевала в Западный Китай. Подобное явление откочевок казахов происходит впервые в Казахстане. Это не просто кочевание, которое обычно происходит летом на небольшое расстояние и при наличии скота, а в значительной части бегство голодных людей в поисках пропитания. Откочевки по отдельным районам доходят до 40—50 процентов всего количества населения районов. Боль-

шинство откочевников не устроено на работу и переживают тяжелое положение, а устроившихся в предприятиях, совхозах и МТС казрабочих начали сейчас сокращать, причем общее сокращение по этим предприятиям часто целиком проводится за счет казахов, если таковые там работают (в частности, несколькими десятками сейчас казахи стали прибывать на московские вокзалы с лесных и иных работ, где их сократили). Самый процесс откочевок сопровождается ослаблением оставшегося на месте колхоза, расхищением оставшегося имущества откочевников и распродажей юрт (часто единственного жилья), расходованием и падежом скота, у кого есть, в пути и распродажей остатков имущества.

Но самым отрицательным результатом этих откочевок и расшатывания казахских хозяйств является голод и эпидемии среди казахов, они теперь вновь принимают угрожающие размеры. В прошлую весну в казахских районах среди откочевников наблюдалась большая смертность на почве голода и эпидемий. Это явление вновь усиливается сейчас, с приближением весны. Вот ряд фактов, взятых из материалов с мест и относящихся к последнему времени. Приехавшие от нескольких краев представители для участия в рабочих комиссиях СНК РСФСР сообщают следующие факты: т. Илларионов (от Средне-Волжского крайисполкома) говорит, что в Соль-Илецком и Орском районах среди откочевников умирает ежедневно 5—10 человек, т. Алагызов (от Западно-Сибирского исполкома) сообщает, что по одним станциям Сибирской ж. д. скопилось 10 тысяч казахов, среди которых много больных эпидемическими заболеваниями и значительная смертность; на кирпичном заводе Севстройпути работало 84 казахских рабочих, потом их уволили, 14 человек умерло с голоду, за что привлечены к ответственности виновники; т. Турганбаев (зам. председателя Киргизского ЦИКа) сообщает, что в г. Фрунзе и окрестностях до 10 тысяч казахов (о чем писал в ЦК ВКП(б) и Киробком), и ежедневно умирают 15—20 человек (особенно дети).

Не лучше обстоит дело с кочеванием внутри самого Казахстана. По многим городам: Аулие-Ата, Чимкент, Семипалатинск, Қзыл-Орда и др. (и станциям ж. д.) ежедневно вывозят трупы умерших казахов. В Чуйском районе (по сообщению уполномоченного тов. Джандосова), в райцентре селе Ново-Троицком ежедневно умирает 10—

12 человек казахов, и 50 процентов коммунистов также ушло из района. В Сары-Суйском районе из имевшихся 7000 хозяйств осталось только 500, а остальные откочевали в Аулие-Атинский и др. районы и часть даже попала в Киргизию. В ноябре на большое расстояние двинулось несколько сот казахов из этого района с семьями. По дороге часть населения погибла. На вторую пятидневку января подобрали 24 трупа. По дороге напали на них вооруженные бандиты. Женщины бросали детей в воду. В г. Аулие-Ата 5—6 января по чайханам подобрали замерзшие трупы 20 детей, а в это же время умерло 84 человека взрослых. В постановлении Актюбинского обкома от 16 октября 1932 года указывается, что на ж. д. станции Джусалы из прибывших до 300—400 семейств возвращенцев-откочевников до 150 казахов (в том числе 21 человек от натуральной оспы благодаря неоказанию помощи) умерло, и имело место на станции избиение казахов. В указанном постановлении констатируется, что районные организации «проявили безразлично-безучастное отношение к массовой смерти казахов». Событие произошло еще в конце июля месяца, а постановление обкома состоялось в октябре месяце. В докладе московского отряда Красного Креста, работающего сейчас в Актюбинской области, сообщается, что казахи в таких районах, как Тургайский, охвачены голодом и эпидемией. Голодные пытаются отбросами, поедают корешки диких растений, мелких грызунов. Собаки и кошки этой группы съедены полностью, и кучи мусора вокруг их шалашей полны вываренных костей собак и мелких грызунов... Передают о случаях трупоедства. В этом же сообщении отряда указывается, что в одном районном центре Тургая, где 2500 человек населения, болело оспой 728 человек, при высокой смертности. В то время, когда по центру района работало 12 оспопрививателей, в аулах района с населением 25 тысяч человек работало всего 2 оспопрививателя. Актюбинский областной центр не знал об эпидемии оспы в Тургайском районе. А казахский Наркомздрав вовсе не охватывает учетом такие районы, вследствие чего получается, что на то время по краю числилось заболевших оспой 2400 человек.

По данным местных органов, в Тургайском и Батпаккаринском районах вымерло 20—30 процентов населения и большая часть остального населения откочевала. В Челкарском районе в ряде аулсоветов вымерло 30—35

процентов населения. В целом по Актюбинской области (куда относятся эти районы) председатель облисполкома тов. Иванов сообщил в докладе на областном съезде Советов (июль 1932 года), что в области в 1930 г. было населения 1 012 500 человек, а в 1932 г. осталось 725 000 человек, или 71 процент. По свидетельству председателя Кзыл-Ординского райисполкома, в этом районе по большинству аулсоветов осталось 15—20 процентов населения. В Балхашском районе (по данным местного ОГПУ) было населения 60 тысяч, откочевало 12 тысяч человек, умерло 36 тысяч человек и осталось 12 тысяч человек казахов. В Карагандинском районе в прошлую зиму во время насильственного переселения на оседание трех казахских аулов в другое место погибла половина населения. В том же районе (по свидетельству местного ОГПУ) за декабрь и десять дней января 1933 года умерло 569 человек от голода, подобрано за это же время на станции Уштобе, площадке Карагандинстроя и рисосовхозе больше 300 трупов. В Чубартавском районе в 1931 г. было 5300 хозяйств, а на 1 января 1933 г. осталось 1941 хозяйство. В Каркаралинском районе в мае 1932 г. было 50 400 человек, а к ноябрю месяцу осталось 15 900 человек, а в райцентре ежедневно умирало 15—20 человек (из сведений крайисполкома). В Караганде в прошлую весну умерло около 1500 человек казахов, среди них — рабочие-казахи от голода и эпидемий. В г. Сергиополе (Турксиб) за январь месяц умерло около 300 человек казахов. Все вышеприведенные данные взяты из официальных источников.

Таких примеров с большим или меньшим размером убыли казахского населения можно встретить и по ряду других казахских районов. Особенno значительна убыль среди детского населения. Многие откочевники бросают детей на произвол судьбы. Прибывшие в другие края откочевники мало приносят с собой детей. Массы беспризорных детей скапливаются по городам и станциям ж. д. в Казахстане. Казашки приносят и бросают детей перед учреждениями и домами. Казахские органы еще в конце 1932 года официально сообщали о неустроенных 50 тысячах казахских беспризорных детей. Существующие детдома в Казахстане переуплотнены, и немало смертности среди детей. Так, например, в Семипалатинском районе при обследовании комиссией обнаружены были в одном детдоме в подвале разложившиеся 20 тру-

пов детей-казахов, которые вовремя не убрали из-за отсутствия транспорта. Вот выдержка из доклада того же актюбинского отряда Красного Креста о казахских детях в Тургае: «В самом жутком состоянии находятся дети. Детское население в возрасте до 4-х лет вымерло поголовно, если осталось без родителей. В детдомах и т. д. приходилось видеть детей начиная с 4-х лет, более молодой возраст только при родителях, да и то крайне истощены. Население детдомов поголовно охвачено поносами. Обычно в детдоме с населением 100—150 человек умирает 1—2, а то и 3 ребенка, число которых немедленно пополняется за счет новых поступлений. Детдомовскому населению грозит полное вымирание. Из Караганды в декабре и начале января (то есть в самый холод) перебросили обратно в районы (откуда бежит население) 1100 беспризорных детей в порядке чистки (которая проводилась в отношении взрослых). В Қзыл-Орде в январе скопилось до 450 беспризорных детей. С одной станции Аягуз было собрано 300 детей, и там же одна казашка бросила двух своих детей под поезд, а в г. Семипалатинске казашка двух детей также бросила в прорубь».

Как помогают казахские органы возвратившимся откочевникам и голодающим? Проведя прошлым летом кампанию возвращения откочевников, казахское правительство, однако, не сумело устроить большинство этих возвращенцев, часть которых, перенеся разные лишения, опять откочевала в соседние края, а последние, надеясь, что казахские органы заберут казахов обратно, также приняли мало мер к устройству казахов у себя. Следствием пассивного отношения руководящих казахских органов к этому вопросу явились еще более бездушное и бюрократическое отношение в районах... Решением ЦК ВКП(б) от 17 сентября 1932 года был отпущен один миллион пудов хлеба для продпомощи голодающим казахам. Из разрешенных (в счет 1 млн. пудов) центром в IV квартале и в I квартале текущего года 600 тысяч пудов и остатка с 1932 года — 280 тысяч пудов хлеба казахские органы разнарядили 783 158 пудов, попало населению лишь 111 066 пудов, или 15 процентов (и то, видимо, не полностью). Большая часть предназначенного голодающим хлеба расхищается районными центрами и разными учреждениями и частью сдавали обратно в счет хлебозаготовок. Эти преступления обнаружены: в Кувском, Каркаралинском, Чуйском, Тургайском районах, и

виновники привлекаются к ответственности. Вот решение Казкрайкома ВКП(б) от 4 января 1933 года по Карагандинскому району: «Ознакомившись с материалами по использованию продовольственной помощи, отпущенной для нуждающихся казахских хозяйств, объединенное заседание крайкома и крайKK устанавливает, что: а) районные организации не смогли представить точных данных, подтверждающих использование по прямому назначению отпущенной продпомощи в размере 6 500 центнеров весной 1932 года для нуждающихся казахских хозяйств; б) из отпущенной продпомощи районной организацией 2 811 центнеров было перечислено в план хлебозаготовок вместо того, чтобы этот фонд использовать по прямому назначению. Отпущенные откочевникам в районе промтовары лежат в райпотребсоюзе с июля по 15 января 1933 г. Выше сообщалось о смертности в Карагандинском районе.

Вообще, краевые органы не могут до сих пор получить от большинства районов данные об израсходовании отпущенного голодающим хлеба и других средств. В Чубартауском районе из от放出ных району государством 2 770 пудов хлеба в порядке продпомощи получено населением лишь 943 пуда, из них 10,5 пудов распределены райработникам в счет пайков, а 46 пудов раздано райработникам сверх нормы. По официальным данным, из означенного хлеба бедноте досталось лишь 11 пудов, остальные разбазарены, распределены среди баев, аткаминеров. Никаких расписок и раздаточных списков на это не существует. В Кургальджинском районе при переброске из Акмолинска 3000 пудов продпомощи дошло до места только 300 пудов, и в последнее время расхищено 117 центнеров хлеба, предназначенного голодающим...

В Западно-Казахстанской области, по договоренности между Таловским и Урдинским районами, около 40 хозяйств перекочевало в Таловский район, но там обещанной помощи не оказали, земли не дали, и казахи израсходовались и по снегу возвратились обратно. Органы Киргизской АССР сообщают, что недавно по согласованию с уполномоченным казахского правительства направлено было 500 детей в Алма-Ату, но там их не приняли. Несколько детей умерли, а остальных пришлось везти обратно в г. Фрунзе.

Таких фактов немало можно привести и по другим районам. Несмотря на усиление опять откочевок и раз-

вивающейся эпидемии, казахские органы, видимо, бессильны приостановить дальнейшие откочевки, борясь с эпидемиями и оказать действительную помощь голодающим. Казкрайком в последнее время энергично борется за это дело и привлек к ответственности целый ряд виновников, но, пока раскачиваются места, пройдет время. Многие учреждения в областях и районах настолько свыклись с этим явлением, что проявляют подчас полное равнодушие. Вот характеристика отношения местных органов к вопросам борьбы с эпидемией, сообщаемая тем же актюбинским отрядом Красного Креста с места: «Тут не только нет содействия, но в некоторых районах (Батпаккаринский, Саксаульский, Тургайский) райздрав, инспектора возражали против развертывания оспопрививания... несмотря на наличие большого числа заболеваний оспой, мотивы возражения: «Сами справимся, не сейчас, так позднее, работа не убежит». Республиканский райздравотдел также интереса к работе в Актюбинской области не проявляет...»

Все это не случайно, а является следствием определено проводившейся прежним руководством крайкома линии; запрещено было где-либо (даже в самой Алмате, где на улицах убирали трупы казахов) говорить официально, что есть голод и смертельные случаи на этой почве. Мало того, местные работники не смели говорить о том, что есть сокращение скота. Представители Казахстана, приезжая в Москву, в центральных советских органах ни разу не ставили официально вопроса о том положении, которое существует в Казахстане. Мало того, старались давать иное объяснение причинам откочевок. Тов. Голощекин в своей статье «Еще раз о путях развития животноводства и об оппортунистах на этом фронте» (напечатанной в журнале «Народное хозяйство Казахстана», №№ 8—9, 1932), давая отпор Торегожину и другим на их утверждение о сокращении скота, дает следующее положительное объяснение откочевкам: «Казах, который никогда не выезжал из своего аула, не знал путей своего кочевания, теперь с легкостью переходит из района в район внутри Казахстана, включается в русские, украинские колхозы, переходит на работу, на хозяйственное строительство Поволжья, Сибири...» Эта теория, естественно, была подхвачена и другими, но мы из вышеприведенного видим, к каким результатам приводят подобные откочевки.

Но с таким положением в дальнейшем нельзя примириться. Когда вся страна добилась величайших успехов в области социалистического строительства и невиданного культурного роста во всех республиках и краях и имеется успех в общем советском строительстве в целом самого Казахстана, нельзя дальше сохранять то положение, которое создалось в Казахстане в отношении большей части коренного населения. Советский Союз настолько окреп, что в силах оказать помощь и в кратчайшие сроки изжить это явление. Необходимо не только оказать быструю помощь голодающим казахам и повести работу с эпидемиями, но нужно развернутым фронтом взяться за проведение мероприятий, устраниющих коренные причины этого явления...

Важнее всего... что в течение 1932 года продолжалось дальнейшее сокращение скота в Казахстане, тогда как в остальных районах СССР оно приостановилось... Особенное большое сокращение произошло за год лошадей и верблюдов... Также имеется большое сокращение рабочего скота в совхозах... Причины такой бесхозяйственности—орудуют во многих из этих совхозов вредители и байство при попустительстве местных областных и районных органов.

Благосостояние большинства казахского населения на три четверти базируется на скотоводстве... Так как у казахского населения осталось менее 6 процентов скота, имевшегося у него в 1929 году, то понятны и результаты такого подрыва хозяйства казахов... Все эти обстоятельства объясняют причину того, что происходит сейчас среди казахского населения. Ведь еще бывшее переселенческое управление при царском строем, занимавшееся изъятием у казахов земель, считало, что кочевому хозяйству, чтобы сводить концы с концами, для существования одной семьи минимум нужно 30 голов скота...

Сокращение скота и откочевки казахов произошли в основном из-за допущенных огромнейших перегибов на местах с грубым нарушением целого ряда директив партии по колхозному строительству...»

Рыскулов предлагал срочно трудоустроить откочевников, оказать немедленную помощь голодающим, причем 400 тысяч пудов хлеба выдать уже в марте, постро-

ить жилье тем, кто переходит на оседлость, закупить для разрушенных хозяйств скот...

Наверное, многим нуждающимся людям смог он помочь своими письмами. Только не тем, кто был уже мертв...

* * *

Наша новейшая история порой кажется каким-то чудовищным сном, фантасмагорией. Нигде еще на земле так не обесценивалась человеческая жизнь, никогда еще не лились такие потоки крови.

(Сон разума действительно рождает чудовищ, ведь разум, согласно Писанию, — познание Святого.)

Как могло произойти, что еще до 1941 года, за каких-нибудь два с небольшим десятка лет после «Великого Октября», население бывшей «тюрьмы народов», получившей большевистскую свободу, было выстреляно, выморено — на третью?

Впрочем, ведь для кого-то эта завалившая империя (стремительно расцветающая и крепнущая держава!) была лишь горючим материалом, годящимся разве что на растопку — растопку мировой революции.

Страна — горючий материал, народ — человеческий материал. Материалисты...

Как могло?..

Можно искать причины в разном. В расовых и религиозных войнах, в переделке — перестройке мирового порядка тайными и явными силами. Но не в том ли первопричина, что Бог попустил свершиться этому? Поэтому что народ забыл о Боге, предал Помазанника Божия...

И налетела эта нечисть. Запела: «Мы все сожжем, мы все разрушим, мы все с лица земли сотрем, мы солнце старое потушим, мы солнце новое зажжем». И сделала это гимном страны. Принялась создавать «советского человека» из человеческой массы «проклятого прошлого». А как создавать? Понятно, как. Уничтожая всех лучших, что составляли духовную и физическую основу и крепь этого проклятого нечистью тысячетенного прошлого. И во мраке бойни и лепки из «сырого человеческого материала» зажгла для «нового» человека «новое» солнце. Вместо Света Божия — лампочку Ильича.

Как там по его учению? Социализм есть учет?..

Это Бог всех до единого помнит, а тут... По различным подсчетам, население Советского Союза за 35 послеоктябрьских лет (до смерти Сталина) уменьшилось на 70—90 миллионов человек. Столько, а может, и больше, убито в войнах, расстреляно в «мирные» годы, истреблено голодом, болезнями, замучено в лагерях. Точного учета, разумеется, нет. Количество жертв измеряется с приблизительностью плюс-минус десять, если не больше, миллионов...

От 10 до 20 миллионов людей погибли с голоду в коллективизацию. Наибольшее число жертв приходится на главные зерновые и животноводческие районы—Россию, Дон, Северный Кавказ, Поволжье, Украину, Казахстан. Голодом морили — кормильцев страны.

Для восполнения человеческих потерь, понесенных за все время коллективизации, стране потребовалось 5 лет. Если вспомнить, что для восстановления численности населения после Великой Отечественной войны понадобилось 9 лет (а число жертв войны составило, по последним данным, от 25 до 46 миллионов), то становится понятным, какие беды принесла принудительная коллективизация.

Никто не знает в точности, сколько людей погибло в Казахстане от голода 1931—1933 годов, да и невозможно это установить. С. Конквест считает, что жертв было около двух миллионов. Ж. Абылхожин и М. Татимов пишут, что «прямые потери» составили 1 миллион 700 тысяч человек⁸. Б. Тулепбаев и В. Осипов заключают, что голод унес 1 миллион 50 тысяч — 1 миллион 100 тысяч жизней казахов и 200—250 тысяч казахстанцев других национальностей.

Достаточно лишь взглянуть на материалы переписи населения в различные годы (помня, что в 20—30-е годы укрывали людей — от налогообложения, а официальная статистика выполняла подручные партии большевиков работы). И что же? Лишь в 70-х годах коренное население республики восстановило свою былую численность...

Но дело не только в том, сколько погибло людей. Столько погибло в человеке...

XIX

4 октября 1933 года, в годовщину Казахстана, землячество казахов-студентов, обучающихся в Москве, пригласило к себе в гости находившихся в столице Мир-

зояна (он сменил Голощекина) и Ураза Исаева (председателя правительства). Попросили выступить. Мирзоян отказался, сославшись на болезнь и на то, что он в Казахстане человек пока новый. Ураз Исаев согласился.

Сразу же после речи на него накинулись с вопросами. Больше всего спрашивали о том, что же творится в крае, отчего люди бедствуют. И наконец кто-то воскликнул:

— Почему казахи умирают с голода?

Ураз Исаев покраснел и вдруг заорал:

— Это спрашивал байский сын!

Поднялся юноша, взглянул ему в глаза.

— Я сам из Аягуза. Летом собрался на каникулы в аул. Дал телеграмму. Приехал — на станции никто не встречает. Пошел домой пешком. Добрался до аула: пусто! Все юрты на месте, все добро цело, а людей нет. Никого. Пошел побродить в степь. И неожиданно прямо за аулом, в овраге, увидел трупы. Все они там лежали — и мои родители, и родичи, и земляки. Полный ров, весь аул...

* * *

...Неподалеку от Кустаная Габиту Мусрепову встретился по дороге один из многих опустевших городков, составленных из юрт. У этого странного на вид поселения были свои улицы и на каждой юрте свой номер. Все, как в городе. Висели таблички: улица имени Курамысова, имени Ерназарова, имени Исаева, имени Рошаля... Каждая улица называлась именем какого-нибудь казахстанского вождька. А сам городок назывался именем товарища Голощекина.

Людей в нем не было: вымерли.

* * *

Живуче крапивное семя, даже со времен колLECTIVизации сохранилось. В Кустанайской области до последнего времени* была станция Голощекино. Зацепился-таки Филипп Исаевич своим именем. Как раз там, где больше всего людей он уморил до смерти.

* * *

Степняки называли его: Ку Жак. В переводе это: Голые Щеки. Голое рыло...

* До 1991 года.

Перед войной он был арестован. Довольно долгое время шло следствие, по неясным причинам оставшееся незаконченным. 28 октября 1941 года Голощекина расстреляли, по указанию Берии, у поселка Барбыш Куйбышевской области. Вместе с ним — и других большевиков, обвинив всех в шпионаже в пользу международного империализма. Убрали ли его свои по жестоким законам уголовного мира, заметая следы деятельности этой до сих пор тщательно скрываемой от Божьего света политической фигуры, подлинное значение которой только начинает проступать? Гадина ли пожрала гадину?..

В «Исторической энциклопедии» написано: «Незаконно репрессирован в период культа личности Сталина. Реабилитирован посмертно».

Жертва. А о том, что палач, — ни слова. Не пишут об этом в наших энциклопедиях.

Сколько этих реабилитированных, а то и вовсе не осужденных ни за что палачей! Лишь с народа — с миллионов самых честных и справедливых, с кормильцев страны, ее воинов-защитников и духовных вождей — не торопились снимать позорные ярлыки, навешенные палачами.

В маленькой районной газете Актюбинской области, в день поминовения жертв голода 30-х годов, отмечаемый впервые (дело было в июне 1992 года), есть стихотворение Бахытгеря Амангельдина — вот дословный перевод одной из строф:

Эй, в аду кричи, Голощекин!
Заставивший человека есть человечину...
Черноликий ненасытный бес...
Будь же ты проклят во веки веков!

XX

Забытая Богом безлюдная степь встает перед глазами, предосенняя, ясная степь в сиянии высоких небес, которую люди покинули не по своей воле, покинули не выжив, не оставив потомства, ушли без следа — и умолкли навеки где-то далеко, в тех страшных годах. Но разве не слышен окрест голос невинной крови, замершей до срока в остывающих жилах тысяч и тысяч жертв?..

Есть народная казахская сказка о Ер-Тостике —

юном батыре, родившемся у старика Ерназара и его старухи в голодную пору.

Случился в степи большой джут, и люди откочевали в другие края. Вместе со всеми ушли восемь сыновей Ерназара. А сам он и жена остались дома с годовым запасом пищи, надеясь переждать бедствие.

Прошел год, еда кончилась. Однажды старуха открыла тундик*, и Ерназар увидел на перекладинах свода юрты вяленую лошадиную грудинку — тостик.

Сварили они мяса, поели, окрепли, а там в положенный срок родился у них сын по имени Тостик.

Рос он быстро, через год стал настоящим батыром, которого никто не мог побороть, и стрелял лучше всех. Поедет на охоту, настреляет дичи — родители довольны. Хорошо зажили, сытно.

Как-то подстрелил Тостик чижика, отшиб ему крыло. Запрыгала птица по траве, заскочила в соседнюю юрту — охотник за ней. А там старуха пряжу прядла. Чижик перескочил через нити, а Тостик зацепил их ногой.

— Ах ты, бездельник! — рассердилась старуха. — Чем болтаться попусту, лучше бы отыскал своих братьев.

Впервые Тостик услышал, что у него есть братья. Никогда о них не говорили родители. Расспросил мать.

— Врет пустоголовая старуха. Никаких братьев у тебя нет!

Через несколько дней играл Тостик в асыки с сыном сварливой соседки. Разгорячился и по нечаянности чуть не зашиб его насмерть. Еще сильнее обозлилась старуха:

— Чтоб ты подох, окаянный! Силу ему девать некуда! Пошел бы лучше поискал кости своих пропавших братьев.

Призадумался Тостик. Опять спрашивает мать, а та молчит.

Попросил он тогда поесть. Мать отсыпала ему пшеницы и велела приготовить курмач. Тостик поджарил зерна и говорит:

— Попробуй, мать, готова ли пища?

Старуха взяла горсть горячей пшеницы, а сын схватил ее руку и сжал изо всех сил.

Взмолилась мать:

— Отпусти, сынок, горячо!

Тостик в ответ:

* Отверстие в куполе юрты.

— Расскажи всю правду о братьях, тогда отпущу.

— Хорошо, расскажу.

И когда Тостик освободил руку, мать начала:

— Было у тебя восемь братьев. В год страшного джу-
та ушли они. И не вернулись. Живы ли? Кто знает...

С этого начинается сказка о батыре, который отпра-
вился на поиски пропавших братьев.

Но в завязке-то и кроется самое главное. Ведь бога-
тырь добр, он никогда не обидит слабого, а вынужден
причинить боль собственной матери-старухе. Какие же
душевные муки нужно вынести, чтобы пойти на это!

Значит, чтобы узнать правду, надо перебороть страх
перед страданием.

Пусть будет больно. Но без правды нельзя.

Ер-Тостик это понимал...

* * *

...Что это было?

Внутри смерча летел дьявол... И выдувал: семью из
дома, жизнь из аула, душу из человека, дух из народа.

И — летит...

Господи, прости нам наши прегрешения, выведи на
путь истинный.

ЛИТЕРАТУРА

Глава II

- ¹ Казахстанская правда. 1932, 7 ноября.
- ² Советский энциклопедический словарь. М., 1987, изд. 4.
- ³ Гражданская война и военная интервенция в России. М., 1983.
- ⁴ БСЭ. Т. 7. М., 1972.
- ⁵ Советская историческая энциклопедия. М., 1963.
- ⁶ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1968. С. 197-198.
- ⁷ Цит. по: Вопросы истории КПСС. 1966, № 8.
- ⁸ Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг. М., 1969. Т. I. С. 302.
- ⁹ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967. Т. 2. С. 411.
- ¹⁰ Свердлов Я. М. Избранные произведения. Т. I. М., 1957.
- ¹¹ Цит. по: Плотников Ю. П. Я. М. Свердлов в туруханской ссылке. Красноярск, 1976. С. 20.
- ¹² Лисовский К. в туруханской ссылке. Новосибирск, 1947.
- ¹³ Плотников Ю. П. Цит. пр.
- ¹⁴ Свердлов Я. М. Цит. пр.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Новгородцева-Свердлова К. Т. Яков Михайлович Свердлов. М., 1976.
- ²¹ Там же.

Глава III

- ¹ Вопросы истории КПСС. 1966, № 8.
- ² Вопросы истории Урала. Свердловск, 1967.
- ³ Новгородцева-Свердлова К. Т. Цит. пр.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М., 1991. С. 39.
- ⁶ Городецкий Е., Шарапов Ю. Я. М. Свердлов. Свердловск, 1981.
- ⁷ Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921. С. 237.
- ⁸ Там же. С. 237.
- ⁹ Городецкий Е., Шарапов Ю. Цит. пр.
- ¹⁰ Цит. по: Непеин И. После расстрела. Уральская новь. 1988, № 11.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Соколов Н. А. Цит. пр. С. 147.
- ¹³ Там же. С. 149.
- ¹⁴ Там же. С. 58.
- ¹⁵ Огонек. 1990, № 22. С. 25.
- ¹⁶ Цит. по: Непеин И. Цит. пр.
- ¹⁷ Соколов Н. А. Цит. пр. С. 187.
- ¹⁸ Городецкий Е., Шарапов Ю. Цит. пр.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Соколов Н. А. Цит. пр. С. 241.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Цит. по: Литературная Россия. 1990, № 38.
- ²⁵ Непеин И. Цит. пр.
- ²⁶ Огонек. 1989, № 21.
- ²⁷ Литературная газета. 1989, 4 октября.
- ²⁸ Молодая гвардия. 1990, № 7.
- ²⁹ Цит. по: Непеин И. Цит. пр.
- ³⁰ Городецкий Е., Шарапов Ю. Цит. пр.
- ³¹ Там же.
- ³² Цит. по: Соколов Н. А. Цит. пр.
- ³³ Жильяр П. Цит. пр.
- ³⁴ См.: Огонек. 1990, № 22. С. 26.
- ³⁵ Цит. по: Родина. 1989, № 5. С. 89.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 191.
- ³⁸ Огонек. 1989, № 39.
- ³⁹ Цит. по: Наш современник. 1990, № 4. С. 158.
- ⁴⁰ Правда. 1927, 12 января.

⁴¹ Цит. по: *Непеин И.* Цит. пр.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ *Наш современник.* 1989, № 11. С. 166.

⁴⁵ *Огонек.* 1990, № 2. С. 26.

Глава IV

¹ *Огонек.* 1989, № 1.

² Там же.

³ *Вопросы истории КПСС.* 1958, № 2. С. 73.

⁴ *Рыскулов Т.* Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925. С. 35.

⁵ Иностранные военные интервенции и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1963. С. 90.

⁶ Цит. по: *Рыскулов Т.* Цит. пр. С. 39—40.

⁷ Там же. С. 41—42.

⁸ Там же. С. XIII предисловия.

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 58.

¹¹ Там же. С. 72.

¹² Там же. С. 77.

¹³ Там же. С. 83.

¹⁴ Там же. С. 100.

¹⁵ Там же. С. 101.

¹⁶ Цит. по: *Чокаев М.* Туркестан под властью Советов. Париж, 1935.

¹⁷ *Рыскулов Т.* Цит. пр. С. XII предисловия.

¹⁸ Цит. по: Юность. 1990, № 1. С. 83—84.

¹⁹ *Вопросы истории КПСС.* 1958, № 2. С. 76.

²⁰ Там же. С. 77.

²¹ *Ленин В. И.* Соч. Изд. 4. Т. 30. С. 117.

²² Там же. С. 134.

²³ Там же. С. 138.

²⁴ Там же. С. 139.

²⁵ Там же. С. 140.

²⁶ *Ленин В. И.* ПСС. Т. 53. С. 190.

²⁷ *Азизханов А.* Туркбюро — полномочный орган ЦК РКП(б). Ташкент, 1977. С. 41.

²⁸ Юность. 1990, № 1. С. 82.

²⁹ *Вопросы истории КПСС.* 1958, № 2. С. 81.

- ³⁰ Азизханов А. Цит. пр. С. 35.
- ³¹ Вопросы истории КПСС. 1958, № 2. С. 79.
- ³² Там же. С. 82.
- ³³ Там же. С. 84.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 435.
- ³⁶ Қзыл-Узбекистан. Ташкент, 1925, 9 апреля.
- ³⁷ Советская степь. 1925, 3 декабря.
- ³⁸ Там же. 1925, 4 декабря.
- ³⁹ Отчет Қазкрайкома РКП(б) 5-й Всеказахстанской конференции РКП(б). Қзыл-Орда, 1926.
- ⁴⁰ Советская степь. 1925, 3 декабря.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. 1925, 4 декабря.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.

Глава V

- ¹ Советская степь. 1925, 25 декабря.
- ² См.: Вопросы истории КПСС. Александров В. Н., Амиантов Ю. Н. Филипп Исаевич Голощекин. 1966, № 8.
- ³ Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алматы, 1963. С. 242.
- ⁴ Там же. С. 259.
- ⁵ Советская степь. 1928, 26 февраля.
- ⁶ Там же. 1926, 29 ноября.
- ⁷ Там же. 1926, 4 декабря.
- ⁸ Там же. 1926, 6 мая.
- ⁹ Там же. 1926, 30 ноября.
- ¹⁰ Там же. 1926, 5 мая.
- ¹¹ Советская степь. 1925, 6 декабря.
- ¹² Цит. по: Новый мир. 1988, № 5.

Глава VI

- ¹ Цит. по: Слово. 1990, № 11. С. 60.
- ² Там же. С. 62—63.
- ³ Там же. С. 60.
- ⁴ Цит. по: Наш современник. 1990, № 8.

- ⁵ Деятели СССР и революционного движения. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 372—373.
- ⁶ См.: Наш современник. 1990, № 10. С. 143.
- ⁷ Там же. С. 143.
- ⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 54. С. 265—266.
- ⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 189.
- ¹⁰ Цит. по: Наш современник. 1990, № 10. С. 142.
- ¹¹ Там же. С. 147.
- ¹² См.: Вопросы литературы. 1988, № 9. С. 185.
- ¹³ См.: интервью И. И. Минца «Правде» (1986, 4 февраля) и «Огоньку» (1987, № 1).
- ¹⁴ Генри Э. Масоны: незримая власть. Журналист. 1981, № 10. С. 68.
- ¹⁵ Аврих А. Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 342.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Яковлев Н. Н. 1 августа. М., 1974. С. 230.
- ¹⁸ Бегун В. Рассказы о «детях вдовы». Минск, 1986. С. 94.
- ¹⁹ Замойский Л. За фасадом масонского храма. М., 1990, С. 256—257.
- ²⁰ Цит. по: Замойский Л. Цит. пр. С. 259.
- ²¹ Там же. С. 260.
- ²² См.: Вопросы литературы. 1988, № 9. С. 185.
- ²³ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М., 1990.
- ²⁴ Там же. С. 11.
- ²⁵ Там же. С. 13.
- ²⁶ Цит. по: Николаевский Б. И. Цит. пр.
- ²⁷ Романенко А. З. О классовой сущности сионизма. Л., 1986. С. 221—223.
- ²⁸ Там же. С. 223—225.
- ²⁹ Селянинов А. Тайная сила масонства. С.-П., 1911. С. 102,
- ³⁰ Там же. С. 58.
- ³¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 312.
- ³² Там же. С. 311.
- ³³ Там же. С. 322—325.
- ³⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 295.
- ³⁵ Селянинов А. Цит. пр. С. 42.
- ³⁶ Там же. С. 118.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 120.
- ³⁹ Там же. С. 254, 261.

Глава VII

¹ Ланин П. Тайные пружины истории// Молодая гвардия. 1991, № 8. С. 256.

- ² Витте С. Ю. Мемуары. Берлин, 1922. Т. I. С. 394.
- ³ Цит. по: Молодая гвардия. 1989, № 12. С. 189.
- ⁴ Калаич Д. Обновление или гибель России // Литературная Россия. 1991, № 6.
- ⁵ Цит. по: Рид Д. Спор о Сионе. Иоганнесбург, 1986. С. 159.
- ⁶ Калаич Д. Цит. пр.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Молодая гвардия. 1989, № 12. С. 189.
- ⁹ Калаич Д. Цит. пр.
- ¹⁰ Молодая гвардия. 1989, № 12. С. 187.
- ¹¹ Рид Д. Цит. пр. С. 193.
- ¹² Калаич Д. Цит. пр.
- ¹³ См.: Ланин П. Цит. пр. С. 256—257.
- ¹⁴ См.: Пушкирев С. Тайный союз Ленина с Вильгельмом.
- ¹⁵ См.: Ланин П. Цит. пр. С. 257.
- ¹⁶ Там же. С. 259.
- ¹⁷ Калаич Д. Цит. пр.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Волошин М. Коктебельские берега. Симферополь, 1990. С. 224.
- ²⁰ Волошин М. Лики творчества. М., 1988. С. 205.
- ²¹ Подробнее о «храмовниках» — см. Ланин П. Тайные пружины истории // Молодая гвардия. 1991, № 7.
- ²² Волошин М. Лики творчества. М., 1988. С. 207—208.
- ²³ Рид Д. Цит. пр. С. 103.
- ²⁴ Там же. С. 93.
- ²⁵ См.: Московский литератор. 1991, № 9.

Глава VIII

- ¹ Советская степь. 1928, 24 октября.
- ² Там же. 1926, 5 мая.
- ³ Очерки истории Компартии Казахстана. Алма-Ата, 1963. С. 261.
- ⁴ Муканов С. Школа жизни. Алма-Ата, 1961. Т. 2. С. 401.
- ⁵ Там же. С. 402.
- ⁶ Там же. Т. 3. С. 171.
- ⁷ Советская степь. 1927, 20 ноября.
- ⁸ Цит. по: Молодая гвардия. 1989, № 10.
- ⁹ Советская степь. 1927, 21 ноября.
- ¹⁰ Там же. 1927, 23 ноября.
- ¹¹ Казахстанская правда. 1989, 26 января.

- ¹² Советская степь. 1926, 9 августа.
¹³ Там же. 1927, 22 ноября.
¹⁴ Там же. 1927, 25 ноября.
¹⁵ Там же. 1928, 30 мая.
¹⁶ Очерки истории Компартии Казахстана. Алма-Ата, 1963.

C. 272—273.

- ¹⁷ Советская степь. 1928, 6 сентября.
¹⁸ Там же. 1928, 23—24 октября
¹⁹ Там же. 1928, 19 октября.
²⁰ Там же. 1927, 30 мая.
²¹ Там же. 1928, 17 января.
²² Там же. 1928, 18 января.
²³ Там же. 1928, 19 декабря.
²⁴ См.: Новый мир. 1988, № 10.

Глава IX

¹ ЦГА Қаз. ССР. Ф. 82, оп. I, д. 821, св. 61, л. 47.

Глава X

- ¹ Советская степь. 1930, 18 октября.
² Муканов С. Школа жизни. Алма-Ата, 1985. Т. 2. С. 64—65.
³ Там же. С. 217, 221—222.
⁴ Там же. С. 330.
⁵ Там же. С. 356.
⁶ Там же. С. 365—368.
⁷ Там же. С. 415, 418—420.
⁸ Там же. С. 418.
⁹ См.: Очерк истории казахской советской литературы. Т. 3. Алма-Ата, 1958. С. 27.
¹⁰ Цит. по: Муканов С. Школа жизни. Т. 3. Алма-Ата, 1966. С. 180—184.
¹¹ Советская степь. 1927, 21 ноября.
¹² Цит. по: Дружба народов. 1988, № 12.
¹³ Вечерняя Алма-Ата. 1988, 28 декабря.
¹⁴ Советская степь. 1927, 21 ноября.
¹⁵ Вечерняя Алма-Ата. 1988, 28 декабря.
¹⁶ Советская степь. 1930, 18 октября.
¹⁷ Там же.

Глава XI

¹ См.: Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения. М., 1982.

² Советская степь. 1928, 25 апреля.

³ Там же. 1928, 11 июня.

⁴ Там же. 1929, 1 марта.

⁵ Там же. 1929, 16 марта.

⁶ Казахстанская правда. 1989, 14 января.

⁷ Советская степь. 1929, 22 сентября.

Глава XII

¹ Правда. 1930, 22 января.

² Цит. по: Московский церковный вестник. 1992, № 2.

³ Цит. по: Москва. 1990, № 4. С. 157.

⁴ Юность. 1989, № 10, С. 51.

⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 29. С. 158.

⁶ Там же. С. 267.

⁷ Там же. С. 287.

⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 226—227.

⁹ Там же. Т. 12. С. 145.

¹⁰ Там же. Т. 41. С. 313.

¹¹ Емелях Л. И. Критика Лениным православия. Л., 1971.
С. 27—28.

¹² Голос Вселенской. 1991. № 5.

¹³ Цит. по: Наш современник. 1990. № 4. С. 160—162.

¹⁴ Жевахов Н. Д. Цит. пр. Т. 2. С. 5.

¹⁵ См.: Вестник русского христианского движения. Париж, 1979.
№ 128.

¹⁶ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 192.

¹⁷ Цит. по: Наш современник. 1990. № 4. С. 168—169.

¹⁸ Платонов О. Путешествие в Китеж-град // Москва. 1990. № 4.
С. 159.

¹⁹ Там же. С. 166.

²⁰ Преодолевая религиозное влияние ислама. Алма-Ата, 1990.
С. 6.

²¹ Там же. С. 7.

²² Декреты Советской власти. Т. 1. С. 114.

²³ Ленин В. И. ПСС. Т. 38. С. 158—159.

²⁴ Преодолевая религиозное влияние ислама. Алма-Ата, 1990.
С. 33.

²⁵ Там же. С. 37.

²⁶ Джетысуйская искра. 1928, 24 декабря.

²⁷ Преодолевая религиозное влияние ислама. Алма-Ата, 1990.

С. 192—193.

²⁸ Там же. С. 194.

²⁹ Там же. С. 206.

³⁰ Партархив ЦК КП Казахстана. Ф. 141, оп. 1, д. 2948, л. 9.

Глава XIII

¹ П. И. Негретов. В. Г. Короленко. М., 1990. С. 255.

² Там же. С. 256.

³ Ленин В. И. ПСС. Т. 11. С. 222.

⁴ Там же. Т. 36. С. 144.

⁵ Геллер М. С. «Первое предостережение» — удар хлыстом //

Вопросы философии. 1990, № 9. С. 39—40.

⁶ Там же. С. 154.

⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 50. С. 144—145.

⁸ Там же. С. 154.

⁹ Там же. С. 185—186.

¹⁰ Геллер М. С. Цит. пр. С. 41.

¹¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 53. С. 140—142.

¹² Цит. по: Геллер М. С. Цит. пр. С. 52.

¹³ Там же. С. 63.

¹⁴ Советская степь. 1929, 6 декабря.

¹⁵ Там же. 1929, 15 декабря.

¹⁶ Там же. 1929, 16 декабря.

¹⁷ Там же. 1930, 15 января.

¹⁸ Там же. 1930, 23 марта.

¹⁹ Там же. 1930, 27 марта.

²⁰ Там же. 1930, 23 марта.

Глава XIV

¹ Правда. 1989, 24 февраля.

² Турсунбаев А. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата, 1957. С. 155.

³ Там же. С. 303.

⁴ Казахстанская правда. 1989, 14—17 января.

⁵ См.: Голод в казахской степи. Алма-Ата, 1991. С. 143.

⁶ Там же.

⁷ Здесь и далее, что касается Сузакского восстания, см.: Ленинская смена. Алма-Ата. 1991, 27 февраля.

⁸ Знамя. 1989, № 1.

⁹ Советская степь. 1930, 8 июня.

Глава XV

- ¹ Советская степь. 1930, 7 июля.
- ² Там же. 1930, 23 августа.
- ³ Там же. 1930, 19 ноября.
- ⁴ Там же. 1930, 24—29 ноября.
- ⁵ Там же. 1930, 24 декабря.
- ⁶ Шестой пленум ЦКП(б) 1933. (Стенографический отчет). Алма-Ата, 1936. С. 145.
- ⁷ Казахстанская правда. 1991, 5 января.
- ⁸ Советская степь. 1931, 3 октября.
- ⁹ Там же. 1931, 1 сентября.
- ¹⁰ Там же. 1931, 30 сентября.
- ¹¹ Там же. 1931, 27 ноября.

Глава XVI

- ¹ Архив ЦК КП Казахстана. Ф. 141, оп. 1, д. 5233, л. 8—9.
- ² Там же. Ф. 141, оп. 1, д. 5233, л. 10.
- ³ Там же. Ф. 141, оп. 1, д. 5233, л. 7—7 об.
- ⁴ Знамя. 1989, № 2. С. 176.
- ⁵ Независимая газета. 1992, 16 апреля.
- ⁶ Заря. 1988, № 10.
- ⁷ Наш современник. 1989, № 11. С. 119.
- ⁸ Знамя. 1989, № 6. С. 47.
- ⁹ Там же. С. 75.

Глава XVII

- ¹ Кавказский казак. Белград, 1933. № 3. С. 6.
- ² Шульгин В. В. Дни, 1920. М., 1989, С. 71.
- ³ Казахстанская правда. 1989. 14—17 января.
- ⁴ Индустриальная Караганда. 1988, 8 мая.
- ⁵ Актюбинский вестник. 1992, 30 мая.
- ⁶ Родина. 1989. № 8. С. 35.
- ⁷ Дикой А. Евреи в России и СССР. С. 254—257.
- ⁸ Зауал. Алма-Ата, 1991. С. 93.

Глава XVIII

¹ Архив ЦК КП Қазахстана. Ф. 141, оп. 1, д. 5233, лл. 79—92.

² Цит. по: Голод в казахской степи. Алма-Ата, 1991. С. 140.

³ Архив ЦК КП Қазахстана. Ф. 141, оп. 17, д. 607, л. 1—14.

⁴ Цит. по: Родина. 1989, № 9. С. 50.

⁵ Здесь и далее см.: Шестой пленум Казкрайкома ВКП(б). (Статистический отчет). Алма-Ата, 1936.

⁶ Знамя. 1989. № 1. С. 205.

⁷ Вопросы истории КПСС. 1964. № 1.

⁸ Ленинская смена. 1988, 19 октября.

Михайлов Валерий

**М69 Хроника великого джуна: Докум. повесть. Изд. 2-е, перераб. и доп.— Алматы: Жалын, 1996.—400 с.
ISBN 5-610-01354-2**

Эта книга — первое крупное исследование истоков, причин и характера великой казахской трагедии, произошедшей в начале 30-х годов. Тогда под видом сплошной коллективизации большевики попытались осуществить этиоцид — уничтожение народа. «Важнейшее» мероприятие в ходе мировой революции, стоившее Казахстану миллиона с лишним жертв, провел соратник Ленина и Сталина, личный друг Свердлова, один из организаторов и исполнителей убийства царя Николая II Ф. И. Голощекин.

В книге, раскрывающей технологию большевистского этноцида, приводятся потрясающие свидетельства тех, кто уцелел в период массового голода.

Документальная повесть рассчитана на массового читателя.

ББК 84 Р 7-44

**М 4702010201—23
408(05)96 б/о — 96**

ISBN 5-610-01354-2

Валерий Федорович Михайлов
ХРОНИКА ВЕЛИКОГО ДЖУТА
Издание 2-е, переработанное и дополненное
Документальная повесть

Редактор Р. Соболева
Художник А. Тленшиев
Технический редактор Л. Самойлова

ИБ № 5009

Сдано в набор 27.10.93. Подписано в печать 18.12.95: Формат 84x108 1/32. Бумага тип. № 2. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. кр.-отт. 21,89. Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 22,75. Тираж 3000 экз. Заказ № 1156. Цена договорная.

Издательство «Жалын» Национального агентства по делам печати и массовой информации Республики Казахстан, 480124, г. Алматы, пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат Национального агентства по делам печати и массовой информации Республики Казахстан, 480002, Алматы, ул. Макатаева, 41.

Оглавление

Глава I.....	5
Глава II.....	12
Глава III.....	28
Глава IV.....	58
Глава V.....	85
Глава VI.....	100
Глава VII.....	121
Глава VIII.....	134
Глава IX.....	157
Глава X.....	176
Глава XI.....	204
Глава XII.....	221
Глава XIII.....	249
Глава XIV.....	281
Глава XV.....	296
Глава XVI.....	311
Глава XVII.....	341
Глава XVIII.....	357
Глава XIX.....	383
Глава XX.....	385